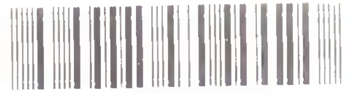
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

PATHOLOGICAL LABORATORY
MAUDSLEY HOSPITAL

ОТВѢТСТВЕННОСТЬ ПРИ ДУШЕВНЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ.

Responsibility in
Mental Disease

ОТВѢТСТВЕННОСТЬ
ПРИ
ДУШЕВНЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ

HENRY MAUDSLEY

Д-ра ГЕНРИ МАУДСЛИ,

ЧЛЕНА КОРОЛЕВСКАГО МЕДИЦИНСКАГО ОБЩЕСТВА, ПРОФЕССОРА СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ ВЪ ЛОНДОНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ И ПРОЧ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ДОПОЛНЕНІЯМИ

О. А. Чечотта

ВРАЧА ПРИ БОЛЬНИЦѢ СВ. НИКОЛАЯ (ДЛЯ ПОМѢШАННЫХЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ЗНАНІЕ“.
1875.

(97)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Вступленіе.

ГЛАВА II.

Пограничная область.

ГЛАВА IV.

Законодательство и душевныя болѣзни.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ IV.

ГЛАВА V.

Частное помѣшательство.

I. Чувственное помѣшательство.

Стр.

ГЛАВА VI.

Частное помѣшательство.

II. Частное умственное (или мыслительное) помѣшательство.

ГЛАВА VIII.

Старческое слабоуміе.

ГЛАВА IX.

Предотвращеніе помѣшательства.

ОТВѢТСТВЕННОСТЬ ПРИ ДУШЕВНЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ.

ГЛАВА I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Помѣшанные въ больницахъ: насколько они похожи и непохожи на здоровыхъ людей.— Ошибочныя мнѣнія въ публикѣ и законодательствѣ.—Чувство отвращенія къ помѣшательству.—Жестокое обращеніе съ помѣшанными: его источникъ. — Вліяніе теологическаго и метафизическаго направленія. — Душа, какъ функція мозга, и душевное разстройство, какъ результатъ разстройства мозга.—Вліяніе органовъ тѣла на душевныя отправленія — Необходимость физіологическаго метода и недостаточность психологическаго. — Развитіе нервной системы путемъ воспитанія и предѣлы вліянія послѣдняго.—Тираннія въ организаціи.—Вліяніе наслѣдственности.—Нравственная отвѣтственность.—Преступная природа.—Наслѣдственность преступленія.— Возникновеніе преступниковъ: недостатки ихъ физической и душевной организаціи и наклонность къ болѣзнямъ. — Граница между помѣшательствомъ и преступленіемъ.—Причины, теченіе и разновидности умственнаго и нравственнаго разстройства изучаются индуктивнымъ способомъ.

Несмотря на то, что въ послѣднее столѣтіе произошелъ большой переворотъ во взглядахъ на помѣшательство и въ способѣ обращенія съ помѣшанными, до сихъ поръ встрѣчаются люди, которые смотрятъ на приглашеніе посѣтить домъ помѣшанныхъ—какъ на приглашеніе побывать въ зоологическомъ саду, чтобы взглянуть на дикихъ звѣрей. Они, конечно, ожидаютъ увидѣть нѣчто совершенно не похожее на то, что видятъ ежедневно,

и вѣроятно уйдутъ не безъ нѣкотораго разочарованія. Подобно м-ру Бёрку они могутъ спросить: „да гдѣ-же наконецъ сумасшедшіе?“ Про этого великаго мыслителя, оратора и государственнаго человѣка разсказываютъ, что проходя разъ по заламъ большого дома помѣшанныхъ, онъ обратился къ своимъ спутникамъ съ замѣчаніемъ, что не видѣлъ еще ни одного человѣка, котораго бы могъ считать помѣшаннымъ. На это сопровождавшій его вызвалъ одного изъ больныхъ, особенно сильно заинтересовавшаго м-ра Бёрка своими остроумными политическими теоріями, и коснулся пункта его нелѣпыхъ идей. Больной тотчасъ же заговорилъ объ иглахъ дикобраза, которыя выростаютъ у него изъ тѣла послѣ ѣды, и понесъ ужасную чепуху. Бёркъ имѣлъ случай убѣдиться, что не всѣ сумасшедшіе похожи на картины Гогарта.

Дѣйствительно, они большею частью крайне непохожи на нихъ. Лишь немногіе изъ обитателей такихъ больницъ представляютъ рѣзкія особенности въ своей внѣшности, въ способѣ держать себя и разговаривать. Одни бросаются въ глаза наблюдателю угрюмымъ взглядомъ и равнодушнымъ своимъ видомъ, какъ будто ихъ ничто не интересуетъ ни на небѣ, ни на землѣ; другіе же не отличаются отъ здоровыхъ людей ни взглядомъ, ни словами, ни поступками. Болѣе этого случайный посѣтитель замѣтить не можетъ. Опытный наблюдатель увидитъ, конечно, больше, но и онъ не найдетъ здѣсь ни новаго міра, ни новыхъ существъ: онъ найдетъ человѣка измѣненнаго, но не преобразованнаго. Онъ встрѣтится здѣсь, по замѣчанію Эскироля, съ «тѣми же

самыми идеями, съ тѣми же заблужденіями, страстями и страданіями; это тотъ же міръ, но только всѣ черты здѣсь рѣзче, краски ярче, тѣни сильнѣе и дѣйствія поразительнѣе, потому что человѣкъ является тутъ во всей наготѣ, не скрывая своихъ помысловъ и недостатковъ, не прикрывая страстей прельщающимъ насъ покровомъ, и не маскируя пороковъ обманчивою внѣшностью».

Еслибы случайному или опытному наблюдателю довелось прожить нѣкоторое время въ домѣ помѣшанныхъ и познакомиться на дѣлѣ съ поступками, мыслями и чувствами его обитателей, онъ, конечно, увидалъ бы до какой степени ошибочно мнѣніе, столь обыкновенное въ обществѣ, будто помѣшанные настолько уклоняются отъ обыкновенныхъ людей и общаго человѣческаго типа, что на ихъ поступки или воздержаніе отъ нихъ перестаютъ дѣйствовать общечеловѣческіе мотивы. Когда помѣшанному приходится по обвиненію въ уголовномъ преступленіи сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ, судьи считаютъ обыкновенно несомнѣннымъ, что данный случай не подходитъ подъ умопомѣшательство и не освобождаетъ преступника отъ отвѣтственности, какъ помѣшаннаго, если только въ дѣло замѣшиваются обычные мотивы преступленія, напр. гнѣвъ, месть, ревность или какая нибудь другая страсть. Идеальному сумасшедшему, созданному закономъ, приписываются поступки или безъ всякихъ мотивовъ или съ такими, которые не могутъ придти на умъ здоровому человѣку. Поэтому если человѣкъ, очевидно помѣшанный для всѣхъ, руководствуется обычными побужденіями при совершеніи

преступленія, его считаютъ дѣйствовавшимъ сознательно и отвѣтственнымъ за поступокъ. Трудно сдѣлать бо́льшую ошибку. Главный успѣхъ новѣйшаго гуманнаго леченія душевныхъ болѣзней основанъ на признаніи слѣдующихъ двухъ принциповъ: во-первыхъ, что помѣшанный имѣетъ тѣ же страсти, какъ и здоровый, и съ одной стороны удерживается отъ дурныхъ поступковъ, а съ другой—побуждается къ хорошимъ тѣми же самыми мотивами, какъ и здоровый человѣкъ; во-вторыхъ, что эти мотивы дѣйствительны, однако, лишь въ извѣстныхъ границахъ, такъ какъ за ихъ предѣлами надежда на вознагражденіе уже не имѣетъ силы, а ожиданіе наказанія, вызываетъ лишь большее безуміе и неистовство. Искуснымъ сочетаніемъ обоихъ принциповъ на практикѣ удалось, наконецъ, изгнать изъ домовъ умалишенныхъ безпорядки и насиліе, которые царствовали здѣсь нѣкогда, и превратить ихъ почти повсемѣстно въ пріюты покоя и порядка. Оттого-то охотники до любопытныхъ зрѣлищъ, посѣщающіе эти дома, какъ звѣринецъ, и выходятъ оттуда разочарованными, не встрѣтивъ ничего необыкновеннаго.

Но несмотря на эти сходства, какъ сильно все-таки отличается помѣшанный отъ здороваго! Въ чемъ бы ни заключалась его болѣзнь, ясно, что она низводитъ человѣка съ его высокаго положенія, ясно, что больной становится чужимъ между людьми и теряетъ всѣ высшія принадлежности человѣка — все то, чѣмъ опредѣляется его мѣсто въ ряду животныхъ. Ученые могутъ спорить другъ съ другомъ о природѣ и границахъ разстройства, сколько имъ угодно,—проходящій мимо че-

ловѣкъ, хотя бы невѣжда, не можетъ его не замѣтить. Оно страшно поражаетъ его, потому что въ самой глубинѣ души человѣка таится инстинктивное чувство страха или даже отвращенія къ сумасшествію; наперекоръ себѣ онъ съ ужасомъ отступаетъ передъ этимъ изувѣченіемъ человѣчества. Несмотря на состраданіе къ помѣшаннымъ вообще и негодованіе противъ людей, дурно обращающихся съ ними, публика все-таки продолжаетъ смотрѣть на эту болѣзнь, какъ на несчастье особаго рода, иногда скрываетъ ее какъ позоръ, даже относится къ ней, какъ къ преступленію. Чувства, возбуждаемыя въ людяхъ этимъ страданіемъ, столь рѣзко отличающіяся отъ чувствъ, вызываемыхъ другими болѣзнями, сильно напоминаютъ отношенія животныхъ и нѣкоторыхъ изъ дикарей къ членамъ своей общины, въ случаѣ ихъ заболѣванія: вмѣсто того, чтобы замедлить ходъ и дать возможность слѣдовать за собой больному товарищу, они бросаютъ его на дорогѣ умирать одного, и, вмѣсто состраданія, безжалостно выбрасываютъ его изъ своей среды. Нѣтъ въ самомъ дѣлѣ ничего отвратительнѣе зрѣлища, когда иногда въ стадѣ здоровыя животныя преслѣдуютъ своего больнаго безпомощнаго товарища.

Къ счастію, моральное развитіе цивилизованнаго человѣка не допускаетъ обращаться такимъ образомъ съ людьми, заболѣвшими какой нибудь обыкновенной тѣлесной болѣзнью; страданіе вызываетъ, наоборотъ теплое участіе и желаніе помочь ему. Но далеко не такъ бываетъ, когда болѣзнь поражаетъ душевныя способности. Въ людяхъ таится смутный, но глубокій инстинктъ,

нашептывающій имъ, что эта болѣзнь совсѣмъ не то, что другія, что она отчуждаетъ человѣка отъ самого себя и его ближнихъ, дѣлая такимъ образомъ изъ „сумасшедшаго“ родъ упрека человѣческой природѣ. Въ этомъ-то и кроется затаенное чувство антипатіи въ родѣ того, которое проявляется у животныхъ по отношенію къ заболѣвшимъ товарищамъ. Въ сущности, на такое отношеніе можно смотрѣть какъ на любопытный примѣръ дѣйствія закона естественнаго подбора, въ силу котораго община инстинктивно изгоняетъ изъ своей среды членовъ, не способныхъ къ отправленію естественныхъ функцій. Подобно тому, какъ животныя и дикари, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, покидаютъ или изгоняютъ изъ своей среды членовъ, затрудняющихъ вслѣдствіе болѣзни передвиженіе, такъ до послѣдняго времени и цивилизованные народы удаляли съ глазъ въ мрачныя трущобы, откуда не доносились никакіе слухи, тѣхъ членовъ общины, которые, потерявъ разсудокъ, сдѣлались неспособными къ борьбѣ за существованіе и присутствіе которыхъ служило помѣхой и чувствовалось, какъ упрекъ или опасность *).

Глава человѣческой исторіи, въ которой описывается жестокое обращеніе съ помѣшанными въ прежнее время, принадлежитъ къ самымъ печальнымъ. Хотя, къ счастью человѣчества, она относится къ прошлому, но все таки поучительно опредѣлить, изъ какихъ источниковъ произошелъ этотъ варварскій обычай. Онъ не составлялъ

*) На слѣдующихъ четырехъ или пяти страницахъ повторено почти слово въ слово то, что было сказано мною въ главѣ „Сознаніе и организація“, во 2-мъ изданіи моего сочиненія „Тѣло и духъ“.

принадлежности всѣхъ народовъ и временъ и родился изъ невѣжества и суевѣрія темныхъ временъ христіанской Европы. Каково бы ни было воззрѣніе на помѣшательство у народовъ, предшествовавшихъ древней Греціи — мы имѣемъ доказательства, что Египтяне относились къ душевнымъ болѣзнямъ крайне разумно и гуманно—несомнѣнно, что у Грековъ существовали сравнительно здравые взгляды на помѣшательство, какъ на болѣзнь, которую слѣдуетъ лечить медицинскими и психическими средствами. Этому взгляду соотвѣтствовало и обращеніе съ больными. Правда, ихъ драматическіе поэты рисуютъ ужасныя картины помѣшанныхъ, преслѣдуемыхъ гнѣвомъ боговъ, но это только поэтическіе образы, которые не могутъ служить мѣриломъ положительныхъ свѣдѣній того времени. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣ эпохи исторіи, какъ и теперь, истинные мыслители стояли выше басенъ и суевѣрій толпы; настоящее мѣрило греческаго ума слѣдуетъ искать въ психологіи Платона, въ наукѣ Аристотеля и медицинскихъ теоріяхъ Гиппократа.

Этотъ знаменитый врачъ и философъ энергически ратуетъ противъ мнѣнія, что одно страданіе имѣетъ болѣе божественное происхожденіе чѣмъ другое. Замѣтивъ, что Скифы приписываютъ причину нѣкоторыхъ болѣзней богамъ, онъ высказываетъ затѣмъ свое собственное мнѣніе, что какъ эти, такъ и всѣ прочія болѣзни не имѣютъ божественнаго происхожденія, и что, поэтому, одна болѣзнь не можетъ быть болѣе божественной или болѣе человѣческой, чѣмъ другая; далѣе, что всякая болѣзнь имѣетъ присущую ей физическую при-

роду, внѣ которой происходить она не можетъ. Говоря о психическихъ симптомахъ различныхъ тѣлесныхъ страданій, онъ высказываетъ въ дѣлѣ медицинскаго наблюденія и практики такіе широкіе взгляды, какіе и теперь встрѣчаются не часто. Его немногія наблюденія надъ симптомами помѣшательства «выказываютъ тотъ ясный и правильный взглядъ на страданіе, который сдѣлалъ этого перваго наблюдателя образчикомъ для всѣхъ послѣдующихъ временъ». Онъ первый обратилъ вниманіе на физическую нечувствительность помѣшанныхъ, на появленіе душевныхъ болѣзней весной и послѣ продолжительнаго страха или печали; на связь между меланхоліей и эпилепсіей, на критическое значеніе гемороидальныхъ кровотеченій въ маніи, на трудность излѣченія умопомѣшательства, начинающагося въ возрастѣ за сорокъ лѣтъ и т. д. Такъ какъ его ученія были свободны отъ предразсудковъ, то и лѣченіе, бывшее чисто медицинскимъ, и состоявшее главнымъ образомъ изъ употребленія очистительныхъ средствъ въ родѣ чемерицы, не отзывалось варварствомъ.

Психическое лѣченіе тоже не было чуждо Грекамъ. Асклепіадъ, бывшій, повидимому, первымъ изобрѣтателемъ способа психическаго лѣченія, употреблялъ въ дѣло любовь, вино, музыку, занятія и всякія средства, для привлеченія вниманія и упражненія памяти. Онъ совѣтуетъ прибѣгать какъ можно меньше къ физическому насилію и связывать лишь самыхъ опасныхъ больныхъ. И такъ, не входя въ дальнѣйшія подробности, мы видимъ, что Греки имѣли ясное представленіе о помѣша-

тельствѣ, какъ о болѣзни, подлежащей соотвѣтственному медицинскому и психическому лѣченію.

Но какъ же могли быть позабыты такіе просвѣщенные взгляды на вещи? Вопросъ этотъ въ сущности составляетъ часть другого, болѣе обширнаго: какимъ образомъ высокая эстетическая культура и блестящее умственное развитіе греческой эры, которымъ слѣдовало бы быть вѣчнымъ достояніемъ человѣчества, могли затеряться въ тьмѣ и варварствѣ среднихъ вѣковъ? Я не имѣю намѣренія перечислять причины этого печальнаго факта; достаточно будетъ сказать, что философія, которая стояла въ древности такъ высоко, была временно задавлена невѣжествомъ и суевѣріемъ до такой степени, какъ будто она никогда не существовала прежде. Не много лучше стало и тогда, когда возродилась жажда знанія. Вниманіе людей поглощалось пустыми схоластическими тонкостями и метафизическимъ мистицизмомъ; ученые препирались о словахъ, не заботясь о значеніи употребляемыхъ терминовъ, въ слѣпомъ поклоненіи авторитету Аристотеля, но безъ пониманія истиннаго метода его философіи, и заключающихся въ ней фактовъ. Считая знаніе ничѣмъ инымъ, какъ процессомъ самаго мышленія, они и не дѣлали даже попытокъ наблюдать явленія природы и отыскивать управляющіе ею законы, но лишь усиленно „взывали къ собственному уму, какъ къ оракулу, для рѣшенія вопросовъ“. Черезъ это философія превратилась не болѣе какъ въ груду безсмысленныхъ терминовъ и пустыхъ метафизическихъ тонкостей.

Рука объ руку съ умственной дѣятельностью этого рода шелъ—какъ результатъ того направленія, которое породило монастырскую жизнь съ ея ученіями—суровый религіозный аскетизмъ, смотрѣвшій на тѣло, какъ на нѣчто низкое и презрѣнное, какъ на сосудъ дьявола, гнѣздилище плотскихъ вожделѣній, ратующихъ противъ духа, какъ на нѣчто, требовавшее непрерывнаго обуздыванія. Тѣло стало земной темницей духа, котораго чистыя, безсмертныя стремленія клонились лишь къ тому, чтобы освободиться изъ этихъ оковъ. Таково было ученіе объ отношеніи тѣла къ духу. Понятно, какова должна была быть теорія помѣшательства въ такой атмосферѣ мысли и чувства. Взглядъ на него, какъ на болѣзнь, былъ, очевидно, невозможенъ; оно разсматривалось какъ дѣйствіе сверхъестественныхъ силъ, божескихъ или дьявольскихъ, смотря по данному случаю, и заключалось въ одержаніи человѣка какою-нибудь внѣшней, высшей силой *). Если неистовство человѣка имѣло религіозный характеръ, и жизнь его посвящалась фанатическому выполненію наложенныхъ на себя обѣтовъ—его считали идеаломъ человѣческаго совершенства и признавали святымъ. Чаще состояніе помѣшаннаго признавалось

*) Самые образованные врачи низводили въ то время дьявола только на одну ступень ниже, „признавая въ тѣлѣ такія приготовительныя и предрасполагающія условія, вслѣдствіе порчи соковъ, которыя въ значительной степени облегчали работу дьявола; если порча устранялась лекарствами и питіями, нечистая сила изгонялась и теряла власть надъ тѣломъ.“

какъ случай одержанія дьяволомъ или нечистыми силами, или же выраженіемъ плѣненія души грѣхомъ. Такъ или иначе, человѣкъ считался справедливой жертвой божескаго гнѣва, низвергавшаго его съ высоты человѣческаго величія.

Естественнымъ послѣдствіемъ подобнаго взгляда на помѣшательство было такое обращеніе съ людьми, въ которыхъ предполагалось присутствіе нечистой силы, какъ будто оно должно было падать на самого бѣса, еслибы онъ попался въ руки. Если такого человѣка не казнили, какъ еретика или преступника, то его сажали въ тюрьму, гдѣ онъ въ цѣпяхъ лежалъ на соломѣ. Пищу бросали ему черезъ рѣшетку, изъ-за которой выглядывала солома; сюда приходили зѣваки смотрѣть на него ради потѣхи, какъ на дикаго звѣря. Его бичевали или терзали другимъ образомъ и вообще обращались съ нимъ хуже и небрежнѣе, чѣмъ съ дикимъ звѣремъ. Нѣтъ сомнѣнія, что множество помѣшанныхъ было казнено за колдовство или за общеніе, при помощи колдовства, съ сатаной. Поразительнымъ примѣромъ настроенія умовъ въ это время и послѣдовавшихъ съ тѣхъ поръ перемѣнъ служитъ тотъ фактъ, что слова въ родѣ чернокнижія, колдовства, бѣснованія, совершенно вышли изъ употребленія и даже потеряли всякій смыслъ. Всѣ они были фиктивными причинами, придуманными для объясненія фактовъ, изъ которыхъ многіе были несомнѣнно связаны съ помѣшательствомъ.

Человѣческая исторія представляетъ много примѣровъ того, что практика можетъ еще долго существовать послѣ того, какъ теорія, породившая ее, утратила свое значеніе. Неудивительно поэтому, что жестокое обращеніе съ помѣшанными пережило вѣру въ бѣснованіе, хотя все-таки удивительно, какъ могло оно держаться до настоящаго столѣтія. Объясненіе этой аномаліи нужно искать, по моему мнѣнію, въ томъ обстоятельствѣ, что метафизическое направленіе преобладало въ умахъ еще долго послѣ того, какъ индуктивная наука завоевала себѣ мѣсто въ разныхъ областяхъ познанія природы. При господствовавшихъ въ метафизикѣ воззрѣніяхъ на природу духа и на его отношеніе къ тѣлу считалось невозможнымъ изучать его при помощи физическаго изслѣдованія. Уже одно предположеніе, что въ самое сокровенное святилище природы можно проникнуть черезъ скромныя двери тѣлесныхъ отправленій, считалось бы непростительнымъ кичeніемъ плоти, исполненной всякой нечистоты, тлѣнной, земли, взятой отъ земли, грубымъ оскорбленіемъ нетлѣннаго духа. Всякій, кто бы осмѣлился предложить подобное ученіе, навѣрное былъ бы казненъ, какъ богохульникъ и еретикъ, несмотря на то, что его слѣдовало бы благословлять, какъ благодѣтеля человѣческаго рода. Едва ли между заблужденіями людей было хоть одно, болѣе пагубное по своимъ послѣдствіямъ. Во всякомъ же случаѣ можно съ увѣренностью сказать, что, по размѣрамъ причиненнаго зла, ни одно ложное ученіе

не можетъ соперничать съ такимъ воззрѣніемъ на отношеніе души къ тѣлу.

Метафизическое умозрѣніе относилось почти столь же враждебно къ вторженію физическаго изслѣдованія въ область духа. Когда философы этой школы, покончивъ побѣдоносно съ словопреніями, обратились къ наблюденію психическихъ явленій, методъ ихъ былъ крайне простъ: онъ представлялъ систему исключительнаго самосозерцанія, причемъ каждый смотрѣлъ внутрь самого себя и выдавалъ за философію то, что́ ему мерещилось. О внѣшнемъ наблюденіи духа въ его разнообразныхъ проявленіяхъ и о тѣлесныхъ условіяхъ духовной дѣятельности не было и помину. Заручившись подобнымъ знаніемъ, пріобрѣтеннымъ путемъ самонаблюденія, люди естественно руководствовались лишь собственнымъ опытомъ, когда прилагали эти знанія къ состояніямъ помѣшанныхъ. Чувствуя въ самихъ себѣ возможность сознавать добро и зло и силу воли дѣлать первое и противостоять второму, они никогда не сомнѣвались въ томъ, что и умалишенные обладаютъ такою же ясностью сознанія и такою же силой воли, другими словами, что эти больные могли бы, если бы только захотѣли, управлять своими безпорядочными мыслями и поступками. Заточеніе, цѣпь, бичъ и другія орудія наказанія были, сообразно съ этимъ, постоянно въ ходу, какъ средства укрощенія. Результатомъ же были такія формы помѣшательства, которыхъ уже нельзя видѣть теперь, «потому что онѣ являлись продуктомъ

не просто болѣзни, а болѣзни, усиленной жестокимъ обращеніемъ.» Благодаря воззрѣнію на помѣшательство, какъ на дьявольское навожденіе, и благодаря позднѣйшимъ ложнымъ взглядамъ на эту болѣзнь, господствовавшимъ въ метафизикѣ, варварское обращеніе съ душевно-больными прекратилось только на памяти живущихъ теперь людей. Какъ ни печально, но слѣдуетъ сказать, что въ дѣлѣ изученія природы помѣшательства и способовъ его лѣченія, человѣчество обязано метафизикѣ не просвѣщеніемъ, а наоборотъ, многими заблужденіями и безконечнымъ рядомъ страданій.

Только съ тѣхъ поръ какъ люди признали въ помѣшательствѣ болѣзнь, исцѣляемую или облегчаемую, подобно всѣмъ прочимъ болѣзнямъ, медицинскими и нравственными средствами; только съ тѣхъ поръ какъ они стали на точку зрѣнія древнихъ грековъ, начались усилія освободиться въ этой области отъ оковъ ложной и вредной метафизики. Но и теперь процессъ освобожденія еще не законченъ. Съ разныхъ сторонъ высказывается сильное желаніе и употребляются величайшія усилія выгородить изъ области физическаго изслѣдованія высшія проявленія духа, въ особенности такъ называемое нравственное чувство и волю. Старый метафизическій духъ до сихъ поръ даетъ судьямъ критерій для опредѣленія степени вмѣняемости помѣшанныхъ. Если существуетъ предположеніе, что помѣшанный сознаетъ преступность или незаконность своихъ дѣй-

ствій, то его считаютъ столь же отвѣтственнымъ передъ закономъ, какъ и здороваго человѣка. Выводы, къ которымъ приходятъ путемъ самонаблюденія при нормальныхъ условіяхъ, цѣликомъ переносятся на явленія разстроеннаго ума. Это все равно, какъ если бы торжественно опредѣлили, что неправильность и порывы судорожныхъ сокращеній соизмѣряются правильностью и способомъ возникновенія произвольныхъ движеній, и на этомъ основаніи наказывали бы, какъ преступника, больного, одержимаго такими судоргами, и хотя сознававшаго это, но перешедшаго за предѣлы установленной нормы. Несчастный страдалецъ и его защитникъ могли бы правда простодушно замѣтить на это, что уже самая природа судорогъ исключала возможность полнаго контроля со стороны воли, но созерцатель - метафизикъ отвѣтилъ бы имъ указаніемъ на непреложный опытъ, доказывающій, что человѣкъ имѣетъ власть надъ собственными движеніями; что судороги служатъ для всего свѣта признакомъ слабости воли вслѣдствіе недостатка упражненія и что, поэтому, судороги по справедливости заслуживаютъ наказанія, какъ преступленіе. Это патологическое сравненіе научно вѣрно, и справедливость его очень часто подкрѣплялась поразительными примѣрами признанія вмѣняемости преступленій. Въ самомъ дѣлѣ, сообразно съ такимъ взглядомъ, много людей, несомнѣнно помѣшанныхъ, совершившихъ убійства, не потому что они *не хотѣли*, а потому что *не могли* управлять собой, были и время отъ времени продолжаютъ быть казнимы, какъ простые преступники. Какъ ни жестокимъ и преувеличеннымъ кажется такое предпо-

ложеніе, но я убѣжденъ, что ни у насъ, ни въ любой цивилизованной странѣ не найдется врача, спеціально знакомаго съ душевными болѣзнями, который поколебался бы подтвердить мои слова.

Въ настоящее время никто изъ психіатровъ не сомнѣвается въ томъ, что онъ имѣетъ дѣло съ нарушенными отправленіями тѣлеснаго органа—мозга. Каковы бы ни были воззрѣнія на сущность душевныхъ отправленій и ихъ независимость отъ матеріи, всѣ признаютъ теперь, что проявляться они могутъ только черезъ посредство нервной системы, и что проявленія эти зависятъ отъ состоянія соотвѣтственныхъ нервныхъ аппаратовъ. Если послѣдніе здоровы, то нормальны и проявленія души, и наоборотъ. Въ сущности, помѣшательство есть разстройство мозга, обусловливающее разстройство душевныхъ способностей; или, говоря опредѣлительнѣе, помѣшательство есть разстройство мозговыхъ нервныхъ центровъ, — спеціальныхъ органовъ души—, производящее разстройства мысли, чувства и поступковъ всѣхъ вмѣстѣ или нѣкоторыхъ въ отдѣльности, притомъ въ такой степени, или такимъ образомъ, что человѣкъ становится неспособнымъ къ правильнымъ отношеніямъ въ жизни *).

Мнѣніе, что помѣшательство представляетъ болѣзнь такъ называемой нематеріальной части нашего существа, можно считать окончательно разрушеннымъ. До-

*) Физіологически душу можно опредѣлить, какъ общность тѣхъ мозговыхъ дѣятельностей, которыя проявляются въ мышленіи, чувствѣ и волѣ. Душевное разстройство будетъ разстройствомъ этихъ дѣятельностей.

воды, приводившіеся въ пользу его — во первыхъ, что помѣшательство проистекаетъ иногда изъ нравственныхъ причинъ и во вторыхъ, что оно излечивается иногда нравственными средствами — вполнѣ совмѣстимы съ теоріей матеріальнаго разстройства, тогда какъ аргументы въ пользу матеріалистической теоріи совершенно несовмѣстимы съ спиритуалистической гипотезой, имѣющей, кромѣ того, тотъ недостатокъ, что она не доступна разумному человѣческому пониманію.

Противъ аргумента, что умопомѣшательство обусловливается иногда нравственными причинами—аргумента, съ которымъ нельзя не согласиться—достаточно будетъ слѣдующихъ возраженій. Во первыхъ, продолжительное или чрезмѣрное возбужденіе любого органа весьма часто производитъ, какъ всякому извѣстно, заболѣваніе этого органа; слѣдовательно, въ этомъ отношеніи мозгъ подчиняется лишь общему закону всего организма. Во вторыхъ, извѣстно изъ опыта, что дѣйствіемъ чисто физическихъ вліяній можно произвесть душевныя разстройства, совершенно сходныя съ тѣми, которыя обусловливаются нравственными причинами. У насъ въ рукахъ много фактовъ, дающихъ намъ право признать за обобщеніе индуктивной науки о душѣ то обстоятельство, что путемъ опыта и при посредствѣ дѣятелей, водоизмѣняющихъ молекулярное строеніе тѣхъ частей нервной системы, которыя служатъ орудіемъ сознательности, можно измѣнить самый характеръ сознанія. Возьмемъ для примѣра случай, гдѣ при посредствѣ опіума или гашиша мы измѣняемъ поразитель-

нымъ образомъ представленія человѣка о пространствѣ, времени и другихъ отношеніяхъ. Что же касается второго аргумента, относительно нематеріальности природы душевнаго разстройства, аргумента, опирающагося на явно-цѣлительное дѣйствіе моральнаго лѣченія, то легко замѣтить, что послѣднее дѣйствуетъ благотворно въ помѣшательствѣ лишь тѣмъ, что даетъ покой органамъ, всего болѣе нуждающимся въ немъ, и, наоборотъ, возбуждаетъ къ дѣятельности тѣ изъ нихъ, которымъ всего болѣе нужна дѣятельность; дает ъпокой болѣзненнымъ мыслямъ и чувствамъ и призываетъ къ дѣятельности здоровыя мысли, чувства и волю.

Задача врача при лѣченіи душевныхъ болѣзней состоитъ въ изысканіи средствъ, которыя бы дѣйствовали прямо или косвенно на разстроенные элементы нервной системы. Стремясь къ этому, онъ однако скоро узнаетъ, съ какимъ громаднымъ количествомъ органовъ и дѣятельностей ему приходится имѣть дѣло. Опредѣленіе души, какъ функціи мозга, можетъ вести ко многимъ недоразумѣніямъ, если подъ этимъ понимать, что душевная дѣятельность есть продуктъ одного только мозга. Въ тѣлѣ нѣтъ органа, который бы не былъ связанъ съ мозгомъ нервными путями, не сообщался бы съ нимъ посредствомъ связывающихъ волоконъ и не вліялъ бы, поэтому, болѣе или менѣе ясно и опредѣленно на мозгъ, какъ органъ души. Кромѣ общеизвѣстныхъ фактовъ, что сердцебіеніе возбуждаетъ тоску и безпокойство, а разстроенная печень угрюмое настроеніе духа, есть основаніе думать, что всякій органъ

вліяетъ особеннымъ образомъ па состояніе и дѣятельность души. Вліяніе это не подлежитъ однако научному анализу, потому что оно падаетъ на ту безсознательную сторону душевной жизни, которою опредѣляется все, что́ мы сознательно чувствуемъ и думаемъ. Еслибы перенести сердце изъ одного человѣка въ другого, это не произвело бы, вѣроятно, измѣненія въ кровообращеніи послѣдняго, но могло бы произвести явное измѣненіе въ его темпераментѣ. Физіологическое сочувствіе отдѣльныхъ частей въ общей экономіи тѣла такъ велико, что при изученіи души съ физіологической точки зрѣнія, на нее слѣдуетъ смотрѣть какъ на функцію цѣлаго организма, обнимающую собою жизнь всего тѣла.

Однимъ изъ результатовъ изученія болѣзненныхъ душевныхъ состояній было сознаніе важности вліянія различныхъ органовъ на состояніе и дѣятельность души. Примѣры патологическаго извращенія этой дѣятельности дали въ самомъ дѣлѣ факты, которыхъ нельзя получить путемъ наблюденія покойнаго и правильнаго теченія явленій въ здоровомъ организмѣ. Поэтому, мы можемъ сказать съ полной увѣренностью, что хотя душа можетъ быть изучаема психологическимъ методомъ самонаблюденія, но одного этого способа недостаточно. Какъ въ прошломъ, такъ и въ будущемъ, изъ такого исключительнаго и недостаточнаго метода можетъ вытекать лишь заблужденіе, противорѣчіе и путаница понятій. Результатомъ теологическихъ и метафизическихъ воззрѣній на духъ и изолированія его отъ прочихъ областей изслѣдованія было то, что

явленія помѣшательства, до самого послѣдняго времени, настолько же были въ пренебреженіи у философовъ, насколько помѣшанные были въ пренебреженіе у тѣхъ, на которыхъ лежала забота о нихъ. Метафизики, повидимому, никогда не догадывались, что эти явленія могли служить матеріаломъ къ философскому изученію души; иначе они, конечно, замѣтили бы, что ихъ исключительный методъ изслѣдованія совершенно не пригоденъ для наблюденія этихъ явленій; и лишь въ новѣйшее время, съ тѣхъ поръ какъ выяснилась природа помѣшательства, и помѣшанныхъ стали лѣчить, какъ обыкновенныхъ больныхъ, начались систематическія попытки употребить въ дѣло этотъ драгоцѣнный матеріалъ для созиданія индуктивной науки о душѣ. Теперь уже слѣдуетъ признать непоколебимой истиной, что физіологическій методъ существенно необходимъ для научнаго изученія духа, для дѣйствительнаго знакомства съ его разстройствами и для успѣшнаго лѣченія послѣднихъ.

Сказаннаго достаточно, чтобы очистить почву и опредѣлить ту точку зрѣнія, на которую я хочу стать. Но мнѣ все таки нужно выяснить еще одинъ пунктъ, прежде чѣмъ я перейду къ спеціальному изложенію фактовъ, составляющихъ цѣль этой книги. Человѣкъ не родится, какъ нѣкоторыя изъ животныхъ, съ готовою способностью приводить въ дѣйствія всѣ свои душевныя способности; для развитія ихъ ему нужно, наоборотъ, долгое и старательное воспитаніе; и насколько послѣднее дѣйствуетъ физически, эффектъ его заключается въ постепенномъ развитіи нервныхъ центровъ,

подчиненныхъ душѣ со всѣми ея проявленіями. Человѣку нужно долго упражняться, прежде чѣмъ онъ выучится ходить и говорить; умѣнье же правильно думать— вещь до такой степени трудная, что многіе до конца жизни своей не въ состояніи усвоить себѣ этого искусства. Если внѣшнее насиліе или болѣзнь разрушили ту часть мозга, которая служитъ органомъ выраженія мыслей посредствомъ рѣчи, какъ это бываетъ, напр., при такъ называемой афазіи, больной долженъ вновь учиться своему собственному языку; и онъ учится совсѣмъ какъ маленькій ребенокъ, или взрослый человѣкъ, изучающій иностранный языкъ, потому что взамѣнъ разстроенной части мозга, не способной къ дальнѣйшей дѣятельности, ему нужно воспитать новую. Такъ какъ воспитаніе оказывается столь сильнымъ факторомъ въ дѣлѣ человѣческаго развитія, то понятно, что способъ обращенія съ человѣкомъ долженъ сильно вліять на развитіе его ума и образованіе характера. Что́ изъ него будетъ и что́ онъ станетъ дѣлать, въ значительной мѣрѣ опредѣляется тѣмъ, что́ было сдѣлано для упражненія его естественныхъ способностей. Но какъ ни велика сила воспитанія, она все таки имѣетъ границы, опредѣляемыя индивидуальными способностями данной природы, и можетъ дѣйствовать только въ этихъ болѣе или менѣе широкихъ предѣлахъ. Никакимъ воспитаніемъ нельзя заставить терніе производить виноградъ или волчецъ—смоковницу. Также ни одинъ смертный не можетъ выйти за предѣлы своей природы; на дурномъ естественномъ фундаментѣ нельзя возвести прочнаго зданія ума и характера. Воспитаніе можетъ дѣйствовать только въ

условіяхъ, данныхъ видовыми особенностями, или въ условіяхъ индивидуальной организаціи. Въ первомъ отношеніи воспитаніе можетъ развивать лишь то, что дано организаціей нервной системы и связаннымъ съ ней тѣлеснымъ устройствомъ; оно не можетъ напримѣръ выучить человѣка летать какъ птица, видѣть какъ орелъ, или бѣгать какъ антилопа. Во второмъ же отношеніи оно только вызываетъ къ жизни возможности индивидуальной природы. Нельзя изъ каждаго новорожденнаго сдѣлать Сократа или Шекспира.

Когда астрологъ изъ восхожденія звѣзды при рожденіи ребенка старался угадать его судьбу, въ этомъ было признаніе факта, но не самый фактъ, о которомъ онъ мечталъ. Онъ сознавалъ, что въ жизни человѣка играетъ роль судьба, но отъ него ускользнуло, что судьба эта дается ему наслѣдствомъ. Ни химическое, ни микроскопическое изслѣдованія, и ни одинъ научный пріемъ, не позволяютъ намъ отличить яйцо человѣка отъ яйца четвероногаго; а между тѣмъ несомнѣнно, что первое унаслѣдовало нѣчто, заставляющее его, при благопріятныхъ условіяхъ, развиться въ человѣческую форму, и что второе въ свою очередь получило задатки къ развитію въ четвероногое.

Но всякое человѣческое яицоноситъ въ себѣ судьбу не только своего вида, но и отдѣльной личности. Всѣ люди похожи другъ на друга; но всякій въ отдѣльности отличается тѣмъ или другимъ не только отъ всѣхъ людей, существующихъ теперь, но можно сказать и отъ всѣхъ когда либо существовавшихъ и имѣющихъ существовать впереди. И это отличіе дается не

воспитаніемъ или условіями жизни, но коренными различіями природы, которыхъ не можетъ вырвать ни воспитаніе, ни условія жизни. Поставьте двухъ людей съ самаго рожденія въ одинаковую обстановку и дайте имъ совершенно одинаковое воспитаніе; они не сдѣлаются черезъ это тождественными по складу ума и характера, все равно какъ не сдѣлаются похожими по чертамъ лица. Каждый изъ нихъ подчиненъ естественному закону развитія того прошлаго, котораго онъ является послѣдствіемъ. Дубъ не можетъ стать вязомъ, если сѣмена ихъ посажены рядомъ, если грѣетъ ихъ одно солнце и орошаетъ одинъ и тотъ же дождь. Каждый проявитъ особенности, которыя дѣйствіемъ естественнаго подбора, преобразятся, въ концѣ-концовъ, въ ясныя видовыя различія. Судьба людей создается ихъ предками и никто, какъ бы онъ ни былъ силенъ, не можетъ избѣжать тираніи надъ своей организаціей.

Сила наслѣдственныхъ вліяній въ дѣлѣ опредѣленія характера личности во всѣ времена признавалась въ большей или меньшей степени, такъ что констатированіе этого факта можетъ, пожалуй, показаться труизмомъ. Соломонъ ставитъ въ особенную заслугу добродѣтельному человѣку то, что онъ оставляетъ хорошее наслѣдство дѣтямъ своихъ дѣтей. Съ другой стороны, было извѣстно, что грѣхи отца падаютъ на дѣтей до третьяго и четвертаго рода. Я, конечно, не хочу сказать, что грѣхи отца проявляются на дѣтяхъ въ той же самой, или вообще какой-нибудь сходной формѣ; во второмъ поколѣніи они могутъ видоизмѣниться, или даже принять скрытое состояніе и обна-

ружиться лишь въ третьемъ или четвертомъ. Но, во всякомъ случаѣ, они плывутъ съ теченіемъ рода, то показываясь на поверхности, то погружаясь на дно, пока не уравновѣсятся благотворнымъ вліяніемъ разумныхъ браковъ, или пока, наконецъ, патологическое развитіе зародышей не поведетъ за собой совершеннаго упадка и вымиранія рода.

У Израильтянъ существовала поговорка, что „отцы ѣдятъ терпкое, а у дѣтей на зубахъ оскомина". Не удивительно поэтому, что тѣ, отцы которыхъ побивали камнями пророковъ, отвергли Посланнаго къ нимъ—„вы дѣти тѣхъ, которыя побивали своихъ пророковъ каменьями." Учрежденіе кастъ у Индусовъ имѣло, повидимому, основаніемъ признаніе наслѣдственности, какъ фактора въ человѣческомъ развитіи. Страшный, неумолимый рокъ, играющій столь важную роль въ греческой трагедіи, противъ котораго столь мужественно боролись греческіе герои, хотя напередъ знали, что неизбѣжно обрѣчены ему на жертву, представлялъ въ нѣкоторомъ смыслѣ олицетвореніе глубокаго сознанія неизбѣжной зависимости между настоящимъ человѣка и прошлымъ его предковъ. „Радуйся не только тому," говоритъ авторъ Religio Medici,—„что ты родился въ Аѳинахъ, но, воздѣвая руки къ небу, особенно благодари небеса за то, что ты родился отъ честныхъ родителей; что скромность, смиреніе и правдивость были заключены въ одномъ и томъ же яйцѣ и появились на свѣтъ вмѣстѣ съ тобою. При такихъ задаткахъ ты можешь быть счастливъ въ твоемъ раннемъ добродѣтельномъ развитіи и долго идти по стезѣ добродѣтели, чувствовать ненавистность по-

рока въ мірѣ и противоставлять ему противоядіе твоего характера". Если обратить вниманіе, сколько труда и заботъ тратитъ человѣкъ на усовершенствованіе, путемъ подбора, лошадей, коровъ и собакъ, невольно удивляешься, какъ мало заботится онъ о процвѣтаніи своего собственнаго рода. Замѣчая на каждомъ шагу на животныхъ, что хорошія и дурныя свойства передаются по наслѣдству, онъ какъ будто думаетъ, что къ человѣку неприложимы тѣ же самые законы;—точно люди могутъ воспитаться случайно; точно судьба всякаго преступника и помѣшаннаго опредѣляется не дѣйствіемъ естественныхъ законовъ, а частнымъ нарушеніемъ ихъ какой то высшей волей, лежащей за предѣлами человѣческаго пониманія. Когда же додумается человѣкъ до того, что онъ стоитъ во главѣ творенія только въ силу дѣйствія естественныхъ законовъ? Когда додумается онъ, наконецъ, до того, что только изученіемъ этихъ законовъ и сознательнымъ сообразованіемъ съ ними онъ можетъ сдѣлаться сознательнымъ участникомъ въ созиданіи собственной судьбы?

Хотя вліяніе наслѣдственности на характеръ отдѣльныхъ лицъ признается всѣми людьми, но важное значеніе ея въ дѣлѣ нравственной отвѣтственности не было еще предметомъ той серьёзной разработки, которую вопросъ этотъ заслуживаетъ. Законы основаны на предположеніи, что всѣ люди, достигшіе извѣстнаго возраста, произвольно признаваемаго за возрастъ полнаго разума, и не лишенные разсудка, заключаютъ въ себѣ возможность знать законы и подчиняться имъ. Поэтому, въ случаяхъ нарушенія закона, наказаніе на-

значается всегда соотвѣтственно свойству преступленія, но никакъ не соотвѣтственно степени дѣйствительной нравственной отвѣтственности преступника. Законодатель ничего не можетъ знать объ индивидуальной личности, онъ по необходимости долженъ принять какую-нибудь общую мѣрку умственнаго развитія для способности отличать добро отъ зла, и такую же мѣрку для нравственной силы въ дѣлѣ сопротивленія незаконнымъ побужденіямъ. Исключеніе составляютъ лишь малолѣтнія дѣти и помѣшанные.

Не можетъ быть и рѣчи о томъ, что такое положеніе законодателя не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, потому что въ самомъ дѣлѣ есть много людей, которые, не будучи безумными или помѣшанными въ строгомъ смыслѣ слова, стоятъ ниже общаго уровня со стороны нравственной отвѣтственности. Они, правда, слушали тѣ же самыя поученія, какъ и остальные люди и имѣютъ теоретическое представленіе о нихъ, но не усвоили себѣ этихъ правилъ; послѣднія не пустили въ ихъ душѣ такихъ корней, какъ въ здоровой и хорошо-организованной природѣ. Послѣ сказаннаго понятно, что индивидуальная природа способна усвоивать, или ассимилировать себѣ, лишь тѣ элементы, которые могутъ благопріятствовать ея своеобразному развитію, и она будетъ находить свой матеріалъ въ силу естественнаго сродства въ условіяхъ своей жизни. До послѣдней главы своей жизни человѣкъ остается вѣрнымъ себѣ въ чувствахъ, мысляхъ и поступкахъ. Дурной дуренъ не въ силу сознательнаго предпочтенія выгодъ, доставляемыхъ зломъ, которыя въ сущности призрачны,

и не въ силу наслажденій, доставляемыхъ зломъ, которыя оказываются всегда ловушкой, но въ силу наклонностей его природы, превращающихъ для него зло въ добро, а добро въ зло. То обстоятельство, что люди предпочитаютъ удовлетвореніе мимолетной прихоти, напереворъ риску или даже увѣренности въ предстоящемъ наказаніи и страданіяхъ, часто указываетъ не только на естественную наклонность ко злу, но и на недостаточность разумѣнія и слабость воли. Самые опытные и здравомыслящіе надсмотрщики тюремъ рано или поздно приходятъ къ убѣжденію въ безнадежности всякихъ мѣръ для перевоспитанія обыкновенныхъ преступниковъ. „Печальная дѣйствительность, которую я наблюдалъ“,—говоритъ м-ръ Честертонъ,—„заставляетъ меня высказать, что по крайней мѣрѣ девять десятыхъ обыкновенныхъ воровъ не имѣютъ ни желанія, ни намѣренія отказаться отъ своего преступнаго образа жизни. Они любятъ пороки, въ которыхъ воспитались... „Боже! какъ я люблю воровать; имѣй я тысячи, я все таки былъ бы воромъ!“ Вотъ восклицаніе, которое мнѣ пришлось разъ слышать отъ одного мальчика“ *).

Уже Платонъ думалъ, что дурной человѣкъ обязанъ своими наклонностями организаціи и воспитанію, и что, поэтому, винить за нихъ можно только родителей и воспитателей. Другіе знаменитые философы, и между ними Гиппократъ, утверждали, что нѣтъ преступленія, которое бы не было плодомъ безумія. „Ни одинъ че-

*) Revelations of prison life by *G. L. Chesterton.*

ловѣкъ не грѣшитъ, если не одержимъ до нѣкоторой степени; это хорошая богословская теорія", говоритъ ученый Кэзобонъ *). Защищать такое ученіе въ наше время считается опаснымъ для общества, потому что оно снимаетъ съ дурного человѣка благотворный страхъ отвѣтственности за дурныя дѣла; страхъ, который въ свою очередь способствуетъ удаленію человѣка отъ зла и привлеченію его на путь добра и закона. А между тѣмъ, если сколько нибудь вдуматься въ этотъ вопросъ, то оказывается, что, въ концѣ концовъ, результаты одни и тѣ же, будетъ ли преступникъ осужденъ съ гнѣвомъ и заключенъ въ тюрьму, или подвергнется не гнѣвному, но столь же жестокому приговору, который осудитъ его на заключеніе въ домѣ помѣшанныхъ. Такая перемѣна не привела бы, вѣроятно, ни къ уменьшенію, ни къ увеличенію числа преступленій въ теченіи года.

Можно однако возразить, что если смотрѣть на преступленіе, какъ на плодъ помѣшательства, то было бы нелѣпо наказывать преступника какимъ бы то ни было образомъ; о немъ, очевидно, слѣдовало бы сожалѣть и окружить его нѣжными заботами. Но развѣ, въ сущности, мы не наказываемъ помѣшательство, хотя вовсе не имѣемъ этого въ виду? — Всѣ мѣры, принимаемыя для ухода за умалишенными и для обезпеченія отъ нихъ другихъ, отзываются наказаніемъ. Это своего рода наказаніе, или, покрайней мѣрѣ, почти всѣ приз-

---

*) A Treatise concerning Enthusiasme, as it is an Effect of Nature; but is mistaken by many for either Divine Inspiration or Diabolical Possession. By *Meric Casaubon, D. D.*

наютъ жестокимъ лишеніемъ, когда отнимаемъ у нихъ свободу, помѣщая ихъ въ дома помѣшанныхъ, и подчиняемъ строгимъ правиламъ такихъ заведеній, Кромѣ того, безъ всякаго сомнѣнія, лучшимъ лѣченіемъ для помѣшаннаго, способнаго работать, былъ бы посильный трудъ; и нельзя сомнѣваться, что выздоровленія въ нашихъ больницахъ были бы несравненно чаще, если бы больныхъ систематически заставляли работать. Быть можетъ, есть нѣкоторая доля правды въ томъ, что прежнее суровое и жестокое обращеніе съ помѣшанными могло привести нѣкоторыхъ больныхъ къ сознанію; подъ вліяніемъ же современной снисходительной системы недостаетъ стимуловъ для возбужденія въ умѣ достаточной энергіи въ смыслѣ усилія надъ собой, составляющаго часто начало выздоровленія. Равнымъ образомъ, хотя слѣдуетъ жалѣть преступника, но во всякомъ случаѣ необходимо лишить его возможности наносить вредъ другимъ; общество имѣетъ, очевидно, право требовать этого. О преступникѣ, конечно, можно нѣжно заботиться, но величайшимъ благодѣяніемъ для него и для другихъ было бы все-таки подчиненіе его такому порядку жизни, который могъ бы привести его, если только возможно, къ здравому состоянію ума, даже если бы для этого потребовалась самая тяжелая работа, которую онъ только въ силахъ вынести. Если мы считаемъ нашу тюремную систему самой лучшею, которую можно придумать для предупрежденія преступленія и исправленія преступника, мы можемъ успо-

коиться на мысли, что это въ то же время и самая лучшая система для лѣченія того рода помѣшательства, которымъ страдаютъ преступники. Никакія соображенія о вредныхъ будто бы послѣдствіяхъ для общества не должны мѣшать намъ смотрѣть на преступниковъ, какъ на несчастныхъ жертвъ порочной организаціи и дурного воспитанія. Однако все, что̀ мы можемъ сдѣлать въ наше время—это отказаться отъ гнѣвнаго чувства возмедія, а также отъ всѣхъ карательныхъ мѣръ, внушаемыхъ этимъ чувствомъ.

Лишь сравнительно недавно стали обращать вниманіе на способъ возникновенія преступниковъ. Съ ними повторилось то же, что̀ было нѣкогда съ помѣшанными: сказать первымъ, что они преступны. сказать вторымъ, что они помѣшаны, освобождало отъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій и разбирательствъ. Между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что помѣшанные и преступники точно такія же искусственныя произведенія, какъ и паровыя машины или аппараты для набивки ситцевъ—только процессы органическаго производства такъ сложны, что мы не въ силахъ услѣдить за ними. Это не случайности и не аномаліи въ мірѣ, но законныя явленія, громко заявляющія собою принципъ каузальности. Задача науки открыть причины и законы этихъ явленій. Нѣтъ ничего случайнаго и сверхъестественнаго во влеченіи дѣлать добро или дѣлать зло; то и другое дается намъ или наслѣдствомъ, или воспи-

таніемъ. Наука не можетъ остановиться на объясненіи, что помѣшательство есть одержаніе бѣсами.

Тѣхъ немногихъ и несовершенныхъ изслѣдованій личной и семейной хроники преступниковъ, которыя были до сихъ поръ сдѣланы, уже достаточно, чтобы навести на серьёзныя размышленія. Одинъ фактъ, положительно выясненный этими изслѣдованіями, состоитъ въ томъ, что преступленіе весьма часто наслѣдственно; что подобно тому, какъ человѣкъ можетъ унаслѣдовать физическія особенности и черты своихъ родителей, онъ можетъ также унаслѣдовать отпечатокъ ихъ дурныхъ страстей и наклонностей: истинный воръ и истинный поэтъ въ самомъ дѣлѣ родятся, а не дѣлаются. Мы были вправѣ ожидать такихъ результатовъ на основаніи наблюденія надъ вліяніемъ наслѣдственности вообще; и хотя нѣкоторые метафизики, склонные подводить все подъ свои воззрѣнія, могутъ возмущаться такимъ ученіемъ о наслѣдственности *безнравственнаго* чувства, вмѣсто *нравственнаго;* тѣмъ не менѣе они должны будутъ, въ концѣ-концовъ, признать и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, невозможность бороться противъ фактовъ. Въ добавокъ ко всѣмъ ихъ несчастіямъ многіе преступники не только зачаты, рождены и воспитаны во грѣхѣ, но, кромѣ того, обучаются ему съ раннихъ лѣтъ; и потому ихъ первоначальные преступные инстинкты пріобрѣтаютъ такую власть, что никакія послѣдующія усилія обращенія на путь истинный не могутъ имѣть успѣха.

Всѣ люди, занимавшіеся спеціально изученіемъ преступниковъ, признаютъ особенный классъ преступныхъ существъ, которыя держатся вмѣстѣ въ воровскихъ кварталахъ нашихъ большихъ городовъ и предаются пьянству и разврату, не обращая ни малѣйшаго вниманія на брачные узы или преграды родства, и распложая преступное населеніе выродковъ. Наблюденія показываютъ въ самомъ дѣлѣ, что этотъ преступный классъ образуетъ особую выродившуюся и большую разновидность человѣческаго рода, которая отличается особеннымъ упадкомъ физическихъ и нравственныхъ качествъ. Эти существа представляютъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, породу столь же отличную отъ честныхъ и нормально-воспитанныхъ людей, какъ черноголовыя овцы между другими овцами; на этомъ основаніи опытный сыщикъ или тюремный смотритель тотчасъ же высмотритъ ихъ въ разнохарактерной толпѣ въ церкви или на рынкѣ *) Ихъ родственное сходство сразу выдаетъ ихъ, какъ людей, „отмѣченныхъ рукой природы, призванныхъ и назначенныхъ для совершенія постыднаго дѣла". Они золотушны, часто неправильно сложены, имѣютъ некрасивыя, угловатыя головы, вообще тупы, угрюмы, лѣнивы, апатичны и подвержены нерѣдко падучей болѣзни. Вообще, это люди съ низкимъ и слабымъ умомъ, хотя они и чрезвычайно хитры; нѣкоторые же положи-

*) The Hereditary Nature of Crime. By *J. B. Thomson*. Journal of Mental Science, vol. XV, p. 487.

тельно съ ограниченными умственными способностями и слабоумны *). Женщины очень некрасивы и лишены всякой граціи и выразительности въ движеніяхъ. Дѣти, превратившіяся въ малолѣтнихъ преступниковъ, не обладаютъ способностями дѣтей обыкновеннаго рабочаго сословія; они страдаютъ отсутствіемъ вниманія и прилежанія, дурной памятью и дѣлаютъ при обученіи слабые успѣхи. Многіе изъ нихъ слабосильны и слабоумны, а нѣкоторые настоящіе идіоты. М-ръ Брюсъ Томсонъ, наблюдавшій, въ качествѣ доктора главной тюрьмы въ Шотландіи, тысячи заключенныхъ, говоритъ, что онъ не встрѣчалъ ни одного, у котораго былъ бы эстетическій талантъ; онъ никогда не видалъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ нарисовалъ перомъ сносную картинку, сочинилъ порядочное стихотвореніе или сдѣлалъ остроумное изобрѣтеніе **). Обыкновенные преступники, по его словамъ, совершенно лишены нравственнаго чувства, представляютъ собою полныхъ нравственныхъ идіотовъ. Ихъ нравственная тупость такова, что въ присут-

---

*) Нищенствующіе воры извѣстны тюремному персоналу, какъ классъ слабоумныхъ людей, шатающихся по странѣ, слоняющихся изъ дома въ домъ, прося милостыню или воруя, смотря по обстоятельствамъ. Ими-то и совершаются обыкновенно поджоги, насилія и другія преступленія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ графствѣ Кумберлэндѣ пришлось возобновить обычай сажать этихъ людей въ тюрьму, лишь только они показывались. Прямымъ послѣдствіемъ было значительное увеличеніе числа поступающихъ въ домъ помѣшанныхъ графства, куда они были переведены изъ тюрьмы въ качествѣ слабоумныхъ или помѣшанныхъ.

**) Въ этомъ онъ, однако, отличается отъ другихъ тюремныхъ чиновниковъ, которые не замѣчали подобныхъ недостатковъ.

ствіи искушенія они теряютъ всякую власть надъ собой. Изъ всѣхъ извѣстныхъ ему убійцъ, число которыхъ доходило почти до пятисотъ, только въ троихъ было замѣтно искреннее раскаяніе. Между прочими свидѣтельствами въ пользу своихъ взглядовъ, онъ приводитъ мнѣніе одного своего пріятеля—доктора, тонкаго наблюдателя, спеціалиста по душевнымъ болѣзнямъ и знатока тюремной жизни. Доктора этого всегда поражало въ заключенныхъ крайнее отсутствіе или извращеніе моральнаго чувства, сила дурныхъ наклонностей ихъ природы и крайняя закоснѣлость. „Во всю мою практику я нигдѣ не встрѣчалъ такого скопища болѣзненныхъ признаковъ, какъ на трупахъ умершихъ здѣсь заключенныхъ. Почти ни объ одномъ нельзя сказать, что онъ умеръ отъ какой-нибудь одной болѣзни, потому что почти всѣ органы были болѣе или менѣе поражены. Я всегда удивлялся, какъ могла держаться жизнь въ такомъ больномъ тѣлѣ. Вмѣстѣ съ физической оболочкой поражена у нихъ въ той же степени и нравственная природа; образъ жизни въ тюрьмѣ нѣсколько поправлялъ ихъ физическое здоровье; но я сомнѣваюсь, чтобы при этомъ выигрывало сколько-нибудь ихъ нравственное состояніе, если только на него вообще могло что-нибудь дѣйствовать. При близкомъ 18-ти-лѣтнемъ знакомствѣ съ преступниками, я вывелъ заключеніе, что изъ десяти девять крайне недалеки, но зато всѣ безъ исключенія до чрезвычайности хитры“ *).

*) „Подобно тому какъ въ семействахъ, или даже цѣлыхъ племенахъ, выродившихся физически, такъ и въ классѣ преступниковъ

Итакъ, опираясь на авторитетъ лицъ, изучавшихъ преступниковъ, мы видимъ, что въ классѣ ихъ, отмѣченномъ недостатками физической и умственной организаціи, послѣдствіемъ этихъ естественныхъ недостатковъ, опредѣляющихъ ихъ жизненную судьбу, бываетъ почти полное или даже безусловное отсутствіе нравственнаго чувства. Сверхъ этого недостатка, открываемаго наблюденіемъ надъ обыкновенными преступниками, фамильныя хроники ихъ открываютъ другіе, не менѣе важные, факты. Именно, значительное число преступниковъ страдаетъ слабоуміемъ, эпилепсіей или сходитъ впослѣдствіи съ ума; съ другой стороны, они родятся отъ семействъ, гдѣ встрѣчается помѣшательство, эпилепсія или другія нервныя болѣзни; наконецъ, болѣзни, которыми они страдаютъ и отъ которыхъ умираютъ, суть по преимуществу чахотка и разстройство нервной системы. Преступленіе есть родъ выхода для болѣзненныхъ стремленій; если бы они не были преступниками, они бы сошли съ ума, и если они не сходятъ съ ума, то только потому, что становятся преступниками.

Отсюда преступленіе далеко не во всѣхъ случаяхъ можно считать лишь простой уступкой дурному побужденію или порочной страсти, которая могла быть сдержана съ помощью самаго обыкновеннаго усилія

очень часто встрѣчаются слѣдующія болѣзненныя состоянія: искривленія позвоночника, заиканіе, недостатки рѣчи, косолапость, расщепленіе твердаго неба, заячья губа, глухота, врожденная слѣпота, параличи, эпилепсія и золотуха. Это обычные спутники прирожденнаго слабоумія". М-ръ Брюсъ Томсонъ, loc. cit.

воли. Оно является иногда очевиднымъ результатомъ дѣйствительнаго нервнаго страданія, которое по своей природѣ и происхожденію стоитъ въ близкомъ родствѣ съ другими неврозами, въ особенности съ эпилептическимъ и психическимъ; это же нервное страданіе есть физическій результатъ физіологическихъ законовъ развитія. Неудивительно, что преступный *психозъ*, представляющій духовную сторону *невроза*, большею частью неизлечимъ, и что наказанія безсильны въ дѣлѣ прочнаго исправленія. Волка всегда будетъ тянуть въ лѣсъ *). Истиннымъ исправленіемъ было бы измѣненіе индивидуальной природы; а какъ же пересоздать въ теченіе одной жизни то, что́ создавалось цѣлыми поколѣніями? „Можетъ ли эѳіопъ перемѣнить свою кожу или леопардъ сбросить свои пятна?“ **)

Итакъ, если мы возьмемъ самыя рѣзкія формы человѣческихъ проступковъ и вникнемъ въ причины и природу нравственнаго упадка, выраженіемъ котораго онѣ служатъ, то мы найдемъ здѣсь не только сюжеты для моралиста - философа и проповѣдника, но и матеріалъ, по справедливости входящій въ предѣлы положительнаго научнаго изслѣдованія. Метафизическое понятіе о человѣкѣ, какъ объ отвлеченномъ существѣ, надѣленномъ извѣстной силой моральной возможности дѣлать добро и удерживаться отъ зла, столь же мало примѣнимо ко всѣмъ людямъ безъ различія, какъ и

*) Въ текстѣ приведена другая пословица: the dog returns to its vomit and the sow to its wallowing in the mire. *Прим. Ред.*

**) Въ Библіи сказано: „Аще премѣнитъ эѳіоплянинъ кожу свою и рысь пестроты своя“. Пр. Іеремія. Гл. XIII, ст. 23. *Прим. Ред.*

представленіе объ извѣстной и опредѣленной степени умственныхъ способностей примѣнимо ко всѣмъ человѣческимъ существамъ вообще, къ людямъ съ хорошо развитыми умственными способностями, къ слабоумнымъ или идіотамъ. Существуютъ, какъ нормальное явленіе природы, самыя разнообразныя градаціи умственныхъ способностей, начиная съ геніевъ и кончая идіотами; существуютъ далѣе, тоже какъ естественное явленіе, различныя степени нравственныхъ способностей, отъ величія правильно-развитой воли до полнѣйшаго отсутствія нравственнаго чувства. Кромѣ того, умственныя и нравственныя способности далеко не связаны между собою настолько тѣсно, чтобы измѣняться за-одно, падать и усиливаться вмѣстѣ съ паденіемъ или усиленіемъ тѣхъ или другихъ. Опытъ показываетъ самымъ положительнымъ образомъ, что возможно существованіе большого ума рядомъ съ весьма низкой нравственностью, и что высокая нравственность встрѣчается иногда въ соединеніи съ недалекимъ умомъ.

Между преступленіемъ и помѣшательствомъ лежитъ пограничная область, въ которой мы, съ одной стороны, находимъ небольшую долю помѣшательства рядомъ съ значительнымъ процентомъ преступленія, а съ другой—небольшую примѣсь преступленія къ значительной мѣрѣ помѣшательства. Вѣрная оцѣнка нравственной отвѣтственности несчастнаго люда, живущаго въ этой пограничной области, очевидно невозможна, пока мы не освободимся отъ метафизической мѣрки отвѣтственности и пока мы, путемъ наблюденія и индук-

ціи, не придемъ къ здравымъ обобщеніямъ относительно источника нравственныхъ чувствъ и законовъ ихъ развитія, равно какъ и относительно причинъ теченія и разнообразныхъ формъ нравственнаго извращенія. Здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ природы, цѣлью нашей должно быть раскрытіе естественныхъ законовъ путемъ терпѣливаго изученія природы, а не изобрѣтеніе теорій, которыми нашъ умъ отвѣчаетъ на вопросы на подобіе оракула. Слѣдуетъ принять за научную аксіому, что нѣтъ отрасли знанія, къ которой не былъ бы приложимъ индуктивный методъ изслѣдованія; всякая попытка задержать подобное изслѣдованіе, силой какого бы то ни было авторитета, должна встрѣтить съ нашей стороны самое энергическое сопротивленіе и отпоръ, какъ посягательство на основныя начала научнаго изслѣдованія. При лучшемъ знакомствѣ съ природой преступленія мы, быть можетъ, не начнемъ обращаться съ преступниками, какъ обращаемся теперь съ помѣшанными, но весьма вѣроятно, что съ его помощью мы придемъ къ другимъ, болѣе гуманнымъ чувствамъ, и что менѣе враждебное отношеніе къ нимъ, порожденное болѣе полнымъ знаніемъ болѣзненной организаціи, внушитъ намъ снисхожденіе, по крайней мѣрѣ, для всѣхъ сомнительныхъ случаевъ, лежащихъ на рубежѣ помѣшательства и преступленія. Этимъ же путемъ, т.-е. благодаря индуктивному методу изслѣдованія, совершился на нашей памяти полный переворотъ въ чувствахъ человѣчества по отношенію къ помѣшаннымъ.

Есть своего рода выгоды въ признаніи справедли-

ваго начала, даже въ томъ случаѣ, когда, повидимому, время для примѣненія его къ жизни еще не наступило, когда оно имѣетъ еще характеръ утопій и вызываетъ насмѣшки практическихъ людей. Мало по малу оно все-таки видоизмѣняетъ мысли и чувства, подкапываетъ предразсудки и, несмотря на трудности, непреоборимыя на первый взглядъ, достигаетъ едва замѣтными ступенями своего осуществленія. Искреннее признаніе такого начала представляетъ родъ пророчества, которое въ конечномъ результатѣ находитъ себѣ исполненіе; утопическая мысль одного вѣка нерѣдко становится обыденнымъ понятіемъ слѣдующаго.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Слѣдующій разсказъ, помѣщенный Казобономъ въ его «*Трактатѣ объ энтузіазмѣ*», заимствованъ у Іосифа Акосты. Я привожу его какъ поразительный примѣръ того, какъ обращались иногда самымъ невиннымъ образомъ съ умалишенными во времена Акосты: — «Въ королевствѣ Перу жилъ тогда (говоритъ Акоста, занимавшій одно время въ этомъ государствѣ мѣсто главнаго судьи) человѣкъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ, ученый теологъ и профессоръ (или докторъ) богословія. Его считали благочестивымъ и исповѣдующимъ истинную вѣру; онъ былъ даже въ свое время нѣкотораго рода оракуломъ этого новаго свѣта (Америки). Человѣкъ этотъ сблизился съ нѣкоей женщиной (простого званія), которая, подобно второй Филуменѣ или Максимиллѣ, прославленной Монтаномъ, хвалилась, что ей были открыты ангеломъ великія тайны; кромѣ того, она впадала (быть можетъ, притворно) въ состояніе экстаза, при которымъ была совершенно внѣ себя. Теологъ былъ,

наконецъ, такъ околдованъ и очарованъ ею, что началъ совѣтоваться съ ней относительно самыхъ высшихъ вопросовъ богословія; считалъ ея отвѣты рѣшительными; разславилъ ее всюду, какъ жену, полную откровеній и угодную Богу, хотя на самомъ дѣлѣ это была женщина низкаго происхожденія и самаго недалекаго ума, за исключеніемъ способности изобрѣтать басни. Такъ или иначе, эта женщина, можетъ быть дѣйствительно одержимая бѣсомъ (что̀ весьма вѣроятно, въ виду ея припадковъ), или же только притворная и хитрая, какъ думали нѣкоторые ученые мужи, своими странными предсказаніями, которыя еще болѣе раздували его воображеніе, пріобрѣла надъ нимъ такую власть, что онъ изъ ея духовнаго отца превратился добровольно въ ея ученика. Короче, онъ дошелъ до того, что началъ говорить о чудесахъ, которыя будто-бы совершитъ, хотя на самомъ дѣлѣ не было ничего, что̀ могло дать ему поводъ къ такимъ мыслямъ. За это и за нѣкоторыя толкованія, противныя вѣрѣ, которыя онъ перенялъ отъ своей пророчицы, онъ былъ, наконецъ, схваченъ по приказанію судей святой инквизиціи и посаженъ въ тюрьму, къ величайшему изумленію всего королевства. Въ заточеніи его цѣлые пять лѣтъ выслушивали, уговаривали, допрашивали, пока, наконецъ его нестерпимая гордость и безуміе не стали извѣстны всѣмъ людямъ. Онъ заявлялъ съ непоколебимой увѣренностью и настойчивостью, что имѣлъ особаго ангела, отъ котораго могъ узнавать все, что̀ хотѣлъ; что видѣлъ даже самого Господа и лично бесѣдовалъ съ нимъ; и говорилъ въ то же время такой страшный вздоръ, который могъ придти въ голову только совершенному безумцу. Между тѣмъ человѣкъ этотъ былъ въ полномъ разумѣ и умственномъ здоровьи, — столь же мало разстроенъ въ умѣ, какъ, по моему мнѣнію, я самъ, пишущій теперь эти строки. Онъ повторялъ весьма спокойно и твердо, что будетъ королемъ и въ то же время папою, что апостольскій престолъ будетъ перенесенъ въ эту страну, что ему дана святость превыше всѣхъ ангеловъ и небесныхъ духовъ и всѣхъ апостоловъ, что Господь предлагалъ ему даже ипостасное единеніе съ нимъ, но что онъ отказался отъ этого. Кромѣ

того, онъ говорилъ, что назначенъ быть полнымъ искупителемъ міра, тогда какъ Христосъ, по его словамъ, былъ не полнымъ искупителемъ; что всѣ духовныя имущества должны быть отняты; что онъ издастъ новые законы, простые и легкіе, которыми безбрачіе духовенства будетъ отмѣнено, многоженство дозволено и обязательность исповѣди снята. Все это и многое другое подобное онъ утверждалъ съ такою глубокой увѣренностью, что всѣ мы были изумлены, какъ могъ человѣкъ въ здравомъ умѣ имѣть такія мысли. Наконецъ, — послѣ разбора его дѣйствій и еретическихъ положеній, числомъ до ста десяти и болѣе, изъ которыхъ если не всѣ были прямой ересью, то всѣ были, по крайней мѣрѣ, противны истинному ученію церкви,—мы были призваны, по обычаю этого высокаго судилища, диспутировать съ нимъ, дабы, если то возможно, привести его къ смиренію. Насъ было трое, кромѣ епископа квинтоскаго, собравшихся передъ судьями для этой цѣли. Когда ввели этого человѣка, онъ защищалъ свои мнѣнія такъ свободно и съ такимъ краснорѣчіемъ, что я до сихъ поръ не перестаю удивляться, какъ могла одна гордость довести человѣка до подобнаго заблужденія. Онъ заявилъ намъ, что его ученіе, будучи выше человѣческаго разумѣнія, можетъ быть доказано однимъ писаніемъ и чудесами. Что касается Писанія, то онъ будто бы ссылками на него доказалъ уже истину своего ученія яснѣе и непреложнѣе, чѣмъ Апостолъ Павелъ, доказывавшій, что Христосъ есть Мессія. Что же касается чудесъ, то онъ будто бы совершилъ ихъ такъ много и такихъ великихъ, что даже воскресеніе Христа не могло быть бо́льшимъ чудомъ. Увѣрялъ, что онъ самъ умеръ дѣйствительно и истинно и снова ожилъ. Хотя онъ въ тюрьмѣ никогда не имѣлъ книги въ рукахъ и даже молитвенникъ былъ взятъ у него, онъ безпрерывно цитировалъ мѣста изъ Писанія, пророковъ, апокалипсиса, псалмовъ и др. книгъ въ такомъ изобиліи и такія длинныя, что память его возбуждала наше изумленіе. Но всѣ эти мѣста онъ прилагалъ къ своимъ вымысламъ такъ странно и приводилъ такія нелѣпыя аллегоріи, что слышавшіе должны были или плакать, или смѣяться. Наконецъ,

онъ сказалъ, что если намъ нужны еще новыя чудеса, то онъ отдаетъ себя намъ на испытаніе. И затѣмъ сталъ говорить такія вещи, какъ будто или самъ былъ умалишеннымъ, или считалъ насъ сумасшедшими. Онъ зналъ, напр., «черезъ откровеніе свыше», что свѣтлѣйшій Іоаннъ Австрійскій былъ побѣжденъ турками на морѣ, что Филиппъ, могущественнѣйшій испанскій король, потерялъ большую часть своего царства, что въ Римѣ собирался соборъ для низложенія папы Григорія и избранія другого на его мѣсто. Всѣ эти нелѣпости онъ сообщалъ намъ яко бы потому, что мы знали положительно, что онъ могъ получить объ этомъ свѣдѣніе только путемъ непосредственнаго божественнаго откровенія. Хотя въ его разсказахъ не было капли правды, онъ упорно утверждалъ, что это дѣйствительныя и хорошо извѣстныя намъ событія. Наконецъ, проспоривъ съ нимъ цѣлыхъ два дня безъ всякой пользы, мы его оставили; и тогда его (по испанскому обычаю) вывели съ нѣкоторыми другими для зрѣлища толпѣ. Онъ не переставалъ смотрѣть на небо, ожидая (такъ, повидимому, обѣщалъ ему дьяволъ), что огонь сойдетъ и истребитъ какъ инквизиторовъ, такъ и зрителей. Но никакого огня не упало сверху, а напротивъ, снизу поднялось пламя, которое охватило этого мнимаго короля, папу, искупителя и новаго законодателя, и быстро обратило его въ пепелъ».

ГЛАВА II.

ПОГРАНИЧНАЯ ОБЛАСТЬ.

Нѣтъ рѣзкой границы между душевнымъ здоровьемъ и душевнымъ разстройствомъ. — Непрерывность въ природѣ. — Пограничная область.— Душевно-болѣзненный темпераментъ. — Видоизмѣненіе нервныхъ болѣзней. — Родство между помѣшательствомъ и падучей болѣзнью, невралгіей, Виттовой пляской, дипсоманіей. — Функціональныя и органическія разстройства мозга. — Наслѣдственное предрасположеніе; его патологическое развитіе въ цѣлыхъ поколѣніяхъ. — Странности въ мысляхъ, чувствахъ и влеченіяхъ въ связи съ нимъ. — Помѣшательство и манія предсказанія.—Эпилептическій характеръ видѣній и откровеній Магомета.—Помѣшанные и реформаторы.—Странности и помѣшательство. — Недостаточность или отсутствіе нравственнаго чувства, какъ врожденный недостатокъ душевной организаціи. — Преступленіе и помѣшательство. — Нравственное чувство: его пріобрѣтеніе во время развитія и зависимость отъ организаціи.—Физическія условія нравственнаго извращенія.—Заключеніе.

Для насъ было бы, конечно, крайне удобно, и мы избавились бы отъ цѣлой массы хлопотъ, если бы можно было провести рѣзкую и опредѣленную черту и сказать, что всѣ люди, стоящіе по одну сторону ея, должны быть душевно здоровы, а всѣ, стоящіе по другую — душевно больны. Но стóитъ только нѣсколько пораз-

мыслить, и мы убѣдимся до какой степени тщетна попытка подобнаго разграниченія. Для всѣхъ стало уже нѣсколько избитой истиной, что природа не дѣлаетъ скачковъ, но переходитъ отъ одной формы къ противоположной ей съ такой постепенностью, что одна форма незамѣтно сливается съ другой, и никто не можетъ указать съ увѣренностью на точку перехода. Ни въ одномъ случаѣ, однако, истина эта не находитъ себѣ такого полнаго подтвержденія, какъ по отношенію къ душевному здоровью и разстройству; поэтому, сомнѣнія, споры и затрудненія неизбѣжны при обсужденіи отдѣльныхъ случаевъ.

Положеніе дѣла еще ухудшается сильной наклонностью человѣческаго ума вѣрить, что въ природѣ существуютъ дѣйствительныя раздѣленія, соотвѣтствующія болѣе или менѣе произвольнымъ раздѣленіямъ, которыя необходимы для пріобрѣтенія и классификаціи познаній; отсюда возникаетъ или нежеланіе, сознательное или безсознательное, признать открыто существованіе промежуточныхъ состояній, которыя не могутъ быть съ точностью распредѣлены въ отдѣльные классы, или же, наоборотъ, наклонность преувеличивать сходства и оставлять безъ вниманія различія, чтобы такъ или иначе вогнать непокорные элементы въ ту или другую рамку. Но безполезно закрывать глаза передъ фактами, несмотря на всю ихъ неподатливость нашимъ классификаціоннымъ системамъ; кромѣ того, опытъ учитъ, что эти случаи, неподходящіе подъ нашу классификацію, эти промежуточныя ступени могутъ оказывать намъ великія услуги, — если мы только захотимъ

оцѣнить должнымъ образомъ ихъ значеніе,—разрушая преграды искусственныхъ раздѣленій и пополняя пробѣлы между ними. Мнѣнія, отстоящія, повидимому, такъ же далеко другъ отъ друга, какъ небо и адъ, и изъ-за которыхъ люди готовы биться на смерть, на самомъ дѣлѣ связаны соединительнымъ мостомъ, состоящимъ иногда, правда, изъ множества сводовъ, невидимыхъ для разъяренныхъ защитниковъ той и другой стороны. Не будетъ ни малѣйшаго преувеличенія, если мы скажемъ, что между самымъ добродѣтельнымъ и самымъ порочнымъ человѣкомъ такъ много общаго, что научное пониманіе природы одного невозможно безъ научнаго пониманія природы другого. При составленіи и повѣркѣ нашихъ обобщеній столько же важно изслѣдовать внимательно промежуточныя ступени между двумя классами, какъ и не упускать изъ виду противоположностей.

Итакъ, крайне важно признать пограничную область между психическимъ здоровьемъ и разстройствомъ, но еще важнѣе не останавливаться на простомъ теоретическомъ признаніи ея, а старательно изучить сомнительные случаи, которыми кишитъ эта область. Вліяніе такого изученія на наши воззрѣнія, несмотря на то, что сначала оно можетъ повести къ кажущемуся смѣшенію ясно опредѣленныхъ различій и къ сомнѣніямъ насчетъ вещей, считавшихся непреложными, окажется въ общемъ результатѣ крайне благотворнымъ. Обыденный опытъ показываетъ въ самомъ дѣлѣ, что существуетъ много людей, которые, не будучи помѣшанными, отличаются такими особенностями мыслей,

чувствъ и характера, которыя дѣлаютъ ихъ совершенно не похожими на прочихъ людей и обращаютъ на нихъ вниманіе окружающихъ. Они могутъ сойти или не сойти съ ума, но они всегда происходятъ изъ семействъ, въ которыхъ повторялись случаи помѣшательства или другихъ нервныхъ страданій, и сохраняютъ въ своемъ темпераментѣ слѣды своего печальнаго наслѣдства: у нихъ, дѣйствительно, особый невротическій темпераментъ — извѣстнаго рода *неврозъ*, а у нѣкоторыхъ аномалія темперамента еще рѣзче и имѣетъ характеръ душевно-болѣзненнаго темперамента — *психическаго* (душевно-болѣзненнаго) *невроза* (insane neurosis).

До сихъ поръ у насъ, правда, нѣтъ никакихъ точныхъ свѣденій относительно способа дѣйствія наслѣдственности, но во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться въ общемъ фактѣ, что люди наслѣдуютъ иногда положительное расположеніе къ извѣстнымъ нервнымъ болѣзнямъ, отъ которыхъ страдалъ тотъ или другой изъ ихъ родителей и предковъ. Сынъ помѣшаннаго носитъ въ своей организаціи несомнѣнно бо́льшую наклонность къ развитію помѣшательства при обыкновенныхъ условіяхъ жизни, чѣмъ сынъ родителей совершенно здоровыхъ. Говоря, что онъ имѣетъ наслѣдственное предрасположеніе къ помѣшательству, мы только формулируемъ фактъ, подкрѣпляемый общимъ опытомъ. Другой наблюдаемый фактъ состоитъ въ томъ, что дѣти лицъ, страдавшихъ извѣстными нервными болѣзнями, часто наслѣдуютъ наклонность къ развитію нервныхъ страданій другого рода, чѣмъ то, которое заключено въ ихъ невротическомъ наслѣдіи. Существуетъ родствен-

ная связь между нервными страданіями, въ силу которой они подвергаются видоизмѣненіямъ въ теченіе поколѣній.

Родство нервныхъ страданій выступаетъ всего рѣзче въ двухъ болѣзняхъ: помѣшательствѣ и эпилепсіи. Дѣти родителей, страдавшихъ падучей болѣзнью, имѣютъ почти, или даже совершенно, одинаковые шансы сойти съ ума, или имѣть падучую болѣзнь; и наоборотъ, тотъ или другой изъ потомковъ помѣшанныхъ родителей нерѣдко страдаетъ эпилепсіей. Точно также невралгія родителей можетъ выражаться у дѣтей въ формѣ наклонности къ помѣшательству. Каждый опытный врачъ знаетъ, что если ему встрѣтится въ его практикѣ случай сильно развитой невралгіи, возвращающейся время отъ времени непонятнымъ образомъ, безъ всякихъ видимыхъ болѣзненныхъ причинъ, онъ можетъ заключить о существованіи помѣшательства въ семьѣ, почти съ такой же увѣренностью, какъ будто передъ нимъ находился паціентъ уже помѣшанный. Какъ это происходитъ, мы не знаемъ, но это несомнѣнный фактъ, что извѣстная форма невралгіи обязана своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ невротическому наслѣдству.

Далѣе, Виттова пляска, которую иные называли „мышечнымъ помѣшательствомъ“, есть также нервное страданіе, обнаруживающее иногда въ своемъ происхожденіи близкое родство съ помѣшательствомъ или падучей болѣзнью. У дѣтей, вышедшихъ изъ семействъ, гдѣ повторялись случаи помѣшательства, мы иногда находимъ болѣзненныя явленія, которыя кажутся помѣсью между Виттовой пляской и эпилепсіей, или между пер-

вой и помѣшательствомъ, и которыя переходятъ впослѣдствіи въ ту или другую изъ этихъ болѣе опредѣленныхъ формъ судорожныхъ болѣзней. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что назвавъ падучую болѣзнь и Виттову пляску судорожными болѣзнями, мы хотѣли только сказать, что это такія страданія, при которыхъ нервные центры, управляющіе движеніями, утратили, вслѣдствіе болѣзненныхъ измѣненій, ту способность координаціи и контроля, которая выражается въ ихъ нормальной дѣятельности, и возбуждаютъ только неправильныя, извращенныя и порывистыя движенія.

Такимъ же точно образомъ можно назвать помѣшательство Виттовой пляской или судорожнымъ состояніемъ души, потому что здѣсь разстройство падаетъ на нервные центры, дѣятельность которыхъ возбуждаетъ не движенія, а психическія отправленія, и разстройство которыхъ выражается, слѣдовательно, въ судорожныхъ движеніяхъ не мышцъ, а душевныхъ отправленій. Отсюда объясняется, почему въ нѣкоторыхъ случаяхъ нервное разстройство способно переходить съ одного разряда нервныхъ центровъ на другой, при чемъ прежніе припадки прекращаются и наступаетъ совершенно новый разрядъ симптомовъ. Такъ, послѣ прекращенія сильной нервной боли, у больного можетъ проявиться какая-нибудь форма помѣшательства, вслѣдствіе того, что болѣзненныя условія функціональнаго разстройства перенеслись съ чувствующихъ центровъ на чисто-психическіе; когда же пройдетъ припадокъ помѣшательства, можетъ снова возвратиться нервная боль. Далѣе, когда по прекращеніи судорогъ прояв-

ляется умопомѣшательство, мы имѣемъ случай переноса болѣзненныхъ измѣненій съ двигательныхъ центровъ на психическіе; и наоборотъ, появленіе судорогъ можетъ быть послѣдствіемъ припадка помѣшательства. Подобные примѣры показываютъ, что родъ болѣзненнаго измѣненія, составляющаго физическую основу разстроенныхъ нервныхъ отправленій, въ двигательныхъ и чувствующихъ центрахъ сходенъ съ тѣмъ, который лежитъ въ основѣ разстройства центровъ психической дѣятельности. Каковъ бы ни былъ этотъ процессъ, примѣры позволяютъ намъ заключить, что душевныя болѣзни представляютъ разстройство никакъ не метафизическаго характера, но такое, которое можетъ быть вполнѣ приравнено къ другимъ нервнымъ страданіямъ, напр., нервнымъ болямъ и судорогамъ. Усвоивъ себѣ однажды вполнѣ ясно этотъ вѣрный патологическій взглядъ на природу душевныхъ болѣзней, мы освободимся отъ цѣлаго ряда праздныхъ умозрѣній и найдемъ его крайне плодотворнымъ при нашихъ стремленіяхъ придти къ вѣрному воззрѣнію относительно отвѣтственности помѣшанныхъ.

Существуетъ другое болѣзненное состояніе, если не положительная болѣзнь, имѣющее близкое отношеніе къ помѣшательству, какъ причина или какъ слѣдствіе. Я говорю о дипсоманіи. Цѣлая масса фактовъ можетъ быть приведена въ доказательство того, что пьянство у родителей, въ особенности же та форма дипсоманіи, которая извѣстна подъ именемъ запоя и проявляется отъ времени до времени въ неудержимыхъ приступахъ, ведетъ къ идіотизму, помѣшательству и наклонности

къ самоубійству у потомства. Она имѣетъ всѣ свойства нервнаго страданія, нѣкотораго рода помѣшательства; въ ея проявленіи обнаруживается періодичность, служащая общимъ признакомъ нервныхъ болѣзней; близкое же родство ея съ помѣшательствомъ доказывается не только тѣмъ фактомъ, что дипсоманія, появляясь въ одномъ поколѣніи, можетъ стать причиной умственнаго разстройства или наклонности къ самоубійству въ слѣдующемъ поколѣніи, но и обратнымъ фактомъ, что помѣшательство родителей можетъ повести къ дипсоманіи у дѣтей.

Указывая на отношенія между душевными болѣзнями и другими нервными страданіями, я останавливался только на примѣрахъ такъ наз. *функціональныхъ* разстройствъ, т.-е. такихъ, при которыхъ послѣ смерти мы не въ состояніи открыть, съ помощью извѣстныхъ намъ способовъ изслѣдованія, никакихъ болѣзненныхъ измѣненій. Мы этимъ, конечно, не хотимъ сказать, что физическихъ измѣненій нѣтъ; они, безъ всякаго сомнѣнія, существуютъ въ тончайшихъ элементахъ тканей, недоступныхъ пока нашимъ чувствамъ. Мы твердо вѣримъ, что подобно тому, какъ при помощи спектроскопа для насъ открылись факты, стоявшіе до того времени выше нашего пониманія; или какъ при помощи телескопа мы открыли звѣзды, которыя безъ этого инструмента остались бы неизвѣстными для насъ,—также точно наступитъ время, когда изобрѣтеніе болѣе совершенныхъ орудій изслѣдованія сдѣлаетъ невидимыя движенія молекулярныхъ частицъ столь же доступными наблюденію, какъ и движенія небесныхъ тѣлъ, и когда

наши преемники не будутъ имѣть сомнѣній насчетъ физическихъ причинъ тѣхъ разстройствъ, которыя мы принуждены еще называть функціональными.

Родство помѣшательства съ нервными болѣзнями проявляется всего рѣзче именно относительно этихъ такъ наз. функціональныхъ разстройствъ, каковы: эпилепсія, Виттова пляска, нервныя боли, а не относительно *органическихъ* разстройствъ, каковы, напр., апоплексія и размягченіе мозга, при которыхъ мы имѣемъ возможность наблюдать видимыя разрушенія въ строеніи нервныхъ центровъ. Причина этого, по всей вѣроятности, заключается въ томъ, что функціональныя разстройства имѣютъ совершенно нервное происхожденіе, между тѣмъ какъ коренную причину органическихъ разстройствъ нужно, большею частью, искать въ патологическихъ измѣненіяхъ другихъ тканей. Такъ, апоплексія обусловливается измѣненіями стѣнокъ кровяныхъ сосудовъ и послѣдующимъ затѣмъ разрывомъ ихъ; она — какъ бы наводненіе сосѣдней территоріи вслѣдствіе размытія береговъ рѣки; разрушеніе нервной ткани слѣдуетъ за кровоизліяніемъ. Далѣе, размягченіе мозга зависитъ, по всей вѣроятности, отъ недостаточности питанія столько же, сколько и отъ неустойчивости, присущей нервнымъ элементамъ. Вѣрно одно, что, каковы бы ни были эти патологическія измѣненія тончайшихъ элементовъ нервной системы, обусловливающія душевныя разстройства, они во всякомъ случаѣ стоятъ въ несравненно болѣе тѣсной связи съ столь же темными болѣзненными состояніями при эпилепсіи, невралгіяхъ и Виттовой пляскѣ, чѣмъ съ

видимыми и осязаемыми пораженіями ткани, которыя приходится наблюдать при такъ называемыхъ органическихъ разстройствахъ.

Едва ли нужно доказывать, что люди, получившіе по наслѣдству предрасположеніе къ помѣшательству, поставлены, при прочихъ равныхъ обстоятельствахъ жизни, въ несравненно худшія условія относительно борьбы за существованіе, чѣмъ тѣ, которые не наслѣдовали такого предрасположенія. Ихъ нервные центры менѣе устойчивы и потому легче могутъ подвергнуться нарушенію нормальной дѣятельности; когда же равновѣсіе ихъ нарушено, они не возвращаются также легко и быстро, какъ здоровые, къ прежнему состоянію равновѣсія, а напротивъ, склонны находить болѣе устойчивое равновѣсіе въ извращенномъ отправленіи. Мы видимъ здѣсь аналогію съ разложеніемъ весьма сложныхъ органическихъ соединеній, составныя части которыхъ легко распадаются на болѣе простыя и прочныя соединенія, пока человѣческое тѣло, проходя черезъ послѣдовательныя фазы гніенія, не превратится наконецъ въ угольную кислоту, амміакъ и воду. Вся мораль всѣхъ философскихъ школъ и всѣ ученія всѣхъ религій, когда либо существовавшихъ, не въ силахъ истребить физическаго стимула, хотя они до нѣкоторой степени и могутъ противодѣйствовать ему.

Существуетъ, конечно, много степеней наслѣдственнаго предрасположенія. У иныхъ людей оно такъ ничтожно, что никто не можетъ заподозрить его существованія; между тѣмъ какъ другіе носятъ неотразимые слѣды его на лицѣ, въ пріемахъ и разговорахъ, и отли-

чаются странностями настолько рѣзкими и характерными, что даютъ другимъ право относить ихъ къ категоріи людей съ *нервнымъ темпераментомъ* и *психическимъ* (душевно-болѣзненнымъ) *неврозомъ*. Отсюда никакъ не слѣдуетъ, что каждый членъ семьи, въ которой существуетъ какое либо нервное или душевное страданіе, долженъ отличаться душевно-болѣзненнымъ темпераментомъ; напротивъ, многія лица, имѣвшія помѣшанныхъ отца или мать, не обнаруживаютъ никакихъ рѣзкихъ психическихъ или физическихъ особенностей. Но, хотя наслѣдственный неврозъ не проявляется у нихъ видимымъ образомъ, онъ все же можетъ существовать въ скрытой или дремлющей формѣ и можетъ принять опредѣленный характеръ только въ слѣдующемъ поколѣніи. Чѣмъ внимательнѣе мы изучаемъ душевныя разстройства и ихъ причины, тѣмъ яснѣе видимъ вліяніе наслѣдственныхъ особенностей, даже самыхъ незначительныхъ, въ развитіи болѣе рѣзкихъ невропатическихъ состояній у потомства. „Отчего это могло съ нимъ случиться?“ вотъ вопросъ, то и дѣло предлагаемый врачу огорченнымъ отцемъ или матерью, которые въ своей физіономіи, жестахъ, или складѣ мыслей и чувствъ, носятъ непреложное объясненіе причины. Еслибы врачъ могъ отвѣчать коротко и прямо, онъ сказалъ бы имъ: „вслѣдствіе ненормальнаго развитія вашей природы“.

Когда душевно-болѣзненный темпераментъ достигаетъ самаго рѣзкаго выраженія, мы должны признать, что наслѣдственное предрасположеніе приняло характеръ вырожденія расы, и что отдѣльное лицо пред-

ставляетъ собой начало упадка, которое, не будучи задержано какими-нибудь случайными счастливыми обстоятельствами, станетъ рости изъ поколѣнія въ поколѣніе и кончится идіотизмомъ. Съ наступленіемъ идіотизма больное поколѣніе, по счастью, прекращается, потому что тутъ наступаютъ безсиліе и безплодіе. Выше и ниже того тѣснаго уголка природы, который доступенъ нашимъ способностямъ и открывается нашимъ чувствамъ, царитъ сила, руководящая развитіемъ на землѣ, наблюдающая, чтобы задача была выполнена, все равно какой цѣной времени, траты жизненныхъ силъ, или индивидуальнаго страданія животныхъ и человѣка.

Замѣтимъ еще, что въ менѣе рѣзкой формѣ душевно-болѣзненный неврозъ далеко не представляетъ того безусловнаго зла, которымъ оно кажется на первый взглядъ. Если мы присмотримся ближе, то будемъ поражены, до какой степени человѣчество обязано творческими идеями и проявленіями таланта, или даже генія, личностямъ, которыя сами, или ихъ родители, произошли изъ семействъ, гдѣ существовало нѣкоторое предрасположеніе къ помѣшательству. Такія личности способны открывать и изслѣдовать окольные пути мысли, незамѣченные болѣе устойчивыми умами, и, бросая такимъ образомъ боковое освѣщеніе на предметы, выяснять отношенія, которыя никому не приходили въ голову. То же направленіе ума можно замѣтить у личностей съ легкимъ душевно-болѣзненнымъ неврозомъ, не отличающихся, впрочемъ, никакими талантами или геніальными способностями; люди эти склонны разсматривать вещи съ новой точки зрѣнія, не слѣдуютъ обыч-

ной торной дорогѣ въ своихъ поступкахъ или обычной рутинѣ мыслей и чувствъ, но обнаруживаютъ въ своихъ взглядахъ нѣкоторую оригинальность или даже странность, иногда въ очень ранній періодъ жизни. Примѣромъ можетъ служить проявляющаяся у нѣкоторыхъ замѣчательная способность къ игрѣ словъ и разнымъ причудливымъ каламбурамъ; другой, не одаренный такимъ своеобразнымъ талантомъ, умеръ бы прежде, чѣмъ придумать что либо подобное. Поразительно также, какъ смѣло и свободно они иногда разсуждаютъ, точно о задачахъ механики, о предметахъ или событіяхъ, на которыя привычныя ассоціаціи мыслей и чувствъ набросили волшебный покровъ условныхъ понятій. Къ большей части общепринятыхъ убѣжденій они относятся съ нѣкоторой ересью или расколомъ, хотя часто и непрочнымъ, потому что вообще склонны перескакивать съ одного пункта въ циклѣ убѣжденій къ совершенно противоположному. Несомнѣнный фактъ также, что эти люди нерѣдко отличаются замѣчательнымъ эстетическимъ чувствомъ и особыми талантами и артистическими способностями. Ихъ характеризуетъ сила чувства и энергія характера: вѣря непреклонно въ избранные ими принципы, они обнаруживаютъ большое рвеніе и энергію въ распространеніи своихъ доктринъ и такимъ образомъ приносятъ большую пользу въ качествѣ реформаторовъ. Ихъ одушевляетъ родъ фанатизма, который приводитъ ихъ къ цѣли, не взирая на величайшія препятствія.

Человѣкъ съ обширнымъ, покойнымъ и глубокимъ умомъ, обозрѣвая исторію человѣческаго развитія въ

теченіе вѣковъ съ самаго ея возникновенія, взвѣшивая значеніе убѣжденій, сопоставляя современныя воззрѣнія съ давно-прошедшими, представляя себѣ до какой степени различны будутъ, по всей вѣроятности, воззрѣнія самаго отдаленнаго будущаго, которое въ силахъ обнять наше воображеніе, сознавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, тщету всѣхъ заботъ земныхъ, надъ которыми люди суетятся по бѣлу свѣту, — такой человѣкъ едва ли будетъ страстно стремиться къ истребленію того, что кажется ему заблужденіемъ или энергически пропагандировать то, что́ кажется ему истиной. Онъ скорѣе спроситъ подобно Пилату, съ холодной серьёзностью философа „что́ такое истина", и среди горячихъ споровъ приверженцевъ различныхъ партій, будетъ сидѣть, какъ Галлій, съ полнымъ равнодушіемъ ко всему. Сила и нѣкоторая узкость убѣжденія, нѣчто похожее на вѣру мономаніака въ его личное вдохновеніе, и фанатическая энергія поступковъ необходимы для реформатора. И дѣйствительно оказывается, что многія изъ великихъ реформъ въ области мысли и дѣла были произведены или лицами, вышедшими изъ семействъ помѣшанныхъ, или такими, которые сами могли быть приняты за помѣшанныхъ. Въ нихъ проявляется то, что́, по нашему невѣжеству, мы принуждены называть *случайными* видоизмѣненіями психическаго строенія и функцій, которыя, смотря по обстоятельствамъ, могутъ погибнуть безслѣдно или же дать начало новымъ формамъ развитія. Они обладали надлежащей энергіей и имѣли также тотъ импульсъ оригинальности, который представляетъ

родъ вдохновенія, потому что его нельзя достигнуть размышленіемъ. Отсюда, вѣроятно, и возникло суевѣрное понятіе, господствовавшее въ разныхъ странахъ, что помѣшанные вдохновлены свыше. Ихъ головы были правда надтреснуты, но, какъ справедливо замѣтилъ кто-то, сквозь эти трещины выходилъ свѣтъ *).

Вслѣдствіе того, что въ древнія времена помѣшательство отождествляли съ маніей предсказанія,—повѣріе о вдохновеніи помѣшанныхъ продержалось весьма долго. Всего рѣзче выразилось оно у восточныхъ народовъ; но и у древнихъ грековъ помѣшательство, равно какъ и эпилепсія, считались священными болѣзнями. Вотъ почему словомъ *mania* обозначали безразлично помѣшательство и духъ пророчества: „величайшее благополучіе наше вытекаетъ изъ маніи, когда она ниспосылается небесной милостью“, говоритъ, по словамъ Платона, Сократъ, „потому что пророчица въ Дельѳахъ и жрицы Додонскія, будучи въ изступленномъ состояніи, оказали большія и многочисленныя услуги Греціи, въ частныхъ и общественныхъ дѣлахъ, и не сдѣлали почти или ровно ничего, когда были въ здравомъ умѣ“. Они называли это состояніе маніей, потому что считали его священнымъ, когда оно ниспосылалось по волѣ боговъ; но современники, прибавивъ по невѣжеству букву τ, превратили его настоящее значеніе въ искусство предсказанія“ **). Такимъ образомъ, сумасшествіе

---

*) Въ текстѣ употреблена игра словъ „cracked“ и „crack“.
Прим. Ред.

**) *Μανία*, сумасшествіе—*μανική*, ученіе о сумасшествіи—*μαντική*,

и вдохновеніе отождествляются, и умалишенный въ этомъ смыслѣ „кажется толпѣ потерявшимъ разсудокъ, потому что толпа не замѣчаетъ, что онъ вдохновленъ". И дѣйствительно, онъ находится въ какомъ-то болѣе возвышенномъ и экзальтированномъ состояніи духа, чѣмъ человѣкъ въ здравомъ умѣ; и результатомъ является не бо́льшая сила спокойной и логической мысли, но блестящія вспышки вдохновленнаго ума. Платонъ вмѣстѣ съ тѣмъ отличалъ отъ этого высшаго разряда маніи то помраченіе разсудка, которое вытекаетъ изъ болѣзненныхъ состояній тѣла и духа, — помѣшательство, связанное съ ограниченностью, сумасбродствомъ и безуміемъ. Онъ признавалъ манію или изступленное состояніе, принадлежавшее пророческому духу, и манію или изступленное состояніе, проистекавшее отъ болѣзни; они примыкали въ иныхъ случаяхъ такъ близко другъ къ другу, что ихъ нельзя было различить.

И въ другія времена точно также признавали нѣчто общее между умственнымъ состояніемъ вдохновленнаго генія и состояніемъ помѣшаннаго, откуда и произошло, что термины „манія" и „умственное разстройство" стали употребляться для обоихъ. Признавали умственное разстройство, которое было результатомъ вдохновенія и при которомъ умъ находился въ возбужденномъ состояніи, и умственное раз-

---

искусство пророчества. Въ этомъ отношеніи я ссылаюсь на сочиненіе докт. А. Клиссольда „The Prophetic Spirit in its relation to Wisdom and Madness", откуда я заимствовалъ эти цитаты.....

стройство, проистекающее изъ болѣзни,—манію, какъ высшее вдохновеніе, и манію, какъ дѣйствительное сумасшествіе или дьявольское навожденіе.

Многіе сочтутъ, быть можетъ, оскорбительнымъ и нелѣпымъ предположеніе, что какое-либо доброе или великое явленіе могло возникнуть изъ источника помраченнаго бредомъ или помѣшательствомъ. Но пусть всякій, склонный къ такому заключенію, броситъ внимательный взглядъ на возникновеніе и развитіе магометанства. Всякій, не исповѣдующій эту религію, почти или даже вовсе не сомнѣвается, что эпилептическій припадокъ послужилъ поводомъ къ первому видѣнію и откровенію Магомета; и что, введенный самъ въ заблужденіе, или обманывая другихъ, онъ воспользовался своей болѣзнью для пріобрѣтенія славы божественнаго авторитета. Характеръ его видѣній принадлежалъ именно къ той категоріи, которая, по опыту врачей, присуща эпилепсіи; подобныя же видѣнія, въ реальность и истинность которыхъ непоколебимо вѣрятъ подверженные имъ, нерѣдко наблюдаются у эпилептическихъ больныхъ въ домахъ помѣшанныхъ. Я лично мало склоненъ сомнѣваться въ томъ, что Магометъ былъ вначалѣ твердо убѣжденъ въ дѣйствительности событій, представившихся его воображенію. Но если взглянуть серьёзно на результатъ этихъ эпилептическихъ видѣній и экстазовъ, мы, конечно, должны призадуматься, прежде чѣмъ возьмемся рѣшить что́ могло или не могло быть плодомъ разстроеннаго воображенія или помѣшательства. Магометанину вовсе не нужно отвергать все доброе, заключенное въ

ученіи Магомета, потому только, что онъ принужденъ отвергать сверхъестественный авторитетъ, на которомъ основано это ученіе.

Сходство между вдохновеніемъ и маніей, которое повело къ тому, что одно и то же слово употреблялось для того и другого состоянія, представляетъ не лишенный интереса фактъ по отношенію къ сказанному нами о душевно-болѣзненномъ темпераментѣ и врожденномъ предрасположеніи нѣкоторыхъ изъ людей, которые положили начало новымъ идеямъ или произвели великія реформы. Помѣшанный представляетъ единственнаго представителя своего взгляда, точно также какъ и реформаторъ при началѣ своей дѣятельности. Вся разница между ними сводится на то, что убѣжденіе реформатора только опережаетъ общепринятую систему мыслей и, поэтому, со временемъ проникаетъ въ массу; между тѣмъ убѣжденіе помѣшаннаго, идя въ разрѣзъ съ здравымъ смысломъ человѣчества, никогда не принимается другими и умираетъ вмѣстѣ съ своимъ творцомъ или немногими легковѣрными людьми, которыхъ ему удалось увлечь. Но на свѣтѣ повторялось уже много и много разъ, что мнѣнія, казавшіяся противными здравому смыслу человѣчества и потому признанныя за безумныя, оказывались впослѣдствіи вѣрными. Новый взглядъ на вещи, составляющій характеристическую особенность нѣкоторыхъ видовъ душевно-болѣзненнаго темперамента, можетъ быть взглядомъ интуитивнымъ (прямымъ созерцаніемъ), своего рода вдохновеніемъ, до котораго ни-

когда не можетъ дойти строгое размышленіе; онъ поступаетъ совершенно наперекоръ тѣмъ оковамъ рутины, которыя угнетаютъ умственную жизнь большей части человѣчества. Способность выходить изъ обычной колеи мысли, вырываться съ помощью свѣтлаго вдохновенія изъ оковъ привычки, давать начало новому направленію мысли — большая рѣдкость и должна была бы встрѣчать сочувствіе, несмотря на склонность впадать въ крайности и даже вырождаться въ бредъ помѣшаннаго. Люди, въ которыхъ заключены эти импульсы развитія, могутъ ошибаться въ ихъ дѣйствительномъ значеніи и впадать въ смѣшныя крайности; но, несмотря на это, они все-таки, быть можетъ, безсознательно сѣютъ новыя мысли, которыя пустятъ корни и сдѣлаются крайне плодотворными въ умахъ другихъ, одаренныхъ большей силой мысли, но не имѣющихъ способности открывать новые пути. Новыя мысли постигаются и приводятся въ порядокъ обыкновенно не тѣми, которымъ онѣ впервые пришли въ голову.

Въ опредѣленіи орбитъ человѣческой мысли, какъ и въ опредѣленіи орбитъ планетъ, дѣйствуютъ антагонистическія силы,—центробѣжная или революціонная сила, которая даетъ экспансивный импульсъ новыхъ идей, и центростремительная или консервативная, проявляющаяся въ сдерживающемъ вліяніи привычки; равнодѣйствующею этихъ противуположныхъ силъ является опредѣленіе пути умственнаго развитія. Прибавьте къ центробѣжному импульсу горячій энтузіазмъ и страстную энергію, съ которой идея отстаи-

вается и распространяется; глубокое убѣжденіе, побѣждающее недовѣріе и мало по малу пріобрѣтающее послѣдователей, — и вы получите объясненіе сходства, замѣченнаго между вдохновеніемъ генія и маніей помѣшаннаго. Душевно-болѣзненный темпераментъ, смотря по направленію, которое приметъ его развитіе, можетъ привести своего обладателя къ помѣшательству, или сдѣлать изъ него виновника новой мысли или новаго изобрѣтенія, открытаго свѣту, причемъ увлеченіе и занятія, среди которыхъ онъ трудится надъ довершеніемъ своей цѣли, дѣйствительно могутъ спасти его отъ помѣшательства, грозившаго ему въ противномъ случаѣ. Здѣсь, какъ и вездѣ, намъ слѣдуетъ обращать вниманіе на внѣшнія обстоятельства, столько же какъ и на внутреннія данныя, при опредѣленіи результата: иногда приходится видѣть, что одинъ членъ семьи, на долю котораго выпало дѣятельное поприще на благопріятномъ пути, проходитъ всю жизнь безъ малѣйшихъ проявленій умственнаго разстройства, тогда какъ другой, которому обстоятельства менѣе благопріятствовали, безнадежно сходитъ съ ума.

Противъ людей, спеціально посвятившихъ себя изученію и леченію душевныхъ болѣзней, нерѣдко слышится обвиненіе, иногда вполнѣ заслуженное, въ томъ, что они смѣшиваютъ странности характера съ помѣшательствомъ, и открываютъ болѣзнь тамъ, гдѣ люди другаго направленія не замѣчаютъ ровно ничего ненормальнаго. Дѣйствительно, эксцентричность далеко не всегда бываетъ помѣшательствомъ, но нѣтъ сомнѣнія, что она часто бываетъ слѣдствіемъ душевно-бо-

лѣзненнаго темперамента и можетъ весьма приближаться къ помѣшательству, или на самомъ дѣлѣ переходить въ него. Не придавая особеннаго значенія тѣмъ странностямъ въ мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ, которыя совмѣстимы съ полнымъ умственнымъ здоровьемъ, мы должны всегда сохранять въ памяти нѣкоторые факты, если хотимъ найти истинное разъясненіе такихъ особенностей. Во-первыхъ, замѣчено, что въ семействахъ, гдѣ нѣкоторые члены обнаруживали явное помѣшательство, другіе отличались странностями; во-вторыхъ, наблюдали случаи, что странности послѣ нѣкотораго времени переходили въ помѣшательство; въ-третьихъ, мономаніаки, считавшіеся помѣшанными на извѣстныхъ пунктахъ, часто отличались странностями въ своихъ поступкахъ вообще; и наконецъ, люди, бывшіе помѣшанными и страдавшіе какой-нибудь опредѣленной формой психическаго разстройства, часто сохраняютъ нѣкоторыя странности на всю жизнь послѣ своего мнимаго выздоровленія.

Признавая, что душевно-болѣзненный темпераментъ не всегда представляетъ безусловное зло, но можетъ въ иныхъ случаяхъ принять благопріятное развитіе, мы въ то же время должны согласиться, что онъ всегда грозитъ большей или меньшей опасностью для личности. При какомъ-нибудь сильномъ потрясеніи, вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ или физическаго разстройства, человѣкъ съ такими задатками можетъ сломиться тѣлесно и нравственно гораздо скорѣе, чѣмъ человѣкъ, надѣленный здоровой и устойчивой организаціей. Физіологическіе перевороты, какъ, напр., наступ-

леніе половой зрѣлости съ физическими и нравственными перемѣнами, сопряженными съ этими періодами, беременность, климактерическія измѣненія, угрожаютъ иногда большой опасностью душевной устойчивости; а разочарованія и несчастья въ жизни должны, очевидно, производить болѣе сильное впечатлѣніе на неустойчивую душевную организацію, потому что всѣ эти причины потрясенія встрѣчаютъ могучаго союзника въ конституціональномъ предрасположеніи. Далѣе, воспитаніе гораздо затруднительнѣе въ этихъ случаяхъ. Естественныя влеченія темперамента проявляются рано и требуютъ вниманія и контроля, на которые лишь немногіе способны и которые были бы совершенно непригодны для рутины обыкновеннаго воспитанія. Въ результатѣ оказывается, что въ теченіе важнаго періода роста, когда многое можетъ еще быть сдѣлано раціональнымъ воспитаніемъ для образованія характера, естественныя наклонности пріобрѣтаютъ большую силу вслѣдствіе равнодушія и невниманія окружающихъ, или же слишкомъ круто ломаются вслѣдствіе неразумнаго вмѣшательства.

На предыдущихъ страницахъ я говорилъ о душевно-болѣзненномъ темпераментѣ вообще, но существуютъ формы его, которыя могутъ быть совершенно умѣстно излагаемы въ ученіи о душевныхъ болѣзняхъ. Наша настоящая цѣль заключается только въ ясномъ признаніи существованія такого темперамента, который, не снимая вообще отвѣтственности съ человѣка, долженъ быть принятъ въ разсчетъ въ случаяхъ насильственныхъ дѣйствій, указывающихъ, повидимому, на начало настоящаго душевнаго разстройства. Хотя мо-

жетъ показаться непозволительнымъ считать преступленіе доказательствомъ помѣшательства въ такихъ случаяхъ, когда нѣтъ никакихъ предварительныхъ симптомовъ этого рода болѣзни, но все-таки возможно, что преступленіе можетъ обозначать тотъ періодъ времени, когда болѣзненное расположеніе мозга перешло въ дѣйствительное помѣшательство, когда слабый органъ не устоялъ противъ предстоявшаго ему испытанія.

Существуетъ, впрочемъ, одно случайное слѣдствіе происхожденія отъ помѣшаннаго семейства, имѣющее особый интересъ для нашего настоящаго изслѣдованія—, именно совершенное отсутствіе нравственнаго чувства. Для тѣхъ, кто смотритъ на духъ съ метафизической точки зрѣнія, покажется, очевидно, невѣроятнымъ, чтобы отсутствіе нравственнаго чувства могло когда либо быть прирожденнымъ недостаткомъ психической организаціи; но если можно вообще хотя сколько-нибудь довѣрять наблюденію, мы должны будемъ признать, что такой недостатокъ дѣйствительно появляется иногда, какъ слѣдствіе помѣшательства родителей. Его можно замѣтить даже у маленькихъ дѣтей, которыя, гораздо раньше, чѣмъ они способны понять, что́ такое порокъ, обнаруживаютъ полное отсутствіе нравственнаго чувства, слѣдуя различнымъ дурнымъ наклонностямъ,— родъ настоящей нравственной тупости или помѣшательства. Подобно тому какъ есть люди, немогущіе различать нѣкоторыхъ цвѣтовъ, вслѣдствіе такъ наз. цвѣтной слѣпоты, и люди, которые не способны отличать одной мелодіи отъ другой, вслѣдствіе недостатка музыкальнаго уха,—такъ есть и люди съ врожденнымъ

недостаткомъ нравственнаго чувства. Рука объ руку съ этимъ недостаткомъ встрѣчается часто бо́льшая или меньшая тупость ума, но не всегда; у нѣкоторыхъ замѣчается поразительный умъ безъ слѣдовъ нравственнаго чувства.

Здѣсь мы снова приходимъ къ связи, существующей между преступленіемъ и помѣшательствомъ. Человѣкъ, лишенный нравственнаго чувства, естественно имѣетъ въ себѣ условія для того, чтобы сдѣлаться преступникомъ; а если умъ его не настолько развитъ, чтобы убѣдить его въ невозможности удачи и въ безуміи предпріятія, то онъ, по всей вѣроятности, совершитъ преступленіе. Я уже говорилъ въ первой главѣ, что преступники часто происходятъ изъ семействъ, въ которыхъ держатся помѣшательство или другіе неврозы, и что бываютъ случаи, гдѣ одинъ членъ семьи сходитъ съ ума, а другой дѣлается беззаботнымъ, впадаетъ въ безпорядочную жизнь, развратъ или даже преступленіе. Нѣсколько поразительныхъ случаевъ этого рода приведено у Мореля *), который изслѣдовалъ и весьма назидательно изобразилъ ходъ человѣческаго вырожденія въ развитіи *патологическихъ разновидностей* человѣческаго рода. Д-ръ Причардъ упоминаетъ объ одномъ семействѣ, нѣсколько членовъ котораго были помѣшаны и содержались въ домѣ помѣшанныхъ; они всѣ походили другъ на друга, и болѣзнь обнаруживалась приблизительно въ одномъ и томъ же періодѣ жизни; только младшій братъ по складу тѣла отличался отъ прочихъ

*) Traité des maladies mentales.

и, повидимому, долженъ былъ избѣгнуть ихъ участи. Было, впрочемъ, еще исключеніе изъ этой повальной болѣзни семьи, но исключеніе, какъ замѣчаетъ Причардъ, еще болѣе печальное. Одинъ изъ братьевъ никогда не былъ и не считался помѣшаннымъ, но онъ всю жизнь свою оставался безпутнымъ и развратнымъ и причинялъ величайшія непріятности и огорченія своимъ знакомымъ. Еслибы можно было раскрыть тайны природы каждаго человѣка, сколько развращенныхъ и злыхъ людей, которыхъ жизнь была бѣдствіемъ для нихъ самихъ и для другихъ, сколько презрѣнныхъ историческихъ личностей, дѣятельность которыхъ была жестокой карой для человѣчества, оказались бы продуктомъ какого-нибудь болѣзненнаго предрасположенія!

Итакъ, мы видимъ, что совершенно независимыя изслѣдованія наблюдателей въ различныхъ областяхъ природы приводятъ къ однимъ и тѣмъ же заключеніямъ относительно существенной зависимости нравственнаго чувства отъ организаціи. Въ первой главѣ было показано, что люди, сдѣлавшіе изученіе преступниковъ своей спеціальностью, нашли, что весьма часто значительный или совершенный недостатокъ нравственнаго чувства стоитъ въ связи съ болѣзненной организаціей; здѣсь же мы можемъ видѣть, что наблюденія людей, посвятившихъ себя изученію помѣшательства, привели ихъ къ убѣжденію, что отсутствіе нравственнаго чувства бываетъ иногда слѣдствіемъ происхожденія изъ помѣшаннаго семейства. Идя по двумъ различнымъ путямъ изслѣдованія, мы достигаемъ одного и того же результата. Нравственнаго чувства нельзя,

слѣдовательно, раціонально разсматривать съ одной духовной точки зрѣнія, не признавая его связи съ тѣлесной организаціей; оно есть продуктъ этой организаціи и находится въ такой же тѣсной зависимости отъ цѣлости той части нервной системы, которая служитъ его проявленію, какъ и всякая другая психическая дѣятельность. Нравственное чувство одобряетъ всѣ поступки, клонящіеся ко благу и преуспѣянію расы, и запретъ его падаетъ лишь на такія дѣйствія, которыя, не будучи сдерживаемы, повели бы къ вырожденію, если не къ совершенному уничтоженію человѣческаго рода. Другими словами, когда этотъ нервный центръ находится въ нормальномъ состояніи, его дѣятельность, подобно дѣятельности всѣхъ другихъ частей тѣла, ведетъ къ благосостоянію организма; когда же онъ не упражняется, онъ гибнетъ, и ведетъ къ индивидуальному упадку, а черезъ посредство отдѣльныхъ личностей, и къ вырожденію расы.

Врачъ-психологъ долженъ признать, что самое вѣрное представленіе относительно происхожденія нравственнаго чувства имѣютъ тѣ, которые считаютъ его пріобрѣтеннымъ. Мысль, что сознаніе общихъ интересовъ въ первобытномъ семействѣ или племени и привычное осужденіе индивидуальныхъ поступковъ, клонящихся къ ущербу семейства или племени, должно было, наконецъ, породить понятіе о добрѣ и злѣ по отношенію къ такимъ поступкамъ, и что это понятіе или чувство должно было въ теченіе поколѣній передаваться по наслѣдству въ формѣ болѣе или менѣе опредѣленнаго инстинктивнаго чувства, — такая мысль

вполнѣ согласна съ извѣстными намъ фактами относительно результатовъ воспитанія и наслѣдственности. Всѣмъ извѣстно, что было время, когда люди кочевали по своей странѣ семействами или небольшими племенами. Для того, чтобы они могли подняться изъ этого состоянія на высоту національной жизни, пріобрѣтеніе и развитіе нравственнаго чувства были, очевидно, необходимыми условіями — не въ формѣ предсозданныхъ дѣятелей, но какъ совмѣстные результаты развитія *). Развитіе это продолжаетъ идти впередъ, но доказательство того, до какой степени медленъ прогрессъ нравственнаго чувства, ясно видно на отношеніяхъ между народами. Люди достигли національной жизни, но еще не поднялись до международной. Въ силу нравственныхъ принциповъ, не измѣнившихся въ предѣлахъ историческихъ временъ, народы все еще восхваляютъ патріотизмъ, который въ сущности есть признакъ нравственной узкости, какъ величайшую доблесть; а государственные люди все еще подъ-часъ считаютъ умѣстнымъ издѣваться надъ космополитизмомъ.

---

*) „Еслибы мы могли представить себѣ, что человѣческій родъ возвращается вновь къ періоду ранняго дѣтства, переживая опять всѣ событія и явленія, путемъ которыхъ поднялся до настоящей высоты, и отдаетъ въ каждый періодъ времени и при каждомъ обстоятельствѣ столько же элементовъ своего характера и ума, сколько пріобрѣлъ при своемъ восхожденіи,—развѣ мы не нашли бы обломковъ и отрывковъ нравственнаго чувства, разсѣянныхъ повсюду на этомъ обратномъ пути, а въ началѣ его такое состояніе, которое, все равно назвать ли его обезьяньимъ или человѣческимъ, должно было быть лишено всякаго истиннаго моральнаго чувства.“— *Body and Mind*, p. 58.

Нельзя, однако, сомнѣваться, что придетъ время, хотя оно еще далеко, когда народы будутъ сознавать и чувствовать, что у нихъ всѣ интересы общіе; когда нравственное чувство будетъ вліять на отношенія между ними, и когда они перестанутъ изучать военное искусство. Оно придетъ какъ дальнѣйшая ступень развитія и какъ условіе общаго братства, совершенно такъ же какъ, появившись среди отдѣльныхъ племенъ, оно соединило ихъ въ національности и сдѣлало изъ патріотизма ту великую добродѣтель, которою онъ считается еще до сихъ поръ *).

Еслибы понадобились другіе доводы въ пользу мнѣнія, что совѣсть есть функція организаціи, высшее и совершеннѣйшее проявленіе высшаго и полнѣйшаго развитія этой организаціи, то ихъ легко заимствовать изъ наблюденій надъ состояніями нравственнаго извращенія. Припомнимъ до какой степени нравственный характеръ иногда извращается или исчезаетъ при болѣзняхъ или пораненіяхъ мозга. Способность, пріобрѣтаемая всего позднѣе въ теченіе человѣческаго развитія, первая страдаетъ, когда болѣзнь поражаетъ органъ душевныхъ отправленій. Одинъ изъ первыхъ признаковъ помѣшательства, обнаруживающійся ранѣе всякаго другого умственнаго разстройства, прежде чѣмъ

---

*) Патріотическое чувство, побуждающее людей жертвовать собой для блага страны, конечно, высокое нравственное чувство; но слово „патріотизмъ" часто употребляется или злоупотребляется для обозначенія національнаго чувства, ставящаго интересы одной страны выше интересовъ человѣчества и внушающаго изреченія въ родѣ: „наша родина стòитъ цѣлаго міра."

близкіе больного начнутъ подозрѣвать, что онъ теряетъ разсудокъ, есть преступленіе или совершенное извращеніе нравственнаго чувства. Въ крайнихъ случаяхъ приходится наблюдать, что скромный человѣкъ дѣлается надменнымъ и требовательнымъ, цѣломудренный — безстыднымъ и развратнымъ, честный человѣкъ — воромъ, правдивый—самымъ отъявленнымъ лгуномъ. Но, не доходя до этихъ крайнихъ ступеней, замѣчаются еще извращенія болѣе тонкія,—какая-то перемѣна, которую ближайшіе друзья всегда чувствуютъ, хотя не всегда въ состояніи въ точности опредѣлить ее. Эти признаки нравственнаго извращенія представляютъ, дѣйствительно, первые симптомы психическаго разстройства, которое при дальнѣйшемъ своемъ развитіи можетъ пройти всѣ ступени умственнаго безпорядка и кончиться совершенной потерей умственныхъ способностей, съ видимымъ разрушеніемъ нервныхъ клѣточекъ, управляющихъ душевными отправленіями. Неужели окончательныя явленія могутъ зависѣть отъ организаціи, или, вѣрнѣе, отъ разрушенія ея, а первоначальныя—нѣтъ? Этотъ ходъ нравственнаго разрушенія представляетъ лишь суммированіе въ одной личности тѣхъ явленій, которыя можно прослѣдить изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ обоихъ случаяхъ мы принуждены вѣрить, что нравственныя измѣненія такъ же тѣсно связаны съ физическими причинами, какъ и умственныя измѣненія, сопровождающія ихъ или слѣдующія за ними. Если это невѣрно, то намъ вообще придется проститься съ научнымъ методомъ изслѣдованія душевныхъ отправленій.

Обратимъ вниманіе на вліяніе, которое сильный

припадокъ помѣшательства оказываетъ иногда на нравственную природу человѣка. Больному возвращается разсудокъ; его умственныя способности такъ же свѣжи какъ прежде, но его характеръ измѣняется; онъ уже не тотъ человѣкъ; потрясеніе разрушило лучшую часть его душевной организаціи. Съ этого времени жизнь его можетъ быть столь же отличной отъ прежней, но только въ противоположномъ направленіи. Припадокъ падучей болѣзни производитъ то же дѣйствіе, уничтожая нравственное чувство, какъ иногда уничтожаетъ память; одно изъ самыхъ поразительныхъ явленій, наблюдаемыхъ въ домахъ помѣшанныхъ, есть рѣзкое измѣненіе характера эпилептика, которое предшествуетъ припадкамъ и возвѣщаетъ о нихъ. Горячка или пораненіе головы такимъ же точно образомъ измѣняютъ характеръ человѣка. Можно привести много примѣровъ съ разныхъ сторонъ для доказательства такого физическаго вліянія на нравственное существо, но будетъ, кажется, достаточно одного случая, взятаго изъ сочиненія д-ра Причарда, которое у меня какъ разъ подъ рукой. Въ одномъ многочисленномъ и почтенномъ семействѣ всѣ члены, за исключеніемъ одного мальчика, отличались строгими правилами, прекраснымъ характеромъ и вели правильную, трудовую жизнь. Съ мальчикомъ этимъ былъ въ дѣтствѣ какой-то несчастный случай, при которомъ онъ получилъ сильные ушибы въ голову. Онъ выросъ совершенно непохожимъ на остальныхъ дѣтей; съ нимъ не было никакого ладу, онъ велъ безпорядочную жизнь, предаваясь всевозможнымъ излишествамъ, былъ золъ и находился,

можно сказать, на крайней ступени помѣшательства, хотя умственныя способности его оставались нормальными. Д-ръ Уиганъ выражается такимъ образомъ, что его мысль кажется болѣе странной, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ; «я твердо убѣжденъ, говоритъ онъ, что не разъ измѣнялъ характеръ мальчика, приставивъ піявки къ внутренней сторонѣ его носа».

Заканчивая эту главу, я хочу высказать три опредѣленныхъ положенія и сдѣлать общій выводъ, вытекающій непосредственно изъ разбора ихъ содержанія. Положенія эти слѣдующія: Существуетъ душевно-болѣзненный темпераментъ, который, не будучи самъ по себѣ болѣзнью, можетъ легко и внезапно перейти въ дѣйствительное душевное разстройство, подъ вліяніемъ какого-нибудь внѣшняго или внутренняго потрясенія. Нравственное чувство, подобно всѣмъ другимъ чувствамъ, представляетъ функцію организаціи. Отсутствіе нравственнаго чувства бываетъ иногда слѣдствіемъ происхожденія изъ семейства, въ которомъ были случаи помѣшательства. Выводъ же мой состоитъ въ томъ, что прежде чѣмъ входить въ разборъ того, насколько и какъ помѣшательство видоизмѣняетъ отвѣтственность, намъ необходимо уяснить себѣ вполнѣ физіологическое значеніе этихъ положеній, проникнуться измѣненными отношеніями, въ которыя физіологическое изученіе духа ставитъ вопросы, бывшіе доселѣ исключительнымъ достояніемъ психологіи или теологіи.

ГЛАВА III.

РАЗЛИЧНЫЯ ФОРМЫ ДУШЕВНАГО РАЗСТРОЙСТВА.

Идіотизмъ и слабоуміе. — Влеченіе къ воровству, поджигательству (Клептоманія, пироманія) и пр. часто указываютъ на слабоуміе.— Умственное и чувственное (аффективное) помѣшательства. — Общее и частное сумасшествіе (mania). — Однопредметное и мрачное помѣшательство.— Безуміе.—Общій параличъ помѣшанныхъ.—Возраженія противъ общепринятой классификаціи, основанной на однихъ только выдающихся психическихъ симптомахъ.—Планъ для болѣе раціональной системы. — Діагнозъ душевныхъ болѣзней есть строго медицинскій вопросъ.—Классификація, предложенная Морелемъ.—Классификація, предложенная Скэ. — Направленіе будущихъ медицинскихъ изслѣдованій.— Долгъ врача говорить истину, какъ бы она ни была противна общественному мнѣнію.

Наблюдатель, начинающій изученіе различныхъ видовъ душевныхъ аномалій, проявляющихся у людей, замѣчаетъ съ первыхъ же шаговъ, что онъ долженъ отличать случаи отсутствія или слабости душевныхъ способностей отъ случаевъ душевнаго разстройства: первые принадлежатъ къ случаямъ *идіотизма* или *слабоумія*, вторые—къ помѣшательству въ собственномъ смыслѣ.

Идіотизмъ есть умственный недостатокъ, или врожденный или зависящій отъ извѣстныхъ вліяній на ор-

ганизмъ въ первые ранніе годы жизни, прежде чѣмъ началось развитіе умственныхъ способностей; онъ можетъ быть различныхъ степеней. Человѣкъ, пораженный идіотизмомъ, можетъ сохранить способность членораздѣльной рѣчи и обнаруживать нѣкоторую долю смышлености, или же онъ можетъ быть лишенъ всякихъ признаковъ разсудка и способности рѣчи и стоять на ступени почти чисто растительнаго организма. Слабоуміе, какъ показываетъ уже само названіе, есть просто тупость и слабость, вслѣдствіе недостаточнаго развитія душевныхъ способностей, и можетъ имѣть всевозможныя степени какъ въ умственной, такъ и въ нравственной сферѣ, переходя, съ одной стороны, по незамѣтнымъ ступенямъ, къ идіотизму, а съ другой, сливаясь постепенно съ обыкновеннымъ, дюжиннымъ умомъ. Бываютъ слабоумные, у которыхъ общій недостатокъ ума сопровождается страннымъ развитіемъ его въ какомъ-нибудь одномъ направленіи; они, напр., обнаруживаютъ поразительную память къ разнымъ подробностямъ, хорошо помнятъ числа, цифры, имена, мельчайшія обстоятельства, сопровождавшія какое-нибудь отдаленное событіе, про которое они вспоминаютъ и разсказываютъ съ величайшей точностью и вѣрностью; или же отличаются какими-нибудь особенными механическими талантами; или, наконецъ, обнаруживаютъ хитрость, которая, повидимому, стоитъ въ совершенномъ противорѣчіи съ ихъ общей умственной тупостью. Для того, чтобы въ отдѣльномъ случаѣ опредѣлить существованіе слабоумія, нужно доказать, что существуетъ недостаточность въ силѣ пониманія, и не только какъ недоста-

токъ развитія умственныхъ способностей, вслѣдствіе небрежности воспитанія, но какъ дѣйствительная бѣдность умственныхъ способностей, которую никакое воспитаніе не въ силахъ побѣдить, — недостатокъ ума. Ясно, однако, что невѣжество, которое является слѣдствіемъ крайней небрежности воспитанія, хотя ни доктора̀, ни юристы не согласятся отнести его къ слабоумію, по всей справедливости и по долгу человѣчности, должно быть признано обстоятельствомъ, уменьшающимъ отвѣтственность.

Очевидно, должно быть иногда весьма трудной задачей рѣшить существуетъ ли въ данномъ случаѣ слабоуміе или нѣтъ; что же касается вопроса о степени отвѣтственности лица, то рѣшеніе его можетъ быть еще болѣе затруднительнымъ, а иногда даже практически невозможнымъ. Никто, конечно, не станетъ спорить о невмѣняемости идіотовъ; относительно этихъ людей, лишенныхъ человѣческаго смысла волею судьбы, противъ которой они не въ силахъ бороться, было бы явной нелѣпостью говорить объ отвѣтственности и обязанностяхъ. Но не такъ просто рѣшеніе вопроса относительно слабоумныхъ; нѣкоторые изъ нихъ, такъ же очевидно, какъ и идіоты, не могутъ подняться на ступень вмѣняемости, но другіе имѣютъ несомнѣнно понятіе о добрѣ и злѣ и нѣкоторую возможность дѣлать добро и удерживаться отъ зла. Между тѣмъ, въ виду ихъ естественнаго умственнаго недостатка, было бы несправедливо присуждать имъ полную мѣру отвѣтственности, и мы принуждены допустить теоретически полную невмѣняемость и уменьшенную вмѣняемость. Точно

также нѣкоторые изъ нихъ въ состояніи вести свои дѣла, другіе нѣтъ, а про иныхъ трудно рѣшить этотъ вопросъ въ ту или другую сторону.

Нельзя установить точныхъ правилъ для опредѣленія отвѣтственности или степени умственнаго развитія во всѣхъ случаяхъ слабоумія; каждый случай долженъ быть взвѣшенъ особо; необходимо принимать въ разсчетъ поведеніе человѣка въ теченіе всей его жизни, чтобы рѣшить, насколько умственныя способности его недостаточны. Наблюденіе показываетъ въ самомъ дѣлѣ, что наклонность къ воровству, поджигательству и насильственнымъ дѣйствіямъ весьма обыкновенна въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ умъ слабъ, а страсти сильно развиты; и весьма многія преступленія, какъ, напримѣръ, поджоги, изнасилованія, кражи и даже убійства совершались нерѣдко субъектами совершенно слабоумными: это—существа, достигшія низшей степени вырожденія расы, чѣмъ тѣ преступники, которые, какъ показано въ одной изъ прежнихъ главъ, только приближаются къ слабоумному типу.

При разборѣ многочисленныхъ разновидностей душевныхъ болѣзней мы находимъ, что онѣ могутъ быть распредѣлены на два большіе отдѣла, смотря по присутствію или отсутствію осязательнаго умственнаго разстройства. Первый отдѣлъ будетъ состоять изъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ замѣчается помѣшательство въ мысляхъ или помѣшательство съ ложными представленіями; эти формы можно назвать *умственнымъ* или *мыслительнымъ* помѣшательствомъ (intellectual insanity). Во второй отдѣлъ войдутъ всѣ тѣ случаи, гдѣ безъ

нелѣпыхъ идей или непослѣдовательности въ мысляхъ замѣчается извращеніе чувствъ и поступковъ; его можно назвать *чувственнымъ помѣшательствомъ* (affective insanity).

Здѣсь, при самомъ началѣ, врачебному опыту приходится уже сталкиваться съ юридическими преданіями и общественными предразсудками. Общее понятіе таково, что помѣшанный долженъ проявлять свою болѣзнь нелѣпыми идеями, неистовствомъ или большими странностями въ поступкахъ, и что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этихъ симптомовъ нѣтъ, не можетъ быть и помѣшательства; всѣ вообще привыкли думать, что помѣшательство вещь такая очевидная, что всякій сразу узнаетъ ее. Юристы, у которыхъ понятіе о душевныхъ болѣзняхъ мало чѣмъ отличается отъ ходячихъ понятій публики, тоже раздѣляютъ это убѣжденіе. Отсюда, когда врачъ свидѣтельствуетъ о существованіи менѣе рѣзкихъ формъ болѣзни, гдѣ симптомы имѣютъ болѣе тонкій и темный характеръ, юристы склонны думать, что онъ развиваетъ остроумныя и фантастическія теоріи съ желаніемъ блеснуть своей проницательностью, или что умъ его, подъ вліяніемъ спеціальныхъ занятій, принялъ такой складъ, что онъ будетъ находить помѣшательство въ каждомъ случаѣ, который начнетъ разбирать. Но факты остаются и говорятъ сами за себя, наперекоръ презрительнымъ насмѣшкамъ надъ медицинскими теоріями. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что существуютъ такіе случаи помѣшательства, гдѣ умственное разстройство мало или вовсе не замѣтно, и что, далѣе, нѣкоторыя изъ наиболѣе опасныхъ формъ душевныхъ болѣзней принадлежатъ

именно къ этой категоріи; наиболѣе же опасны онѣ потому, что помѣшательство проявляется здѣсь не въ мысляхъ, а въ поступкахъ. Необходимо, слѣдовательно, обращать вниманіе на эти случаи, хотя это можетъ и не нравиться тѣмъ, которые не имѣли повода или не хотѣли дать себѣ труда познакомиться ближе съ фактами.

При изученіи *умственнаго* помѣшательства или сумасшествія (mania) [слово сумасшествіе (mania) часто употребляется какъ синонимъ помѣшательства вообще], мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ разстройство мыслей бываетъ общее, причемъ больной обнаруживаетъ разнообразныя нелѣпыя идеи или бóльшую или меньшую безсвязность, и что въ другихъ, бредъ, повидимому, ограничивается однимъ предметомъ или извѣстнымъ рядомъ представленій, тогда какъ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ разсудокъ остается нормальнымъ. Перваго рода случаи принадлежатъ къ категоріи такъ наз. *общаго сумасшествія,* которое можетъ быть острымъ или хроническимъ; случаи втораго рода принадлежатъ къ категоріи *частнаго сумасшествія,* которое всегда имѣетъ хроническій характеръ. Весьма рѣдко возникаетъ споръ о вмѣняемости въ случаяхъ общаго сумасшествія, такъ какъ умственное разстройство здѣсь слишкомъ рѣзко бросается въ глаза. Тѣмъ не менѣе можно все-таки замѣтить мимоходомъ, что еслибы юридическій критерій вмѣняемости (т.-е. понятіе о добрѣ и злѣ въ преступникѣ по отношенію къ конкретному случаю) прилагался всегда съ должной послѣдовательностью, то законная кара не разъ постигала бы людей, страдающихъ общимъ

сумасшествіемъ, и которые, въ порывѣ бѣшенства, совершаютъ насильственныя дѣйствія, сознавая, что не должны ихъ совершать и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣя силы отъ нихъ удержаться.

Существованіе такъ называемаго частнаго сумасшествія легко допускается: ни со стороны закона, ни со стороны общественнаго мнѣнія нѣтъ недостатка въ доброй волѣ признать, что человѣкъ можетъ быть помѣшанъ на одномъ пунктѣ и умственно здоровъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; хотя, если достаточно взвѣсить всѣ обстоятельства, такая теорія страннѣе той, по которой человѣкъ можетъ обнаруживать помѣшательство въ чувствахъ и поступкахъ безъ нелѣпыхъ идей. Существуетъ даже наклонность преувеличивать частоту такихъ случаевъ и давать этому состоянію болѣе точную опредѣленность, чѣмъ допускаетъ природа самого явленія. Столкновеніе между медицинскимъ опытомъ и юридическимъ догматомъ происходитъ здѣсь въ вопросѣ о вмѣняемости лица, одержимаго этой болѣзнью, по отношенію къ совершенному имъ преступленію, не вытекающему непосредственно изъ пункта его помѣшательства; юристы утверждаютъ, что онъ долженъ, а врачи, что *не* долженъ быть наказанъ такъ же строго, какъ будто находился въ совершенно здравомъ умѣ.

Обыкновенно принято подраздѣлять частное сумасшествіе на *однопредметное помѣшательство (мономанію)* и *мрачное помѣшательство* по характеру настроенія, преобладающаго въ бредѣ больного. Когда въ человѣкѣ преобладаетъ возбужденное, самодовольное и счастливое настроеніе, и когда разстройство мыслей

происходитъ у него въ этомъ направленіи, въ нихъ признаютъ *мономанію*; когда же онъ, напротивъ, угнетенъ, несчастливъ, недоволенъ собой и другими и имѣетъ соотвѣтственныя нелѣпыя идеи, говорятъ, что онъ страдаетъ *мрачнымъ помѣшательствомъ*. Нѣкоторые психіатры, впрочемъ, отводятъ мрачному помѣшательству особое мѣсто и признаютъ однопредметное помѣшательство (мономанію) и частное сумасшествіе синонимами, несмотря на то, что нѣкоторые случаи мрачнаго помѣшательства на самомъ дѣлѣ представляютъ самые поразительные примѣры частнаго сумасшествія. Случается же это потому, что есть случаи, гдѣ разнообразныя мучительныя представленія и нелѣпыя идеи присоединяются къ общему угнетенію, гдѣ общее умственное разстройство дѣйствительно присоединяется къ мрачному угнетенію. Отсюда всѣ случаи мрачнаго помѣшательства не могутъ быть справедливо описаны, какъ случаи частнаго сумасшествія, потому что они иногда представляютъ на самомъ дѣлѣ случаи остраго общаго разстройства, которые, въ свою очередь, такъ близко соприкасаются или такъ сливаются съ острымъ неистовствомъ, что ихъ не всегда можно отличить. Если вообще можно прилагать къ мрачному помѣшательству названіе однопредметнаго помѣшательства (мономаніи), то только къ хронической формѣ этой болѣзни, къ той, которую Эскироль предложилъ называть lypemania. Неопредѣленность этихъ подраздѣленій, столь очевидная изъ сказаннаго, доказываетъ искусственность и неудовлетворительность общепринятой классификаціи, которая удерживаетъ свои права только потому, что лучшая не

была еще предложена или, если и была предложена, то не была принята.

Когда какая-либо изъ перечисленныхъ выше формъ помѣшательства длится нѣкоторое время безъ излеченія, то умственныя способности часто ослабѣваютъ, и человѣкъ, проходя различныя ступени помѣшательства, впадаетъ наконецъ въ состояніе, называемое безуміемъ (dementia). Это разрушеніе умственныхъ способностей болѣзнью можетъ, конечно, быть болѣе или менѣе полнымъ и общимъ; въ худшихъ случаяхъ безумія больные стоятъ такъ же низко, какъ и совершенные идіоты, и отличаются отъ нихъ только тѣмъ, что утратили способность, которую тѣ никогда не имѣли.

Есть одна поразительная форма помѣшательства, при которой психическіе симптомы, довольно однообразнаго характера, сопровождаются признаками постепенно усиливающагося паралича мышечной системы и которая идетъ опредѣленнымъ порядкомъ къ роковому концу. На этомъ основаніи принято давать ей особенное мѣсто и называть *общимъ параличемъ помѣшанныхъ*. Нельзя не замѣтить въ этомъ уклоненіе отъ общаго принципа классификаціи душевныхъ болѣзней по выдающимся признакамъ разстройства психической дѣятельности; здѣсь обращено главное вниманіе на физическіе симптомы, сопровождающіе умственное разстройство, и они-то и положены въ основаніе термина.

За этимъ единственнымъ исключеніемъ, впрочемъ, общепринятая классификація основана на признаніи нѣсколькихъ наиболѣе выдающихся психическихъ симптомовъ и имѣетъ чисто психологическій характеръ. Она

сводится въ общихъ чертахъ къ слѣдующему: когда человѣкъ находится въ возбужденномъ состояніи и бредитъ болѣе или менѣе безсвязно, то у него острое неистовство (acute mania); когда при переходѣ въ болѣе покойное состояніе онъ продолжаетъ имѣть нелѣпыя идеи и бредить, то у него *хроническое сумасшествіе* (chronic mania) *); когда у него проявляются безумныя представленія относительно одного предмета или извѣстнаго ряда мыслей, объ остальныхъ же онъ разсуждаетъ здраво, то у него *однопредметное помѣшательство*, (monomania); когда онъ угрюмъ, печаленъ и воображаетъ себя разоренным или осужденнымъ на гибель, то у него *мрачное помѣшательство* (melancholia); наконецъ, когда память его теряется, чувства гаснутъ, умственныя способности слабѣютъ или исчезаютъ, то болѣзнь его называютъ *безуміе* (dementia).

Многіе оставались недовольны этой классификаціей и дѣлали безплодныя попытки замѣнить ее лучшею. Она до крайности неопредѣленна и, очевидно, объясняетъ весьма мало сущность болѣзни. Это просто грубый подборъ нѣсколькихъ рѣзкихъ симптомовъ, а не точная классификація различныхъ видовъ болѣзни, собранныхъ подъ общимъ именемъ помѣшательства. Мы изъ нея не узнаёмъ ровно ничего относительно спеціальной формы болѣзни, ея теченія и продолжительности, вѣроятнаго исхода и наиболѣе цѣлесообразнаго леченія. Кромѣ

---

*) Это состояніе составляетъ т. наз. mania universalis — безсмысліе, и нѣкоторые другіе виды.

Пр. Ред.

того, она принесла не мало вреда, приковавъ вниманіе къ небольшому числу общихъ психическихъ симптомовъ и отвлекая наблюденіе отъ разнообразныхъ физическихъ причинъ и симптомовъ болѣзни; она укрѣпила убѣжденіе, что помѣшательство есть душевная болѣзнь, не показавъ въ то же время съ достаточною ясностью, что это вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣзнь тѣла. Неудивительно послѣ этого, если не разъ высказывалось мнѣніе, что всякій человѣкъ, обладающій здравымъ смысломъ, столько же компетентенъ, какъ и врачъ, при опредѣленіи помѣшательства. Противъ этого мнѣнія нельзя было бы ничего возразить, если бы только опредѣлить настоящее значеніе здраваго смысла, вытекающаго изъ опыта и знанія и составляющаго въ каждомъ отдѣлѣ научнаго изслѣдованія здравое убѣжденіе всѣхъ, соединяющихъ въ себѣ эти условія; тогда какъ пресловутый здравый смыслъ людей, неимѣющихъ надлежащихъ свѣдѣній, легко можетъ быть только общимъ предразсудкомъ, порожденнымъ невѣжествомъ. И въ самомъ дѣлѣ, можно было бы назвать выходящимъ изъ обыкновеннаго ряда здравомыслящихъ людей всякаго, кто, не имѣя спеціальнаго опыта, былъ бы столь же компетентнымъ, какъ люди долго трудившіеся для того, чтобы путемъ терпѣливаго изслѣдованія познакомиться съ болѣзнію во всѣхъ ея фазахъ. Не странно ли, далѣе, что здравый смыслъ признавался мѣриломъ того, что́ по существу своему есть отсутствіе всякаго смысла, — что́ составляетъ прямую противоположность всѣмъ проявленіямъ здороваго состоянія?

Съ помощью примѣра, можно будетъ всего яснѣе

показать до какой степени необходимо наблюденіе, руководимое опытомъ, для того, чтобы придти къ вѣрному заключенію. Человѣкъ, до той поры воздержный, осмотрительный и трудолюбивый, примѣрный во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ, вдругъ рѣзко измѣняется, предается безпорядочной жизни, бросается, очертя голову, въ спекуляціи и становится равнодушнымъ къ женѣ, семейству и всѣмъ обязанностямъ своего общественнаго положенія. Недоумѣвающіе друзья видятъ только результатъ порока и оплакиваютъ его уклоненіе съ пути добродѣтели. Нѣкоторое время спустя, они слышатъ, что онъ судится за какое нибудь оскорбленіе дѣйствіемъ, или кражу денегъ или драгоцѣнностей, и не слишкомъ удивлены, что его дурныя страсти довели его до такого паденія. Опытный врачъ, которому поручено изслѣдованіе преступника, находитъ въ немъ нѣкоторую странность произношенія и, быть можетъ, различную величину зрачковъ — признаки, которые, въ соединеніи съ его прежней исторіей, позволяютъ врачу сказать съ положительною увѣренностью, что преступникъ пораженъ болѣзнью, которая, подкапывая мало-по-малу его умственныя способности и физическія силы, въ непродолжительномъ времени разрушитъ ихъ окончательно и сведетъ его въ могилу. Наше знаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ точно, что мы въ состояніи выполнить то, что́ составляетъ пробный камень науки — предсказать съ увѣренностью будущія явленія. Безпорядочная жизнь, спекуляціи и даже воровство были въ описанномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, первыми признаками общаго паралича помѣ-

шанныхъ. Здѣсь здравый смыслъ безъ спеціальныхъ знаній, очевидно, имѣлъ бы мало шансовъ придти къ вѣрному заключенію. Примѣръ этотъ можетъ, кромѣ того, показать намъ какъ недостаточна классификація, основанная на однихъ только психическихъ симптомахъ, и какъ мало положительныхъ свѣдѣній мы можемъ пріобрѣсти, если будемъ довольствоваться такою классификаціею. Въ самомъ дѣлѣ, на первыхъ ступеняхъ развитія болѣзни было бы необходимо отнести симптомы къ *чувственному или нравственному* помѣшательству, въ дальнѣйшихъ фазахъ развитія къ *умственному* помѣшательству и, наконецъ, къ состоянію *безумія*. Такимъ образомъ, больной, въ теченіе короткаго періода времени, можетъ пройти всѣ разряды симптомовъ, страдая отъ одной и той же болѣзни. Все это до такой степени очевидно, и психическіе и физическіе признаки общаго паралича до такой степени характеристичны, что всѣ психіатры единогласно дѣлаютъ относительно этой болѣзни исключеніе изъ общаго правила классификаціи; они ставятъ общій параличъ помѣшанныхъ въ особый отдѣлъ, произнося такимъ образомъ на дѣлѣ строгій приговоръ противъ чисто психологической классификаціи.

Примѣръ, который служилъ для указанія недостатковъ, можетъ также служить для указанія средства избѣжать ихъ. Мы должны только поступать относительно прочихъ формъ помѣшательства совершенно такъ же, какъ поступаемъ съ общимъ параличемъ помѣшанныхъ, т.-е. изучать внимательно ихъ естественную исторію и стараться придти такимъ образомъ къ есте-

ственной классификаціи. Точнымъ наблюденіемъ причины, физическихъ и психическихъ симптомовъ, а также теченія болѣзни въ каждомъ данномъ случаѣ, мы, при накопленіи такихъ наблюденій, будемъ, вѣроятно, современемъ имѣть возможность образовать естественныя группы или семейства, которыя всѣ будутъ имѣть свои характеристическіе признаки, такъ что изученіе послѣднихъ позволитъ намъ въ одно и то же время сдѣлать положительныя заключенія о причинѣ, теченіи и вѣроятномъ исходѣ болѣзни въ каждомъ частномъ случаѣ, принадлежащемъ къ извѣстной группѣ. Цѣлью нашей должно быть примѣненіе строгихъ правилъ индуктивнаго изслѣдованія и обобщенія къ изученію помѣшательства, отъ перваго проявленія до послѣдней его ступени, точное опредѣленіе предшествующихъ условій болѣзни въ каждомъ случаѣ и, наконецъ, внимательное наблюденіе всѣхъ фактовъ физическихъ и психическихъ, проявляющихся въ его теченіи. Мы должны, такъ сказать, дѣлать опыты надъ больнымъ, употребляя различные пріемы для распознаванія индивидуальныхъ особенностей его ума, какъ мы употребляемъ различныя средства для опредѣленія его физическихъ страданій, чтобы такимъ образомъ получить полную и точную исторію болѣзни. Собравъ извѣстное число такихъ наблюденій, мы должны будемъ распредѣлить ихъ на группы или соединить въ естественные типы; и когда затѣмъ мы встрѣтимся на практикѣ съ какимъ нибудь случаемъ, мы будемъ имѣть возможность, сославшись на его естественный порядокъ, получить точное опредѣленіе. Между тѣмъ, при теперешней системѣ обозначенія неопредѣленнымъ

терминомъ цѣлаго ряда страданій, изъ которыхъ многія имѣютъ между собой едва ли что либо общее, кромѣ какого нибудь выдающагося симптома, отъ котораго заимствовано самое названіе, мы получаемъ до крайности неопредѣленное понятіе болѣзни, а иногда и ровно никакого.

Очевидно, что чѣмъ дальше пойдетъ медицина по этому пути индуктивнаго изслѣдованія, тѣмъ меньше будетъ она подвергаться критикѣ юристовъ и другихъ, неимѣющихъ практическихъ познаній въ болѣзняхъ этого рода. Невозможны станутъ тогда мнѣнія въ родѣ тѣхъ, которыя не такъ давно высказалъ, по невѣжеству, одинъ изъ англійскихъ лордовъ-канцлеровъ, заявившій, что душевныя болѣзни составляютъ, по существу своему, предметъ нравственнаго изслѣдованія, и возстававшій противъ «вреднаго направленія, развившагося въ послѣднее время, считать помѣшательство физическимъ страданіемъ». Станетъ болѣе и болѣе яснымъ для всѣхъ, что при опредѣленіи природы этихъ болѣзненныхъ явленій необходимо руководиться познаніями людей, сдѣлавшихъ ихъ изученіе предметомъ своей спеціальности. Для каждаго выяснится тогда нелѣпость притязанія юристовъ устанавливать медицинскій діагнозъ помѣшательства безъ врачебной помощи, какъ теперь очевидна для всякаго нелѣпость притязаній юриста, который вздумалъ бы опредѣлять горячку или оспу. Случаи, впрочемъ, не совершенно сходны: врачи, правда, рѣшаютъ вопросъ о помѣшательствѣ въ сомнительныхъ случаяхъ, гдѣ оно приводится въ объясненіе преступленія, но необходимо помнить, что и на судьяхъ

тоже лежитъ обязанность дѣлать діагностику—діагностику преступленія; притомъ симптомы, на основаніи которыхъ, какъ юристы, такъ и врачи постановляютъ рѣшенія, во многихъ случаяхъ одни и тѣ же. По несчастію, юристъ, который способенъ видѣть и оцѣнять симптомы, указывающіе на преступленіе, не имѣетъ возможности оцѣнить должнымъ образомъ симптомы, указывающіе на болѣзнь; онъ просматриваетъ или не понимаетъ ихъ, потому что для него они не имѣютъ никакого значенія; онъ склоненъ думать, что врачъ, замѣчающій ихъ и понимающій ихъ серьёзное значеніе, дѣлаетъ изъ преступленія доказательство психическаго разстройства. Наклонность къ воровству въ раннихъ фазахъ общаго паралича помѣшанныхъ — фактъ несомнѣнный; но кто, кромѣ врача, обратитъ вниманіе на различную величину зрачковъ и особенности произношенія, составляющія первые симптомы этой неизлечимой болѣзни мозга, и кто, кромѣ него, можетъ разъяснить должнымъ образомъ значеніе этого случая воровства? Такъ какъ помѣшательство есть болѣзнь, *которая не можетъ существовать безъ* разстройства физическихъ органовъ и отправленій, то распознаваніе его должно исключительно принадлежать врачу; онъ одинъ въ состояніи открыть и оцѣнить эти разстройства. Тѣ, которые вздумаютъ отнимать отъ него право діагностики, могутъ съ совершенною послѣдовательностью взять на себя и леченіе болѣзни.

Морель, замѣчательный, недавно умершій врачъ при больницѣ для помѣшанныхъ въ Сентъ-Іонѣ, близъ Руана, предложилъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, новую

систему классификаціи душевныхъ болѣзней, которая, не смотря на то, что неудобна для практическихъ цѣлей и имѣетъ нѣкоторые большіе теоретическіе недостатки, заслуживаетъ вниманія, какъ выраженіе современнаго направленія изслѣдованія въ систематической формѣ. Морель поставилъ себѣ цѣлью распредѣлить психическія разстройства по ихъ причинамъ и образовалъ изъ нихъ шесть главныхъ группъ, которыя въ свою очередь распадаются на отдѣльные классы и виды. Перечисленіе этихъ группъ можетъ показать до какой степени помѣшательство представляетъ чисто физическое страданіе, и какъ мало положительныхъ свѣдѣній относительно его причинъ и природы можно получить для каждаго отдѣльнаго случая всякимъ другимъ путемъ, помимо медицинскихъ наблюденій и выводовъ.

Первую группу онъ называетъ *наслѣдственнымъ помѣшательствомъ*. Всѣ относящіеся сюда случаи имѣютъ, по его мнѣнію, спеціальные признаки, по которымъ ихъ можно распознавать. Проявленіе болѣзни можетъ быть вызвано обыкновенными причинами; но, разъ она развилась, въ ея общемъ характерѣ, теченіи и исходѣ есть особыя черты, которыя всякому опытному наблюдателю ясно указываютъ на ея происхожденіе. Вторая группа обнимаетъ собой всѣ тѣ случаи помѣшательства, гдѣ причиной заболѣванія является употребленіе опьяняющихъ и наркотическихъ средствъ, каковы: алкоголь, опій, гашишъ, или ядовитыхъ веществъ, какъ напр.: фосфора, свинца или ртути; сюда же относятся, наконецъ, случаи заболѣванія вслѣдствіе вред-

наго вліянія болотныхъ испареній. Разстройства физическихъ и психическихъ отправленій, наблюдаемыя во всѣхъ разновидностяхъ этой группы, хотя и представляютъ спеціальныя особенности, требующія подраздѣленія, но имѣютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, столько общаго и, по мнѣнію Мореля, до такой степени характеристичны, что могутъ быть, по всей справедливости, отнесены къ особой группѣ, которую онъ называетъ *токсическимъ помѣшательствомъ.* Третья большая группа состоитъ изъ психическихъ разстройствъ, обусловленныхъ *видоизмѣненіемъ другихъ неврозовъ*, и обнимаетъ собою истерическое, эпилептическое и ипохондрическое помѣшательства. Истерика, эпилепсія и ипохондрія имѣютъ особенное вліяніе на характеръ мыслей и поступковъ людей, одержимыхъ ими; въ характерѣ разстройства въ каждомъ случаѣ отражается въ основныхъ чертахъ общій характеръ невроза, котораго онъ служитъ видоизмѣненіемъ, хотя въ то же самое время каждая болѣзнь представляетъ признаки, свойственные не только ей, но и другимъ подраздѣленіямъ группы. Четвертая группа Мореля обнимаетъ собой всѣ случаи, гдѣ помѣшательство зависитъ отъ *идіопатическаго заболѣванія мозга*. Главное мѣсто занимаетъ здѣсь общій параличъ помѣшанныхъ; другую разновидность составляютъ тѣ случаи, гдѣ наблюдается постепенное ослабленіе или уничтоженіе умственныхъ способностей, вслѣдствіе хроническаго страданія мозга или его оболочекъ. Пятая группа носитъ названіе *симпатическаго помѣшательства* и обнимаетъ собой всѣ случаи, въ которыхъ первоначальное гнѣздо болѣзни не мозгъ, а какой нибудь дру-

гой органъ, такъ что мозгъ пораженъ уже послѣдовательно или симпатически. Шестая и послѣдняя группа не была основана на какомъ либо отношеніи болѣзни къ ея причинѣ, представляя такимъ образомъ уклоненіе отъ общаго принципа классификаціи, и была принята ради удобства. Къ ней были отнесены всѣ случаи *безумія* (demence), конечныя стадіи умственнаго разрушенія.

Я не буду распространяться подробно о недостаткахъ этого плана классификаціи, предложеннаго Морелемъ; достаточно будетъ сказать, что онъ имѣетъ заслугу, указывая съ должной ясностью на физическую причину душевныхъ болѣзней. Нѣтъ сомнѣнія, что психическое разстройство можетъ быть обусловлено любой изъ причинъ, указанныхъ Морелемъ, и что, разъ оно обнаружилось, являются неизбѣжно физическіе симптомы, составляющіе столь же существенную часть болѣзни, какъ и психическіе симптомы, обращающіе на себя главное вниманіе. Итакъ, вмѣсто того, чтобы останавливаться на выдающемся психическомъ симптомѣ, каково, напр., влеченіе къ самоубійству, убійству, воровству, поджигательству и т. д., которое можно встрѣтить въ отдѣльныхъ случаяхъ, и вмѣсто того, чтобы создавать такія патологическія сущности, какъ манія самоубійства, манія убійства, клептоманія и пироманія, не существующія въ видѣ отдѣльной болѣзни, цѣль изслѣдователя должна быть—наблюдать внимательно всѣ физическія и психическія черты и терпѣливо прослѣдить въ нихъ развитіе причинъ. Если ему встрѣтится случай помѣшательства, соединенный съ маніей убійства, онъ обратитъ вни-

маніе на другіе симптомы, къ которымъ присоединяется это влеченіе, отнесетъ за тѣмъ случай къ естественной группѣ, къ которой онъ принадлежитъ, и выяснитъ его отношеніе къ причинамъ. Такимъ образомъ, онъ представитъ точную картину дѣйствительной болѣзни, вмѣсто того, чтобы скрывать недостаточность наблюденія подъ громкими именами и представлять подобіе знанія придумываніемъ того, что̀ можетъ быть только названо болѣзненной метафизической сущностью.

Д-ру Скэ изъ Морнингсайда мы обязаны другою похвальною попыткой распредѣлить разновидности психическихъ разстройствъ на естественныя группы, отличающіяся характеристическими чертами. Онъ предложилъ классификацію помѣшательствъ не по психическимъ симптомамъ, но по физическимъ состояніямъ, которыя сопровождаются душевными разстройствами. Съ этой точки зрѣнія онъ установилъ не меньше 35 группъ, изъ которыхъ каждая соотвѣтствуетъ особому физическому состоянію и имѣетъ своеобразный психологическій характеръ. Здѣсь не мѣсто описывать и разбирать эти такъ называемые естественные порядки, которые должны еще пріобрѣсти себѣ права гражданства; достаточно будетъ вкратцѣ указать на ихъ характеръ, чтобы показать какое направленіе принимаетъ теперь научное изслѣдованіе душевныхъ болѣзней.

Первую естественную группу составляетъ *идіотизмъ*, обнимающій собой *слабоуміе* всѣхъ видовъ и степеней. Къ этой группѣ должны быть отнесены всѣ случаи настоящаго нравственнаго идіотизма и слабоумія, изъ которыхъ многіе въ прежнихъ классификаціяхъ являются

разными видами мономанiи, напр., случаи инстинктивной жестокости, страсти къ разрушенiю и воровству. Многiе изъ одержимыхъ клептоманiей, по справедливому наблюденiю д-ра Скэ, обнаруживали эту наклонность съ ранняго дѣтства и были нравственными идiотами. Ко второй группѣ принадлежитъ *эпилептическое помѣшательство*, обнимающее собой случаи помѣшательства, стоящiе въ связи съ падучей болѣзнью, и изъ которыхъ иные, если не всѣ, дѣйствительно имѣютъ типичныя психологическiя черты. Затѣмъ слѣдуетъ группа *помѣшательства перiода возмужалости*, которое появляется въ этомъ возрастѣ и связано, повидимому, съ измѣненiями въ кровообращенiи и нервной системѣ. Неоспоримо, что эти важныя измѣненiя производятъ большiе перевороты въ физической и психической экономiи и иногда бываютъ причиной помѣшательства, въ особенности у субъектовъ съ предрасположенiемъ къ нему. Слѣдуетъ также согласиться съ тѣмъ, что психическiе симптомы имѣютъ здѣсь нѣкоторую особенность, хотя и не принадлежатъ исключительно этой формѣ. *Помѣшательство во время беременности, послѣ-родового состоянiя и перiода кормленiя грудью* составляетъ опять три отдѣльныя группы, такъ что знанiе характеристическихъ чертъ каждой изъ нихъ даетъ внимательному наблюдателю возможность сразу отнести каждый отдѣльный случай къ надлежащей категорiи. У женщинъ проявляются иногда душевныя разстройства въ климактерическомъ перiодѣ и отличаются нѣкоторыми особенностями, заставившими отнести ихъ къ группѣ *климактерическаго помѣшательства*. Когда помѣшательство появляется въ соединенiи

съ чахоткою и въ особенности, когда обѣ болѣзни обнаруживаются у страждущаго одновременно, то умственное разстройство имѣетъ тоже особый характеръ, который, повидимому, даетъ право образовать новую группу случаевъ, подъ названіемъ *чахоточнаго помѣшательства.* Психическія разстройства старческаго возраста, которыя могутъ начаться въ формѣ неистовства или мрачнаго помѣшательства, но обыкновенно представляютъ болѣе или менѣе рѣзкія черты слабоумія, образуютъ отдѣльную естественную группу *старческаго помѣшательства.* Бѣлая горячка и родственная ей болѣзнь *дипсоманія* образуютъ двѣ новыя группы.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы дать понятіе объ естественныхъ группахъ, установленныхъ д-ромъ Скэ. Всѣ случаи, которые не подходятъ ни подъ одну изъ этихъ группъ, онъ собираетъ въ особый отдѣлъ, подъ общимъ названіемъ *идіопатическаго помѣшательства,* распадающійся на двѣ формы: *стеническую* и *астеническую,* смотря по возбужденному или ослабленному состоянію физическаго здоровья. Всѣ эти случаи, острые или хроническіе, стеническіе или астеническіе, съ симптомами возбужденія или угнетенія, могутъ быть отнесены къ развившимся вслѣдствіе нравственныхъ причинъ, каковы: потеря состоянія или близкихъ, сильное нравственное потрясеніе или напряженное состояніе духа; ближайшая же причина, предшествующая этимъ болѣзнямъ, вездѣ одна и та же—потеря сна.

На основаніи терминовъ, употребляемыхъ въ этой классификаціи для обозначенія отдѣльныхъ группъ, её можно принять за классификацію, основанную на этіо-

логіи, т.-е. на дѣйствительной или воображаемой причинѣ въ каждомъ частномъ случаѣ. Но авторъ ея вовсе не имѣлъ этого въ виду: его цѣлью было открыть всѣ отличительные признаки общей естественной исторіи болѣзни, въ первыхъ ея проявленіяхъ, видоизмѣненіяхъ, теченіи и исходѣ, равно какъ и предполагаемыя причины, и, собравъ такимъ образомъ всѣ однородные случаи, образовать естественное семейство или группу случаевъ. Предполагаемая или частная причина служитъ только для наиболѣе удобнаго опредѣленія группъ. Названіе не имѣетъ большого значенія, пока не вводитъ насъ въ заблужденіе: сущность вопроса заключается, очевидно, въ томъ, существуетъ ли на самомъ дѣлѣ столько различныхъ группъ, имѣющихъ характеристическіе признаки, столько настоящихъ естественныхъ порядковъ, какъ описываетъ Скэ. Но на это можно отвѣчать лишь послѣ внимательнаго наблюденія на широкомъ полѣ опыта.

Каковы бы ни были результаты будущихъ изслѣдованій, достовѣрно то, что нѣкоторые изъ установленныхъ естественныхъ порядковъ имѣютъ практическое значеніе, и что они основаны на методѣ, которому инстинктивно слѣдуетъ каждый опытный врачъ, когда ему приходится высказывать свое заключеніе относительно сомнительнаго случая психическаго разстройства. Онъ не спрашиваетъ себя, принадлежитъ ли этотъ случай къ неистовству или мрачному помѣшательству, зная, что это не объяснитъ ему дѣла; но онъ задаетъ себѣ вопросъ, не связано ли это помѣшательство съ падучею болѣзнью, чахоткой или беременностью, или, наконецъ, не представляетъ ли

оно случая общаго паралича; затѣмъ, сравниваетъ данный случай съ какимъ нибудь аналогичнымъ, встрѣтившимся въ его практикѣ. Чѣмъ больше однородныхъ наблюденій накопилось въ его памяти, тѣмъ важнѣе будетъ его сужденіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, разница между искуснымъ врачемъ и менѣе искуснымъ по отношенію къ душевнымъ болѣзнямъ опредѣляется, какъ и во всѣхъ отдѣлахъ столь неточной науки, какъ медицина, числомъ и разнообразіемъ случаевъ, которые врачъ успѣлъ накопить въ своей памяти. Онъ, можетъ быть, не всегда въ состояніи дать другимъ ясный отчетъ, какимъ образомъ онъ пришелъ къ своему заключенію, потому что безсознательное пріобрѣтеніе и инстинктивное рѣшеніе предшествуютъ сознательному методу и обдуманному сужденію; но, тѣмъ не менѣе, заключеніе его можетъ быть совершенно вѣрно. Если относительно одной формы помѣшательства, — наприм., общаго паралича, который на первыхъ ступеняхъ своего развитія нерѣдко ведетъ къ наказаніямъ за преступленія, — врачъ можетъ сказать, что это физическое и душевное разстройство будетъ имѣть опредѣленное теченіе, представлять извѣстные характеристическіе симптомы, кончится извѣстнымъ образомъ приблизительно черезъ столько то времени; то, очевидно, онъ имѣетъ право требовать нѣкотораго вниманія къ своимъ мнѣніямъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ не можетъ высказаться съ одинаковою опредѣленностью. Онъ имѣетъ право требовать, чтобы, не взирая на лордовъ-канцлеровъ, къ помѣшательству относились не какъ къ предмету нравственнаго изслѣдованія, но

какъ къ болѣзни, которую слѣдуетъ изучать по тому же самому методу, какъ и всѣ другія болѣзни.

Эти замѣчанія относительно классификаціи высказаны мной не съ цѣлью разбирать здѣсь подробно предметъ, принадлежащій собственно спеціальнымъ трактатамъ о душевныхъ болѣзняхъ, но только для того, чтобы показать то направленіе точнаго изслѣдованія, которымъ руководятся теперь всѣ посвятившіе себя изученію этихъ болѣзней. Они не только признаютъ, что психическія разстройства относятся къ физическимъ болѣзнямъ, но работаютъ съ постоянно возрастающимъ успѣхомъ надъ раскрытіемъ спеціальныхъ физическихъ разстройствъ, съ которыми связаны опредѣленные психическіе симптомы. Ясно, что, подвигаясь по этому пути, они должны придти къ результатамъ, все болѣе и болѣе недоступнымъ пониманію людей, которые не избрали своею спеціальностью изученіе душевныхъ болѣзней, и что они могутъ надѣяться освободиться вскорѣ отъ нѣкоторой доли нападковъ, изливающихся на нихъ теперь полной мѣрой. Врачъ-экспертъ займетъ мѣсто на ряду съ экспертомъ-химикомъ, имѣющимъ дѣло съ такими предметами, которые, по общему сознанію, выходятъ изъ предѣловъ пониманія неспеціалистовъ. Не имѣя спеціальнаго химическаго образованія, немногіе рѣшатся высказать опредѣленное мнѣніе о значеніи тѣхъ или другихъ химическихъ данныхъ въ случаѣ отравленія; но всякій считаетъ себя компетентнымъ рѣшать, помѣшанъ ли человѣкъ или нѣтъ; а такъ какъ общее понятіе таково, что помѣшанный долженъ быть или бѣшенымъ, неистовымъ или имѣть какія нибудь пора-

зительно нелѣпыя идеи, то не удивительно, что сужденія оказывались не одинъ разъ поспѣшными, а приговоры несправедливыми. При всемъ томъ врачъ, убѣжденный, что терпѣливое и внимательное наблюденіе надъ помѣшанными, вмѣстѣ съ серьёзнымъ желаніемъ понять природу ихъ страданія, даетъ ему право выражать съ увѣренностью результаты своихъ наблюденій, долженъ, не смущаясь, высказывать свое мнѣніе прямо и открыто, хотя бы оно не встрѣтило ни чьего сочувствія. „Несчастный, который обреченъ на помѣшательство болѣзненной организаціей или наслѣдственностью, доведенъ до болѣзни бѣдностью или неудачами, тяжело падавшими на его больной мозгъ, не имѣетъ другого друга на землѣ... То же самое мужество, которое побуждаетъ врача пренебрегать опасностью заразительныхъ болѣзней, должно поддерживать его и при исполненіи этой обязанности, и внушать презрѣніе ко всѣмъ нападкамъ ядовитыхъ языковъ и перьевъ. Ни голосъ народа, требующаго казни, ни строгость судовъ, отвергающихъ психологическія истины, не должны поколебать его рѣшимость, когда онъ выступаетъ въ качествѣ изслѣдователя и свидѣтеля. Обязанность врача говорить правду. Общество можетъ относиться къ этой правдѣ, какъ ему будетъ угодно.“ (Conolly).

Въ слѣдующихъ главахъ я ограничусь разборомъ только тѣхъ формъ психическихъ разстройствъ, которыя служатъ предметомъ сомнѣній и споровъ, и, по отношенію къ нимъ, постараюсь разобрать тотъ критерій вмѣняемости, который принятъ въ судахъ. Я не стану описывать подробно (какъ бы слѣдовало въ трак-

татѣ о душевныхъ болѣзняхъ) различныхъ формъ психическаго разстройства, но представлю только при свѣтѣ медицинскаго изслѣдованія ходячія понятія законодательства и общества. На этомъ основаніи будетъ всего удобнѣе употреблять наиболѣе простые термины, подъ которыми болѣзни эти извѣстны публикѣ, безъ всякихъ притязаній на болѣе научную номенклатуру. Однако, прежде чѣмъ приступить къ нашей задачѣ, необходимо указать на юридическія понятія о вмѣняемости помѣшанныхъ. Въ предшествующихъ главахъ мы представили съ достаточною подробностью характеръ медицинскаго изслѣдованія; теперь намъ остается описать юридическія доктрины, указать на то, какъ они развились до настоящаго своего состоянія, и выяснить ихъ отношеніе къ результатамъ научнаго изслѣдованія.

ГЛАВА IV.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ДУШЕВНЫЯ БОЛѢЗНИ.

1. Прежнія юридическія понятія о помѣшательствѣ.—Изрѣченіе лорда Гэль. — Теорія судьи м-ра Траси о сходствѣ помѣшаннаго съ дикимъ звѣремъ.—Процессъ Гедфильда: заявленіе Эрскина, что нелѣпыя идеи—необходимая принадлежность помѣшательства.— Дѣло Беллинггэма: мнѣніе председателя суда Мансфильда, что сознаніе добра и зла есть истинный критерій вмѣняемости. — Дѣло Макъ Нотена: отвѣты англійскихъ судей на вопросы, предложенные Палатой Лордовъ.—Сознаніе законности и незаконности поступковъ, по отношенію къ разбираемому дѣйствію во время его совершенія, считается истиннымъ критеріемъ вмѣняемости.—Одно исключеніе изъ этого правила, опредѣляющее форму вопроса, предлагаемаго судьями присяжнымъ. — Принятіе на себя судьями роли присяжныхъ. — Критика отвѣтовъ англійскихъ судей американскими. — Неопредѣленность рѣшенія англійскихъ судовъ, когда въ дѣло замѣшано психическое разстройство. — Рѣшенія американскихъ судей: процессы Бордмана и Вудмана, Стэта и Джонса, Стэта и Пайка. — Статьи французскаго уголовнаго кодекса и новѣйшаго германскаго. — Разсужденія о теоріи вмѣняемости.
2. Прежніе юридическіе взгляды на завѣщательную способность: процессы Картрайта противъ Картрайта, Дью противъ Кларка, Уэринга противъ Уэринга.—Новѣйшія рѣшенія американскихъ судовъ. — Рѣшеніе суда Королевской Скамьи въ дѣлѣ Банкса и

Гудфэлло.—Сравненіе закона относительно завѣщательной способности съ закономъ, относящимся къ уголовной отвѣтственности.

1. Уголовная отвѣтственность.

Припоминая странные и нелѣпые взгляды, существовавшіе въ прежнее время относительно природы и причинъ психическихъ разстройствъ, и имѣя въ виду недостаточность наблюденій надъ ихъ разнообразными формами, мы не должны удивляться, что юриспруденція занимала относительно ихъ крайне слабое положеніе. Сначала англійское законодательство признавало, повидимому, только два рода помѣшательства: *идіотизмъ* и *сумасшествіе*. Идіотъ, который съ самаго рожденія страдалъ постояннымъ помраченіемъ разсудка, признавался *non compos;* сумасшедшій, къ которому по временамъ возвращался разсудокъ, *aliquando gaudet lucidis intervallis,* считался тоже *non compos mentis* въ то время, когда онъ находился въ состояніи умопомраченія. Но съ теченіемъ времени стали различать частное сумасшествіе отъ общаго, хотя частное помѣшательство, по общепринятому мнѣнію, не освобождало человѣка отъ отвѣтственности за преступныя дѣла. „Существуетъ", говоритъ лордъ Гэль, „частное сумасшествіе и общее. Первое соединяетъ въ себѣ проявленіе болѣзни по отношенію къ отдѣльнымъ предметамъ *quo ad hoc vel illud insanire.* Нѣкоторые люди судятъ совершенно здраво о весьма многомъ и между тѣмъ обнаруживаютъ особенное *безуміе*, когда дѣло коснется извѣстныхъ предметовъ, разговоровъ или дѣй-

ствій; или въ иныхъ случаяхъ эта ограниченность замѣчается по отношенію къ степени; это видно на многихъ людяхъ, въ особенности на такихъ, которые страдаютъ мрачнымъ помѣшательствомъ и обнаруживаютъ свою болѣзнь постояннымъ страхомъ и печальнымъ настроеніемъ духа, не будучи вполнѣ лишены разсудка. Это частное помѣшательство не снимаетъ съ нихъ отвѣтственности при совершеніи какого нибудь преступленія, по своему уголовному существу; ибо нѣтъ никакого сомнѣнія, что многіе люди съ преступными наклонностями, противъ себя и другихъ, страдаютъ въ нѣкоторой степени частнымъ помѣшательствомъ, когда они совершаютъ преступленія. Крайне трудно опредѣлить невидимую черту, раздѣляющую полное помѣшательство отъ частнаго; можно, однако, при этомъ руководствоваться обстоятельствами дѣла, которыя подлежатъ оцѣнкѣ судей и присяжныхъ, чтобы, съ одной стороны, избѣжать безчеловѣчнаго отношенія къ слабостямъ человѣческой природы, а съ другой — чрезмѣрнаго снисхожденія къ тяжкимъ преступленіямъ". Замѣтимъ, что невидимая черта, столь трудно опредѣляемая, лежитъ здѣсь не между здравымъ умомъ и умственнымъ разстройствомъ, но между частнымъ и общимъ помѣшательствомъ. Никто не видѣлъ безчеловѣчнаго отношенія къ несовершенствамъ человѣческой природы въ томъ, когда наказывали, какъ вполнѣ отвѣтственное лицо, человѣка, страдающаго частнымъ помѣшательствомъ, каково бы ни было вліяніе его болѣзненнаго состоянія на противозаконные поступки.

Правило, высказанное лордомъ Гэлемъ, было въ

свое время принято за руководство въ англійскихъ судахъ. Такъ, въ дѣлѣ Арнольда, очевидно умалишеннаго, стрѣлявшаго по лорду Онслоу въ 1723 году, судья Траси сказалъ: „не всякаго рода бѣшеный припадокъ или нѣчто безотчетное въ поступкахъ человѣка служитъ признакомъ сумасшествія, освобождающаго отъ наказанія. Умалишенный преступникъ долженъ быть совершенно лишенъ разума и памяти и не сознавать, что онъ поступаетъ какъ ребенокъ, какъ животное или дикій звѣрь; такой человѣкъ, очевидно, не можетъ никогда подлежать наказанію". Въ этомъ отношеніи дѣлали широкое различіе между гражданскими и уголовными преступленіями. Такъ, законъ не освобождалъ отъ наказанія за уголовное преступленіе, если разсудокъ былъ не совершенно помраченъ, но признавалъ недѣйствительными гражданскія дѣйствія и лишалъ человѣка свободы управлять собой и своими дѣлами, въ случаяхъ частнаго помѣшательства, хотя бы дѣйствія, признанныя недѣйствительными, и не имѣли никакого видимаго отношенія къ предмету помѣшательства. Разсудокъ человѣка могъ быть недовольно ясенъ, чтобы позволить ему вести дѣла и распоряжаться собственностью, но еще вполнѣ достаточенъ для того, чтобы оставить за нимъ вмѣняемость въ уголовномъ преступленіи: считалось совершенно справедливымъ вѣшать за убійство человѣка, который былъ признанъ неспособнымъ управлять собою и своими дѣлами.

Теорія лорда Гэля въ первый разъ потеряла кредитъ въ 1800 г. въ дѣлѣ Гедфильда, который стрѣлялъ въ короля въ Друри-Лэнскомъ театрѣ, и тогда

же былъ сдѣланъ новый шагъ впередъ. Главный прокуроръ, который велъ обвиненіе, сослался на эту теорію, и, сообразно съ этимъ, сказалъ присяжнымъ, что освободить человѣка отъ наказанія, на основаніи помѣшательства, можно только въ томъ случаѣ, когда преступникъ совершенно лишенъ памяти и разсудка. М-ръ Эрскинъ, защитникъ, возразилъ, что если брать слова эти въ буквальномъ смыслѣ, то пришлось бы сказать, „что такого сумасшествія вовсе не существуетъ на свѣтѣ"; что во всѣхъ случаяхъ, наводнившихъ Вестминстеръ-Галль запутанными соображеніями, „умалишенные не только вполнѣ сознавали и помнили всѣ свои отношенія къ другимъ и всѣ обстоятельства и дѣянія своей жизни, но вообще отличались нерѣдко хитростью и остротою сообразительности; и что, поэтому, нелѣпыя идеи (или ложныя убѣжденія, или идеи бреда), непосредственнымъ слѣдствіемъ которыхъ явилось данное преступленіе, и составляютъ тотъ родъ помѣшательства, который, по всей справедливости, долженъ освобождать преступника отъ наказанія. Нелѣпыя идеи во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ бѣшенства или неистовства, составляютъ истинную принадлежность помѣшательства". Нельзя было сомнѣваться, что Гедфильдъ былъ въ состояніи отличать добро отъ зла и сознавалъ характеръ своего преступленія до совершенія его. Онъ обнаружилъ, кромѣ того, преднамѣренность въ приготовленіяхъ и хитрость при самомъ выполненіи преступленія; наконецъ, онъ сознавалъ также, что подвергнется наказанію, потому что это и побудило его къ совершенію преступленія; тѣмъ не ме-

нѣе для всякаго было ясно, что онъ помѣшанный, и что поступокъ его былъ плодомъ помѣшательства. Результатомъ было его оправданіе; но это оправданіе совершилось не вслѣдствіе того, что нелѣпыя идеи были юридически приняты вмѣсто прежняго критерія вмѣняемости, какъ полагали нѣкоторые; оно было только побѣдой краснорѣчія Эрскина и побѣдой здраваго смысла надъ юридической догмой.

Во второмъ замѣчательномъ случаѣ — въ процессѣ Белинггэма, который судился за убійство м-ра Спенсера-Персиваля, въ 1812 г.; судьи убѣдились въ его виновности и преступникъ былъ казненъ, хотя было какъ нельзя болѣе очевидно, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ ложныхъ убѣжденій. Главный прокуроръ заявилъ, а главный судья Мансфильдъ, рѣшавшій дѣло, подтвердилъ, „ссылаясь на первыхъ мудрецовъ страны и на несомнѣнный авторитетъ установленныхъ законовъ, что хотя человѣкъ можетъ быть не въ состояніи вести свои дѣла, онъ все таки можетъ быть отвѣтственнымъ за преступныя дѣйствія, если обладаетъ достаточными умственными способностями для различенія добра и зла“. Обратимъ вниманіе на видоизмѣненіе, совершившееся при оцѣнкѣ вмѣняемости: вмѣсто прежней теоріи, по которой страдалецъ, чтобы избѣгнуть наказанія, долженъ былъ быть окончательно лишенъ разсудка и памяти, и не знать, что́ онъ дѣлаетъ, подобно животному или дикому звѣрю, т.-е., вмѣсто оцѣнки того, что́ можетъ быть названо сознательностью „дикаго звѣря“, — мы видимъ, что мѣриломъ вмѣняемости является способность различать добро отъ зла. Законъ

значительно измѣнился, не желая въ этомъ сознаться. Замѣтимъ, однако, что критеріемъ отвѣтственности въ этомъ случаѣ была принята способность отличать добро отъ зла вообще, а не по отношенію къ данному обстоятельству. Лордъ Мансфильдъ, говоря о той формѣ помѣшательства, при которой больной воображаетъ себя оскорбленнымъ и мститъ какимъ нибудь насильственнымъ дѣйствіемъ, выразился слѣдующимъ образомъ: „Если такое лицо было, *въ другихъ отношеніяхъ*, въ состояніи отличать добро отъ зла, то нельзя признать никакого извиненія для насильственнаго поступка, который онъ можетъ совершить при этой формѣ умственнаго разстройства. Необходимо доказать самымъ неопровержимымъ образомъ, что въ то время, какъ онъ совершалъ преступленіе, онъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, что убійство есть преступленіе противъ законовъ божескихъ и законовъ природы“ *).

---

*) М-ръ Рей объясняетъ слѣдующимъ образомъ это ученіе: — „что разстроенный умъ не совершенно лишенъ этой силы нравственнаго выбора, но въ отношеніи многихъ предметовъ оказывается совершенно послѣдовательнымъ и дѣйствуетъ какъ здоровый и нормальный умъ, это фактъ до такой степени уже установившійся, что сомнѣніе въ немъ доказывало бы только высшую степень невѣжества и самонадѣянности. Первый результатъ, къ которому приводитъ эта теорія, состоитъ въ томъ, что никто не имѣетъ права ссылаться на сумасшествіе въ извиненіе своего преступленія; въ самомъ дѣлѣ, ни про одного нуждающагося въ подобной защитѣ нельзя сказать, чтобы онъ во всѣхъ случаяхъ не умѣлъ отличать добра отъ зла..... Самые нравственные люди не могутъ выразить бо́льшаго отвращенія и презрѣнія къ различнымъ преступленіямъ, нежели какъ это часто обнаруживаютъ помѣшанные, и притомъ ру-

Фактъ этотъ показалъ, что принципы могутъ измѣняться точно такъ же, какъ и ихъ примѣненіе на практикѣ. Послѣ того, какъ была отвергнута теорія сознательности дикихъ звѣрей, когда она стала въ слишкомъ явное противорѣчіе съ нравственнымъ чувствомъ человѣчества, мы встрѣчаемъ двѣ новыя теоріи, примѣняемыя къ практикѣ. Въ случаѣ Гедфильда существованіе нелѣпыхъ идей, побудившихъ къ преступленію, послужило къ оправданію подсудимаго; а въ случаѣ Белинггэма отсутствіе понятія о добрѣ и злѣ во-

---

ководствуясь совершенно тожественными мотивами. Такъ какъ на ихъ отвлеченное понятіе о преступленіи не вліяло извращающее дѣйствіе болѣзни, то они видять все его безобразіе столь же ясно, какъ и въ самомъ здоровомъ состояніи. Отвращеніе, которое они выражаютъ, вытекаетъ изъ честнаго и глубокаго убѣжденія. Но частное преступное дѣйствіе отдѣляется какъ то въ ихъ умѣ отъ его связи съ преступленіемъ въ абстрактной формѣ; разсматривая его только по отношенію къ какому-нибудь любимому предмету, для пріобрѣтенія котораго оно служитъ средствомъ, и отъ котораго ничто не заставляетъ ихъ отказываться, они видятъ въ этомъ вещь весьма похвальную и хорошую. Вотъ въ чемъ состоитъ ихъ сумасшествіе; не въ предпочтеніи порока добродѣтели, не въ любви къ преступленію и презрѣніи къ справедливости, но въ невозможности различать существенное тожество между частнымъ преступленіемъ и преступленіемъ вообще; это заставляетъ ихъ стремиться къ тому, что они вообще осуждаютъ. Нельзя видѣть факта, разсчитаннаго на усиленіе нашей вѣры въ „прогрессъ ума", въ томъ обстоятельствѣ, что наиболѣе характеристическая черта помѣшательства принята за непреложное доказательство психическаго здоровья въ сомнительныхъ случаяхъ. Отсюда страданіе, которое должно было бы послужить больному защитой, воздвигается въ серьёзное основаніе для довершенія его гибели". — A Treatise on the Medical Jurisprudence of Insanity", 5 th. ed. pp. 26—28.

обще, а не по отношенію къ совершенному преступленію, было признано необходимымъ условіемъ для освобожденія преступника отъ наказанія. Послѣдняя теорія совершенно противорѣчитъ первой, и ни одна изъ нихъ не прилагалась впослѣдствіи систематически къ другимъ уголовнымъ случаямъ. Весьма часто общее понятіе о добрѣ и злѣ, безъ прямого отношенія къ разбираемому дѣйствію, признавалось судьями за простой и удовлетворительный критерій вмѣняемости, и дѣло представлялось присяжнымъ въ этомъ свѣтѣ. Но этотъ критерій былъ иногда видоизмѣняемъ оговорками, которыя судьи дѣлали сообразно съ своими собственными взглядами, или во избѣжаніе обвиненія человѣка, который былъ очевидно помѣшаннымъ и не могъ отвѣчать за свой поступокъ. Не существовало ни твердаго принципа, ни общаго примѣненія, ни опредѣленности результата.

Въ такомъ неопредѣленномъ состояніи оставалось дѣло, пока убійство м-ра Друммонда Макъ Нотеномъ въ 1843 г. не произвело большой сенсаціи въ обществѣ. Убійца, при совершеніи преступленія, находился подъ вліяніемъ нелѣпой идеи, что Друммондъ принадлежалъ къ числу людей, которые преслѣдовали его всюду, чернили его и дѣлали его жизнь невыносимою. До того Макъ Нотенъ занимался совершенно разумно своими дѣлами и не обнаруживалъ никакихъ видимыхъ признаковъ помѣшательства въ обыкновенныхъ поступкахъ и разговорахъ. Тѣмъ не менѣе его оправдали на основаніи помѣшательства. Тогда Палата Лордовъ, раздѣляя общественное негодованіе и ужасъ, по поводу

этого оправданія, предложила судьямъ нѣкоторые вопросы, относившіеся къ законамъ по предмету помѣшательства, приводимаго въ извиненіе преступныхъ дѣйствій. Цѣль ея была получить отъ юристовъ подробное изложеніе законодательныхъ постановленій для будущаго руководства судовъ. Отвѣты судей на эти вопросы и представляютъ тѣ законы, которыми съ тѣхъ поръ руководствуются въ Англіи для опредѣленія помѣшательства въ уголовныхъ дѣлахъ.

Излишнимъ было бы перечислять подробно всѣ эти вопросы и отвѣты; послѣдніе нѣсколько сбивчивы, и сущность ихъ можетъ быть выражена точнѣе въ немногихъ словахъ: „Оправдать преступника на основаніи помѣшательства можно лишь тогда, когда имѣется ясное доказательство того, что во время совершенія преступленія обвиненный страдалъ такимъ разстройствомъ разсудка, вслѣдствіе душевной болѣзни, которое не позволяло ему сознавать природу и свойство совершаемаго поступка; а если онъ и могъ сознавать ихъ, то былъ не въ состояніи понимать, что совершалъ нѣчто противозаконное". Обратимъ вниманіе на то, что здѣсь покинутъ вопросъ о добрѣ и злѣ въ отвлеченномъ смыслѣ и сданъ въ архивъ вмѣстѣ съ теоріей сознательности дикихъ звѣрей. Вопросъ о добрѣ и злѣ поднимался только по отношенію *къ отдѣльному поступку*, за который судился обвиненный; кромѣ того, здѣсь еще шла рѣчь о сознаніи относительно даннаго преступленія *въ самый моментъ его совершенія.* Сознавалъ ли подсудимый природу и свойство поступка во время его совершенія? Эти два пункта упускались

иногда изъ виду враждебными критиками, нападавшими на формулированный такимъ образомъ законъ, какъ будто онъ относился къ сознанію добра и зла вообще. Можно дѣйствительно назвать это правило неудовлетворительнымъ, и въ особенности потому, что оно способно сбить съ толку присяжныхъ, которыхъ легко можетъ ввести въ заблужденіе существованіе общаго понятія о добрѣ и злѣ въ подсудимомъ, и которые, на основаніи этого, могутъ заключить, что онъ долженъ былъ сознавать незаконность своего поступка во время его совершенія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ признать, что если прилагать это правило съ строгою точностью, то оно можетъ покрыть и извинить множество насильственныхъ дѣйствій со стороны помѣшанныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, про многихъ ли помѣшанныхъ, совершившихъ насильственныя дѣйствія, можно сказать съ увѣренностью, что они имѣли полное сознаніе о природѣ и характерѣ своего поступка при его совершеніи? Можно ли даже сказать про какого бы то ни было человѣка, дѣйствующаго подъ вліяніемъ сильной страсти, что онъ въ это время обладаетъ такимъ сознаніемъ?

Приведенное правило столь отличное отъ того, которое было высказано и безжалостно приведено въ исполненіе въ прискорбномъ дѣлѣ Бэлинггэма, было, однако, ограничено въ своемъ примѣненіи очень важнымъ исключеніемъ. Въ отвѣтъ на вопросъ: „если человѣкъ совершитъ преступленіе подъ вліяніемъ ложныхъ убѣжденій о дѣйствительныхъ фактахъ, можетъ ли это служить ему извиненіемъ?“, юристы отвѣчали:

„въ томъ случаѣ, когда онъ находится подъ вліяніемъ частнаго помѣшательства (какого бы то ни было рода) и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ находится въ здравомъ умѣ, его слѣдуетъ считать въ томъ же состояніи вмѣняемости, какъ будто факты, къ которымъ относится его ложное представленіе, были дѣйствительными. Напр., если подъ вліяніемъ бреда онъ думаетъ, что человѣкъ хочетъ напасть на него, съ цѣлью лишить его жизни, и, вслѣдствіе этого, убьетъ этого человѣка, ради собственной безопасности, его слѣдуетъ считать изъятымъ отъ наказанія. Если же онъ воображаетъ, что умершій нанесъ тяжелый ущербъ его репутаціи или состоянію, и убиваетъ его изъ мести за такое мнимое преступленіе, онъ заслуживаетъ наказанія?“ Здѣсь мы видимъ смѣлое предположеніе, что человѣкъ, находящійся подъ вліяніемъ нелѣпыхъ идей, можетъ сохранять еще способность согласовать съ ними свои поступки совершенно *разумно;* что, чувствуя себя оскорбленнымъ, онъ долженъ обладать тѣмъ пониманіемъ и умѣньемъ владѣть собой, какъ и совершенно здоровый человѣкъ, въ томъ случаѣ, еслибы факты были истинными, а не мнимыми; что, однимъ словомъ, помѣшанный обязанъ быть разумнымъ въ своемъ заблужденіи, умственно здоровымъ при разстройствѣ ума. Такимъ образомъ, судьи на самомъ дѣлѣ не позволяютъ даже примѣнять установленнаго ими же критерія вмѣняемости къ частному случаю, предрѣшая его своимъ авторитетомъ. Постановляя рѣшеніе, вмѣсто того, чтобы предоставлять это присяжнымъ, они сами напередъ опредѣляютъ отвѣтственность подсудимаго, предпола-

гая, что онъ долженъ былъ обладать необходимымъ сознаніемъ. Одинъ изъ нихъ, впрочемъ, именно судья Моль, расходится въ мнѣніи съ товарищами настолько, что настаиваетъ на примѣненіи мѣрила способности различать добро и зло въ абстрактной формѣ къ этому случаю, какъ и ко всѣмъ остальнымъ.

Но этимъ еще не исчерпывается сумма неопредѣленности этихъ отвѣтовъ. Въ другомъ мѣстѣ, по поводу того же самаго предполагаемаго случая, говорится: „Хотя бы подсудимый совершилъ преступленіе съ цѣлью отмстить за какое нибудь воображаемое оскорбленіе или вредъ, причиненный ему, или же имѣлъ при этомъ въ виду общественное благо, онъ тѣмъ не менѣе подлежитъ наказанію, если во время совершенія преступленія сознавалъ, что поступаетъ противозаконно, причемъ слѣдуетъ понимать законы страны". Въ сущности этотъ отвѣтъ противорѣчитъ первому. Очевидно, что сознаніе добра и зла въ поступкѣ, весьма отличается отъ сознанія, что поступокъ этотъ противенъ законамъ страны. Весьма можетъ случиться, что помѣшанный совершитъ преступленіе, сознавая, что оно противно закону, потому что въ силу своего помѣшательства онъ считаетъ его хорошимъ; потому что подъ вліяніемъ болѣзненнаго бреда, онъ представляетъ самъ для себя законъ и считаетъ это даже своимъ долгомъ, какъ, напр., въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ „онъ имѣетъ въ виду общественное благо".

Въ честности англійскихъ судей, по счастью, рѣдко сомнѣвались; но нельзя сказать съ увѣренностью, чтобъ результаты ихъ торжественныхъ совѣщаній, воплощен-

ные въ этихъ отвѣтахъ на вопросы палаты лордовъ, представили ихъ мудрость въ самомъ лучшемъ свѣтѣ для иностранныхъ народовъ и будущихъ временъ. Если справедливо, какъ говорятъ иногда, что приговоръ другой націи есть родъ пророчества относительно приговора грядущихъ поколѣній, мы можемъ смѣло сказать, что ихъ постановленія никакъ не сдѣлаютъ имъ чести въ будущемъ. То обстоятельство, что ихъ единогласно осуждаютъ всѣ врачи, спеціально знакомые съ душевными болѣзнями, можетъ еще не вліять на ихъ душевное спокойствіе, такъ какъ имъ извѣстно, что юристы и врачи имѣютъ всегда различныя точки зрѣнія. Но когда юристы другихъ странъ порицаютъ ихъ столь же строго, то самымъ самонадѣяннымъ невозможно не ощущать нѣкотораго сомнѣнія въ самомъ себѣ. Въ дѣлѣ *Стэта* противъ *Джонса*, разбиравшемся въ Нью-Гампширскомъ судѣ въ Америкѣ, судья Ладдъ, говоря объ отвѣтахъ англійскихъ судей, выразился слѣдующимъ образомъ относительно правилъ, принятыхъ въ нихъ:

„Ученіе, формулированное такимъ образомъ, нашло себѣ доступъ въ книгахъ закона, и съ тѣхъ поръ, по всей вѣроятности, принимается большинствомъ за выраженіе здраваго юридическаго принципа. Но нѣтъ сомнѣнія, что всякій разсудительный юристъ, прочитавъ его въ первый разъ, былъ пораженъ его крайней безчеловѣчностью. Законъ этотъ требуетъ отъ человѣка, признаннаго помѣшаннымъ, той же степени разсудка, здраваго сужденія и самообладанія, какъ и отъ совершенно здороваго. Это то же, что сказать присяжнымъ: подсудимый былъ умалишеннымъ при совершеніи преступленія, но при этомъ онъ не обнаружилъ достаточной разсудительности. Онъ убилъ человѣка потому, что, вслѣдствіе болѣзненнаго

бреда, ошибочно полагалъ, что этотъ человѣкъ причинилъ ему страшное зло. И такое дѣйствіе есть убійство. Еслибъ онъ убилъ человѣка только потому, что, вслѣдствіе болѣзненнаго бреда, боялся нападенія этого человѣка и чувствовалъ необходимость защищать свою жизнь, то въ такомъ случаѣ онъ уступилъ бы только инстинкту самосохраненія и поступокъ его не былъ бы преступленіемъ. Правда, въ своихъ рѣчахъ, судьи стараются избѣжать выраженій, настолько противныхъ здравому смыслу, какъ то, что человѣкъ долженъ быть наказанъ за поступокъ, который составляетъ прямой результатъ и послѣдствіе его болѣзни, и прибавляютъ обыкновенно оговорку: „если онъ не помѣшанъ въ другихъ отношеніяхъ". Это значитъ, что если разстройство умственныхъ способностей порождаетъ ложныя убѣжденія, служащія первой причиной преступленія, но не заходитъ дальше, то подсудимый долженъ быть приговоренъ, смотря по характеру тѣхъ побужденій, которыя могли выйти изъ областей его душевной дѣятельности, не пораженныхъ бредомъ или болѣзнью. Это ужъ слишкомъ хитро. Быть можетъ, душевное разстройство принимаетъ иногда форму, соотвѣтствующую предусмотрительности этой остроумной формулы; или же, если такого случая еще никогда не было, то все же во власти Всемогущаго поразить еще человѣческій умъ такою необыкновенною болѣзнью, которая удовлетворяла бы условіямъ этого закона; и наконецъ, когда это произойдетъ и будетъ положительно извѣстно, что такой случай находится на лицо, то все еще возможно примѣнить законъ этотъ къ данному случаю безъ того, чтобъ больной былъ наказанъ именно за свою болѣзнь. Другими словами: если мы увѣрены, что нелѣпыя идеи, руководившія подсудимымъ при совершеніи преступленія, были продуктомъ умственнаго разстройства, но что рядомъ съ этимъ человѣкъ былъ совершенно здоровъ въ другихъ отношеніяхъ, и что *побужденіе* къ дѣйствію вытекало изъ области духа, которая осталась совершенно нормальной и неизмѣненной, то законъ можетъ быть примѣненъ безъ всякой видимой несправедливости. Согласимся однако, что намъ нужно правило, которымъ можно было бы спокойно руководствоваться на практикѣ. Между тѣмъ говорить, что поступокъ, происте-

кающій безусловно изъ безумной идеи о страшномъ оскорбленіи, въ то же время внушенъ духомъ мести, вышедшимъ изъ какой нибудь области или закоулка духа, еще не пораженныхъ болѣзнью, значитъ устанавливать патологическій и психологическій фактъ, котораго никакой человѣческій умъ никогда не можетъ провѣрить, и который, еслибы онъ и оказался справедливымъ, во всякомъ случаѣ не касался бы *закона*, а оставался бы простымъ фактомъ. Такое различіе никогда не можетъ быть и не будетъ введено въ практику; и нелѣпость, равно какъ и безчеловѣчность этого правила, кажутся мнѣ достаточно ясными безъ всякихъ дальнѣйшихъ комментаріевъ.... Факты должны рѣшить, существуетъ ли какая-нибудь общая мѣрка, и какова эта мѣрка, если она вообще существуетъ" *).

Послѣ того, какъ были представлены эти отвѣты судей палатѣ лордовъ, законъ, по отношенію къ душевному разстройству при уголовныхъ преступленіяхъ, былъ измѣненъ соотвѣтствующимъ образомъ и гласилъ: если подсудимый, при совершеніи преступленія, могъ отличить добро отъ зла и сознавалъ, что поступаетъ дурно, то онъ долженъ быть признанъ виновнымъ, все равно — будетъ ли онъ помѣшаннымъ или нѣтъ. Если онъ помѣшанный, то его состояніе не безусловно освобождаетъ его отъ наказанія за преступленіе; нужно рѣшить сначала, былъ ли онъ вообще способенъ совершить преступленіе; а это рѣшается доказательствомъ отсутствія пониманія добра и зла, а не отсутствія помѣшательства. Принадлежитъ ли его помѣшательство къ такой формѣ, которая снимаетъ съ него всякую отвѣтственность, уничтоживъ въ немъ способность понимать добро и зло? Тѣмъ не менѣе весьма

---

*) *State* v. *Jones*, p. 388.

часто присяжные, а иногда и сами судьи, уклоняются отъ этого догмата въ частныхъ случаяхъ, изъ чисто гуманныхъ соображеній; и потому новый законъ не только не далъ бо̀льшей увѣренности при разборѣ такихъ дѣлъ, но, наоборотъ, оправданіе или обвиненіе преступника, въ случаяхъ помѣшательства, стало болѣе прежняго дѣломъ случайности. Еслибы рѣшенія зависѣли отъ гаданія посредствомъ подбрасыванія монеты, вмѣсто серьёзной процедуры судебнаго разбирательства, они не могли бы быть болѣе неопредѣленны. Менѣе помѣшанный человѣкъ бываетъ иногда оправданъ, болѣе помѣшанный казненъ; человѣкъ, страдающій какой нибудь особой формой умственнаго разстройства, признается невиновнымъ въ одномъ судѣ, тогда какъ надъ другимъ, совершенно тождественнымъ больнымъ, произносится приговоръ въ иномъ мѣстѣ. Никто, конечно, не назоветъ такое положеніе дѣлъ удовлетворительнымъ, хотя и существуетъ большое разногласіе на счетъ причинъ неопредѣленности. Юристы утверждаютъ, что все зло проистекаетъ изъ фантастическихъ теорій врачей, которые находятъ сумасшествіе вездѣ, гдѣ начинаютъ его серьёзно искать. Врачи говорятъ, что причиной всему нелѣпый и несправедливый критерій вмѣняемости, установленный закономъ. Между тѣмъ очевидно, что при настоящей системѣ судья не позволяетъ присяжнымъ обсуждать нѣкоторые изъ наиболѣе существенныхъ фактовъ, высказывая прямо постановленіе закона, предрѣшающее ихъ заключеніе. Врачи, правда, указываютъ на факты, относящіеся къ ихъ спеціальности, въ вопросахъ, гдѣ они одни имѣютъ

случай вѣрно наблюдать; но судьи, вмѣсто того, чтобы представить эти факты на обсужденіе присяжныхъ, отстраняютъ ихъ авторитетомъ такъ называемаго постановленія закона, которое на самомъ дѣлѣ вовсе не законъ, а просто ложное заключеніе, основанное на недостаточномъ наблюденіи.

Въ Америкѣ, повидимому, дѣла шли прежде немногимъ лучше, чѣмъ у насъ, и рѣшенія суда тамъ, какъ и въ Англіи, были противорѣчивы и неопредѣленны. Во многихъ случаяхъ присяжнымъ внушали, ссылаясь на англійскихъ юридическихъ авторитетовъ, что если преступникъ во время совершенія акта сознавалъ природу и свойства его и то, что онъ поступаетъ дурно, совершая этотъ поступокъ, то его слѣдуетъ признать отвѣтственнымъ, несмотря на его помѣшательство въ нѣкоторыхъ пунктахъ; что — далѣе — для того, чтобы освободить человѣка отъ наказанія, умственное разстройство должно быть настолько распространено или сильно, чтобы уничтожить всякую способность различать добро и зло по отношенію къ совершенному дѣйствію. Но въ другихъ случаяхъ внушенія судей были совершенно другаго рода. Въ процессѣ *Стэта* противъ *Вира* (Графтонъ 60, 1864) предсѣдатель суда Белль обратился къ присяжнымъ съ слѣдующей рѣчью:

„Обстоятельства дѣла должны убѣдить присяжныхъ, что подсудимый при совершеніи преступленія не находился въ здравомъ умѣ, и что болѣзнь его такъ сильна, что онъ утратилъ способность отличать добро отъ зла въ этомъ отдѣльномъ случаѣ, а также и способность сдерживать внезапные порывы, возникающіе въ его пораженномъ умѣ. По выраженію одного

замѣчательнаго юриста, человѣкъ, подлежащій карѣ закона, долженъ обладать достаточной силой памяти, разсудка, ума и воли, чтобы имѣть возможность отличить добро отъ зла, по отношенію къ преступленію, которое намѣренъ совершить; и, кромѣ того, сознавать, что поступокъ этотъ будетъ противонравственнымъ, и что онъ самъ подвергнется законному наказанію, если совершитъ его. Къ *этому* я прибавлю еще, что такой человѣкъ долженъ имѣть и *достаточную умственную силу для сдерживанія внезапныхъ побужденій своего разстроеннаго ума*... Я привыкъ считать *отличительнымъ доказательствомъ* психическаго разстройства *невозможность управлять движеніями собственной души*.... Разъ потерянъ контроль воли надъ мыслями, легко можетъ быть потерянъ и контроль надъ поступками; и подсудимый, подъ вліяніемъ болѣзни, дѣйствуетъ не какъ разумное существо, но слѣпо слѣдуетъ внушеніямъ превратныхъ мыслей, которыхъ не можетъ ни сдержать, ни устранить. Не безъ основанія говорили въ древнія времена про умалишенныхъ, что они одержимы злымъ духомъ или бѣсомъ,—до такой степени влеченія этого злаго духа противны всѣмъ естественнымъ побужденіямъ того же самаго сердца и ума" *).

Въ дѣлѣ *Стэвенса* (Индіана) обращеніе судьи къ присяжнымъ въ томъ смыслѣ, что если, по ихъ мнѣнію, отвѣтчикъ понималъ различіе между добромъ и зломъ по отношенію къ совершенному преступленію и сознавалъ, что не долженъ былъ дѣлать этого поступка, то онъ подлежалъ отвѣтственности—было признано несправедливымъ.

Оказывается, что американскіе судьи, которые унаслѣдовали первоначально англійскіе законы и послушно шли по стопамъ англійскихъ судовъ, обнаруживаютъ теперь наклонность освободиться отъ ихъ

---

*) Цит. въ дѣлѣ *State* v. *Jones*, pp. 376, 377.

авторитета; они сознаютъ, что относительно психическаго разстройства суды эти руководствуются ошибочными и неопредѣленными взглядами и хотятъ привести законъ въ бо́льшее согласіе съ результатами научныхъ наблюденій. Въ особенности замѣчательны рѣшенія Нью Гэмпширскаго суда въ процессахъ *Бордмана* и *Вудмана*, *Стэта* и *Джонса* и *Стэта* и *Пайка* въ томъ отношеніи, что въ нихъ строго принято въ разсчетъ отношеніе психическихъ болѣзней къ юриспруденціи и оставлена прежняя теорія вмѣняемости на основаніи сознанія добра и зла. Въ дѣлѣ *Стэта* и *Пайка* предсѣдатель суда Парлей сказалъ присяжнымъ, что имъ слѣдуетъ произнести оправдательный приговоръ, „въ томъ случаѣ, если убійство было плодомъ психическаго разстройства въ подсудимомъ; что передъ закономъ, мѣриломъ душевнаго разстройства, не можетъ служить ни бредъ, ни сознаніе добра и зла, ни преднамѣренность или хитрость въ подготовленіи и исполненіи убійства, ни попытки избѣжать поимки, ни способность узнавать знакомыхъ или вести дѣла и слѣдовать своимъ обычнымъ занятіямъ; но что всѣ симптомы и всѣ признаки психическаго разстройства представляютъ факты, подлежащіе исключительному обсужденію присяжныхъ“.

„Попытка установить юридическія понятія по отношенію къ психическимъ разстройствамъ имѣла поразительный и очевидный неуспѣхъ, говоритъ судья Доэ, по поводу того же процесса.... Долгое время предполагали, что, несмотря на помѣшательство, люди, сознававшіе незаконность поступка, могли удержаться отъ него. Но справедливо или нѣтъ это предположеніе — вопросъ чисто фактическій; другими словами: медицин-

ское предположеніе, или иначе—медицинская теорія. Возникло ли это понятіе въ средѣ медицинской или другой профессіи, или вытекло изъ общихъ понятій человѣчества — безразлично. Оно, по своей природѣ, столько же относится къ медицинѣ, какъ и противоположная теорія. Критерій сознанія добра и зла и критерій бреда одинаково принадлежатъ къ медицинскимъ теоріямъ, установившимся въ мракѣ прежнихъ временъ и въ періодъ незрѣлыхъ стадій науки; но съ теченіемъ времени, при большемъ богатствѣ наблюденія и болѣе строгомъ критическомъ взглядѣ на предметъ, понятія эти отвергнуты теперь той же медицинской профессіей. Но юридическія установленія признали эти критеріи за непреложныя начала закона и сочли себя достаточно обезпеченными голословнымъ отрицаніемъ медицинскихъ теорій, не сознавая, что эта наступательная защита серьёзно компрометировала ихъ собственную позицію. Такимъ образомъ, мнѣнія чисто медицинскаго и патологическаго характера, относящіяся исключительно къ вопросамъ фактическимъ, и полныя ошибокъ, по свидѣтельствамъ современныхъ медицинскихъ экспертовъ, нашли себѣ мѣсто въ книгахъ закона и получили силу юридическихъ постановленій. Ошибочныя медицинскія теоріи пріобрѣли значеніе законовъ, утвержденныхъ обычаемъ...... Которая изъ медицинскихъ теорій справедлива — прежняя или новая — составляетъ вопросъ, подлежащій рѣшенію присяжныхъ. Суду до этого нѣтъ дѣла. Законъ не можетъ измѣняться съ каждымъ шагомъ науки; но вмѣстѣ съ тѣмъ и не можетъ поддерживать солидарность съ медицинскими ошибками, исправленными уже наукой. Несмотря на затемняющее вліяніе прежнихъ патологическихъ ошибокъ и неопредѣленностей, законъ принимаетъ однако, что продуктъ психическаго разстройства не можетъ быть договоромъ, завѣщаніемъ или преступленіемъ. Бываетъ нерѣдко, что трудно рѣшить, страдаетъ ли человѣкъ психическимъ разстройствомъ, и какое изъ его дѣйствій было продуктомъ этой болѣзни; но эти затрудненія проистекаютъ изъ природы разбираемыхъ фактовъ а не изъ самаго закона. Это практическія трудности, которыя

должны рѣшить присяжные, а не юридическія трудности, касающіяся судовъ" *).

Эти американскія рѣшенія, безъ сомнѣнія, представляютъ прогрессъ сравнительно съ мнѣніями, высказываемыми у насъ по поводу помѣшательства. Они показываютъ въ должномъ свѣтѣ отношенія медицинскихъ наблюденій и законовъ въ вопросахъ о душевныхъ болѣзняхъ. Нельзя сомнѣваться, что съ теченіемъ времени американцы будутъ продолжать слѣдовать по разъ избранному пути. Вопросъ, который, по всей вѣроятности, будетъ со временемъ предлагаться присяжнымъ, будетъ въ сущности слѣдующій: былъ ли поступокъ послѣдствіемъ или продуктомъ психическаго разстройства? И всѣ сознаютъ тогда, что устанавливать мѣрило вмѣняемости на предполагаемомъ познаніи добра и зла представляетъ, по справедливому замѣчанію судьи Ладда, въ дѣлѣ *Стэта* и *Джонса* — „посягательство на право присяжныхъ и навязываніе имъ правила, которое, по своему существу, не есть законъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть съ увѣренностью предложено присяжнымъ въ руководство, потому что, какъ показываетъ опытъ, оно можетъ быть фактически невѣрно". Въ виду же того, что по единогласному свидѣтельству всѣхъ медицинскихъ авторитетовъ, практически знакомыхъ съ душевными болѣзнями, такое предложеніе фактически невѣрно, мы убѣждаемся, что представители закона не только преступаютъ свои права, высказывая его, но, кромѣ того, совершаютъ

*) См. также стр. 441 и слѣд., гдѣ помѣщены важныя наблюденія относительно того же предмета.

большую несправедливость. Суды относятся теперь къ душевнымъ болѣзнямъ совершенно такъ же, какъ относились нѣкогда къ колдовству, — выдавая со всей силой юридическаго авторитета ошибочное пониманіе фактовъ за законъ для руководства присяжнымъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ судебныхъ разбирательствъ по обвиненію въ колдовствѣ въ нашей странѣ, лордъ Гэль, котораго мнѣніе относительно умопомѣшательства такъ долго служило руководствомъ для судовъ, сказалъ присяжнымъ: „что онъ нисколько не сомнѣвается въ существованіи колдуновъ, потому что, во первыхъ, объ этомъ говоритъ Писаніе; во-вторыхъ, мудрость всѣхъ націй постановила законы противъ такихъ лицъ,—явное доказательство увѣренности въ существованіи этого рода преступленій“. Сообразно съ этимъ, присяжные нашли подсудимыхъ виновными. Судъ, вполнѣ довольный такимъ рѣшеніемъ, приговорилъ обвиненныхъ къ смерти, и они были казнены. Это былъ одинъ изъ послѣднихъ случаевъ казни за колдовство въ этой странѣ, потому что наступило такое время — и этого никогда не слѣдуетъ забывать—, когда вѣра въ колдовство осуждалась просвѣщеннымъ общественнымъ мнѣніемъ, То, чтó было тогда съ колдовствомъ, повторяется теперь съ помѣшательствомъ: судья представляетъ присяжнымъ факты въ превратномъ свѣтѣ и результатомъ является признаніе виновности; судья доволенъ рѣшеніемъ, и сумасшедшаго человѣка ведутъ на казнь.

Ложность положенія судебной власти сдѣлается сразу ясной, если мы представимъ себѣ случай отравленія вмѣсто случая психическаго разстройства. Чтò сказали

бы про судью, который, выслушавъ всѣ медицинскіе доводы въ пользу отравленія, сталъ бы внушать присяжнымъ, что по закону они при своемъ рѣшеніи должны руководствоваться присутствіемъ или отсутствіемъ извѣстнаго сосимптома. „Если законъ можетъ опредѣлять признаки помѣшательства, то слѣдовало бы прекратить обычай призывать экспертовъ; если же помѣшательство доказывается самыми фактами, то судьи не могутъ давать своего мнѣнія, не принеся присяги въ качествѣ свидѣтелей и не представивъ доказательства, что они способны давать показанія въ качествѣ экспертовъ“ *). На самомъ дѣлѣ опредѣленіе помѣшательства также мало подлежитъ закону, какъ и опредѣленіе яда или симптомовъ любой болѣзни. „Если бы присяжнымъ стали внушать, что нѣкоторыя явленія принадлежатъ къ симптомамъ или доказательствамъ чахотки, холеры, прилива крови или отравленія, всякій бы, конечно, отвергъ рѣшенія, составленныя сообразно съ этими внушеніями; не потому, чтобы они были невѣрны, но потому, что вопросъ объ ихъ вѣрности составляетъ само по себѣ тотъ фактъ, который подлежитъ обсужденію присяжныхъ, по имѣющимся даннымъ“ **).

Другія націи не ограничили себя такимъ тѣснымъ и ложнымъ критеріемъ вмѣняемости при душевныхъ разстройствахъ; онѣ отказались отъ попытки опредѣлить въ точности условія отвѣтственности. Во Фран-

*) Судья Доэ, дѣло *Стэта* и *Пайка*.

**) Дѣло *Бордмана* и *Вудмана*.

ціи статья уголовнаго кодекса говорить: преступленіе или проступокъ не вмѣняются въ вину въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый находился въ состояніи помѣшательства во время совершенія акта". Пересмотрѣнные законы Нью-Йоркскаго штата принимаютъ, что „никакой поступокъ человѣка въ состояніи помѣшательства не можетъ быть вмѣненъ ему въ вину". Эти общія постановленія, оставляя свободу для рѣшенія каждаго случая согласно обстоятельствамъ дѣла, могутъ быть вполнѣ примѣнены, даже еслибы они не имѣли этого прямо въ виду, къ освобожденію отъ наказанія человѣка, который при одностороннемъ умопомѣшательствѣ совершаетъ преступленіе, нисколько не связанное съ предметомъ своего бреда; человѣка, который,—насколько позволяютъ судить обстоятельства,—поступаетъ совершенно также и подъ вліяніемъ тѣхъ же мотивовъ, какъ и здоровый человѣкъ. Дѣйствительно, помѣшанный не изъятъ отъ обыкновенныхъ дурныхъ страстей человѣческой природы; онъ можетъ совершить преступленіе подъ вліяніемъ ревности, жадности или мести; справедливо ли поэтому, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда его страсть не имѣетъ никакого видимаго отношенія къ болѣзненнымъ идеямъ или чувствамъ, и когда онъ дѣйствуетъ съ преступнымъ намѣреніемъ, онъ былъ бы избавленъ отъ наказанія за свой поступокъ? Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, важный вопросъ, который будетъ всегда служить камнемъ преткновенія для судовъ, когда исчезнетъ опредѣленный критерій вмѣняемости. Если принять, что помѣшанный, поступающій повидимому совершенно такъ же какъ здоровый, не долженъ быть осво-

божденъ отъ наказанія за свой проступокъ, все таки останется прежнее затрудненіе при рѣшеніи вопроса, вліяла ли или не вліяла его болѣзнь на самый поступокъ. Найдется всегда достаточно мѣста для сомнѣній и разногласій въ мнѣніяхъ.

Въ новѣйшихъ германскихъ уголовныхъ законахъ мы читаемъ: „поступокъ не вмѣняется въ вину, когда человѣкъ во время его совершенія находился въ состояніи безсознательности или умственнаго разстройства, исключавшемъ самоизвольность". Не всякое психическое разстройство освобождаетъ человѣка отъ наказанія, но только такая форма болѣзни, которая исключаетъ свободное опредѣленіе воли. Задача, поэтому, сводится къ тому, чтобы опредѣлить, во-первыхъ, какія именно разстройства умственныхъ способностей могутъ быть признаны результатами болѣзни; и, во-вторыхъ, исключаютъ ли они и насколько свободу воли. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ человѣкъ, при однопредметномъ помѣшательствѣ, поступаетъ повидимому подъ вліяніемъ обыкновенныхъ преступныхъ побужденій, поступокъ его долженъ обсуждаться по отношенію къ этимъ двумъ вопросамъ; и если отвѣтъ на нихъ будетъ отрицательный, то онъ, очевидно, не можетъ избѣжать наказанія.

Изъ этого краткаго обзора уголовныхъ законовъ другихъ странъ совершенно ясно, что нельзя найти никакого оправданія для суевѣрной приверженности, съ которой англійскіе юристы продолжаютъ защищать свой критерій вмѣняемости *). Трудно понять,

---

*) Одинъ изъ новѣйшихъ германскихъ комментаторовъ приписываетъ такое пониманіе заблужденію, которое до сихъ поръ продол-

почему имъ больнѣе разстаться съ этой формулой, чѣмъ съ другими, которыя пришлось оставить, послѣ того какъ онѣ отжили свое время и надѣлали достаточно зла. Теорія „сознательности дикихъ звѣрей“, нѣкогда столь священная, сдана уже въ архивъ человѣческихъ заблужденій; теорія сознанія добра и зла въ отвлеченной формѣ, занявшая мѣсто первой, была тоже отвергнута, когда люди лучше ознакомились съ явленіями психическаго разстройства; нѣтъ сомнѣнія, что и метафизическая теорія понятія о добрѣ и злѣ по отношенію къ совершенному преступленію, которая не пользуется ни малѣйшей, или весьма слабой популярностью внѣ предѣловъ Англіи, и осуждается во всѣхъ странахъ всѣми людьми, сдѣлавшими изученіе душевныхъ болѣзней своимъ спеціальнымъ занятіемъ, должна послѣдовать за своими предшественницами безъ всякой опасности для того, чего всѣ, какъ сочувствующіе, такъ и не сочувствующіе ей, одинаково желаютъ, т.-е. справедливаго суда. Врачи не имѣютъ никакого права вмѣшиваться въ примѣненіе закона, которое составляетъ принадлежность судьи; и не ихъ дѣло рѣшать, чтó необходимо для блага государства, такъ какъ это спеціальность законодателя. Они должны смотрѣть на отдѣльную особь, а не на гражданина. Но за то они вполнѣ вправѣ заявлять, что сущность преступленія заключаетъ въ себѣ два

жаетъ держаться въ англійскомъ законодательствѣ и юриспруденціи и было причиной безчисленныхъ юридическихъ убійствъ. (Ein Irrthum der heutzutage noch in der Englischen Gesetzgebung und Rechtsprechung besteht und unzählige Justizmorde verschuldet hat).

элемента: во первыхъ, сознаніе того, что этотъ поступокъ противенъ закону; во вторыхъ, свободу совершать или не совершать его. Далѣе они должны указать на существованіе извѣстныхъ формъ душевныхъ болѣзней, при которыхъ человѣкъ, обладая сознаніемъ, совершенно лишенъ свободы воли; такой человѣкъ можетъ знать, что поступокъ его противозаконенъ и все таки совершить его подъ вліяніемъ мысли или влеченія, которымъ у него нѣтъ воли или силы противостоять. Признавая рѣзкое различіе между тѣмъ, кто *не хочетъ* и тѣмъ, кто *не можетъ* исполнять требованій закона, врачи должны указать на особенности болѣзни, обусловливающей эту неспособность; и когда они замѣтятъ, что ложный фактъ торжественно признается закономъ, они должны представить съ полной ясностью всѣ извѣстные имъ изъ наблюденія доводы противъ такого постановленія. „Законъ не можетъ признать за фактъ того, что не составляетъ факта въ наукѣ; дѣйствительная болѣзнь не можетъ быть здоровьемъ передъ лицомъ закона. Весьма печально, что суды продолжаютъ борьбу съ наукой и законами природы, по поводу фактическихъ вопросовъ, лежащихъ въ предѣлахъ науки и совершенно внѣ предѣловъ закона *).

---

*) Судья Дѣоэ — дло *Бордмана* и *Вудмана:* «Если необходимо, чтобы законъ придерживался какого-нибудь медицинскаго мнѣнія относительно хотя одной болѣзни, то нѣтъ ни малѣйшей необходимостя, чтобы это мнѣніе было отвергнутой теоріей врачей отжившаго поколѣнія». — р. 150.

2. Завѣщательная способность.

До сихъ поръ мы говорили объ отношеніи закона къ помѣшательству, приводимому въ извиненіе преступника передъ уголовнымъ судомъ. Намъ придется убѣдиться теперь, что когда тотъ же вопросъ предлагается гражданскимъ судомъ по отношенію къ завѣщательной способности, взглядъ на результаты умственнаго разстройства принимаетъ совершенно иной характеръ, сравнительно съ тѣмъ, который пользуется всеобщимъ одобреніемъ въ вопросахъ объ уголовной вмѣняемости. Нерѣшительность и сбивчивость долго царили, впрочемъ, и здѣсь, и только въ самое послѣднее время были, наконецъ, установлены опредѣленныя правила. Въ прежнее время принимали, что если завѣщатель, не смотря на душевное разстройство, сдѣлалъ вполнѣ естественное и разумное распоряженіе относительно своей собственности, то можно было признать свѣтлый промежутокъ въ моментъ совершенія акта. „Мнѣ кажется", говоритъ сэръ Уиннъ въ процессѣ *Картрайта*, „что лучшее и убѣдительнѣйшее изъ всѣхъ доказательствъ въ пользу свѣтлаго промежутка есть то, которое вытекаетъ изъ самаго акта. Этотъ пунктъ слѣдуетъ, по моему, разъяснить прежде всего, и если окажется, что завѣщаніе вполнѣ разумно и правильно, то вопросъ рѣшенъ". Къ тому же клонится и замѣчаніе Суинбёрна: „если помѣшанный или такой, который теряетъ разсудокъ по временамъ, но не постоянно, дѣлаетъ завѣщаніе, и мы не имѣемъ никакихъ данныхъ

для того, чтобы узнать, совершено ли оно въ то время, когда онъ находился въ здравомъ умѣ и совершенной памяти или нѣтъ, то въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ завѣщаніи нельзя открыть ни малѣйшихъ признаковъ помѣшательства или отсутствія здраваго смысла, слѣдуетъ во всякомъ случаѣ принять, что актъ былъ совершенъ въ періодъ спокойнаго и свѣтлаго промежутка, и завѣщаніе считать дѣйствительнымъ. Скажу болѣе: даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нельзя доказать, что завѣщатель вообще имѣлъ спокойные и свѣтлые промежутки, мы, имѣя передъ собой завѣщаніе, составленное разумно и съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, должны признать его законную силу. Съ другой стороны, если въ немъ будетъ замѣчена смѣсь здраваго разсудка и безумія, слѣдуетъ предположить, что актъ былъ совершенъ въ припадкѣ умопомѣшательства— даже въ томъ случаѣ, когда въ немъ окажется не болѣе одного выраженія, свидѣтельствующаго о душевномъ разстройствѣ". Согласно съ этимъ принципомъ, человѣкъ, признанный неспособнымъ вести свои дѣла, могъ быть признанъ компетентнымъ въ распоряженіи своею собственностью посредствомъ завѣщанія, если завѣщаніе это не заключало въ себѣ ни одного слова, намекающаго на безуміе, и оказалось разумнымъ актомъ, составленнымъ по всѣмъ правиламъ. Предполагалось, что ясность и сила ума не была въ той же степени необходима для акта, который могъ быть составленъ спокойно и обдуманно въ благопріятное время, какъ для общаго распоряженія своими дѣлами.

Руководящимъ случаемъ по отношенію къ завѣща-

тельной способности, имѣвшимъ большое вліяніе, былъ процессъ *Дью* противъ *Кларка*, въ которомъ сэръ Дж. Николь, стараясь установить опредѣленный критерій, сказалъ: „Истинный критерій—истинное мѣрило—присутствія или отсутствія душевнаго разстройства, состоитъ, по моему мнѣнію, въ отсутствіи или присутствіи того, что̀ въ извѣстномъ смыслѣ можетъ быть выражено однимъ словомъ, именно бреда. Когда больному однажды представится какая нибудь нелѣпая мысль, существующая только въ его разстроенномъ воображеніи, и если, прійдя однажды къ ложному убѣжденію, онъ не поддается разубѣжденіямъ въ его ложности или соглашается съ ними только временно, то такой больной, очевидно, находится подъ вліяніемъ бреда, въ особомъ *полу-техническомъ* значеніи этого слова. Отсутствіе или присутствіе бреда въ этомъ смыслѣ и составляетъ, по моему мнѣнію, истинный и единственный критерій отсутствія или присутствія помѣшательства. Короче, я смотрю на бредъ и на помѣшательство, какъ на почти тожественныя выраженія; отсюда больной, находящійся подъ вліяніемъ ложнаго убѣжденія какой бы то ни было степени, относительно одного или многихъ предметовъ, по тому самому существенно разстроенъ или помѣшанъ на этомъ предметѣ или на этихъ предметахъ въ соотвѣтственной степени“. Затѣмъ сэръ Николь сталъ доказывать, что въ разбираемомъ случаѣ завѣщаніе было прямымъ и несомнѣннымъ продуктомъ болѣзненнаго представленія, „непосредственнымъ созданіемъ этого болѣзненнаго бреда, выразившагося въ дѣйствіи и энергіи“, и рѣшилъ согласно съ этимъ,

что завѣщаніе не имѣетъ законной силы и дѣйствительности. Рѣшеніемъ этимъ было установлено только, что распоряженіе собственностью, бывшее прямымъ и несомнѣннымъ продуктомъ болѣзненнаго представленія, безсильно и недѣйствительно. Тѣмъ не менѣе на это рѣшеніе часто ссылались впослѣдствіи, какъ будто оно устанавливало правило, что нелѣпыя идеи какого бы то ни было рода, не смотря на полнѣйшую безотносительность къ предмету завѣщанія, служили несомнѣннымъ признакомъ душевнаго разстройства и были достаточны для признанія завѣщанія недѣйствительнымъ. Правда, сэръ Дж. Николь сказалъ, что бредъ служитъ единственнымъ критеріемъ присутствія душевнаго разстройства, и тѣмъ самымъ, выйдя за предѣлы частнаго случая, высказалъ общій принципъ, не основанный прямо на фактѣ; но дѣло въ томъ, что дѣйствительный принципъ его рѣшенія въ частномъ случаѣ былъ ограниченъ этимъ случаемъ и не можетъ быть перетолкованъ. Онъ имѣлъ въ виду только одно, именно: прямой продуктъ болѣзненнаго представленія не можетъ быть признанъ дѣйствительнымъ завѣщаніемъ.

Мнѣніе, что нелѣпыя идеи, не смотря на свою ограниченность, уничтожаютъ дѣйствительность завѣщанія, хотя бы послѣднее ни мало не стояло въ связи съ этимъ бредомъ, было принято въ руководство при нѣкоторыхъ судебныхъ рѣшеніяхъ. „Слѣдовательно, въ случаяхъ, когда нѣтъ явнаго помѣшательства или бѣшенства, нелѣпыя идеи составляютъ *истинный* признакъ душевнаго разстройства“, говорилъ лордъ Эрскинъ. „Въ гражданскихъ дѣлахъ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить,

законъ признаетъ недѣйствительнымъ всякій договоръ, учиненный помѣшаннымъ въ періодъ его душевнаго разстройства, хотя бы бредъ былъ крайне ограниченъ, хотя бы умъ его былъ совершенно здравъ во всемъ, что́ не входитъ въ область этого частнаго отклоненія, и хотя бы составленный имъ и подлежащій къ уничтоженію актъ и не состоялъ въ какой либо связи съ состояніемъ его душевнаго разстройства. Но для того, чтобы освободить помѣшаннаго отъ отвѣтственности передъ уголовнымъ судомъ, въ особенности въ случаѣ насильственныхъ поступковъ, связь между болѣзнью и поступкомъ должна быть очевидной" *). Въ процессѣ *Уоринга* противъ *Уоринга* судебный комитетъ Тайнаго Совѣта, а въ процессѣ *Смита* противъ *Тиббета* лордъ Пензенсъ высказали мнѣніе, что умственное разстройство, даже и не связанное съ завѣщательнымъ распоряженіемъ, уничтожаетъ завѣщательную способность. Въ обоихъ этихъ случаяхъ дѣйствительно существовало общее умственное разстройство; въ обоихъ — ложныя убѣжденія вліяли на распоряженіе собственностью и по новоду обоихъ предсѣдатель суда Кокбёрнъ замѣтилъ: „Существуетъ полнѣйшее основаніе признать завѣщаніе недѣйствительнымъ, безъ всякой ссылки на упомянутое правило".

Правило это было съ тѣхъ поръ отвергнуто судами. Первымъ поводомъ къ этому былъ процессъ *Бордмена* и *Вудмена* въ Нью-Гэмпширскомъ судѣ въ

*) Цитируется Причардомъ въ его сочиненіи: „On the Different Forms of Insanity in Relation to Jurisprudence".

Соединенныхъ Штатахъ. Въ этомъ дѣлѣ судья Бартлетъ сказалъ присяжнымъ, „что одного факта присутствія ложныхъ убѣжденій недостаточно для признанія человѣка совершенно неспособнымъ сдѣлать разумное завѣщаніе; что человѣкъ въ достаточно здравомъ умѣ, хотя бы онъ и находился подъ вліяніемъ ложнаго убѣжденія, можетъ тѣмъ не менѣе составить дѣйствительное завѣщаніе, если оно это ни въ какомъ отношеніи не представляетъ продукта этого бреда и не стоитъ съ нимъ въ связи“. Это правило, подтвержденное при апелляціи, принято впослѣдствіи и въ Англіи полнымъ собраніемъ суда Королевской Скамьи въ дѣлѣ *Банкса* и *Гудфелло*. При чтеніи рѣшенія суда, предсѣдатель суда Кокбёрнъ сказалъ:

„Всякій признаетъ, что способности и функціи души разнообразны и отличны другъ отъ друга, подобно способностямъ и функціямъ физической организаціи. Инстинкты, привязанности, страсти, нравственное чувство, представленія, мысль, разсудокъ, воображеніе, память — все это особыя способности или функціи души. Патологія душевныхъ болѣзней и наблюденіе надъ различными формами помѣшательства учатъ, что, съ одной стороны, всѣ способности, нравственныя и умственныя, могутъ быть вовлечены въ общее разрушеніе, какъ, напр., въ случаѣ бѣшенаго неистовства; съ другой же — можетъ пострадать только одна или нѣсколько изъ этихъ функцій или способностей, между тѣмъ какъ остальныя остаются нетронутыми и здоровыми; что бываютъ состоянія, когда умъ совершенно порабощенъ идеями бреда, дѣлающими его неспособнымъ понимать дѣйствительную природу окружающихъ явленій или выполнять обыкновенныя житейскія обязанности; но что существуютъ также такія ложныя убѣжденія, которыя, будучи плодомъ душевной болѣзни, оставляютъ человѣка разумнымъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, способнымъ вести свои обычныя

дѣла и исполнять обязанности и обязательства, сопряженныя съ разнообразными житейскими условіями...... Если окажется, что завѣщатель находился подъ вліяніемъ нелѣпыхъ идей, то къ завѣщанію, очевидно, слѣдуетъ относиться съ недовѣріемъ, и необходимо съ самаго начала обращать вниманіе на всѣ доводы противъ него. Разъ доказано, что болѣзненныя представленія существовали, бываетъ трудно рѣшить, не распространилось ли душевное разстройство за предѣлы той специальной формы или того спеціальнаго случая, въ которыхъ оно замѣчено. Столько же трудно бываетъ рѣшить, въ какой мѣрѣ бредъ могъ остаться безъ вліянія на завѣщателя при распоряженіи собственностью. Доводы противъ завѣщанія, составленнаго при такихъ условіяхъ, становятся тѣмъ болѣе вѣски въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ завѣщаніе является,—употребляя юридическое выраженіе—, обиднымъ, т.-е., гдѣ въ завѣщаніи не приняты въ разсчетъ естественныя привязанности или родственныя связи. Но если въ окончательномъ результатѣ присяжные признаютъ, что бредъ не имѣлъ вліянія на умственныя способности вообще и не стоялъ въ связи съ завѣщаніемъ, то мы не видимъ достаточныхъ основаній отнять у завѣщателя право сдѣлать завѣщаніе, или признать недѣйствительнымъ завѣщаніе, составленное при такихъ условіяхъ. Правда, такой разборъ сопряженъ иногда съ большими затрудненіями и требуетъ большой тонкости распознаванія, но мы не видимъ причинъ предполагать, чтобы онъ превосходилъ силы судебнаго разслѣдованія и рѣшенія, или же не могъ быть оцѣненъ надлежащимъ образомъ судомъ присяжныхъ, руководимыхъ судьей".

Кокбёрнъ не забываетъ указать на очевидную необходимость охранять это правило тщательнымъ обсужденіемъ состоянія умственныхъ способностей въ каждомъ случаѣ такого рода:

„Существенно важно для составленія такого акта, чтобы завѣщатель вполнѣ сознавалъ его значеніе и послѣдствія; былъ въ состояніи оцѣнить должнымъ образомъ собственность, ко-

торую завѣщаетъ; могъ понять и взвѣсить права наслѣдниковъ; а по отношенію къ послѣднему пункту, чтобы никакое душевное разстройство не извращало его привязанностей, его понятій о справедливости и не нарушало дѣятельности его естественныхъ способностей; чтобы никакая нелѣпая идея не вліяла на его волю при распредѣленіи собственности, побуждая его къ завѣщанію, котораго бы онъ не могъ сдѣлать, будучи въ здравомъ умѣ. Здѣсь лежитъ мѣрило степени умственнаго здоровья, которое нужно всегда сохранять въ памяти. Если человѣческіе инстинкты, привязанности, или нравственное чувство извращаются душевной болѣзнью; если болѣзненное подозрѣніе или отвращеніе заступаютъ мѣсто естественныхъ привязанностей; если утраченъ здравый разсудокъ и сужденіе, и умъ дѣлается добычей ложныхъ убѣжденій, которыя могутъ вліять на его отправленія и, нарушая ихъ, вести къ превратнымъ распоряженіямъ, — въ такомъ случаѣ, очевидно, недостаетъ необходимыхъ условій завѣщательной способности, и завѣщаніе, составленное при такихъ обстоятельствахъ, не можетъ имѣть силы".

Это рѣшеніе суда Королевской Скамьи въ дѣлѣ *Банкса* и *Гудфелло*, практическое значеніе котораго состоитъ въ признаніи помѣшаннаго способнымъ дѣлать въ нѣкоторыхъ случаяхъ разумное завѣщаніе, сходно съ предыдущими рѣшеніями въ томъ, что признаетъ завѣщаніе, разумно и правильно составленное, за доказательство свѣтлаго промежутка. Очевидно, однако, что трудность рѣшить, имѣло ли помѣшательство вліяніе на характеръ завѣщанія или нѣтъ, можетъ быть въ иныхъ случаяхъ страшно велика. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь приходится не только тщательно обсуждать прямое вліяніе ложнаго убѣжденія, но и принимать въ разсчетъ извращеніе чувствъ, прямо или косвенно связанное съ ложнымъ убѣжденіемъ и по-

вліявшее на характеръ завѣщанія. Далѣе, извращенныя чувства могутъ, въ свою очередь, быть плодомъ душевной болѣзни, не будучи связаны съ идеями бреда; чувства и бредъ могутъ не быть связаны между собой какъ причина и слѣдствіе, но могутъ быть одновременными результатами общей причины. Такъ какъ помѣшательство выражается въ извращенныхъ чувствахъ столько же, сколько и въ извращенныхъ идеяхъ, то весьма возможно, что завѣщаніе не будетъ носить никакихъ слѣдовъ вліянія бреда на его составленіе, и тѣмъ не менѣе обнаружитъ чувства, которыя никогда бы не существовали, еслибы не было болѣзни. Можно справедливо усомниться въ томъ, чтобы присяжные, совершенно незнакомые съ душевными болѣзнями, и руководимые судьей, познанія котораго въ этихъ болѣзняхъ нисколько не обширнѣе ихъ собственныхъ, представляли наиболѣе компетентный трибуналъ для рѣшенія вопроса, насколько нелѣпыя идеи помѣшаннаго могли повліять на его умственную дѣятельность. Они, очевидно, имѣли бы больше шансовъ прійти къ вѣрному заключенію, еслибы могли воспользоваться руководствомъ медицинскихъ познаній, притомъ не со стороны заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, но совершенно независимо отъ нихъ.

Будущія рѣшенія покажутъ, примется ли правило, предложенное въ дѣлѣ *Банкса* и *Гудфелло*, въ руководство при опредѣленіи дѣйствительности актовъ, составленныхъ лицами, помѣшанными на одномъ какомъ нибудь предметѣ; или же такіе акты будутъ признаваться недѣйствительными въ силу стараго правила,

по которому законъ отвергаетъ всякій договоръ помѣшаннаго, хотя бы помѣшательство его было крайне ограничено, и хотя бы актъ, признаваемый недѣйствительнымъ, не стоялъ ни въ какой связи съ его помѣшательствомъ. Въ ожиданіи этого времени, человѣкъ, страдающій однопредметнымъ помѣшательствомъ и женившійся, долженъ оставаться въ сомнѣніи насчетъ законности своего брака, хотя бы послѣдній не имѣлъ ни малѣйшаго отношенія къ его бреду.

Въ заключеніе этой главы считаю нелишнимъ замѣтить, что рѣшеніемъ суда Королевской Скамьи законъ относительно завѣщательной способности и законъ объ отвѣтственности въ уголовныхъ дѣлахъ, приведены въ согласіе въ слѣдующемъ: человѣкъ, помѣшанный на одномъ предметѣ, способенъ сдѣлать завѣщаніе или совершить преступленіе; въ первомъ случаѣ его не признаютъ неспособнымъ, а во второмъ — свободнымъ отъ наказанія, если разбираемый актъ не является прямымъ результатомъ душевнаго разстройства. Отличаются же эти законы въ слѣдующихъ пунктахъ: во-первыхъ, болѣзненный бредъ, продуктомъ котораго является завѣщаніе, уничтожаетъ дѣйствительность послѣдняго, тогда какъ болѣзненный бредъ, результатомъ котораго является преступленіе, уничтожаетъ дѣйствительность преступленія далеко не во всѣхъ случаяхъ; во-вторыхъ, извращеніе чувствъ, проистекающее изъ душевнаго разстройства, принимается надлежащимъ образомъ въ разсчетъ при оцѣнкѣ значенія завѣщанія; между тѣмъ какъ въ уголовныхъ дѣлахъ на это обстоятельство не обращено никакого вниманія; въ-третьихъ,

для опредѣленія гражданской правоспособности не существуетъ особаго законнаго критерія, и все дѣло отдается на обсужденіе присяжныхъ, между тѣмъ какъ для оцѣнки отвѣтственности въ уголовномъ преступленіи установлено законное мѣрило. Въ Соединенныхъ Штатахъ многія рѣшенія за послѣднее время гораздо болѣе соотвѣтствовали здравому закону и выводамъ медицинской науки.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ IV.

РУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ДУШЕВНЫЯ БОЛѢЗНИ.

(Отъ редактора).

Считаю необходимымъ прибавить къ этой главѣ изложеніе руководящихъ началъ нашего законодательства и практики объ отвѣтственности помѣшанныхъ за свои дѣйствія.

Русскій гражданскій законъ знаетъ слѣдующіе виды состоянія умственнаго разстройства: въ Т. X Св. Зак. ч. I, ст. 365 „*безумными* признаются неимѣющіе здраваго разсудка съ самаго ихъ младенчества". По ст. 366: „*сумасшедшими* почитаются тѣ, коихъ безуміе происходитъ отъ случайныхъ причинъ, и, составляя болѣзнь, доводящую иногда до бѣшенства, можетъ наносить обоюдный вредъ обществу и имъ самимъ, и потому требуетъ особеннаго за ними надзора". Ст. 1016 требуетъ для составленія духовныхъ завѣщаній, чтобы они были составлены „въ здравомъ умѣ и твердой памяти", а слѣдующая, 1017 ст., присовокупляетъ: *по сему* недѣйствительны завѣшанія: 1) безумныхъ, сумасшедшихъ и ума-

лишенныхъ, когда они составлены ими во время умопомѣшательства; 2) самоубійцъ *).

Сумасшедшій не можетъ вступать въ бракъ; по 37 ст. 1 ч. Т. X недѣйствителенъ бракъ, совершенный съ сумасшедшимъ или между сумасшедшими. Надъ имуществомъ ихъ учреждается опека (367 и послѣд. ст. 1 ч. Т. X). На судѣ за нихъ дѣйствуютъ родители или опекуны (19 ст. Устава гражд. судопр.). Они не допускаются къ дачѣ свидѣтельскихъ показаній на судѣ. По 371 ст. Устава гражд. судопр. „недопускаются къ свидѣтельству признанные умалишенными, а равно лица, кои состоятъ, вслѣдствіе разстройства умственныхъ способностей, по распоряженію надлежащей власти на испытаніи или въ пользованіи врача".

По 654 ст. 1 ч. Т X. за вредъ и убытки, причиненные безумными или сумасшедшими, отвѣтствуютъ (денежно) тѣ, которые по закону обязаны были имѣть надъ ними надзоръ.

---

*) Этотъ послѣдній пунктъ 1017 ст., почерпнутый изъ положенія о духовныхъ завѣщаніяхъ 1 окт. 1831 (4844 по П. С. З.), находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ постановленіями позднѣйшаго Уложенія о наказаніяхъ уголовн. и исправ. въ статьѣ 1472, по которой лишившій себя жизни съ намѣреніемъ и не въ безуміи, сумасшествіи или временномъ отъ какихъ-либо болѣзненныхъ припадковъ безпамятствѣ, признается не имѣющимъ права дѣлать предсмертныя распоряженія, и потому духовное завѣщаніе его считается ничтожнымъ. Противорѣчіе это, заключающееся въ томъ, что завѣщаніе самоубійцъ по закону гражданскому разсматривается, какъ завѣщаніе сумасшедшаго, а по уголовному уничтожается въ видѣ наказанія, какъ совершенное сознательно, не разъяснено до сихъ поръ судебной практикой.

Недѣйствительность юридическихъ дѣйствій, совершенныхъ лицами страдающими разстройствомъ душевныхъ способностей, выводится практикою изъ 700 ст. 1 ч. Т. X, по которой тѣ только способы пріобрѣтенія правъ дѣйствительны, которые „основаны на непринужденномъ произволѣ и согласіи“, т. е. на такихъ состояніяхъ умственной дѣятельности, которыхъ лишены психически больные.

Законъ уголовный признаетъ разстройство умственныхъ способностей причиной невмѣняемости. По 3 п. 92 ст. Улож. о наказ. и по 10 ст. Улож. о наказ. налаг. мир. судьями: „содѣянное не вмѣняется въ вину по безумію, сумасшествію и припадкамъ болѣзни, приводящимъ до умоизступленія или совершеннаго безпамятства“. Въ статьяхъ Уложенія о наказаніяхъ—94, 95, 96 и 97 это развивается болѣе подробно, и, сверхъ того, говорится объ изъятіи отъ наказанія дѣтей, недостигшихъ 7 лѣтняго возраста, и потому не имѣющихъ еще „достаточнаго о своихъ дѣяніяхъ понятія“, о разстройствѣ умственныхъ способностей отъ старости или дряхлости, и о лунатикахъ, „которые въ припадкахъ своего нервнаго разстройства дѣйствуютъ безъ надлежащаго разумѣнія“. По 1 п. 13 статьи Уложенія о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и по 4 п. 134 ст. Уложенія, „уменьшающимъ вину подсудимаго, а слѣдовательно и наказаніе, обстоятельствомъ считается его слабоуміе“.

Въ уголовномъ судѣ по 704 ст. 1 п. не допускаются къ свидѣтельству безумные и сумасшедшіе, а по 706 ст.

п. 3 могутъ быть допускаемы, но не подъ присягою, „слабоумные, непонимающіе святости присяги“.

Изъ приведенныхъ статей видно, что законъ нашъ знаетъ нѣсколько видовъ помѣшательства, не дѣлая однако между этими видами существеннаго различія и объясняя ихъ большею частью, какъ болѣзнь сопровождающуюся потерею разсудка. Такимъ образомъ, *безуміе* опредѣляется какъ лишеніе здраваго разсудка съ самаго рожденія; *сумасшествіе* — какъ болѣзнь, въ которой отъ случайныхъ причинъ развивается *безуміе* т.-е., тотъ-же недостатокъ здраваго разсудка, съ объясненіемъ, что при этой болѣзни человѣкъ можетъ доходить иногда до бѣшенства; *умоизступленіе* и *безпамятство* не имѣютъ никакихъ дальнѣйшихъ объясненій, подразумѣвая таковыя уже въ самомъ названіи; о *старикахъ* и *дряхлыхъ* говорится, какъ о потерявшихъ умственныя способности и разсудокъ, а о *лунатикахъ*, какъ о лицахъ, дѣйствующихъ безъ надлежащаго разумѣнія; о *слабоумныхъ* говорится, какъ о лицахъ, не имѣющихъ достаточнаго пониманія для дачи показаній подъ присягою. Наконецъ въ законѣ есть указаніе на состояніе умственныхъ способностей дѣтей, не достигшихъ 7 лѣтняго возраста и не имѣющихъ еще достаточнаго понятія о своихъ дѣйствіяхъ. Слѣдовательно, всѣ формы разстройства умственныхъ способностей по закону подразумѣваютъ *недостатокъ здраваго разсудка* и *пониманія своихъ дѣйствій;* и затѣмъ мы видимъ, что всѣ, потерявшіе разсудокъ, не могутъ отвѣчать за свои дѣйствія, такъ какъ по приведенному выше пункту 3 ст. 92 Улож. безуміе, сумасшествіе или припадки болѣзни, приводя-

щіе въ умоизступленіе или совершенное безпамятство, т.-е. всѣ случаи потери разсудка, составляютъ причины, по коимъ содѣянное не должно быть вмѣняемо въ вину; изъ другихъ же вышеприведенныхъ статей видно, что тѣ же случаи служатъ поводомъ ко взятію такихъ лицъ подъ опеку, что эти лица неправоспособны въ своей гражданской дѣятельности. Слѣдовательно, въ каждомъ данномъ случаѣ остается лишь доказать, что извѣстное лицо въ извѣстное время находилось въ состояніи, при которомъ оно не могло имѣть здраваго разсудка. Во всѣхъ этихъ случаяхъ законъ обращается за разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ къ помощи медицинскихъ наукъ, черезъ представителей ея—врачей. Но способы и пріемы, употребляемые для этой цѣли, различны, смотря потому, съ какою цѣлью производится изслѣдованіе: — для опредѣленія гражданской правоспособности субъекта и взятія его подъ опеку, или для опредѣленія уголовной его отвѣтственности, или, наконецъ, для опредѣленія на судѣ гражданскомъ дѣйствительности завѣщательныхъ распоряженій и вообще всякихъ изъявленій воли лица, относящихся къ тому времени, когда оно *не было* признано сумасшедшимъ, въ порядкѣ указанномъ для учрежденія опекъ.

Въ первомъ случаѣ освидѣтельствованіе состоянія умственныхъ способностей производится черезъ врачебную Управу, въ присутствіи губернскаго правленія, или въ замѣняющихъ его присутствіяхъ (ст. 368—372, ч. 1, Т. X Св. Зак.), т.-е. въ присутствіи губернатора, вице-губернатора, предсѣдателя граждан-

ской палаты и губернскаго прокурора *), и, смотря по состоянію свидѣтельствуемаго, приглашаются губернскій и одинъ или два уѣздныхъ предводителя дворянства, или городской голова съ однимъ или двумя членами магистрата, и для лицъ разныхъ вѣдомствъ присутствуютъ депутаты отъ подлежащихъ вѣдомствъ; при этомъ всѣ имѣютъ право голоса, наравнѣ съ членами врачебныхъ управленій. Затѣмъ по 373 ст. самое освидѣтельствованіе „заключается въ строгомъ разсмотрѣніи отвѣтовъ на предлагаемые вопросы, до обыкновенныхъ обстоятельствъ и домашней жизни относящіеся“, о чемъ и составляется актъ, который, за исключеніемъ случаевъ освидѣтельствованія крестьянъ, представляется на окончательное рѣшеніе въ Правительствующій Сенатъ (374 ст.), и, въ случаѣ признанія имъ свидѣтельствуемаго лица безумнымъ или сумасшедшимъ, надъ нимъ учреждается опека (375 и 376 ст.). Изъ приведеннаго порядка освидѣтельствованія, установленнаго закономъ, съ цѣлью наложенія опеки, видно, какъ мало въ немъ гарантій для правильности разрѣшенія этихъ вопросовъ. Недостаточность въ этомъ отношеніи до того очевидна для лица,

---

*) Въ 1869 г. 26 мая состоялось *Высочайше* утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, по которому въ примѣчаніи 3 къ ст. 368 Свода Зак. Т. X части 1. „Въ мѣстностяхъ, гдѣ введены Судебные Уставы въ полномъ ихъ объемѣ.... участвуютъ, въ замѣнъ предсѣдателя гражданской палаты и губернскаго прокурора, предсѣдатель окружнаго суда, прокуроръ или товарищъ прокурора сего суда и одинъ изъ живущихъ въ губернскомъ городѣ почетныхъ мировыхъ судей....“

даже не хорошо знакомаго съ сущностью помѣшательства, что вдаваться въ подробное доказательство несостоятельности этого отдѣла узаконеній нѣтъ надобности, а тѣмъ менѣе нужно подкрѣплять это примѣрами, которые могли бы быть приведены въ устрашающемъ изобиліи и разнообразіи, и которые перѣдко приводили къ очень пагубнымъ послѣдствіямъ. Въ необильной литературѣ нашей по предмету психіатріи всего болѣе, однако, можно встрѣтить описаній и разсужденій, поднимающихъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія его несостоятельности. Достаточно указать на слѣдующее: законъ, понимая подъ безуміемъ и сумасшествіемъ болѣзнь, требуетъ изслѣдованія врачебнаго, и отклоняется такимъ образомъ отъ аналогичныхъ случаевъ; напримѣръ, производство вскрытія мертваго тѣла,—фактъ въ юридической практикѣ болѣе важный по своему характеру и по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ освидѣтельствованіе помѣшаннаго, — предоставлено исключительно врачу, и на немъ же лежитъ обязанность дать свое заключеніе. Въ вопросѣ же объ умственномъ состояніи лица права врача, способы изслѣдованія здоровья, сравнены съ правами прочихъ чиновъ присутствія; при относительной же малочисленности врачебнаго персонала, ихъ мнѣніе, какъ лицъ спеціально образованныхъ, можетъ нерѣдко отличаться отъ мнѣнія не-врачей въ вопросахъ, касающихся болѣзни или здоровья даннаго субъекта, и значительно ослабѣвать въ виду несогласнаго большинства. Далѣе, правила, выраженныя въ ст. 373, какъ нужно изслѣдовать помѣшанныхъ, далеко не исчерпываютъ всѣхъ средствъ для распознаванія болѣзни, не говоря

уже о томъ, что помѣшательство въ огромномъ числѣ случаевъ, даже при употребленіи всѣхъ методовъ изслѣдованія, можетъ быть не открыто въ короткій промежутокъ времени: — оно требуетъ продолжительнаго наблюденія. Строго говоря, можно мало найти такихъ сумасшедшихъ и даже безумныхъ, которыхъ бы нельзя было не признать здоровыми, если только точно придерживаться указанныхъ статей закона. Положеніе Правительствующаго Сената еще болѣе неблагопріятно: тамъ нѣтъ ни врачей, ни больного, а имѣется только одинъ сухой актъ; тамъ не могутъ даже пользоваться тѣмъ впечатлѣніемъ, которое можетъ сдѣлать больной однимъ выраженіемъ своего лица, которое нерѣдко краснорѣчивѣе говоритъ въ пользу его болѣзни, чѣмъ его отвѣты на простые и до домашней жизни относящіеся вопросы. Недостаточность существующихъ положеній выражается нерѣдко въ медленности, постоянномъ откладываніи рѣшеній этихъ вопросовъ въ губернскихъ правленіяхъ и въ тѣхъ противорѣчіяхъ, въ которыя впадаютъ рѣшенія правленій и Правительствующаго Сената. Не говоря уже о случаяхъ неправильныхъ рѣшеній съ ихъ послѣдствіями, одна проволочка времени не можетъ не отзываться вредно, какъ на судьбѣ самихъ опекаемыхъ, такъ и на ихъ имуществѣ; потому что губернскія правленія, до утвержденія Сенатомъ, принимаютъ лишь охранительныя мѣры, не налагая опеки. Съ другой стороны, недостаточность законоположеній выражается въ сознаніи необходимости пересмотра ихъ, для чего и существуетъ особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ сенатора Любощинскаго, занимающаяся

составленіемъ новаго проекта законоположеній по этому вопросу. Какъ мы слышали, освидѣтельствованіе будетъ производиться въ окружномъ судѣ, главнымъ образомъ черезъ врачей-спеціалистовъ, и возбуждаться только въ тѣхъ случаяхъ, когда того требуютъ родные или другія лица, имѣющія на то право.

Перехожу ко второму случаю — къ случаю изслѣдованія состоянія умственныхъ способностей обвиняемаго, съ цѣлью опредѣленія его уголовной отвѣтственности.

Въ этомъ отношеніи, какъ судебные уставы, такъ и судебная практика послѣднихъ лѣтъ проложили совершенно новый путь. Такъ, по ст. 353 уст. угол. судопр., если по слѣдствію окажется, что обвиняемый не имѣетъ здраваго разсудка, то слѣдователь, удостовѣрясь въ томъ, какъ черезъ освидѣтельствованіе обвиняемаго врачемъ, такъ и черезъ свое личное разслѣдованіе въ этомъ направленіи, все производство по этому предмету передаетъ на дальнѣйшее распоряженіе прокурора, и затѣмъ по 354 ст. производство дѣла по вопросу о помѣшательствѣ вносится съ заключеніемъ прокурора въ окружный судъ, гдѣ по 355 ст. и производится самое освидѣтельствованіе, черезъ инспектора или члена врачебной управы и двухъ врачей, по назначенію этой же управы *). Наконецъ, по ст. 356

*) Въ С.-Петербургѣ врачебную управу замѣнялъ физикатъ, но въ настоящее время физикатъ преобразованъ въ врачебное управленіе города С.-Петербурга, отдѣльнаго отъ врачебнаго управленія при губернскомъ правленіи, и должность штадтъ-физика замѣнена должностью инспектора управленія. При управленіи состоитъ совѣща-

судебное преслѣдованіе обвиняемаго можетъ быть прекращено по причинѣ его сумасшествія или безумія не иначе, какъ съ рѣшенія окружнаго суда или судебной палаты по принадлежности (ст. 523). Хотя въ этой и предъидущихъ статьяхъ говорится только объ освидѣтельствованіи безумныхъ и сумасшедшихъ, но, примѣняясь къ статьямъ 92, 96 и 97 Уложенія, ему подлежатъ (судебная практика такъ и поступаетъ) и другія формы разстройства умственныхъ способностей. Что же касается способа производства самого освидѣтельствованія, то въ законѣ на это не имѣется особыхъ постановленій, и только въ мотивахъ къ судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г., къ ст. 350, стр. 142, ч. II, было высказано, что освидѣтельствованіе, производимое въ окружномъ судѣ, а не въ губернскомъ правленіи, должно быть дѣлаемо съ соблюденіемъ во всемъ прочемъ правилъ, установленныхъ въ законахъ гражданскихъ. Очевидно, что „все прочее“ относится къ 373 ст. 1 ч. X т. Св. Зак. гражд., потому что, какъ начинаніе, такъ и результаты такого освидѣтельствованія совершенно другіе, чѣмъ тамъ, и точно обозначены въ приведенныхъ выше статьяхъ судебнаго устава, въ которыхъ не приведено лишь одного — это именно способа производства самого освидѣтельствованія. Но уже изъ смысла 355 ст. угол. судопр. видно, что самый способъ

тельное присутствіе, въ числѣ членовъ котораго имѣется совѣщательный членъ по душевнымъ болѣзнямъ, который обыкновенно и назначается управленіемъ къ освидѣтельствованію въ окружномъ судѣ въ числѣ назначаемыхъ имъ двухъ врачей.

освидѣтельствованія существенно иной: — тутъ главнымъ образомъ производится освидѣтельствованіе черезъ инспектора врачебнаго управленія и двухъ врачей *по назначенію* управленія, слѣдовательно не черезъ врачей, составляющихъ какое либо *постоянное* установленіе, одно и тоже для всѣхъ случаевъ. Судебная практика поняла очень хорошо всю важность этого права, даннаго врачебному управленію, которое, примѣняясь къ 325 ст. уст. уг. судопр., назначаетъ спеціалистовъ и лицъ, опытныхъ въ дѣлѣ наблюденія помѣшанныхъ (понятно, гдѣ такіе есть), и затѣмъ на судѣ врачамъ сообщаются всѣ подробности самаго дѣла, а иногда, если врачи находятъ нужнымъ пополнить дѣло новыми свѣдѣніями, и если это находится въ предѣлахъ возможности для судебной власти, слѣдствіе дополняется и такими свѣдѣніями. Далѣе, судебная практика указала, что врачей нельзя стѣснять ни въ способѣ, ни во времени изслѣдованія. такъ что нерѣдко,— и это понятно по самому характеру изслѣдуемыхъ болѣзненныхъ состояній, — судъ постановляетъ, согласно мнѣнію врачей-экспертовъ, отсылать обвиняемаго въ спеціальныя больницы для наблюденія. Такимъ образомъ выработывается способъ, наиболѣе согласный съ современнымъ состояніемъ ученія о душевныхъ болѣзняхъ и гарантирующій возможно точное раскрытіе истины и зависящей отъ нея справедливой участи обвиняемаго. Въ такомъ образѣ дѣйствій лежитъ основаніе неоспоримой пользы для правосудія въ будущемъ, состоящей въ томъ, что судьи съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе будутъ убѣждаться въ чисто-научномъ, спеціаль-

номъ характерѣ изслѣдованія подобныхъ вопросовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ довѣрять мнѣніямъ врачей, основаннымъ на всей совокупности физіологическихъ и патологическихъ данныхъ. Итакъ, мы остановились на томъ случаѣ, когда судъ, по доказанному разстройству умственныхъ способностей подсудимаго, прекращаетъ дѣло и освобождаетъ его изъ подъ слѣдствія; но это бываетъ далеко не во всѣхъ случаяхъ. Случается, что или эксперты не находятъ вовсе помѣшательства, или же хотя и находятъ, но судьи не считаютъ возможнымъ принять ихъ заключеніе; и тогда все дѣло получаетъ дальнѣйшій ходъ и обвиняемый предается суду. Тѣмъ не менѣе съ преданіемъ суду обвиняемый не лишается возможности доказывать свое болѣзненное состояніе; потому что законъ имѣетъ въ виду законное удостовѣреніе душевной болѣзни подсудимаго для того, чтобы въ случаѣ дѣйствительно существующаго помѣшательства констатировать это раньше, и, какъ невмѣняемаго, освободить его еще изъ подъ предварительнаго слѣдствія. Мало того, законъ заботится о немъ, какъ о больномъ, и предписываетъ мѣры, какъ для излеченія его болѣзни, такъ и для огражденія его отъ тѣхъ гибельныхъ дѣйствій, къ которымъ онъ можетъ прибѣгнуть, вслѣдствіе своего болѣзненнаго состоянія (ст. 95 съ прилож. IV и ст. 96 и 97 Улож. о наказ.). Вполнѣ согласно съ этимъ гуманнымъ взглядомъ, законодательство, сознавая, что при новыхъ средствахъ, а быть можетъ, и при новыхъ данныхъ, состояніе подсудимаго въ томъ или другомъ отношеніи можетъ представить новые доводы въ пользу того или другого; что въ извѣстныхъ случаяхъ

можетъ быть такое душевное состояніе, на которое судебный слѣдователь могъ вовсе не обратить вниманія, при производствѣ предварительнаго слѣдствія; что, такимъ образомъ, такое состояніе можетъ обнаружиться уже на судѣ присяжныхъ, — установило возможность доказывать или опровергать вопросъ о душевно-болѣзненномъ состояніи подсудимаго на самомъ судѣ. Такимъ образомъ дѣло, доведенное до суда, можетъ представлять въ себѣ или уже возбужденное сомнѣніе въ здравости умственныхъ способностей, или же въ немъ вопросъ объ умственномъ состояніи подсудимаго можетъ возникнуть какъ новое обстоятельство. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, согласно 692 ст. уголсудопр., "по замѣчанію сторонъ или присяжныхъ засѣдателей, или по собственному усмотрѣнію, судъ можетъ назначить новое освидѣтельствованіе....", и такимъ образомъ, представляя или первое или вторичное освидѣтельствованіе, производитъ окончательную провѣрку данныхъ, доставленныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, и затѣмъ уже весь вопросъ рѣшается окончательно.

Наконецъ третій случай, когда требуется разрѣшить вопросъ о правоспобности лица передъ гражданскимъ судомъ, лица, небывшаго освидѣтельствованнымъ, въ порядкѣ указанномъ для наложенія опеки. Въ этомъ отношеніи прежняя судебная практика занималась рѣшеніемъ подобныхъ вопросовъ развѣ въ совершенно исключительныхъ случаяхъ, потому что въ прежнее время всѣ гражданскія дѣйствія, учиненныя лицами, признанными Сенатомъ безумными или сумасшедшими, считались недѣйствительными, и никакіе споры въ этомъ отношеніи

не допускались. Наоборотъ, всѣ дѣйствія лицъ, не признанныхъ Сенатомъ безумными или сумасшедшими, считались дѣйствительными съ точки зрѣнія право-способности такихъ лицъ, какъ умственно здоровыхъ, и не допускались никакія доказательства, направленныя противъ этой рутины, укоренившейся въ прежней практикѣ. Изучая однако глубже относящіяся до этого вопроса существующія законоположенія и проникаясь духомъ нашего закона, мы увидимъ, что даже съ точки зрѣнія самого закона такой способъ дѣйствій не соотвѣтствуетъ цѣли законодателя. Такъ, въ ст. 367, 1 ч. X т. Св. зак. видно, что „каждому семейству, въ коемъ находится безумный или сумасшедшій, *предоставляется* о томъ объявить мѣстному начальству", и уже изъ послѣдующихъ статей, приведенныхъ выше, видно, что затѣмъ начальство назначаетъ освидѣтельствованіе и налагаетъ опеку. Но, во-первыхъ, это право лишь *предоставляетъ*, а не *обязуетъ* семейство доводить о томъ до свѣдѣнія начальства, а во-вторыхъ,—и это главное, — далеко не каждое семейство можетъ замѣтить всякое помѣшательство, а тѣмъ болѣе въ ранніе періоды болѣзни. Всякому врачу психіатру извѣстно множество случаевъ, когда къ нимъ приводятъ больныхъ съ заявленіемъ, что болѣзнь развилась весьма недавно, а между тѣмъ, когда врачъ съ перваго взгляда увидитъ, что имѣетъ передъ собою вполнѣ развитую форму помѣшательства, требовавшую для своего развитія гораздо болѣе длиннаго періода времени, и начнетъ разспрашивать родныхъ, наводя ихъ именно на такія дѣйствія больного, которыя необходимо должны были уже существовать за-долго,

тогда только родственники съ ужасомъ убѣждаются, что они уже гораздо раньше были свидѣтелями роковыхъ явленій, приведшихъ, быть можетъ, именно вслѣдствіе упущенія, къ гибельному и безнадежному исходу. Такимъ образомъ можетъ быть много помѣшанныхъ, живущихъ на свободѣ и свободно дѣйствующихъ, а въ болѣзненномъ состояніи дѣйствія ихъ во всякомъ случаѣ могутъ быть иныя, чѣмъ при совершенномъ психическомъ здоровьи: дѣйствія ихъ часто могутъ быть вредны для нихъ же самихъ. Поэтому гуманность и справедливость требуютъ, чтобы и такія дѣйствія помѣшанныхъ могли быть исправлены, если къ этому представится возможность. Съ другой стороны, бывшее освидѣтельствованіе въ губернскомъ правленіи не можетъ служить препятствіемъ къ назначенію новаго, по требованію суда, такъ какъ различіе въ освидѣтельствованіи въ обоихъ случаяхъ требуется уже самымъ отдѣленіемъ административной власти отъ судебной, и такъ какъ всякій судъ для своего сужденія долженъ самъ лично убѣдиться въ свойствѣ фактовъ, на которыхъ основано возбужденное дѣло. Дѣйствительно, судебная практика дала просторъ подобнымъ дѣламъ, и въ этомъ отношеніи 1869 г. составляетъ эру въ юрисдикціи, потому что Сенатъ рѣшеніемъ своимъ за № 235 по дѣлу Мосоловыхъ высказалъ, что „отсутствіе формальнаго признанія кого либо страдающимъ разстройствомъ умственныхъ способностей не лишаетъ однакожъ права и возможности доказывать другими способами, что лицо это, во время выдачи акта, находилось въ ненормальномъ умственномъ состояніи“. Съ этихъ поръ подобныя дѣла

стали появляться въ судебной практикѣ: такимъ было дѣло Корбе, по уничтоженію сдѣланнаго имъ завѣщанія; такое же дѣло было объ уничтоженіи арендпаго договора, заключеннаго Терпигоревымъ; такія же дѣла возникнутъ въ будущемъ, къ счастію этихъ лицъ и къ успокоенію чувства общественной неприкосновенности. Гражданскій судъ для доказательства существованія разстройства умственныхъ способностей пользуется въ общихъ чертахъ тѣми же способами и средствами, которыми пользуются въ судахъ уголовныхъ; а именно тѣ же болѣзненныя формы, которыя освобождаютъ отъ уголовной отвѣтственности, лишаютъ и гражданской правоспособности, какъ мы уже имѣли случай убѣдиться въ этомъ изъ вышеприведеннаго свода статей по нашему предмету. Далѣе, точно также требуется съ достовѣрностью доказать существованіе этихъ болѣзней; точно также на основаніи 515 и 526 ст. гр. судопр. судъ требуетъ свѣдущихъ людей для дачи заключенія о предметѣ, требующемъ особыхъ ученыхъ свѣдѣній; точно также въ случаѣ необходимости дополнить изслѣдованіе или разъяснить заключеніе свѣдущихъ людей, судъ можетъ потребовать дополненія или заключенія вновь назначенныхъ свѣдущихъ людей. Разница вся состоитъ въ самомъ способѣ собиранія данныхъ и обсужденія ихъ, зависящемъ отъ самаго характера гражданскаго судопроизводства. Въ собраніи необходимыхъ свѣдѣній принимаютъ участіе лишь сами стороны и разрѣшеніе вопроса о душевной болѣзни можетъ послѣдовать лишь только на судѣ, и тогда уже производится совершенно такъ же, какъ провѣ-

рочное изслѣдованіе того же вопроса въ судѣ уголовномъ.

Этимъ исчерпываются способы и пріемы, предписанные закономъ и установленные судебною практикою для доказательства помѣшательства въ приведенныхъ выше случаяхъ, т.-е. въ случаѣ взятія подъ опеку, оцѣнки уголовной отвѣтственности и гражданской правоспособности.

Прежде чѣмъ перейду къ окончательному заключенію по этому предмету, необходимо сказать нѣсколько словъ о положеніи экспертизы въ этихъ случаяхъ передъ судомъ и о значеніи заключеній экспертовъ для суда и присяжныхъ. Въ этомъ отношеніи существуютъ главнымъ образомъ два противуположные лагеря: одни признаютъ за экспертами почти роль судей, другіе стараются умалить значеніе ихъ заключеній, и иногда до такой степени, что едвали не сводятъ вопросъ на то, нужна ли экспертиза, коль скоро мнѣніями экспертовъ можно пренебрегать до безграничности. Я не могу входить въ подробности по этому весьма обширному предмету, такъ какъ это завело бы меня слишкомъ далеко, и поэтому буду стараться быть по возможности краткимъ, придерживаясь главнымъ образомъ фактической стороны вопроса, насколько она уясняется самими законоположеніями. Мы уже выше видѣли, что по закону всѣ принимаемыя имъ формы разстройства умственныхъ способностей сводятся на потерю разсудка и почитаются прямо за болѣзнь. За доказательствомъ существованія этой болѣзни законъ обращается къ врачебной экспертизѣ, и требуетъ отъ

нея лишь этого одного. Экспертиза въ свою очередь основывается на изслѣдованіи патологическихъ и физіологическимъ данныхъ, имѣющихся въ дѣлѣ. Данныя эти, какъ симптомы той или другой формы помѣшательства, на основаніи которыхъ свѣдущіе люди обязаны были бы судить, въ законѣ не приведены, и совершенно справедливо: — съ развитіемъ науки данныя эти измѣняются, пополняются и пр., законъ же не можетъ постоянно колебаться, измѣняясь съ каждымъ шагомъ науки, да притомъ еслибы они и были приведены, то это немного бы уяснило дѣло, потому что пришлось бы открывать эти данныя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, къ чему ни судьи, ни присяжные не имѣютъ возможности. Поэтому наше законодательство и не заботилось объ этой сторонѣ вопроса.

И такъ, у насъ врачебная экспертиза поставлена въ очень благопріятныя условія: она доказываетъ, на основаніи имѣющихся въ дѣлѣ данныхъ и научной ихъ оцѣнки, существованіе той или другой формы болѣзни. Изъ этого, повидимому, вытекаетъ, что мнѣніе свѣдущихъ людей обязательно для суда, такъ какъ врачъ только можетъ опредѣлить болѣзнь: ни судьи, ни присяжные не могутъ возражать ему научно, а, слѣдовательно, и вѣрно; весь же вопросъ, будучи сведенъ на болѣзнь, не можетъ быть принятъ иначе, если врачъ разрѣшаетъ его въ томъ или другомъ направленіи. Это разсужденіе находитъ себѣ поддержку въ 533 ст. уст. уг. судопр., по которой „судъ не обязанъ подчиняться мнѣнію свѣдущихъ людей, не согласному съ достовѣрными обстоятельствами дѣла“, т.-е. условіе необязательности огра-

ничивается только несогласіемъ съ фактами; но по ст. 692 угол. судопр. и 526 гражд. судопр. судъ можетъ истребовать заключенія отъ вновь назначенныхъ свѣдущихъ людей, вмѣсто прежнихъ, вовсе не вслѣдствіе поводовъ, указанныхъ въ 533 ст., а слѣдовательно отвергаетъ одно заключеніе и требуетъ другого, или дополняетъ имъ прежнія и т. п. Очевидно, что при этомъ законодатель имѣлъ въ виду несовершенство медицинской науки вообще, и представителей ея въ частности, „находя, что сами эксперты могутъ нерѣдко сомнѣваться и не довѣрять собственнымъ заключеніямъ"; точно также и ст. 345 уг. судопр. даетъ судебному слѣдователю большой просторъ мотивамъ къ непринятію мнѣнія врачей, потому что, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ онъ находитъ противорѣчіе съ обстоятельствами дѣла или разногласіе въ мнѣніяхъ врачей, и кромѣ того, что онъ можетъ въ подобныхъ случаяхъ обращаться въ высшее медицинское учрежденіе за разрѣшеніемъ вопроса или за назначеніемъ переосвидѣтельствованія, онъ можетъ еще не принять мнѣнія врачей просто въ случаѣ своего личнаго „сомнѣнія, въ правильности истолкованія найденныхъ признаковъ". Такимъ сомнѣніямъ, конечно, какъ основаннымъ лишь на смутномъ предчувствіи, иногда нѣтъ конца, и за переосвидѣтельствованіемъ слѣдуетъ новое переосвидѣтельствованіе, поселяющее нерѣдко еще большее недовѣріе и сомнѣніе. Конечно, такой просторъ, данный судебному слѣдователю, оправдывается печальною дѣйствительностью, сталкивающею его съ судебнымъ врачемъ, который обремененъ въ большинствѣ

случаевъ черезъ силу работой и во всѣхъ разнообразныхъ случаяхъ судебно-медицинскихъ вопросовъ долженъ быть спеціалистомъ, между тѣмъ какъ non omnes omnia possumus. Тѣмъ не менѣе это право судебнаго слѣдователя во всякомъ случаѣ слѣдовало бы по возможности ограничить, потому что хотя оно и указываетъ на существованіе практическихъ неудобствъ, но не помогаетъ сущности дѣла.

Изъ приведеннаго видно, что законъ нашъ не признаетъ за экспертизою обязательности ея заключеній для суда, а судебная практика показала, что она этимъ нерѣдко пользовалась и, не удовлетворяясь одною экспертизою, назначала другую и иногда извлекала изъ этого пользу для правосудія. Экспертиза такимъ образомъ становится въ одинъ рядъ съ другими доказательствами судебнаго слѣдствія, и только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ весь вопросъ не имѣетъ и не нуждается въ другихъ доказательствахъ, кромѣ констатированія болѣзни, — какъ это всего чаще бываетъ въ случаяхъ, гдѣ возбуждается вопросъ объ умственномъ состояніи подсудимаго, — этотъ родъ доказательства становится единственнымъ, а слѣдовательно съ принятіемъ результатовъ экспертовъ или нѣтъ тѣсно связанъ окончательный выводъ судей и присяжныхъ. Таково положеніе экспертизы, данное ей закономъ и освященное опытомъ. Съ теоретической и чисто научной точки зрѣнія я полагаю, что пока медицина вообще и психіатрія въ особенности еще не сказала послѣдняго слова; пока не будетъ такихъ представи-

телей ея, которымъ была бы она извѣстна во всей полнотѣ, и наконецъ—еслибы такія лица и нашлись—пока слѣдствія не будутъ производиться такимъ образомъ, что въ данномъ случаѣ всѣ требуемыя наукою данныя могли бы быть собраны,—до тѣхъ поръ, если при этомъ въ судьяхъ и присяжныхъ установится увѣренность въ томъ, что и наука совершенна, и данный врачъ постигъ ее, и слѣдствіе все открыло, экспертиза не будетъ имѣть права обязательности для суда и присяжныхъ. Въ настоящее время наше законодательство и наша судебная практика имѣютъ громадную заслугу въ томъ, что они слѣдуютъ лишь по пути указанному наукою для раскрытія истины, но останавливаются на томъ, что предоставляютъ окончательное рѣшеніе, принятіе или непринятіе заключенія экспертизы, суду и присяжнымъ.

Этимъ заканчиваю изложеніе существующихъ узаконеній у насъ въ Россіи по отношенію къ вмѣняемости при душевныхъ болѣзняхъ. Читателю будетъ уже изъ сказаннаго очевидно, что наши законы сходны со многими иностранными и всего болѣе съ французскими, и оставляютъ нѣкоторые далеко позади себя, напр., англійскіе. Такъ, наше законодательство не вдается въ тонкія опредѣленія, что́ такое душевная болѣзнь, и какое ея состояніе допускаетъ вмѣняемость; далѣе, оно не дѣлаетъ различія между такимъ состояніемъ помѣшательства, которое не исключало бы уголовной вмѣняемости и въ то же время дѣлало бы человѣка неправоспособнымъ въ гражданской его дѣятельности, и

наконецъ, признавая всѣ состоянія разстройства душевныхъ способностей за болѣзнь, обращается за разъясненіемъ этихъ вопросовъ къ представителямъ медицинскихъ наукъ, предоставляя принять ихъ мнѣніе въ окончательной формѣ суду и присяжнымъ.

О. Ч.

1874 г. мая 3 дня.
С.-Петербургъ.

ГЛАВА V.

ЧАСТНОЕ ПОМѢШАТЕЛЬСТВО.

I. Чувственное помѣшательство.

Помѣшательство обнимаетъ собой различныя формы психическаго разстройства. — Видоизмѣненіе въ характерѣ и симптомахъ каждой формы въ различныхъ періодахъ ея теченія. — Ранніе симптомы бываютъ иногда мало замѣтны, но имѣютъ важное значеніе; примѣры. — Только медицинское наблюденіе первыхъ фазъ болѣзни можетъ имѣть значеніе; непониманіе ихъ со стороны юристовъ и другихъ. — Безполезность смертной казни надъ помѣшанными въ примѣръ другимъ.

Чувственное помѣшательство: 1) Импульсивное помѣшательство.—Болѣзненное влеченіе къ самоубійству или однопредметное помѣшательство съ наклонностью къ самоубійству; примѣры.—Патологическая природа влеченій у помѣшанныхъ; невозможность сдерживать ихъ можетъ сопровождаться сознаніемъ ихъ ненормальности.— Упорная наслѣдственность помѣшательства съ наклонностью къ самоубійству; примѣры. — Помѣшательство съ наклонностью къ убійству; примѣры. — Разборъ его свойствъ. — Извращенныя желанія и импульсы какъ общія черты всѣхъ формъ психическаго разстройства. — Признаки душевнаго разстройства до перваго проявленія помѣшательства съ наклонностью къ убійству. — Скрытая наклонность можетъ въ первый разъ обнаружиться вслѣдствіе какого нибудь сильнаго возбужденія. — Условія предшествующія приступу: a) душевно-болѣзненный неврозъ; b) эпи-

лептическій неврозъ: a) душевно-болѣзненный неврозъ:—съ примѣсью нѣкотораго слабоумія, случай Бёртона;—безъ слабоумія, но съ проявленіемъ извращенныхъ наклонностей: Альтонское убійство. — Влеченіе къ убійству: было ли оно неудержимо или только не сдержано? — b) Эпилептическій неврозъ— помѣшательство съ наклонностью къ убійству въ связи съ эпилептическими припадками.—2) Нравственное помѣшательство: его характеристическія черты и причины. — Нравственное помѣшательство часто предшествуетъ умственному и остается послѣ него; приступы его могутъ перемежаться съ приступами чистаго неистовства или мрачнаго помѣшательства.—Возвратное помѣшательство (*Folie circulaire*).—Нравственное помѣшательсто въ связи съ падучей болѣзнью. — Прирожденная нравственная тупость. — Заключеніе.

Говорить, что помѣшательство есть болѣзнь, конечно, совершенно лишнее, но далеко не излишне разъяснить то, что́ скрывается въ этомъ опредѣленіи. Во первыхъ, помѣшательство не представляетъ одной какой нибудь болѣзни, распознаваемой по одному какому-нибудь признаку; но обнимаетъ собой цѣлый рядъ болѣзней, изъ которыхъ каждая имѣетъ болѣе или менѣе характеристическіе признаки, особенное теченіе, болѣе или менѣе спеціальныя причины и своеобразный исходъ. Для нѣкоторыхъ цѣлей достаточно сказать вообще, что человѣкъ помѣшанъ, но такое опредѣленіе нисколько не научно; для медицинскихъ цѣлей необходимо знать, какой именно формой психическаго разстройства онъ страдаетъ. Далѣе, каждая форма психическаго разстройства, подобно всѣмъ другимъ болѣзнямъ, имѣетъ предварительные симптомы, свойственные періоду подготовленія, ранніе признаки видоизмѣненія при своемъ теченіи и хорошій или дурной исходъ, который опре-

дѣляется различнымъ характеромъ симптомовъ. На этомъ основанiи мы должны быть готовы встрѣтить большую измѣнчивость какъ въ силѣ, такъ и въ характерѣ симптомовъ въ различные перiоды, и никакъ не вправѣ ожидать, что всѣ случаи будутъ имѣть опредѣленное теченiе, развитiе и исходъ. Колебанiя эти выражаются названiями *перемежающагося*, *послабляющаго* или *перiодическаго* помѣшательства, которыя прилагаются къ различнымъ формамъ болѣзни и измѣнчивымъ фазамъ ея; при этомъ весьма часто случается, что особыя извращенiя идей, чувствъ и поступковъ характеризуютъ каждый стадiй. Отсюда возникаетъ необходимость принимать въ соображенiе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ все теченiе и всѣ симптомы и не выводить поспѣшныхъ заключенiй на основанiи одного только симптома или одного фазиса болѣзни.

Первые симптомы обыкновенно весьма отличны отъ тѣхъ, которые обнаруживаются въ болѣе позднiй перiодъ развитiя болѣзни. Они большею частью менѣе рѣзки, иногда даже таковы, что неопытный наблюдатель и не подозрѣваетъ существованiя какого либо психическаго разстройства. Человѣкъ обнаруживаетъ, напр., угнетенное состоянiе духа, которое не объясняется ни его общественными отношенiями, ни положенiемъ его дѣлъ, — которое, словомъ, не имѣетъ никакой соотвѣтствующей внѣшней причины; его работа перестаетъ интересовать его; онъ думаетъ, что не въ состоянiи исполнять ее, какъ слѣдуетъ, хотя никто, кромѣ его самого, не понимаетъ, почему онъ пришелъ къ такому заключенiю, и не находитъ, чтобъ онъ исполнялъ

свое дѣло хуже прежняго, когда за него возьмется; онъ угрюмъ и причудливъ, не спитъ по ночамъ, или терзается мучительными сновидѣніями въ короткіе промежутки неосвѣжающаго сна; однако у него нѣтъ нелѣпыхъ идей и въ его разговорѣ не проявляется никакой безсвязности. Онъ можетъ разумно обсуживать свои дѣла и даже свое собственное состояніе. Тѣмъ не менѣе эти симптомы служатъ первымъ признакомъ психическаго разстройства, которое при дальнѣйшемъ теченіи можетъ перейти въ положительный бредъ въ мысляхъ или во влеченіе къ убійству или самоубійству. Опытъ показываетъ, въ самомъ дѣлѣ, что изъ такой темной глубины души находящагося въ этомъ мрачномъ настроеніи духа, вытекаетъ нерѣдко отчаянный порывъ убить себя или другого. Людьми въ такомъ психическомъ состояніи совершаются многія изъ самоубійствъ и убійствъ, заносимыхъ ежедневно въ столбцы нашихъ газетъ.

Возьмемъ другой примѣръ: молодая особа, шестнадцати или двадцати лѣтъ, начинаетъ обнаруживать какія нибудь непривычныя странности; начинаетъ тревожиться о своемъ здоровьи, или о состояніи своихъ чувствъ; воображаетъ, что не въ состояніи достигнуть идеала, къ которому должна стремиться; не можетъ отдаться серьёзно своимъ обычнымъ занятіямъ или удовольствіямъ, составляющимъ, можетъ быть, все ея занятіе; проводитъ много времени въ размышленіи или молитвѣ, или въ томъ, что принимается за размышленіе или молитву; становится причудливой и капризной съ своими близкими. Никто изъ послѣднихъ не видитъ повода обращаться къ медицинской помощи; или же,

замѣчая въ ней какую-то странность, родные думаютъ, что всего дѣйствительнѣе будетъ увѣщаніе священника. Между тѣмъ, всѣ эти странности были первыми симптомами извѣстнаго психическаго разстройства, которое, если оно не будетъ сдержано соотвѣтствующимъ уходомъ, можетъ развиться и перейти вскорѣ въ неизлечимое состояніе. Нерѣдко случается доктору въ его практикѣ быть призваннымъ по поводу явнаго помѣшательства такой паціентки и слышать вопросы недоумѣвающихъ родныхъ насчетъ того, ка̀къ могла она такъ внезапно впасть въ это ужасное состояніе. Не зная значенія первыхъ симптомовъ, проявлявшихся нѣкоторое время въ темной, такъ сказать, причудливой формѣ, они не обратили на нихъ должнаго вниманія, или же не придали имъ никакой важности, и поняли значеніе болѣзни только тогда, когда исчезла всякая возможность сомнѣнія, а можетъ быть также и всякая возможность излеченія. Было бы безполезно умножать примѣры. Очевидно, что первые симптомы болѣзни бываютъ иногда такого рода, что неопытный наблюдатель никакъ не можетъ заподозрить, что человѣку грозитъ помѣшательство, а тѣмъ болѣе сказать, что человѣкъ уже помѣшанъ; тогда какъ врачъ, понимая ихъ настоящее значеніе, сразу узнаетъ всю ихъ важность.

Нужно также имѣть въ виду, что душевныя болѣзни принадлежатъ къ такимъ, которыя даже въ острыхъ формахъ имѣютъ болѣе продолжительное теченіе, чѣмъ обыкновенныя физическія страданія. Послѣднія считаются иногда часами и днями, первыя недѣлями и мѣсяцами. Какъ общее правило, человѣкъ не сходитъ

съ ума въ нѣсколько часовъ или дней; напротивъ, ему нужно нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ, прежде чѣмъ обнаружатся признаки явнаго разстройства. Положимъ, что онъ втеченіе этого перваго періода болѣзни совершитъ какой нибудь поступокъ, который поставитъ вопросъ о состояніи его умственнаго здоровья передъ гражданскій или уголовный судъ; очевидно, что это дастъ поводъ къ оживленнымъ спорамъ. Юристы будутъ утверждать, что онъ вполнѣ сознавалъ то, что̀ дѣлалъ, и находится въ состояніи полной вмѣняемости. Врачъ, видя первые признаки приближающагося разстройства, зная изъ опыта, что въ этотъ періодъ бываютъ внезапныя обостренія и помраченія разсуждающей способности и, зная, кромѣ того, до какой степени человѣкъ безсиленъ въ этомъ состояніи надъ внезапными болѣзненными идеями или влеченіями, — будетъ, по всей вѣроятности, настаивать на его невмѣняемости. Первые смотрятъ только на самый актъ и на доказательство сознательности при его выполненіи, причемъ руководятся опытомъ надъ здоровымъ умомъ и находятъ преднамѣренное зло; второй принимаетъ въ соображеніе предшествующіе симптомы болѣзни и обусловленную этимъ потерю силы воли, причемъ смотритъ на факты съ точки зрѣнія своего опыта надъ явленіями больного ума. Сомнительные случаи, въ которыхъ рѣшеніе крайне трудно, конечно будутъ повторяться время отъ времени; случаи, въ которыхъ врачъ, будучи обязанъ дать имъ какое нибудь названіе, относитъ ихъ обыкновенно къ явленіямъ частнаго помѣшательства, нравственнаго помѣшательства, помѣшательства съ наклонностью

къ убійству, къ воровству и т. д. На его мнѣніе возражаютъ обыкновенно, что такого рода помѣшательства всего легче излечиваются законной карой — тюрьмой или висѣлицей. Средство, конечно, дѣйствительное для даннаго мгновенія, но оно нечеловѣчно и несправедливо. Если человѣкъ сдѣлался жертвой *болѣзни*, которая уменьшаетъ или уничтожаетъ его власть надъ собой, то явно, что несправедливо относиться къ нему, какъ къ здоровому, и налагать на него отвѣтственность за его поступки. Онъ, очевидно, имѣетъ полное право требовать снисхожденія къ своей болѣзни и того состраданія къ несчастью, которое обыкновенно встрѣчается въ цивилизованныхъ странахъ.

Можетъ случиться, что люди, стоящіе на почвѣ закона, вполнѣ признаютъ справедливость сказаннаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, будутъ защищать наказаніе въ предполагаемыхъ интересахъ общества. Человѣческая справедливость, говорятъ они, не можетъ имѣть притязанія на опредѣленіе точной мѣры вмѣняемости каждаго; только на небесахъ раскрываются вполнѣ всѣ дѣла: здѣсь же, на землѣ, мы должны довольствоваться грубымъ мѣриломъ справедливости, руководствуясь въ его примѣненіи интересами общества, и должны назначать наказаніе для того, чтобы удерживать другихъ отъ преступленій. Одинъ англійскій судья, приговаривая преступника къ смерти за кражу овцы, въ то время, когда воровство овецъ еще наказывалось смертью, съ цѣлью, но безъ желаемаго результата, удержать другихъ людей отъ этого преступленія, сказалъ будто бы: „я не приговариваю васъ къ смерти за то, что вы украли

овцу, но для того, чтобы кража овецъ прекратилась". Другой англійскій судья, до сихъ поръ еще занимающій это мѣсто, приговаривая одного убійцу, тщетно выдаваемаго за помѣшаннаго, сказалъ, что, быть можетъ, полезнѣе вѣшать помѣшаннаго, нежели здороваго. Въ основѣ этого, съ виду столь варварскаго, мнѣнія лежало, очевидно, убѣжденіе, что въ интересахъ общества лежитъ удерживать помѣшанныхъ отъ убійства, и что казнь ихъ будетъ служить предостереженіемъ другимъ помѣшаннымъ и удержитъ ихъ такимъ образомъ, если не отъ помѣшательства, то во всякомъ случаѣ отъ убійства въ состояніи помѣшательства. Будь это такъ, мы бы имѣли право удивляться, что обычай заключать помѣшанныхъ въ дома для нихъ не могъ еще до сихъ поръ отучить ихъ сходить съ ума, краснорѣчиво убѣждая всѣхъ предрасположенныхъ къ этой болѣзни, чтобы они воздерживались отъ всякихъ симптомовъ, которые могутъ подвергнуть ихъ столь страшной участи. Нашъ судья имѣетъ, очевидно, въ виду только интересы общества, говорящіе противъ преступника; онъ совершенно оставляетъ безъ вниманія, что помѣшательство, по существу своему, есть *болѣзнь*, въ которой жертва, очевидно, не вполнѣ виновата, и которая должна снять съ нея всякую отвѣтственность за поступки:

„Was't Hamlet wrong'd Laertes? Never, Hamlet:
If Hamlet from himself be ta'en away,
And when he's not himself does wrong Laertes,
Then Hamlet does it not, Hamlet denies it.
Who does it then? His madness; if't be so,

Hamlet is of the faction that is wronged;
His madness is poor Hamlet's enemy" *).

Если бы перевѣшали половину умалишеннаго населенія страны, то это отвратительное зрѣлище не имѣло бы никакого дѣйствія на остальную половину и, конечно, не удержало бы ни одного помѣшаннаго отъ убійства, совершенно также, какъ нельзя было бы уничтожить судорожныхъ движеній, вѣшая всѣхъ людей, страдающихъ судорогами. Когда мальчикъ въ школѣ намѣренно дѣлаетъ гримасы и коверкается, учитель имѣетъ право наказать его, потому что въ этомъ случаѣ наказаніе можетъ еще удержать товарищей отъ подражанія; но само собою разумѣется, что наказаніе не могло бы имѣть полезнаго вліянія на мальчика, который гримасничалъ и коверкался совершенно противъ собственной воли, вслѣдствіе Виттовой пляски. Наоборотъ, оно бы, по всей вѣроятности, ухудшило его состояніе. Гримасы въ первомъ случаѣ вполнѣ заслуживаютъ наказанія, во второмъ—могутъ служить только предметомъ состраданія и наказывать за нихъ было бы безумно и жестоко. Сравненіе это вполнѣ подходитъ къ *родственному страданію*, помѣшательству: казнь по-

---

*) Лаэрта Гамлетъ оскорбилъ? О, нѣтъ!
Когда Гамлетъ, раздвоенный въ душѣ,
И самъ не свой, Лаэрта оскорбляетъ —
Не Гамлетъ то, не онъ нанесъ обиду —
Его безуміе. И если такъ,
То онъ и самъ обиженъ глубоко:
Безумство — врагъ несчастному Гамлету.
Пер. Кронеберга.

мѣшаннаго не можетъ служить наказаніемъ для него и предостереженіемъ для другихъ помѣшанныхъ, но оно служитъ только пыткой для тѣхъ, которые видятъ въ ней, говоря словами сэра Кока: „отвратительное зрѣлище, противное всѣмъ законамъ, безконечно-жестокое и нечеловѣчное, которое не можетъ служить полезнымъ примѣромъ ни для кого.“ Подобно тому, какъ обычай вѣшать за кражу овецъ не удержалъ воровъ, но, будучи „безчеловѣчнымъ и жестокимъ“, возбудилъ недовѣріе къ закону, оскорблявшему нравственное чувство человѣчества, такъ и обычай вѣшать помѣшанныхъ не удержитъ другихъ больныхъ отъ помѣшательства съ наклонностью къ убійству, и, въ концѣ-концовъ, подорветъ уваженіе къ закону, допускающему такія жестокости.

Итакъ, доводы въ пользу казни помѣшанныхъ, съ цѣлью удержать другихъ отъ преступленія, не имѣютъ ни малѣйшаго основанія. Казнь ихъ могла бы принести пользу только въ такомъ случаѣ, если бы могла удержать другихъ людей отъ помѣшательства; но никто не заявлялъ еще объ ея цѣлебномъ дѣйствіи съ этой стороны. Что же касается мнѣнія, что этихъ больныхъ необходимо казнить для безопасности общества, то противъ него нельзя было бы ничего возразить, если бы общество не имѣло другихъ дѣйствительныхъ средствъ защиты. Но мы знаемъ, что общество имѣетъ средства защищать себя и притомъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ, налагая въ то же время на помѣшаннаго преступника наказаніе, которое онъ считаетъ крайне тяжелымъ,—именно заключеніе въ домъ помѣ-

шанныхъ. Нечего бояться, что перспектива такой доли будетъ для него ме́ньшей угрозой, чѣмъ перспектива смерти на эшафотѣ.

Читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что я говорилъ о смертной казни, какъ о карѣ, которая никогда не должна быть налагаема на помѣшаннаго; но вопросъ другого рода, не долженъ ли такой человѣкъ быть ограниченъ иными мѣрами. Уничтожьте смертную казнь, и споры между юристами и врачами утратятъ практическое значеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что обитатели заведеній для помѣшанныхъ до нѣкоторой степени удерживаются отъ дурныхъ поступковъ и побуждаются къ самообладанію страхомъ, что имъ придется поплатиться бо́льшимъ стѣсненіемъ или утратой нѣкоторой свободы, если они дадутъ волю дурнымъ наклонностямъ. Но точно также достовѣрно, что эти побужденія нужно пускать въ ходъ съ крайней осторожностью, и что если стѣсненія слишкомъ велики, то больные становятся хуже и не поддаются уже никакому контролю. Вѣрно также и то, что больной, который одно время поддается такимъ мѣрамъ, въ другое время, при другой фазѣ болѣзни, становится недоступнымъ какому бы то ни было нравственному вліянію. Отсюда я не могу себѣ объяснить, какъ могутъ здравомыслящіе люди утверждать, что помѣшанныхъ можно подвергать наказанію совершенно также, какъ и здоровыхъ; или находить, что эти больные во всякомъ случаѣ должны быть подчинены карательному контролю скорѣе, чѣмъ медицинскому.

Я говорилъ уже, что періодъ времени, когда помѣшательство начинаетъ развиваться, когда симптомы

имѣютъ только характеръ предвѣстниковъ будущей болѣзни, что этотъ періодъ можетъ длиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма долго. Нелегко бываетъ въ иныхъ случаяхъ указать на начало болѣзни,—до такой степени оно можетъ быть отдаленно въ жизни данной личности. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы начинаемъ подробно изслѣдовать ранній періодъ исторіи помѣшанныхъ, мы нерѣдко встрѣчаемъ уже въ дѣтствѣ странности, которыя могутъ дать поводъ заключить, что болѣзнь начиналась уже тогда, и что она представляетъ окончательный результатъ длиннаго ряда подготовленій. Нѣтъ сомнѣнія, что это научно вѣрно для многихъ случаевъ; но на практикѣ мы въ состояніи отличать симптомы, которые указываютъ на существованіе болѣзни, отъ странностей и эксцентричностей, не поднявшихся еще на степень болѣзненныхъ припадковъ. Человѣкъ, который втеченіе долгаго времени представляетъ рядъ симптомовъ, имѣющихъ характеръ непосредственныхъ предвѣстниковъ совершеннаго помѣшательства, будетъ, по всей вѣроятности, признанъ нравственно помѣшаннымъ или страдающимъ какой нибудь формой частнаго помѣшательства. Онъ можетъ, хотя это не общее правило, впасть подъ конецъ въ совершенное разстройство; но пока послѣднее не обнаружилось, больной этотъ принадлежитъ къ разряду одержимыхъ тѣми формами помѣшательства, въ изобрѣтеніи которыхъ такъ часто обвиняютъ врачей. Я бы желалъ сдѣлать вполнѣ понятнымъ, что характеристическія черты нѣкоторыхъ изъ этихъ темныхъ и сомнительныхъ формъ частнаго помѣшательства совершенно тождественны съ тѣми,

которыя проявляются иногда на первыхъ ступеняхъ дѣйствительнаго проявленія полнаго помѣшательства; эти пріуготовительныя ступени представляютъ, такъ сказать, краткую и отвлеченную хронику ихъ. Всякій готовъ признать въ нихъ болѣзнь, когда вскорѣ за ними слѣдуетъ взрывъ неистовства; почему же не рѣшаются признать въ нихъ дѣйствительную болѣзнь, когда нѣтъ такихъ непосредственныхъ и несомнѣнныхъ доказательствъ? Не каждое воспаленіе переходитъ въ нагноеніе или гангрену, но оно не перестаетъ быть воспаленіемъ потому только, что останавливается, не дойдя до худшихъ проявленій. Во всякомъ случаѣ, едва ли справедливо отвергать голословно свидѣтельство опытнаго наблюдателя по отношенію къ душевному состоянію осужденнаго, и затѣмъ, повѣсивъ его прежде, чѣмъ развитіе болѣзни могло показать справедливость мнѣнія врача, уничтожить такимъ образомъ всякую возможность поправить свою ошибку.

И такъ, я буду продолжать разбирать судебно-медицинское отношеніе этихъ разновидностей частнаго помѣшательства, потому что разборъ ихъ подниметъ трудные и запутанные вопросы о вмѣняемости, въ которыхъ постоянно сталкиваются между собой юристы и врачи. Всѣ спеціалисты по душевнымъ болѣзнямъ, какова бы ни была ихъ теорія относительно способа классификаціи, принуждены, на основаніи своихъ наблюденій, описывать извѣстныя формы, въ которыхъ нѣтъ нелѣпыхъ идей, какъ простое помѣшательство, выражающееся въ чувствахъ и поступкахъ. Такъ, въ двухъ большихъ первыхъ отдѣлахъ мрачнаго помѣша-

тельства и неистовства всѣми признается *melancholia simplex,* или простое мрачное помѣшательство безъ бреда, и *mania sine delirio,* т.-е. неистовство безъ бреда. Формы эти на самомъ дѣлѣ имѣютъ важность, несоотвѣтствующую ихъ видимой простотѣ; потому что именно въ этихъ случаяхъ всего чаще проявляется опасная наклонность къ убійству, самоубійству и другимъ насильственнымъ дѣйствіямъ; и ожесточенная борьба мнѣній разгорается повсюду всего чаще именно въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ, подъ вліяніемъ той или другой изъ означенныхъ болѣзней, совершитъ какое нибудь насильственное дѣйствіе раньше, чѣмъ въ немъ обнаружится бредъ или несвязность мысли. Такъ какъ главное различіе между мрачнымъ помѣшательствомъ безъ бреда и неистовствомъ безъ бреда заключается въ томъ, что первое сопровождается явнымъ душевнымъ угнетеніемъ, а второе нѣтъ, то для нашей настоящей цѣли будетъ всего удобнѣе разсматривать ихъ вмѣстѣ, подъ общимъ названіемъ чувственнаго помѣшательства *(affective insanity)*, т.-е. помѣшательства безъ бреда, или помѣшательства, обнаруживающагося въ чувствахъ и поступкахъ. Два главныя подраздѣленія этого класса (которыя я намѣренъ установить) составляютъ: *импульсивное помѣшательство* и *нравственное помѣшательство* *).

---

*) Устанавливая эти категоріи, я долженъ оговориться, чтобы кто нибудь не подумалъ, что я предлагаю новую классификацію помѣшательства. Душевно-болѣзненные импульсы и уклоненія въ сферѣ нравственнаго чувства встрѣчаются при самыхъ разнообразныхъ

Я не теряю изъ вида, что юристы считаютъ бредъ вѣрнѣйшимъ признакомъ помѣшательства, хотя это такое воззрѣніе, которое я, вмѣстѣ со всѣми врачами, сколько нибудь компетентными въ психіатріи, смѣло назову ошибочнымъ. Во первыхъ, можетъ существовать помѣшательство безъ ложныхъ идей, о чемъ я уже говорилъ; во вторыхъ, въ случаѣ ложныхъ идей, значеніе ихъ, какъ симптомовъ помѣшательства, можетъ быть весьма различно. Нѣкоторыя идеи бреда, имѣющія только характеръ крайней подозрительности, ревности со стороны мужа или жены, религіознаго страха, мысли, что друзья и дѣти не расположены или находятся въ заговорѣ противъ человѣка, не могутъ сами по себѣ служить доказательствомъ помѣшательства, хотя могутъ получить громадное значеніе, когда присоединяются къ другимъ симптомамъ болѣзни, открывающимъ ихъ истинное значеніе. Словомъ, отсутствіе нелѣпыхъ идей не можетъ служить доводомъ противъ, а присутствіе ихъ доводомъ въ пользу умопомѣшательства.

1) *Импульсивное помѣшательство.*

Весьма трудной или даже почти невозможной задачей будетъ, я полагаю, убѣдить тѣхъ, которые не жили съ помѣшанными и не ознакомились съ ихъ образомъ дѣй-

---

формахъ психическаго разстройства. Я принимаю это дѣленіе только какъ удобное средство поднять и разобрать нѣкоторые судебно-медицинскіе вопросы.

ствій и съ ихъ чувствами, въ томъ, что человѣкъ можетъ быть помѣшаннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣть нелѣпыхъ идей и не проявлять никакихъ явныхъ признаковъ умственнаго разстройства. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что на извѣстной ступени психическаго разстройства болѣзненный импульсъ можетъ до такой степени овладѣть больнымъ, что послѣдній, вопреки собственному разсудку и собственной волѣ, можетъ совершить какой-нибудь отчаянный актъ самоубійства или убійства. Подобно бѣсноватымъ древнихъ временъ, въ которыхъ вселялся нечистый духъ, этотъ человѣкъ одержимъ силой, побуждающей его къ поступку, ужасному и отвратительному для него самого. Его обращеніе къ врачу, къ которому онъ иногда приходитъ совѣтоваться, подъ вліяніемъ отчаянія и страха, что ему не удастся противостоять страшному искушенію, невыразимо печально и трогательно.

Помѣшательство съ наклонностью къ самоубійству. Самые мучительные случаи, съ которыми приходится имѣть дѣло людямъ, посвятившимъ себя уходу за помѣшанными или леченію ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, случаи упорнаго влеченія къ самоубійству, нерѣдко безъ замѣтнаго разстройства умственныхъ способностей. Больной вполнѣ сознаетъ свое болѣзненное состояніе, оплакиваетъ его, борется съ страшнымъ искушеніемъ и, несмотря на это, если за нимъ нѣтъ строгаго присмотра, все таки пытается лишить себя жизни. Очевидно, такое состояніе должно дѣйствовать угнетающимъ образомъ на человѣка; онъ теряетъ всякій интересъ къ занятіямъ и даже не можетъ больше пре-

даваться имъ; все исчезаетъ передъ всепоглощающей мукой его искушенія; но онъ не бредитъ; его умъ совершенно ясенъ; онъ можетъ разсуждать о своемъ состояніи совершенно также разумно, какъ и всякій другой; его понятія о добрѣ и злѣ, по отношенію къ этому акту, совершенно ясны. И тѣмъ не менѣе умъ его бываетъ порой до такой степени порабощенъ болѣзненнымъ влеченіемъ, что онъ принужденъ искать случаевъ и измышлять средства привести свое намѣреніе въ исполненіе. Никто, кому не доводилось наблюдать лично такіе случаи, не повѣритъ, до чего можетъ дойти изобрѣтательность въ планахъ и рѣшительность въ исполненіи поступка, который человѣкъ все время признаетъ возмутительнымъ. Можно привести безчисленное множество примѣровъ этого психическаго разстройства изъ сочиненій различныхъ психіатровъ, но я ограничусь двумя случаями, которые мнѣ пришлось наблюдать самому.

Замужняя дама, тридцати-двухъ лѣтъ, вышедшая изъ семьи, гдѣ было нѣсколько случаевъ помѣшательства, почувствовала нѣсколько недѣль спустя послѣ родовъ неудержимое и постоянное влеченіе къ самоубійству, безъ всякаго бреда или разстройства умственныхъ способностей. Послѣ нѣсколькихъ недѣль самаго внимательнаго и нѣжнаго ухода родныхъ, которымъ страшно не хотѣлось разставаться съ нею, оказалось все таки необходимымъ отправить ее въ домъ помѣшанныхъ, — до такой степени часты, хитры и рѣшительны были ея попытки къ самоубійству. При своемъ поступленіи въ больницу, она была сильно опечалена своимъ состояніемъ и часто горько плакала, сожалѣя

объ огорченіи и хлопотахъ, которыя причиняла своимъ друзьямъ. Она оказывалась совершенно разумной даже въ своемъ отвращеніи и порицаніи этой болѣзненной страсти, и единственное разстройство, которое можно было найти въ ея умѣ, было то, что онъ до такой степени поддавался болѣзненному влеченію. Попытки къ самоубійству не прекращались; но временамъ она казалась совершенно веселой, чтобы отвлечь вниманіе окружающихъ, и внезапно выполняла со страшной энергіей и быстротой задуманный заранѣе планъ. Однажды она, лежа въ постели, тайкомъ разорвала ночную рубашку на полосы и была поймана на попыткѣ задушить себя этими тесёмками. Нѣсколько разъ она пробовала уморить себя голодной смертью, отказываясь отъ всякой пищи, такъ что пришлось кормить ее съ помощью желудочнаго зонда. Безпокойство, которое она причиняла другимъ, было невыносимо; но никто не могъ оплакивать это несчастное состояніе больше, чѣмъ она сама. Послѣ четырехмѣсячнаго пребыванія въ заведеніи, обнаружилось медленное, но постоянное поправленіе; всѣ стали думать и надѣяться, что она не будетъ больше покушаться на свою жизнь, и надзоръ за нею былъ нѣсколько ослабленъ. Но вдругъ, разъ ночью, она выскочила въ дверь, оставленную случайно незапертой, взобралась съ поразительной ловкостью на высокую садовую стѣну и побѣжала по ней до водоема, въ который стремительно бросилась. Ее удалось вытащить, прежде чѣмъ исчезли признаки жизни. Послѣ этой неудачной попытки, влеченіе къ самоубійству никогда больше не повторялось; къ ней возвратилась

мало-по-малу веселость и любовь къ жизни. Наконецъ, она вышла изъ заведенія совершенно здоровой. Въ виду этого примѣра неудержимой болѣзненной наклонности, при ясномъ умѣ и вполнѣ сохранившемся нравственномъ чувствѣ, какое значеніе получаетъ юридическій критеріумъ вмѣняемости?

Мужчина среднихъ лѣтъ, состоятельный и счастливый въ бракѣ, но вышедшій изъ семьи, въ которой было нѣсколько случаевъ помѣшательства, и ведшій до женитьбы безпорядочную жизнь, страдалъ отъ послѣдствій этихъ злоупотребленій и сдѣлался жертвой отчаяннаго влеченія къ самоубійству. Еще прежде онъ однажды имѣлъ такой приступъ, но освободился отъ него черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Теперь онъ былъ въ постоянномъ состояніи отчаянія и угнетенномъ настроеніи духа, вслѣдствіе желанія лишить себя жизни, — другихъ причинъ для тоски не было, — но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждалъ совершенно спокойно, что онъ долженъ исполнить свое намѣреніе и давно бы исполнилъ его, еслибы не былъ трусомъ. На всѣ попытки успокоить его увѣреніями, что этотъ припадокъ пройдетъ, какъ прошелъ первый, онъ недовѣрчиво улыбался, повторяя, что онъ долженъ убить себя. Ему посовѣтовали путешествовать для перемѣны обстановки; но такъ какъ онъ пытался броситься въ море съ парохода, то его привезли домой и назначили за нимъ строгій присмотръ. Онъ продолжалъ оставаться въ прежнемъ безнадежномъ и отчаянномъ настроеніи духа, твердя, что онъ долженъ убить себя, что онъ опозоренъ и не смѣетъ смотрѣть въ лицо людямъ, вслѣд-

ствіе своей перѣшимости въ исполненіи этого; и все это онъ говорилъ такъ спокойно, что трудно было вѣрить искренности его заявленій. Тѣмъ не менѣе, въ одно утро онъ ускользнулъ отъ присмотра окружающихъ, бросился бѣжать съ невѣроятной быстротой черезъ заборы и канавы къ желѣзной дорогѣ, перескочилъ черезъ высокую насыпь, въ виду гнавшихся за нимъ людей, и спокойно легъ на рельсы передъ наступавшимъ поѣздомъ, который и убилъ его на мѣстѣ. За исключеніемъ этого болѣзненнаго влеченія къ самоубійству и мысли, что онъ человѣкъ опозоренный и не смѣетъ смотрѣть никому въ лицо вслѣдстіе своей трусости, этотъ несчастный человѣкъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, владѣлъ полнымъ разсудкомъ.

Эти два примѣра, къ которымъ можно прибавить много однородныхъ, показываютъ, насколько психическое разстройство можетъ казаться ограниченнымъ въ случаяхъ такъ называемаго помѣшательства или однопредметнаго помѣшательства съ наклонностью къ самоубійству. Я сказалъ *могутъ казаться*, потому что есть основаніе думать, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, что на самомъ дѣлѣ существуетъ при этомъ однопредметномъ помѣшательствѣ и другихъ его формахъ болѣе глубокое душевное разстройство, чѣмъ можно заключить изъ поверхностнаго наблюденія. Очевидно, всѣ силы ума были здѣсь поглощены болѣзненнымъ процессомъ; нельзя было возбудить никакого интереса къ житейскимъ дѣламъ, и не оставалось никакой энергіи для исполненія своихъ обязанностей; болѣзненная мысль

преобладала надъ всѣми мыслями, чувствами и даже поступками. Замѣтимъ, что въ обоихъ случаяхъ было сильное наслѣдственное предрасположеніе къ помѣшательству, хотя, повидимому, не было особеннаго предрасположенія къ формѣ съ наклонностью къ самоубійству. Больные страдали душевно-болѣзненнымъ неврозомъ, проявлявшимся въ конвульсивной идеѣ, совершенно также, какъ эпилептическій неврозъ, столь сродный съ нимъ, выражается въ конвульсивныхъ движеніяхъ. Разсматривая это душевное состояніе съ чисто патологической точки зрѣнія, мы находимъ, что оно вполнѣ согласуется съ нашими наблюденіями. Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ функція двигательныхъ центровъ есть движеніе, такъ функція высшихъ нервныхъ центровъ есть мысль; и какъ болѣзненное состояніе двигательныхъ центровъ обусловливаетъ конвульсіи движеній, точно такъ же болѣзненное состояніе психическихъ центровъ обусловливаетъ то, что, за недостаткомъ лучшаго термина, можно назвать конвульсіями мысли. Далѣе, какъ воля не въ силахъ удержать иногда конвульсивное движеніе, характеръ котораго человѣкъ вполнѣ сознаетъ, такъ точно воля, не смотря на величайшія усилія не всегда властна надъ болѣзненной идеей, достигшей конвульсивнаго развитія, даже если постоянно остается сознаніе ея не нормальнаго характера.

Поразительно, до какой степени упорно помѣшательство съ наклонностью къ самоубійству передается по наслѣдству, и до какой степени сильны ея проявленія даже при такихъ условіяхъ, когда нѣтъ ни-

какихъ другихъ признаковъ душевнаго разстройства. Одинъ джентльмэнъ, чрезвычайно умный, занимавшій высокое общественное положеніе, и замѣчательный по энергіи характера, обращался ко мнѣ три или четыре раза за совѣтомъ. Онъ жаловался на безсонницу, тоску и совершенно непривычное ему безпокойство по поводу какихъ то дѣлъ, не имѣвшихъ большой важности. Умъ его былъ совершенно ясенъ, онъ понималъ какъ нельзя лучше свое положеніе, и говорилъ о немъ такъ разумно, какъ говорилъ бы и всякій другой на его мѣстѣ. Ему часъ отъ часу приходила мысль о самоубійствѣ, но онъ успѣвалъ отгонять ее, какъ противную его религіознымъ убѣжденіямъ и здравому смыслу. Если бы кто нибудь спросилъ меня, считаю ли я его способнымъ лишить себя жизни, я бы отвѣтилъ, что, при такой силѣ характера и при такомъ умѣ, считаю это совершенно неправдоподобнымъ. И тѣмъ не менѣе, однажды онъ вышелъ изъ дому, быстро пошелъ къ одному изъ мостовъ на Темзѣ, и, пройдясь нѣсколько разъ взадъ и впередъ, бросился въ рѣку. Его спасли; онъ нисколько не пострадалъ отъ этого отчаяннаго прыжка и вскорѣ выздоровѣлъ и тѣломъ и душою. Мать его страдала помѣшательствомъ съ наклонностью къ самоубійству, и въ послѣдніе годы ея жизни пришлось забить на глухо окна въ домѣ, чтобы она не выбросилась на улицу. Его братъ, умный и способный дѣловой человѣкъ, никогда не ѣздилъ по желѣзной дорогѣ, если могъ избѣжать этого, и никогда, ни въ какомъ случаѣ со ско-

рымъ поѣздомъ, потому что чувствовалъ непреодолимое влеченіе выброситься изъ вагона *).

Помѣшательство съ наклонностью къ самоубійству наслѣдуется подобно нѣкоторымъ своеобразнымъ жестамъ, наслѣдственнымъ въ семействахъ. Оно можетъ оставаться въ скрытомъ состояніи, пока человѣкъ силенъ и здоровъ, и все ему удается; но если его нервныя силы ослаблены, если его организація пострадала отъ какихъ нибудь обстоятельствъ, наклонность пробуждается и можетъ проявиться съ конвульсивной энергіей. Въ этомъ состояніи кажется, какъ будто это влеченіе совершенно независимо отъ умственной дѣятельности, нормальной во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; какъ будто человѣкомъ овладѣлъ какой то демонъ и толкаетъ его наперекоръ воли и разсудку. Примѣръ имѣетъ большое вліяніе на пробужденіе этой наклонности; больные или тщательно избѣгаютъ описаній самоубійствъ, боясь ихъ вліянія, или же читаютъ ихъ

*) Какъ образецъ всѣмъ извѣстнаго отчаяннаго характера помѣшательства съ наклонностью къ самоубійству и его наслѣдственности, я приведу случай крайне-образованной молодой дѣвушки, которая была на попеченіи д-ра Конолли и о которой онъ написалъ слѣдующую заключительную замѣтку: „думаетъ почти безпрерывно о самоубійствѣ; притворяется веселой нѣсколько времени и затѣмъ упрашиваетъ дать ей поиграть ножикомъ. Долгое наблюденіе надъ ней и то обстоятельство, что эта наклонность проявлялась у ея матери и у двухъ или трехъ родственниковъ, внушали ея близкимъ серьёзныя опасенія, такъ что они рѣшились помѣстить ее въ больницу, гдѣ много такихъ же больныхъ и гдѣ приняты всѣ мѣры для присмотра за ними“. Ее помѣстили въ больницу и три мѣсяца спустя она повѣсилась.

съ какой то особенной жадностью и болѣзненнымъ интересомъ; умъ свыкается съ этой мыслью, ужасъ ея исчезаетъ, и въ случаѣ мрачнаго угнетенія, она является въ яркихъ краскахъ и быстро приводится въ исполненіе. Самоубійство родственника или пріятеля имѣетъ еще болѣе сильное и заразительное вліяніе. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ человѣкъ, страдающій этой формой душевной болѣзни, совершитъ самоубійство, никто, конечно, не усумнится въ ненормальномъ состояніи его умственныхъ способностей; но мы далеко не встрѣчаемъ той же готовности признать душевное разстройство, когда болѣзненное влеченіе побуждаетъ не къ самоубійству, а къ убійству.

Помѣшательство съ наклонностью къ убійству. — Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что существуетъ совершенно аналогическая форма помѣшательства или однопредметнаго помѣшательства съ наклонностью къ убійству, когда человѣкомъ овладѣваетъ неудержимое влеченіе убить кого нибудь; когда онъ доходитъ до отчаянія въ борьбѣ съ этимъ влеченіемъ, и не представляетъ никакихъ другихъ признаковъ душевнаго разстройства. Мы обязаны описаніемъ этой формы помѣшательства—такъ наз. *manie sans délire*—Пинелю *),

---

*) Еще гораздо раньше его, Этмюллеръ (Prox lib. II, cap. 4 Op. tom. III, p. 368) говорилъ объ этой болѣзни какъ о *melancholia sine delirio*, такой формѣ душевнаго разстройства, при которой сохранялась *recta ratio sine delirio.* Онъ приводитъ даже два наблюденія Платера, случай матери, которая мучилась желаніемъ убить своего ребенка, и другой случай женщины, которую преслѣдовало желаніе говорить богохульства. Обѣимъ удалось побѣдить

который полагалъ сначала, что помѣшательство было неразлучно съ бредомъ или нелѣпыми идеями, и при дальнѣйшемъ ходѣ своихъ наблюденій „былъ не мало удивленъ, найдя, что *многіе помѣшанные*, у которыхъ никогда не проявлялось ни малѣйшихъ признаковъ умственнаго разстройства, находились подъ вліяніемъ инстинктивнаго и безотчетнаго *бѣшенства*, какъ будто одна только сфера чувствъ была поражена у нихъ". Онъ приводитъ слѣдующій случай, какъ примѣръ:

„Человѣкъ, занимавшійся прежде механическими издѣліями, но впослѣдствіи заключенный въ Бисетръ, страдалъ *въ правильные промежутки времени* приступами бѣшенства, которымъ предшествовали слѣдующіе симптомы: сначала онъ чувствовалъ страшный жаръ въ кишкахъ, съ мучительной жаждой; ощущеніе жара распространялось постепенно на грудь, шею и лицо, которое багровѣло; иногда оно было такъ сильно, что возбуждало сильный и ускоренный пульсъ въ артеріяхъ этихъ частей, и больному казалось, что онѣ должны лопнуть. Наконецъ, нервное разстройство достигало мозга и тогда больнымъ овладѣвала неудержимая кровожадность. Если бы ему попалось въ руки какое нибудь острое оружіе, онъ бы убилъ перваго встрѣчнаго человѣка. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ былъ въ совершенно здравомъ разсудкѣ; даже во время приступа, отвѣчалъ немедленно на всѣ вопросы и не

это болѣзненное влеченіе. См. De la Folie cons. dans ses Rapports avec les Questions Medico-judiciaires, par C. C. H. Marc, vol. 1, p. 226.

обнаруживалъ ни малѣйшихъ признаковъ безсвязности мыслей, ни малѣйшей тѣни бреда. Онъ глубоко чувствовалъ весь ужасъ своего положенія и часто терзался угрызеніями совѣсти, точно онъ былъ виноватъ въ своей болѣзненной наклонности. До своего заключенія въ Бисетръ, онъ имѣлъ приступъ бѣшенства въ собственномъ домѣ. Чувствуя его приближеніе онъ успѣлъ еще предупредить свою жену, къ которой былъ нѣжно привязанъ, т.-е. могъ еще крикнуть ей, чтобы она скорѣе убѣгала, иначе онъ убьетъ ее. Въ Бисетрѣ съ нимъ повторялись тѣ же припадки періодическаго бѣшенства; то же непреодолимое стремленіе совершить убійство, причемъ ярость его часто была направлена противъ инспектора, котораго онъ постоянно благодарилъ за доброту и состраданіе къ нему. Внутренняя борьба между здравымъ разсудкомъ и кровожаднымъ влеченіемъ доводила его до ужаснаго отчаянія; онъ не разъ пытался покончить съ собой, чтобы прекратить это невыносимое состояніе. Однажды ему удалось взять ножницы у больничнаго сапожника и онъ нанесъ себѣ тяжелыя раны въ руку и грудь съ правой стороны, послѣдствіемъ которыхъ было сильное кровотеченіе. Одиночное заключеніе и смирительная куртка предотвратили довершеніе самоубійства“.

Втеченіе одного періода своей дѣятельности Эскироль склонялся къ мнѣнію, что большинство случаевъ, описанныхъ Пинелемъ, какъ помѣшательство безъ бреда, *manie sans délire*, были на самомъ дѣлѣ случаи обыкновеннаго однопредметнаго помѣшательства и мрачнаго помѣшательства съ опредѣленной и одно-

сторонней нелѣпой идеей;—другими словами, что здѣсь было дѣйствительное разстройство умственныхъ способностей. Таково было мнѣніе, высказанное имъ въ статьѣ о маніи въ *Dictionnaire des Sciences médicales* въ 1818 г.; но послѣдующія наблюденія заставили его отказаться отъ своей мысли и признать, что хотя нѣкоторые помѣшанные совершаютъ убійства подъ вліяніемъ ложныхъ убѣжденій и мнимо-и ложно-ощущеній, другіе однако, безъ сомнѣнія, приводятся къ убійству инстинктивнымъ стремленіемъ, слѣпымъ мгновеннымъ импульсомъ, не зависящимъ отъ воли, не обусловленнымъ ни страстью, ни бредомъ, или какимъ-либо мотивомъ. Этому то состоянію, *manie sans délire* Пинеля, онъ далъ названіе *monomanie instinctive*, отдѣляя его во-первыхъ, отъ истинной мономаніи, *monomanie intellectuelle*, съ которой неразлучны ложныя убѣжденія, и, во вторыхъ, отъ *monomanie affective*, или нравственнаго помѣшательства (*moral insanity*). Нельзя не жалѣть, что названіе „однопредметное помѣшательство“ (мономанія) употребляется въ двухъ разныхъ значеніяхъ: во-первыхъ, для обозначенія односторонняго бреда, и во-вторыхъ, для обозначенія душевнаго разстройства, при которомъ больной, при отсутствіи ложныхъ убѣжденій, одержимъ непреодолимымъ влеченіемъ къ убійству, самоубійству и другимъ насильственнымъ дѣйствіямъ. Во избѣжаніе сбивчивости, я буду называть послѣднее состояніе *импульсивнымъ помѣшательствомъ*, избѣгая слова *инстинктивное*, чтобы не могли подумать, что я приписываю человѣку естественный инстинктъ къ убійству.

Найдется весьма мало лицъ, посвятившихъ себя изученію и леченію душевныхъ болѣзней, которыя бы, подобно Эскиролю, не начали съ сомнѣнія въ существованіи случаевъ дѣйствительнаго импульсивнаго помѣшательства; не найдется ни одного, который, при обширномъ опытѣ, не отказался бы, подобно ему, отъ своихъ сомнѣній. Для тѣхъ, которые судятъ по опыту здороваго самосознанія, и такимъ образомъ предрѣшаютъ факты, такое состояніе кажется непонятнымъ; или во всякомъ случаѣ для нихъ кажется непонятнымъ, чтобы человѣкъ, при такомъ душевномъ состояніи, не имѣлъ силы побѣдить душевно-болѣзненное влеченіе. Но для людей, которые выводятъ заключенія на основаніи наблюденія и опыта надъ болѣзненными проявленіями и способны истолковать ихъ надлежащимъ образомъ, сомнѣніе подъ конецъ невозможно. Въ трактатахъ о душевныхъ болѣзняхъ встрѣчается много примѣровъ этого рода; но для моихъ цѣлей будетъ достаточно слѣдующихъ случаевъ.

Не такъ давно обратился ко мнѣ за совѣтомъ джентльмэнъ лѣтъ 50, здоровый и съ сильно развитой мускулатурой, который велъ прежде очень дѣятельную жизнь и объѣхалъ большую часть свѣта, но уже нѣсколько лѣтъ удалился отъ дѣлъ. Онъ мучился отчаяннымъ влеченіемъ къ убійству. Оно такъ упорно держалось въ его умѣ и становилось по временамъ до такой степени сильно, что онъ былъ принужденъ жить вдали отъ своего семейства, странствуя изъ гостинницы въ гостинницу подъ вліяніемъ страха сдѣлаться убійцей. Это состояніе имѣло различныя степени, но

никогда не исчезало совершенно; въ лучшей формѣ это была *мысль*, не выходившая изъ его головы, и желаніе привести ее въ исполненіе—скорѣе идея убійства, нежели влеченіе къ убійству. Но время отъ времени это объострялось и приступы сопровождались приливомъ крови къ головѣ, чувствомъ тяжести и спутанностью въ мозгу, ужаснымъ сознаніемъ безпомощности и сильнымъ дрожаніемъ всего тѣла, покрытаго обильнымъ потомъ. Пароксизмъ кончался потокомъ слезъ, и затѣмъ слѣдовала страшная слабость. Иногда приступъ дѣлался съ нимъ ночью; онъ вскакивалъ съ постели въ невыразимомъ ужасѣ, дрожа такъ сильно, что все колебалось въ комнатѣ, и обливаясь потомъ. Такими словами онъ описывалъ свое печальное состояніе и ни у кого изъ слушающихъ недостало бы сердца сомнѣваться въ его правдивости, потому что онъ не могъ удержаться отъ слезъ во время разсказа и горько рыдалъ. Это былъ, очевидно, человѣкъ рѣшительный и энергичный и въ немъ не было никакихъ признаковъ умственнаго разстройства, кромѣ нѣкоторой недовѣрчивости и подозрительности. Хотя онъ привыкъ владѣть собой въ значительной степени, но въ одномъ отношеніи у него не хватало силы воли, потому что онъ предавался пороку, который могъ имѣть большое вліяніе на нервную систему и до нѣкоторой степени объяснялъ его болѣзненное состояніе *).

---

*) Въ моемъ сочиненіи о *Физіологіи и Патологіи души* (второе изд. стр. 348) я привелъ слѣдующій случай: „пожилая дама лѣтъ 72-хъ, въ семействѣ которой было нѣсколько случаевъ помѣшательства,

Маркъ собралъ большое число случаевъ помѣшательства съ наклонностью къ убійству, и нашелъ, что во многихъ изъ нихъ влеченіе къ убійству не сопровождалось никакимъ другимъ замѣтнымъ умственнымъ разстройствомъ. Слѣдующій случай получилъ большую извѣстность и приводится весьма часто.

„Въ одномъ почтенномъ домѣ въ Германіи, хозяйка, возвращаясь къ себѣ, нашла свою горничную, которой была всегда очень довольна, въ состояніи величайшаго возбужденія. Она пожелала говорить съ госпожей наединѣ, и тутъ, бросившись передъ ней на колѣни, просила отправить ее изъ дому. Госпожа, удивленная этимъ желаніемъ, спросила ее о причинѣ и узнала, что всякій разъ, когда бѣдная дѣвушка раздѣвала ребенка и

страдала частыми пароксизмами конвульсивнаго возбужденія; во время этихъ приступовъ она всякій разъ дѣлала отчаянныя попытки задушить свою дочь, которая относилась къ ней чрезвычайно нѣжно, и къ которой она сама была сильно привязана. Обыкновенно больная сидѣла молчаливая и печальная, жаловалась на свое состояніе и казалась такой слабой, что едва могла ходить; но внезапно она вскакивала въ страшномъ возбужденіи и съ крикомъ, что она должна это сдѣлать, бросалась на дочь и начинала душить ее. Во время пароксизма она становилась такой сильной и вырывалась изъ рукъ съ такой энергіей, что одинъ человѣкъ едва могъ удерживать ее. Но проходило нѣсколько минутъ и она падала въ совершенномъ изнеможеніи, и, тяжело дыша, повторяла: „вотъ, вотъ я говорила вамъ; вы не хотѣли вѣрить, до чего я зла". Никто не могъ замѣтить какого нибудь бреда въ ея мысляхъ; пароксизмы ея имѣли часто конвульсивный характеръ. Это страшное влеченіе къ поступку, который внушалъ ей величайшій ужасъ, повергалъ ее въ тяжкое уныніе.

видѣла его бѣлое тѣло, она чувствовала неодолимое влеченіе зарѣзать его. Она боялась, что когда нибудь не совладаетъ съ собой и умоляла, чтобы ее отпустили. Это событіе, замѣчаетъ Маркъ, случилось въ домѣ знаменитаго барона А. Гумбольдта, который позволилъ мнѣ поручиться его именемъ за его достовѣрность" *).

Маркъ приводитъ еще другіе подобные случаи:

„Молодая дѣвушка, которую я видѣлъ въ одной изъ столичныхъ больницъ, чувствовала совершенно необъяснимое влеченіе къ убійству. Она была совершенно здорова умственно, и всякій разъ, когда чувствовала, что это влеченіе овладѣваетъ ею, заливалась горькими слезами и умоляла, чтобы на нее надѣли смирительную куртку, въ которой оставалась безропотно, пока пароксизмъ, продолжавшійся иногда нѣсколько дней, не покидалъ ее" **).

„М-ръ, Р., извѣстный химикъ и поэтъ, крайне кроткаго и общительнаго характера, удалился въ одинъ изъ *maisons de santé* въ предмѣстьи Сент. Антуанъ. Мучимый влеченіемъ къ убійству, онъ бросался къ подножію алтаря и на колѣняхъ молилъ Бога спасти его отъ страшнаго искушенія, которое онъ не могъ себѣ ничѣмъ объяснить. Когда онъ чувствовалъ наступленіе припадка, онъ спѣшилъ къ директору заведенія и просилъ его связать ему пальцы лентой. Этого было достаточно, чтобы успокоить бѣднаго Р., который впослѣдствіи пытался убить одного изъ своихъ друзей, и наконецъ умеръ въ припадкѣ неистоваго бѣшенства".

*) Томъ II, стр. 102.

**) Томъ II, стр. 101.

„Женщина не настолько разстроенная умственно, чтобы ее можно было посадить въ домъ помѣшанныхъ, разсказывала мнѣ“, пишетъ Конолли *), „что она иногда лежала ночью, не смыкая глазъ, и глядя на мужа, думала какъ легко убить его рукояткой метлы. Она иногда должна была будить мужа, чтобы его голосъ разсѣялъ эти мысли“.

Эскироль разсказываетъ слѣдующій случай въ числѣ многихъ другихъ, болѣе или менѣе сходныхъ.

„Помѣщикъ, около 45 лѣтъ отъ роду, богатый и здоровый, пришелъ ко мнѣ за совѣтомъ, въ сопровожденіи молодого доктора. Онъ сообщилъ мнѣ слѣдующія подробности:—въ больномъ не замѣчалось никакихъ признаковъ душевнаго разстройства; онъ отвѣчалъ весьма разумно на всѣ мои вопросы, которыхъ я предлагалъ множество. Однажды онъ прочелъ дѣло Генріеты Корньѐ безъ особеннаго вниманія; но ночью проснулся внезапно съ желаніемъ убить свою спящую жену. Онъ вскочилъ съ постели, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ около часа, затѣмъ, успокоившись, легъ снова и заснулъ. Три недѣли спустя та же мысль приходила ему вновь три раза и всегда ночью. Днемъ онъ дѣлалъ много движенія, былъ очень занятъ своими дѣлами и сохранялъ лишь смутное воспоминаніе о томъ, чтό было съ нимъ ночью. Онъ былъ женатъ 20-ть лѣтъ, пользовался всегда отличнымъ здоровьемъ, жилъ въ хорошихъ обстоятельствахъ, и никогда не имѣлъ ни малѣйшей непріятности съ женой, къ которой былъ очень привя-

*) Croonion Lectures, p. 92.

занъ. *Это—мысль, которая овладѣваетъ имъ только во время сна.* Онъ, очень пораженный и встревоженный своимъ состояніемъ, оставилъ свою жену, чтобы какъ нибудь не поддаться безумному влеченію, и готовъ на все на свѣтѣ, лишь бы избавиться отъ этой страшной маніи" *).

Эти случаи, которые далеко не рѣдки, имѣютъ большой психологическій интересъ; вслѣдствіе чего я и передалъ ихъ словами разсказчиковъ. Несмотря на различіе мнѣній при ихъ истолкованіи, никто не усумнится, по крайней мѣрѣ, въ опытности этихъ наблюдателей или въ точности ихъ описаній. Можно не признавать человѣка помѣшаннымъ, на томъ только основаніи, что въ его голову приходитъ мысль убить другого, въ особенности когда онъ сознаетъ ужасную сторону этого поступка и смотритъ на него съ отвращеніемъ. Но когда онъ не въ состояніи отдѣлаться отъ этой мысли, несмотря на весь ужасъ, который она ему внушаетъ; когда это влеченіе направлено противъ лица, къ которому онъ не чувствуетъ ни малѣйшей вражды, можетъ быть, лица близкаго и дорогого; когда онъ въ самомъ дѣлѣ *одержимъ* этой мыслью, и находясь въ постоянномъ страхѣ не устоять противъ этого влеченія, несмотря на разумъ и волю, долженъ бѣжать отъ искушенія; когда жизнь противѣетъ ему вслѣдствіе этой борьбы со зломъ, овладѣвшимъ имъ; когда онъ, наконецъ, прибѣгаетъ къ самоубійству, чтобы не убить другого,—тогда, въ самомъ дѣлѣ, слѣ-

*) Esquirol, des Maladies Mentales, vol. II p. 830.

дуетъ признать, что его психическія функціи не въ здоровомъ, а въ больномъ состояніи. Онъ очевидно дѣлаетъ все, что́ человѣкъ можетъ сдѣлать въ доказательство, что онъ не обманщикъ, когда убиваетъ себя во избѣжаніе худшаго преступленія, или, какъ одинъ изъ описанныхъ паціентовъ, умираетъ въ припадкѣ бѣшенства. Тотъ фактъ, что онъ успѣшно борется противъ болѣзненнаго влеченія, призывая на помощь здравыя идеи, или убѣгая отъ искушенія, конечно, не можетъ служить доказательствомъ (какъ ошибочно думаютъ нѣкоторые), что онъ можетъ продолжать поступать такимъ же образомъ во всѣхъ другихъ случаяхъ. Разумъ и воля, подобно всѣмъ другимъ органическимъ функціямъ, подчинены колебаніямъ; а при душевныхъ болѣзняхъ, колебаніямъ весьма значительнымъ. Побѣдитъ ли воля болѣзненное влеченіе или будетъ побѣждена имъ, — вопросъ, разрѣшаемый степенью болѣзни. Если послѣдняя усиливается, что́ всегда возможно, подъ вліяніемъ временнаго физическаго разстройства или другихъ причинъ, идея пріобрѣтаетъ роковую силу; она перестаетъ быть *идеей*, за отношеніями которой умъ въ состояніи слѣдить, и дѣлается всесильнымъ *влеченіемъ*, которое, поглощая разсудокъ и волю, выражается роковымъ образомъ въ конвульсивныхъ дѣйствіяхъ.

Остановимся на этомъ предметѣ. По единогласному свидѣтельству всѣхъ, сдѣлавшихъ душевныя болѣзни предметомъ практическаго изученія, случаи неудержимаго влеченія къ убійству несомнѣнны. Это положительный фактъ, который можно толковать какъ угодно. Признаніе такой формы душевнаго разстройства однако

не только противно общему предразсудку, но и заключеніямъ, которыя всякій человѣкъ склоненъ дѣлать *a priori*, на основаніи метафизическаго понятія о душѣ. Публицисты и юристы, боясь примѣненія этой теоріи къ извиненію преступленій, отвергли и осмѣяли ее, какъ опасную и нелѣпую медицинскую выдумку. Ихъ побуждало къ этому еще то сознаніе, что разъ эта теорія будетъ признана, они, вслѣдствіе незнакомства съ душевными болѣзнями, утратятъ контроль надъ ея примѣненіемъ. Они руководились отчасти естественнымъ страхомъ злоупотребленій, и отчасти также ложной философіей. Перенося свои наблюденія надъ самосознаніемъ здороваго ума на процессы, совершающіеся въ умѣ больномъ, они судятъ помѣшанныхъ неправильнымъ судомъ. Они бы сдѣлали лучше, еслибъ основали свои теоріи дѣятельности больного ума на наблюденіи того, что̀ происходитъ въ здоровомъ во время сновидѣній; нужно признать большую долю правды въ мысли, что помѣшанный видитъ сны при открытыхъ глазахъ. Какъ въ сновидѣніяхъ, имъ управляютъ самыя странныя ассоціаціи идей; онъ неудержимо побуждается дѣлать то, что̀ его разсудокъ порицаетъ, что̀ оскорбляетъ его нравственное чувство, и удивляется самому себѣ.

Врачъ-психологъ, который изучаетъ душевныя функціи съ помощью физіологическаго метода, и судитъ о функціяхъ высшихъ нервныхъ центровъ у человѣка, на основаніи обобщеній, заимствованныхъ изъ наблюденій надъ животными, гдѣ они не достигли такого значительнаго развитія, и на основаніи обобщеній того

что̀ извѣстно о дѣятельности низшихъ первныхъ центровъ у человѣка,—не испытываетъ того же затрудненія, когда представляетъ себѣ вѣроятное состояніе духа при импульсивномъ помѣшательствѣ, и ищетъ для него объясненія.

Относя помѣшательство, какъ нервную болѣзнь, къ одной категоріи съ Виттовой пляской, которую довольно вѣрно назвали мышечнымъ помѣшательствомъ, врачъ замѣчаетъ, что, подобно тому, какъ разстроенное состояніе нервныхъ центровъ ведетъ къ нарушенію координаціи движеній, и производитъ спазматическую или конвульсивную мышечную дѣятельность, такъ и разстроенное состояніе психическихъ центровъ ведетъ къ нарушенію здоровой координаціи идей и производитъ спазматическую или конвульсивную умственную дѣятельность. Въ одномъ случаѣ человѣкъ не имѣетъ возможности производить правильныхъ движеній; въ другомъ — онъ не въ силахъ правильно думать; — въ обоихъ случаяхъ движеніе и мысль зло играютъ имъ, наперекоръ воли, хотя и при полномъ сознаніи съ его стороны. Такимъ образомъ, мы можемъ согласовать единогласныя описанія опытныхъ наблюдателей надъ импульсивнымъ помѣшательствомъ съ обобщеніями положительной науки, которая даетъ намъ право предсказывать, независимо отъ опыта, что такая форма болѣзни должна иногда встрѣчаться.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ импульсивнаго помѣшательства, независимо отъ болѣзненнаго представленія или импульса, не замѣчается никакого, или почти никакого душевнаго разстройства. Всѣ наблю-

датели говорятъ объ этомъ и придаютъ особенное значеніе этому обстоятельству. Но въ большинствѣ случаевъ пришлось бы, я думаю, убѣдиться, при близкомъ знакомствѣ съ чувствами и поступками этихъ людей, въ существованіи болѣе глубокаго разстройства, чѣмъ кажется на первый взглядъ. Весь душевный строй болѣе или менѣе страдаетъ; чувства притуплены или измѣнены; интересъ къ жизни исчезаетъ и сужденія объ отношеніяхъ человѣка къ другимъ и другихъ къ нему до нѣкоторой степени извращены. Онъ склоненъ къ подозрительности и недоброжелательству къ людямъ, бывшимъ его близкими друзьями и знакомыми, и можетъ наконецъ имѣть ложныя убѣжденія относительно ихъ. Наши убѣжденія, здоровыя и больныя, не представляютъ продуктовъ разсудка, но имѣютъ свои корни въ той безсознательной части нашей природы, состояніе которой выражается нашими чувствами. Изъ чувствъ возникаютъ также побужденія къ дѣйствіямъ, потому что функція ума, подобно обязанности рулеваго у кормы корабля, заключается только въ управленіи; а душевноболѣзненный импульсъ больнаго, одержимаго помѣшательствомъ съ наклонностью къ убійству, представляетъ болѣзненный продуктъ разстроенной жизни чувства.

Поразительно, до какой степени разумнымъ можетъ иногда казаться человѣкъ, страдающій такимъ серьёзнымъ разстройствомъ, о которомъ никто не могъ составить себѣ понятія, пока какой-нибудь случай не обнаружитъ его. Когда человѣкъ удаляется отъ привычныхъ занятій и живетъ въ мрачномъ уединеніи, погру-

женный въ себя и свои страданія, не существуетъ поводовъ къ болѣе общему выраженію его душевнаго разстройства. Но пусть онъ перейдетъ къ дѣятельной жизни, занимается дѣлами, какъ другіе люди, будетъ принужденъ разсуждать и дѣйствовать въ различныхъ обстоятельствахъ жизни; и въ особенности, пусть разнообразныя чувства, которыя необходимо побѣждать и сдерживать въ отношеніяхъ съ людьми, коснутся его, — и не разъ окажется, что болѣзненные симптомы составляютъ лишь результатъ основного разстройства, для обнаруженія котораго былъ только нуженъ случай. Быть можетъ, предубѣжденіе противъ ученія объ импульсивномъ помѣшательствѣ возникло до нѣкоторой степени изъ того, что это глубокое извращеніе чувства, это чувственное помѣшательство, не было замѣчено или не было оцѣнено должнымъ образомъ, такъ какъ вниманіе было поглощено исключительно болѣзненною идеей или болѣзненнымъ актомъ. А между тѣмъ импульсивный характеръ составляетъ истинную сущность этого рода помѣшательства; потому что во всѣхъ формахъ этой болѣзни пароксизмы импульсивнаго бѣшенства являются общей чертой. Безъ всякаго понятнаго мотива, больные этого рода внезапно рвутъ одежду, бьютъ окна или посуду, бросаются на другихъ больныхъ, страшно изувѣчиваютъ самихъ себя. У нихъ появляется безотчетное влеченіе ходить, бѣгать, поджигать строенія, воровать, произносить богохульства или ругательства. Продолжительныя наблюденія показываютъ, что нѣтъ возможности предугадывать приближеніе импульса, кото-

рый можетъ внезапно овладѣть ими, или довѣряться имъ съ одного часа на другой. Припадки влеченія къ убійству не составляютъ единственнаго симптома этого помѣшательства. Они кажутся только единственнымъ симптомомъ, потому что представляютъ единственный выдающійся и явственный признакъ душевнаго разстройства.

Когда существуетъ мозговая болѣзнь, обусловливающая душевное разстройство, то послѣднее по самой природѣ своей выражается въ разнообразныхъ извращеніяхъ влеченій, инстинктовъ и желаній, точно также какъ въ извращеніяхъ понятій. Во всѣхъ большихъ больницахъ встрѣчаются больные съ самыми странными вкусами. Если не наблюдать за ними внимательно, то они съ очевиднымъ наслажденіемъ ѣдятъ траву, лягушекъ, червей, и даже самыя отвратительныя нечистоты. Въ другихъ проявляются ненормально усиленные половые инстинкты; нѣкоторые теряютъ инстинктивную любовь къ дѣтямъ, такъ что мать покидаетъ, ненавидитъ и даже старается умертвить своего собственнаго ребенка. Даже инстинктъ самосохраненія, лежащій въ основѣ любви къ жизни, можетъ быть извращенъ до такой степени, что помѣшанный калѣчитъ себя самымъ ужаснымъ образомъ, иногда съ какой-то особенной любовью къ самому процессу, который, повидимому, не причиняетъ ему боли. Когда организмъ, въ силу внутренняго разстройства, вышелъ изъ гармоніи съ обстановкой, въ которой долженъ жить, онъ стремится къ самоуничтоженію и быстро дошелъ бы до этого, еслибъ его не охраняли тщательно противъ

разрушительнаго дѣйствія извращенныхъ инстинктовъ. Упорное влеченіе къ самоубійству служитъ признакомъ замѣны инстинкта самосохраненія противоположнымъ инстинктомъ саморазрушенія. Наклонность къ поджигательству, воровству, убійству тоже составляетъ признакъ разстройства нервныхъ элементовъ, и въ природѣ своей не имѣетъ ничего болѣе удивительнаго или исключительнаго, нежели другія душевноболѣзненныя влеченія. Мы не имѣемъ цѣлью, да не имѣемъ и возможности, объяснить *психологически* происхожденіе и природу котораго либо изъ этихъ извращенныхъ инстинктовъ. Достаточно константировать ихъ существованіе, какъ несомнѣнный фактъ, и разъяснить патологическія условія, при которыхъ они появляются: это очевидно патологическіе факты, которые должны быть изучены и распредѣлены какъ всѣ другіе признаки болѣзни, и которыхъ ни въ какомъ случаѣ нельзя отвергнуть потому только, что самый точный психологическій анализъ не въ состояніи пока объяснить ихъ происхожденія. Объясненіе, если оно получится, придетъ не съ психической, но съ физической стороны,— путемъ изученія *невроза*, а не анализа *психоза*.

Имѣй мы во всѣхъ случаяхъ помѣшательства съ наклонностью къ убійству какіе нибудь признаки разстройства раньше проявленія помѣшательства, то, конечно, существовало бы не столь сильное предубѣжденіе противъ признанія этой болѣзни. Въ большинствѣ случаевъ я не сомнѣваюсь въ возможности открытія этихъ раннихъ симптомовъ. Но если мы будемъ утверждать, что помѣшательство съ наклонностью къ

убійству не можетъ существовать въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не наблюдалось предварительныхъ симптомовъ болѣзни, то мы, конечно, уйдемъ дальше, чѣмъ даетъ намъ на это право опытъ или теоретическія соображенія. Психіатры, пользующіеся справедливымъ авторитетомъ, утверждаютъ положительно, что такіе случаи существуютъ, — случаи, при которыхъ, по выраженію Гризингера, „людьми, до того времени совершенно здоровыми умственно и физически, овладѣваютъ, внезапно и безъ всякой видимой причины, самые мучительные и рѣзкіе аффекты вмѣстѣ съ влеченіемъ къ убійству, столь же непонятномъ для нихъ самихъ, какъ и для другихъ“. Во-вторыхъ, другія болѣзни, точно также, какъ и другія формы помѣшательства, проявляются иногда совершенно неожиданно: первый припадокъ падучей болѣзни не возвѣщаетъ о себѣ никакими замѣтными симптомами; острое неистовство является иногда внезапнѣе грозы въ ясный солнечный день, и даже болѣзни сердечныхъ клапановъ, аорты или желудочковъ, узнаются въ первый разъ послѣ внезапнаго физическаго усилія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ такихъ случаяхъ существовала нѣкоторая слабость, остававшаяся скрытой, пока какое-нибудь случайное обстоятельство не раскрыло недостатка; до того существовали, можетъ быть, неясные предвѣстники, которыхъ не поняли или оставили безъ вниманія. Начало болѣзней вообще скрыто и темно; современная медицина терпѣливо трудится надъ изученіемъ ихъ, и теперь врача уже трудно убѣдить въ появленіи остраго идіопатическаго заболѣванія въ совершенно здоровомъ субъ-

ектѣ. Проникнемся мыслью, что существуютъ скрытыя предрасположенія къ помѣшательству, которыя ничѣмъ не даютъ знать о себѣ до какого-нибудь большаго несчастья или болѣзни; и что въ этихъ случаяхъ первый взрывъ настоящей болѣзни можетъ оказаться первымъ положительнымъ симптомомъ психическаго разстройства. Мозгъ, по отношенію къ психическимъ функціямъ, остается тѣмъ же, какъ и при другихъ своихъ функціяхъ, и не отличается отъ другихъ органовъ тѣла, по отношенію къ ихъ дѣятельности.

Я буду теперь разбирать тѣ состоянія, которыя считаю наиболѣе важными въ качествѣ предвѣстниковъ наступленія болѣзненнаго влеченія къ убійству. Я имѣю въ виду *душевноболѣзненный неврозъ* и *эпилептическій неврозъ*, въ которыхъ проявляется влеченіе къ конвульсивнымъ дѣйствіямъ. Совершенно согласно съ воззрѣніемъ на влеченіе къ убійству, какъ на конвульсивную идею, вытекающую изъ болѣзненнаго состоянія нервныхъ элементовъ и аналогичную конвульсивнымъ движеніямъ, влеченіе это проявляется болѣе часто въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть наслѣдственное предрасположеніе къ помѣшательству. Иногда такого невропатическаго состоянія можетъ не быть, но въ большинствѣ случаевъ оно существуетъ несомнѣнно. Вполнѣ согласно, далѣе, съ опытомъ, что когда существуетъ этотъ неврозъ, и когда обстоятельства жизни, или физіологическое и патологическое состоянія требуютъ большой энергіи со стороны нервной организаціи, влеченіе къ убійству является въ нѣкоторыхъ случаяхъ первымъ явственнымъ признакомъ помѣшательства.

Къ числу такихъ физіологическихъ и патологическихъ состояній мы причисляемъ наступленіе возмужалости съ переворотами, происходящими въ эту пору въ психической и физической жизни, беременность и послѣродовое состояніе, прекращеніе или неправильности менструацій у женщинъ, результаты пьянства или другихъ вредныхъ пороковъ. Между этими состояніями нѣтъ ни одного, который не могъ бы вызвать проявленія помѣшательства въ субъектѣ, предрасположенномъ къ нему; нѣтъ, далѣе, ни одного, который, какъ показываютъ приведенные случаи, не могъ бы вызвать проявленія помѣшательства съ наклонностью къ убійству.

Случаи помѣшательства съ наклонностью къ убійству, которые пришлось наблюдать при этихъ состояніяхъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи. Къ первой принадлежатъ тѣ случаи, гдѣ замѣчался какой нибудь недостатокъ умственныхъ способностей, большее или меньшее слабоуміе; вторая обнимаетъ собой случаи, при которыхъ, безъ всякихъ видимыхъ умственныхъ недостатковъ, существовалъ душевноболѣзненный темпераментъ. Для примѣра я могу указать на случай Бёртона, который судился въ Мэдстонскихъ ассизахъ въ 1863 г. за убійство. Случай былъ простой и поразительный. Преступникъ былъ юноша 18-ти лѣтъ; мать его была дважды въ домѣ помѣшанныхъ, вслѣдствіе мрачнаго угнетенія и попытокъ къ самоубійству; братъ былъ слабоуменъ и отличался большими странностями. Умственныя способности Бёртона стояли на весьма низкой ступени развитія; люди, у которыхъ онъ

находился въ ученіи, и другіе, показали, что онъ всегда былъ страннымъ и непохожимъ на прочихъ мальчиковъ; „что у него былъ блуждающій взглядъ, и что когда ему приказывали работать, онъ выбѣгалъ на улицу и смотрѣлъ на небо, какъ сумасшедшій“, такъ что на него приходилось махнуть рукою. Обвиненный показалъ, что онъ почувствовалъ внезапно влеченіе убить кого нибудь; наточилъ ножъ для этой цѣли и вышелъ, надѣясь встрѣтить человѣка, котораго бы онъ могъ убить. Первый, кто ему попался, былъ мальчикъ, за которымъ онъ и пошелъ въ удобное мѣсто, сбилъ его съ ногъ, началъ колоть въ шею и горло, сталъ на колѣни, на его грудь, схватилъ за шею, душилъ его, пока не полилась кровь изо рта и носа, и, наконецъ, топталъ ногами его лицо и шею, пока онъ не умеръ. Тогда онъ вымылъ руки и пошелъ спокойно работать. Онъ былъ знакомъ съ убитымъ мальчикомъ и не имѣлъ никакого дурного чувства противъ него: „онъ только положилъ себѣ убить кого-нибудь“. Все это онъ сдѣлалъ потому, что желалъ быть повѣшеннымъ. Защита настаивала на томъ, что это страстное желаніе быть повѣшеннымъ служитъ явнымъ признакомъ помѣшательства. Обвиняющая сторона утверждала наоборотъ, что фактъ совершенія убійства съ цѣлью быть повѣшеннымъ есть положительный признакъ, что преступникъ сознавалъ вполнѣ послѣдствія своего преступленія, и потому былъ вполнѣ отвѣтственнымъ передъ судомъ. Его признали виновнымъ и судья Уитманъ, читая приговоръ, сообщилъ, ему „что онъ былъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ, самомъ варварскомъ и безче-

ловѣчномъ изъ всѣхъ, которыя судьѣ пришлось разбирать въ теченіе свыше двадцатилѣтней юридической практики". „Признано", сказалъ далѣе судья, „что вы находились подъ вліяніемъ болѣзненнаго желанія умереть отъ руки правосудія, и что съ этой цѣлью вы совершили убійство. Такое желаніе разстаться съ жизнью едвали можетъ быть названо болѣзненнымъ бредомъ; и, въ самомъ дѣлѣ, сознаніе съ вашей стороны, что вы могли достичь цѣли, лишивъ другого преднамѣренно жизни, доказываетъ, что вы были совершенно въ состояніи оцѣнить характеръ и послѣдствія совершеннаго дѣйствія, и что вы знали, что это такое преступленіе, за которымъ слѣдуетъ смертная казнь. Это представляетъ дальнѣйшее и, можно сказать, важнѣйшее изъ усиливающихъ вину обстоятельствъ!" Когда смертный приговоръ былъ прочитанъ, преступникъ, который во время суда былъ самымъ безучастнымъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ, сказалъ, улыбнувшись: „очень вамъ благодаренъ, милордъ", и удалился, сопровождаемый громкимъ ропотомъ, и, можно даже сказать, крикомъ негодованія со стороны многочисленной публики. Его казнили; и этотъ страшный примѣръ сочли полезнымъ для того, чтобы удержать другихъ отъ убійства, подъ вліяніемъ болѣзненнаго желанія доставить себѣ удовольствіе быть повѣшеннымъ.

Существуютъ, однако, нѣкоторыя обстоятельства, заставляющія насъ призадуматься, прежде чѣмъ принять теорію крайней развращенности, которая такъ удовлетворяла умы судей въ дѣлѣ Бёртона. Его семейная исторія, слабость умственныхъ способностей, прошлое

поведенiе, не поддававшееся никакимъ мѣрамъ, душевноболѣзненное побужденiе, заставившее его совершить убiйство, звѣрскiй способъ его совершенiя, поступки послѣ преступленiя, готовность, съ которою онъ себя обвинялъ, равнодушiе во время суда и довольство приговоромъ, — все это указывало на такое состоянiе ума, при которомъ страхъ смертной казни не могъ имѣть спасительнаго влiянiя. Не зачѣмъ было даже основывать дiагнозъ помѣшательства на самомъ преступленiи, несмотря на всю его странность, ни на побужденiя къ нему, несмотря на все его безумiе: — цѣлый рядъ обстоятельствъ указывалъ на ходъ развитiя болѣзни, отъ наслѣдственнаго предрасположенiя до отчаяннаго взрыва. Будь это нужно, можно было бы привести много случаевъ оправданiя, на основанiи помѣшательства, гдѣ доказательства психическаго разстройства были гораздо слабѣе, чѣмъ въ этомъ печальномъ случаѣ.

Заключенiе, выведенное на основанiи характера и обстоятельствъ дѣла и приведенное судьей, какъ доказательство вмѣняемости преступленiя, находится, правда, въ совершенномъ согласiи съ англiйскими законами, составленными самими судьями; но едва ли оно разъясняетъ всѣ запутанные вопросы этого процесса. Можно ли было въ самомъ дѣлѣ признавать способность выбора между добромъ и зломъ, или свободную волю сдѣлать одно и не сдѣлать другого въ человѣкѣ, котораго перспектива величайшаго наказанiя, налагаемаго человѣческимъ правосудiемъ, не только не могла удержать отъ преступленiя, но для котораго она, напротивъ, служила побужденiемъ къ послѣднему.

Конечно, судья, который, читая смертный приговоръ, не имѣлъ силы останавливаться на возмутительныхъ подробностяхъ убійства, могъ быть послѣ двадцатилѣтней практики пораженъ этимъ новымъ откровеніемъ развращенности человѣческой природы. Но если бы онъ в никъ въ дѣло нѣсколько глубже, то можетъ быть нашелъ бы основаніе спросить себя, допускало ли умственное состояніе этого юноши даже такую оцѣнку характера своего поступка, какую требуетъ законъ. Уголовный законъ все-таки предполагаетъ извѣстное пониманіе нравственныхъ началъ въ тѣхъ, которыхъ онъ признаетъ подлежащими наказанію. Я предполагаю, что правосудіе имѣетъ въ виду относиться къ преступникамъ не какъ къ нечистымъ животнымъ, которыхъ слѣдуетъ уничтожать, но какъ къ нравственнымъ существамъ, которыя должны нести отвѣтственность за свои поступки. Если казнь Бёртона была предназначена служить назидательнымъ примѣромъ, то вліяніе ея должно было преимущественно отразиться на тѣхъ людяхъ, которые находились въ сходномъ душевномъ состояніи, и были одержимы сходными болѣзненными влеченіями. А между тѣмъ, очевидно, что на такихъ людей она должна была имѣть вліяніе совершенно обратное, и могла только побудить ихъ къ совершенію убійства, усиливъ болѣзненное побужденіе, внушившее его — желаніе быть повѣшеннымъ.

Этотъ случай можно считать представителемъ цѣлаго класса. Необходимо только помнить, что естественный недостатокъ ума можетъ быть болѣе или менѣе значительнымъ, и что душевноболѣзненное влеченіе

можетъ не всегда относиться къ убійству. У многихъ проявляется влеченіе къ самоубійству; они лишаютъ себя жизни, безъ всякаго видимаго, или, по крайней мѣрѣ, безъ достаточнаго основанія, и иногда въ такомъ раннемъ возрастѣ, когда самоубійства вообще не совершаются. Иные уступаютъ разрушительной наклонности, и поджигаютъ домы, сараи, или чужую собственность, не чувствуя никакой злобы къ лицу, которому приносятъ вредъ, и не имѣя никакихъ корыстныхъ цѣлей. Нѣтъ сомнѣнія, что насильственныя дѣйствія внушаются нерѣдко описаніями подобныхъ же случаевъ въ газетахъ. Примѣръ заразителенъ. Мысль овладѣваетъ слабымъ или угнетеннымъ умомъ, какъ рокъ, противъ котораго больной не въ силахъ бороться.

Какъ примѣръ второго разряда случаевъ, при которыхъ болѣзненное влеченіе къ убійству возникаетъ внезапно, безъ внѣшняго толчка, въ умѣ человѣка съ душевно-болѣзненнымъ темпераментомъ, я приведу Альтонское убійство, гдѣ преступникъ былъ подъ судомъ, признанъ виновнымъ и казненъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Онъ былъ писцомъ въ конторѣ адвоката въ Альтонѣ (Гампширъ). Разъ, послѣ обѣда, въ ясную погоду, онъ отправился гулять за городъ и встрѣтилъ нѣсколько дѣтей, игравшихъ близъ дороги. Подойдя къ нимъ, онъ уговорилъ маленькую дѣвочку, 8 или 9 лѣтъ, идти вмѣстѣ съ нимъ въ сосѣдній садъ и отдѣлался отъ другихъ дѣтей, давъ имъ нѣсколько пенсовъ. Нѣкоторое время спустя его встрѣтили идущимъ спокойно домой; онъ вымылъ руки въ рѣкѣ по дорогѣ и вернулся къ своей работѣ въ конторѣ. Такъ

какъ дѣвочка не возвращалась, то обыскали садъ и нашли въ немъ разбросанные куски ея тѣла, нога валялась въ одномъ мѣстѣ, рука въ другомъ, и т. д. Подозрѣніе пало прямо на преступника, который былъ немедленно арестованъ. Въ его столѣ нашли дневникъ, а въ дневникѣ слѣдующія строки: „Убилъ маленькую дѣвочку. Тепло и ясно". Онъ убилъ ребенка и изрѣзалъ тѣло въ куски безъ всякаго другого побужденія, кромѣ удовлетворенія внезапно возникшаго импульса. Въ его разговорѣ и поведеніи послѣ ареста не было никакихъ признаковъ умственнаго разстройства; никто также не замѣтилъ въ немъ какихъ-нибудь странностей непосредственно передъ совершеніемъ убійства. Но во время суда, гдѣ защита была допущена для формы, оказалось, что близкій родственникъ отца его находился въ домѣ помѣшанныхъ, вслѣдствіе помѣшательства съ наклонностью къ убійству, и что отецъ страдалъ острымъ неистовствомъ. Кромѣ того, свидѣтели показали, что самъ подсудимый не былъ похожъ на другихъ людей, плакалъ часто безъ видимой причины, отличался причудами въ своихъ поступкахъ, и что одно время за нимъ нужно было смотрѣть изъ боязни, чтобы онъ не покусился на свою жизнь. Его признали виновнымъ, приговорили къ смерти и казнили — при громкихъ одобреніяхъ газетъ. Тѣмъ не менѣе характеръ убійства въ этомъ случаѣ былъ уже самъ по себѣ достаточенъ для убѣжденія всѣхъ, знакомыхъ съ душевными болѣзнями, въ томъ, что въ преступникѣ былъ сильный оттѣнокъ помѣшательства и что болѣзнь находилась въ первомъ стадіѣ развитія.

Онъ принадлежалъ, очевидно, къ инстинктивнымъ преступникамъ, если только можно было причислить его къ преступникамъ: импульсивный характеръ преступленія, спокойное и обдуманное звѣрство, варварское изувѣченіе тѣла, душевное спокойствіе послѣ убійства, и полнѣйшее равнодушіе къ своей участи—все это указывало на больную организацію, на умственное разстройство, которое, еслибы оно не нашло себѣ даннаго выраженія, привело бы къ самоубійству или къ явному помѣшательству.

Извѣстны подобные же случаи, гдѣ женщинами, подъ вліяніемъ разстройства свойственныхъ имъ физическихъ функцій, овладѣвало влеченіе, противъ котораго онѣ иногда могли устоять, а иногда нѣтъ,—убивать, поджигать или воровать. Вопросъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, очевидно, сводится къ тому, было ли это влеченіе дѣйствительно неудержимо или нѣтъ; а на этотъ пунктъ можно отвѣтить только, взвѣсивъ всѣ обстоятельства каждаго отдѣльнаго случая. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что существуютъ неудержимыя влеченія. Когда женщина послѣ родовъ убиваетъ нѣжнолюбимаго ребенка только потому, что не можетъ устоять противъ этого искушенія, то даже люди, придерживающіеся юридической точки зрѣнія, легко допускаютъ, что это актъ не произвольный, за который она не можетъ быть отвѣтственной. Справедливо было бы поэтому покинуть прежній критерій вмѣняемости, основанный на сознаніи добра и зла, такъ какъ факты часто противорѣчатъ ему, и даже на практикѣ приходится иногда отступать отъ него. Несомнѣнно также,

что можно чувствовать влеченіе и не поддаваться ему; но люди, защищающіе законный критерій, говорятъ, что если есть возможность устоять противъ влеченія, то отвѣтственность лица не измѣняется вслѣдствіе болѣзненнаго или нормальнаго характера этого влеченія; законъ имѣетъ цѣлью заставить людей, здоровыхъ и больныхъ, управлять своими дурными наклонностями. Очевидно, на каждомъ лежитъ обязанность сдерживать влеченіе къ убійству, даже еслибы оно проистекало изъ болѣзни; и мнѣ кажется, можно смѣло предположить, что всякій человѣкъ, владѣющій своимъ разсудкомъ, будетъ сдерживать его. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предположить, что кто-нибудь можетъ найти удовольствіе въ убійствѣ ради убійства, имѣя въ перспективѣ быть повѣшеннымъ за это. Но заключить въ отдѣльномъ случаѣ, что человѣкъ могъ удержаться отъ влеченія, порожденнаго болѣзнью, и между тѣмъ, поддался ему, и затѣмъ казнить этого человѣка, значитъ принимать на себя такое знаніе человѣческой души, котораго не имѣетъ и не можетъ имѣть ни одинъ изъ смертныхъ, и совершать, прикрываясь святымъ именемъ справедливости, поступокъ, который можетъ быть ужаснѣйшей несправедливостью. Наказаніе можетъ показаться еще возмутительнѣе, когда мы припомнимъ, кромѣ того, что заключеніе основано на метафизическомъ критеріѣ отвѣтственности, который врачебными наблюденіями признанъ совершенно несостоятельнымъ въ примѣненіи къ разстроенному душевному состоянію.

Мы оставляемъ теперь душевно-болѣзненный неврозъ въ его связи съ импульсивнымъ помѣшательствомъ

съ наклонностью къ убійству. Второе важное условіе, которое необходимо разсмотрѣть, по отношенію къ этой формѣ умственнаго разстройства, есть эпилептическій неврозъ. Замѣчательно и поучительно, что конвульсивной энергіи импульса къ убійству предшествуетъ иногда странное болѣзненное ощущеніе, начинающееся въ какой-нибудь части тѣла и поднимающееся къ мозгу — ощущеніе, весьма похожее на то, которое предшествуетъ припадку падучей болѣзни, и извѣстно въ медицинѣ подъ названіемъ *aura epileptica*. Благодаря этому страдалецъ можетъ предупредить о наступающемъ припадкѣ и дать такимъ образомъ возможность спастись человѣку, которому грозитъ опасность. Въ одномъ изъ годичныхъ отчетовъ Морнингсайдской больницы для помѣшанныхъ, д-ръ Скэ приводитъ поразительный случай, гдѣ ощущеніе начиналось въ пальцахъ ногъ, поднималось постепенно до груди, обусловливая чувство стѣсненности и слабости, и доходило, наконецъ, до головы, послѣ чего больной мгновенно терялъ сознаніе. Оно сопровождалось невольнымъ подергиваніемъ сначала ногъ, а потомъ рукъ, и въ это-то время больной чувствовалъ желаніе убить другого или самого себя. Разъ онъ пытался наложить на себя руки, но большею частью нападалъ на другихъ. Онъ оплакивалъ свое состояніе, разсуждая о немъ чрезвычайно умно, и приводя подробности изъ своей прошлой исторіи, и изъ того, что̀ онъ чувствовалъ *). Въ другихъ случаяхъ

---

*) Въ одномъ изъ послѣдующихъ отчетовъ, въ 1868 г., д-ръ Скэ говоритъ о томъ же случаѣ: „случай помѣшательства съ сильнымъ

больнымъ овладѣваетъ чувство головокруженія, дрожанія, смутнаго страха, какъ предъ чѣмъ-то ужаснымъ,— симптомы, совершенно сходные съ головокруженіемъ и неопредѣленнымъ страхомъ, характеризующимъ извѣстную форму *aura epileptica*. Опытъ учитъ, что всякій разъ, когда убійство совершено внезапно, безъ намѣренія, злобы или какой-нибудь особой цѣли, открыто, и совершенно иначе, чѣмъ совершаются обыкновенныя убійства,— необходимо изслѣдовать тщательно, нѣтъ ли признаковъ, предшествующихъ падучей болѣзни; или нѣтъ ли исторіи эпилептическихъ припадковъ съ *aura epileptica* и другими симптомами, связанными съ этой болѣзнью.

Несомнѣнно, что самые отчаянные примѣры помѣшательства съ наклонностью къ убійству встрѣчаются въ связи съ падучей болѣзнью. Приступъ влеченія къ убійству можетъ замѣнить собой обыкновенный припадокъ эпилептическихъ судорогъ и представлять дѣйствительную *маскированную* эпилепсію. Болѣзненный процессъ перенесенъ съ одного нервнаго центра на другой, и, вмѣсто мышечныхъ судорогъ, съ больнымъ

влеченіемъ къ убійству, о которомъ я говорилъ въ моемъ отчетѣ 1866 года, какъ о случаѣ весьма сродномъ съ эпилепсіей, несмотря на то, что у больнаго ни разу не было замѣчено припадковъ падучей болѣзни,—подвергся интересному физіологическому развитію въ томъ же направленіи. У больнаго теперь почти ежедневно бываетъ живая галлюцинація органа зрѣнія въ образѣ газеты. Онъ видитъ ее нѣсколько мгновеній такъ ясно, что можетъ читать довольно длинные параграфы. Продолжаетъ страдать отъ *aura epileptica* и другихъ симптомовъ сродныхъ падучей болѣзни."

дѣлаются конвульсіи мысли. Маркъ приводитъ случай крестьянина 27-ми лѣтъ отъ роду, который съ 8-лѣтняго возраста страдалъ падучей болѣзнью. На 25 году характеръ его болѣзни измѣнился, и, вмѣсто эпилептическихъ судорогъ, имъ овладѣвало по временамъ непреодолимое влеченіе убить кого-нибудь. Онъ чувствовалъ наступленіе припадка за нѣсколько минутъ и просилъ, чтобы его запирали во избѣжаніе бѣды. „Когда это найдетъ на меня," говорилъ онъ, „я долженъ убить кого-нибудь, хотя бы ребенка." Передъ приступомъ онъ чувствовалъ страшную слабость, не могъ спать, тосковалъ и чувствовалъ легкія судороги въ членахъ. Л. Мейеръ приводитъ случай мальчика 13-ти лѣтъ, страдавшаго періодическими приступами бѣшенства, за которыми слѣдовали эпилептическія судороги; иногда же, бѣшеное возбужденіе являлось безъ судорогъ *).

Можно привести много подобныхъ примѣровъ изъ трактатовъ о душевныхъ болѣзняхъ, но я ограничусь однимъ примѣромъ, который стóитъ запомнить, и который случился нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Англіи. Нѣкто Бисгровъ былъ приговоренъ къ смерти вмѣстѣ съ нѣкимъ Свитомъ за убійство, такъ какъ судьи были вполнѣ согласны съ приговоромъ присяжныхъ. Между тѣмъ, послѣ приговора, Бисгровъ чистосердечно сознался и совершенно выгородилъ Свита отъ всякаго участія и вѣдома въ этомъ преступленіи. Послѣдній получилъ вслѣдствіе этого великодушное прощеніе пре-

---

*) Ueber Mania Transitoria, v. Dr. L. Meyer, Virchow's Archiv vol. VIII, art. IX.

ступленія, котораго онъ никогда не совершалъ, и казнь была назначена для одного Бисгрова. До исполненія ея, однако, сострадательный священникъ, пораженный отсутствіемъ всякихъ мотивовъ и странностью этого преступленія, постарался узнать исторію преступника и сообщилъ свои справки секретарю тюрьмы. Оказалось, что Бисгровъ былъ незаконнорожденный, заброшенный ребенокъ, всегда отличался слабымъ здоровьемъ и слабыми умственными способностями. Нѣсколько лѣтъ уже онъ страдалъ частыми припадками падучей болѣзни, вслѣдствіе чего потерялъ мѣсто въ угольныхъ копяхъ, гдѣ работалъ прежде. Въ промежуткахъ между приступами, онъ былъ добродушенъ и кротокъ, и былъ любимъ товарищами. Но послѣ приступовъ его боялись, потому что онъ хваталъ первое, что̀ попадалось ему подъ руки, и бросался очертя голову на окружающихъ. Думая, что морское путешествіе послужитъ ему въ пользу, онъ отправился въ море, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вернулся въ прежнемъ состояніи. Онъ утратилъ свѣтлый взоръ разумнаго человѣка и смотрѣлъ потерянными мутными глазами, свойственными развитой падучей болѣзни. Въ такомъ то состояніи онъ однажды вечеромъ выпилъ нѣсколько и отправился за городъ, гдѣ ему попался на глаза человѣкъ, спящій въ полѣ. Имъ овладѣло немедленно желаніе убить этого человѣка; онъ схватилъ большой камень, лежавшій по близости и разбилъ ему голову. Исполнивъ это, онъ легъ возлѣ своей жертвы и заснулъ. На другой день его схватили и обвинили въ убійствѣ вмѣстѣ съ невиннымъ Свитомъ, въ обществѣ котораго онъ находился

въ тотъ вечеръ. На судѣ, гдѣ онъ фактически оставался безъ адвоката, подобно многимъ бѣднякамъ, не имѣющимъ возможности заплатить громадныя деньги, которыя стоитъ у насъ справедливость; никто не заявилъ о томъ, что онъ страдалъ падучей болѣзнью и отличался слабыми умственными способностями; никто не разузналъ подробно обстоятельствъ ночи убійства; его приговорили къ смерти, а съ нимъ вмѣстѣ приговорили и невиннаго человѣка, который далъ полный и вѣрный отчетъ всѣхъ своихъ дѣйствій, но которому не повѣрили. По настоянію священника, разузнавшаго подробности жизни Бисгрова, приговоръ былъ отмѣненъ, и послѣ провѣрки состоянія его умственныхъ способностей, подсудимаго отправили въ Бродморскій домъ для помѣшанныхъ преступниковъ. Безъ этого счастливаго случая исповѣди, невинный человѣкъ былъ бы казненъ. Безъ энергическаго вмѣшательства священника Бисгровъ не избѣгнулъ бы висѣлицы, какъ и многіе другіе помѣшанные, не смотря на то, что преступленіе представляло всѣ наиболѣе характерныя черты эпилептическаго помѣшательства *).

Самые опасные случаи изъ всѣхъ, съ которыми приходится имѣть дѣло персоналу больницъ для помѣшан-

---

*) Бисгровъ недавно убѣжалъ изъ дома помѣшанныхъ и до сихъ поръ не отысканъ. Начальство больницы думаетъ, что онъ покончилъ съ собой. Бѣгство его было очень характеристично. Гуляя вмѣстѣ съ больничнымъ служителемъ, онъ нѣсколько отсталъ отъ него и сбилъ его съ ногъ, пустивъ ему въ голову кирпичъ или камень. Затѣмъ онъ началъ бить его по головѣ и приведя въ безчувственное состояніе, убѣжалъ.

ныхъ, это — случаи эпилептическаго помѣшательства. Иногда послѣ одного приступа, но чаще послѣ нѣсколькихъ, наступаетъ припадокъ бѣшенства или страсти къ разрушенію, выражающійся въ самыхъ неистовыхъ поступкахъ. Нельзя назвать этого состоянія простымъ импульсивнымъ помѣшательствомъ съ наклонностью къ убійству, потому что все душевное существо человѣка находится въ какомъ-то изступленіи; но тѣмъ не менѣе состояніе это имѣетъ нѣкоторый интересъ по отношенію къ импульсивному помѣшательству: во-первыхъ, вслѣдствіе слѣпого влеченія къ разрушенію, характеризующаго его, и, во-вторыхъ, потому, что импульсивное помѣшательство съ наклонностью къ убійству является иногда въ формѣ *маскированной* эпилепсіи. Наблюденія врачей показали, что, во-первыхъ, неудержимый порывъ влеченія къ убійству можетъ обнаружиться у человѣка, страдавшаго эпилептическимъ неврозомъ, но не имѣвшаго еще настоящихъ припадковъ падучей болѣзни, ни въ формѣ эпилептическаго головокруженія, ни въ формѣ эпилептическихъ конвульсій; во-вторыхъ, что такой порывъ можетъ непосредственно предшествовать припадку падучей болѣзни и замѣнять его въ той или другой формѣ; наконецъ, въ-третьихъ, что онъ можетъ слѣдовать за всѣми формами падучей болѣзни. Труссо замѣчаетъ, что „внезапныя и неудержимыя влеченія обыкновенно обнаруживаются послѣ приступа *petit mal* и весьма часты послѣ дѣйствительнаго конвульсивнаго припадка“ *).

*) Намъ легче будетъ представить себѣ, до какой степени состояніе нервныхъ элементовъ, которое мы называемъ душевно-бо-

Мы кончаемъ этимъ описанія одной разновидности чувственнаго помѣшательства — импульсивнаго помѣшательства, которое начинается нелѣпыми идеями и проявляется въ болѣзненныхъ влеченіяхъ къ насильственнымъ поступкамъ, болѣе или менѣе порабощающихъ человѣка. Перейдемъ теперь къ описанію второй разновидности этого рода помѣшательства — къ нравственному помѣшательству въ собственномъ смыслѣ, *monomanie raisonnante* Эскироля.

лѣзненнымъ или эпилептическимъ неврозомъ, когда оно не развилось еще въ настоящую болѣзнь,—сходно съ дѣйствительною болѣзнью, въ которую можетъ легко и быстро перейти, — если мы обратимъ вниманіе на тѣ случаи, гдѣ совершенно сходные психическіе симптомы слѣдуютъ за несомнѣнной болѣзнью. Морель (Traité des Mal. Ment. p. 138) приводитъ слѣдующій случай: „Человѣкъ лѣтъ 55-ти, трезвый и трудолюбивый, имѣлъ годъ тому назадъ кровоизліяніе въ мозгу, послѣ чего у него осталась гемиплегія. Умственныя способности его были въ порядкѣ, и онъ могъ по прежнему заниматься своими дѣлами. Но характеръ его совершенно измѣнился. Онъ тяготился жизнью, сдѣлался угрюмымъ и раздражительнымъ; жаловался, что по временамъ кровь поднималась ему въ голову, вслѣдствіе чего онъ чувствовалъ дурноту, шумъ въ ушахъ и искры передъ глазами. Припадки эти повторялись періодически. Въ это время сердце его сильно билось, глаза наливались кровью, лицо багровѣло, пальцы парализованной стороны тѣла судорожно сжимались и шейныя артеріи бились усиленно. Онъ мучился страшной тоской, плакалъ, считалъ себя погибшимъ, и потомъ вдругъ впадалъ въ бѣшенство, бросался на жену и дѣтей и, несмотря на то, что помѣшательство это было мгновенно, нѣсколько разъ пытался лишить себя жизни. Сдержать импульсъ въ этомъ случаѣ можно было, очевидно, только при условіи контроля надъ сердцемъ и артеріями. Но какое усиліе воли могло помочь въ этомъ случаѣ?

2. Нравственное помѣшательство.

Эта форма душевнаго разстройства имѣетъ столько общаго съ преступленіемъ или порокомъ, что многіе считаютъ ее пустой выдумкой врачей. Отсюда объясняется негодованіе, съ которымъ были встрѣчены попытки защитить предполагаемаго преступника отъ законной кары за его преступленіе, на основаніи этого рода помѣшательства. Судьи много разъ называли это «ученіе крайне вредной медицинской теоріей», «опаснымъ нововведеніемъ», которое слѣдуетъ отразить въ интересахъ общества. Нѣтъ сомнѣнія, что иногда злоупотребляли этой теоріей для оправданія закоснѣлаго преступника; но никто, сдѣлавшій практическое изученіе психическихъ болѣзней своею спеціальностью, не можетъ сомнѣваться, что такая форма помѣшательства дѣйствительно существуетъ. На гнѣвныя рѣчи раздраженныхъ судей, страдающій этой болѣзнью можетъ отвѣтить словами Имогены:

«J beseech you, sir,
Harm not yourself with your vexation.
J'm senseless of your wrath. A touch more rare
Subdues all griefs, all fears,» *).

Чтó бы ни говорили, но существуетъ положительно форма умственнаго разстройства, при которой, безъ всякихъ мнимо- и ложно-ощущеній или нелѣпыхъ идей, симптомы болѣзни проявляются главнымъ образомъ въ извращеніи тѣхъ умственныхъ способностей, которыя обыкновенно называютъ дѣятельнымъ или нравственнымъ началомъ — т.-е. въ извращеніи чувствъ, привя-

*) Cymbeline, Act I, Sc. I.

занностей, наклонностей, настроенія, привычекъ и поступковъ. Вся нравственная жизнь человѣка потрясена въ корнѣ, и разстройство ея проявляется во всемъ, что́ онъ чувствуетъ, желаетъ и дѣлаетъ. Онъ утратилъ способность къ истинному нравственному чувству; всѣ его побужденія, которымъ онъ отдается безъ борьбы, чисто эгоистическаго свойства. Въ основѣ всѣхъ его поступковъ лежатъ безнравственные мотивы, которымъ онъ слѣдуетъ безъ всякаго видимаго желанія сопротивляться. Нравственная нечувствительность его поразительна. При этомъ умъ остается совершенно нормальнымъ, за исключеніемъ того оттѣнка болѣзненныхъ чувствъ, подъ вліяніемъ которыхъ человѣкъ думаетъ и дѣйствуетъ. Нельзя не удивляться изобрѣтательности этихъ людей, когда они начинаютъ объяснять, извинять или оправдывать свои поступки. Преувеличивая одно, отрицая другое, они придаютъ всему такую форму, что сами уже являются жертвами непониманія или недоброжелательства. Иногда случается даже, что ихъ умственныя способности становятся какъ-то острѣе прежняго. Логика ихъ доводовъ поразительна; можетъ быть, впрочемъ, потому, что всѣ умственныя способности направлены исключительно къ удовлетворенію и оправданію ихъ эгоистическихъ желаній. Нельзя, однако, сказать, чтобы умъ былъ совершенно ясенъ и здоровъ во всѣхъ случаяхъ, потому что иногда способности положительно слабѣютъ. Здоровый человѣкъ, подъ вліяніемъ возбужденныхъ чувствъ, подверженъ, какъ мы знаемъ, заблужденіямъ въ сужденіяхъ и поступкахъ; точно также страдаютъ и сужденія и поступки помѣ-

шаннаго человѣка, находящагося подъ вліяніемъ болѣзненныхъ чувствъ. Кромѣ того, разсудокъ теряетъ власть надъ страстями и поступками, такъ что человѣкъ не можетъ ни побѣдить первыхъ, ни противостоять вторымъ, какъ бы они ни противорѣчили обязанностямъ и обязательствамъ его житейскихъ отношеній; какъ бы они ни были гибельны для него самого и сколько бы горя ни приносили тѣмъ, которые всего ближе къ нему и должны были быть всего дороже. Онъ не способенъ заняться чѣмъ-нибудь серьёзнымъ, понимать обычныя правила осторожности и собственной пользы, оцѣнить вредъ, который приноситъ ему самому его поведеніе. Онъ также недовѣрчивъ къ другимъ, какъ не заслуживаетъ довѣрія самъ. Нѣтъ возможности заставить его понять дурную сторону его поступковъ; онъ постоянно отрицаетъ, извиняетъ или оправдываетъ ихъ. Въ немъ никогда не проявляется желанія исправиться. Всѣ его чувства глубоко извращены и всѣ его стремленія клонятся къ такимъ низкимъ удовлетвореніямъ, которыя должны вести къ дальнѣйшему упадку. Наконецъ онъ становится больнымъ элементомъ, отъ котораго общество должно стремиться избавиться, или который оно, по крайней мѣрѣ, должно сдѣлать безвреднымъ. Онъ утратилъ основной инстинктъ органической природы, тотъ инстинктъ, въ силу котораго организмъ усвоиваетъ себѣ то, что̀ служитъ къ его развитію и преуспѣянію. Вмѣсто этого инстинкта, у него являются превратныя желанія, ведущія къ гибели. Его превратныя желанія служатъ признакомъ дѣйствительнаго разрушенія его природы.

Мнѣ могутъ возразить, что это описаніе относится прямо къ любому испорченному человѣку, и что принять его за картину помѣшательства, значитъ—уничтожить всякое различіе между порокомъ, преступленіемъ и помѣшательствомъ. Не отрицаю, что если имѣть въ виду одни симптомы, то сходство между проявленіями порока и болѣзни поразительно. Но мы находимъ большое различіе, когда начинаемъ вникать въ прежнюю исторію человѣка, когда мы переходимъ отъ психологическихъ къ медицинскимъ наблюденіямъ. Порочное дѣйствіе или преступленіе само по себѣ еще не доказываетъ помѣшательства. Для того, чтобы признать нравственное помѣшательство, необходимо прослѣдить его черезъ цѣлый рядъ болѣзненныхъ симптомовъ, совершенно такъ же, какъ мы опредѣляемъ поступки здороваго человѣка на основаніи его побужденій. Короче, доказательство болѣзни должно быть ясно изъ всей исторіи даннаго случая. Обыкновенно приходится наблюдать, что послѣ какого-нибудь сильнаго нравственнаго потрясенія или физическаго разстройства, у человѣка, съ явственнымъ наслѣдственнымъ расположеніемъ къ помѣшательству, происходитъ замѣтное измѣненіе характера. Онъ дѣлается совершенно не тѣмъ, чѣмъ былъ прежде, въ своихъ чувствахъ, настроеніи, привычкахъ и поступкахъ. Приходится наблюдать, что послѣ серьёзнаго и несомнѣннаго повода для умственнаго разстройства — комбинаціи предрасполагающихъ и возбуждающихъ причинъ — человѣкъ обнаруживаетъ особенности характера, совершенно несообразныя съ его прежней жизнью, но вполнѣ согласныя съ нрав-

ственнымъ помѣшательствомъ. Иногда случается, что больной страдалъ параличомъ, или падучей болѣзнью, или горячкой, и что измѣненіе въ характерѣ и признаки правственнаго переворота явились вслѣдъ за одной изъ этихъ причинъ. Во всѣхъ случаяхъ, по замѣчанію д-ра Причарда, который первый описалъ эту болѣзнь, измѣненіе въ характерѣ и привычкахъ является слѣдствіемъ болѣзни или какой-нибудь серьёзной причины.

Самымъ вѣскимъ доказательствомъ въ пользу мнѣнія, что нравственное помѣшательство, по своей природѣ, есть мозговая болѣзнь, можетъ служить тотъ фактъ, что симптомы его иногда нѣсколько предшествуютъ симптомамъ дѣйствительнаго умственнаго разстройства: такъ въ серьёзныхъ случаяхъ несомнѣннаго помѣшательства, напр., въ случаѣ острой маніи, или общаго паралича, или старческаго слабоумія. Въ самомъ дѣлѣ, интересно замѣтить, что, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ случаевъ Причарда, на которомъ онъ основалъ свое описаніе этой болѣзни, былъ дѣйствительнымъ случаемъ общаго паралича, — болѣзни, неразработанной еще въ то время, но извѣстной теперь лучше всѣхъ другихъ формъ умственнаго разстройства. Очевидно, что когда человѣкъ испытываетъ какія-нибудь потрясенія, достаточныя для того, чтобы вызвать помѣшательство, и затѣмъ обнаруживаетъ значительныя измѣненія характера и, наконецъ, впадаетъ въ острое неистовство или общій параличъ, то нельзя насъ заставить признавать причину болѣзни и видѣть въ симптомахъ признаки ум-

ственнаго разстройства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвергать болѣзненный характеръ промежуточныхъ симптомовъ.

Нравственное разстройство не только можетъ предшествовать умственному за нѣкоторое время, и само по себѣ составлять болѣзнь, но оно обыкновенно сопутствуетъ послѣднему. На этомъ основаніи Эскироль высказалъ мнѣніе, что «нравственное измѣненіе», а не бредъ, «есть истинный признакъ душевнаго разстройства». «Бываютъ помѣшанные», говоритъ онъ далѣе, «въ которыхъ трудно открыть какіе нибудь слѣды галлюцинацій, но нѣтъ ни одного, у котораго не были бы разстроены, извращены или уничтожены страсти, привязанности и весь нравственный характеръ вообще. Въ этомъ отношеніи я не встрѣчалъ исключеній». Это вѣрно до такой степени, что исчезновеніе галлюцинацій и ложныхъ идей становится надежнымъ признакомъ выздоровленія послѣ приступа помѣшательства, только когда больной въ то же время возвращается къ своимъ обычнымъ чувствамъ. Едвали можно ожидать, чтобы медицинская наука въ угоду судьямъ рѣшилась отдѣлить нравственныя явленія отъ умственныхъ въ случаяхъ явнаго помѣшательства, и стала смотрѣть на первыя какъ на порокъ, потому что они видятъ въ нихъ порокъ, а на вторыя только какъ на болѣзнь; или чтобы она нашла справедливымъ извинять человѣка за его превратныя идеи и наказывать его за превратныя чувства и поступки, даже когда эти поступки не составляютъ прямаго и непосредственнаго продукта его больной мысли.

Далѣе, нравственное помѣшательство можетъ по-

явиться у человѣка, страдавшаго прежде другой формой душевнаго разстройства,—быть, такъ сказать, рецидивомъ болѣзни въ иной формѣ: приступъ неистовства или мрачнаго помѣшательства приходитъ, напримѣръ, и спустя нѣкоторое время исчезаетъ какъ будто безслѣдно; но, при какомъ нибудь поводѣ, въ больномъ обнаруживается настоящее нравственное помѣшательство, которое, въ свою очередь, можетъ окончиться неистовствомъ или мрачнымъ помѣшательствомъ. Происходитъ періодическая смѣна того, что́ весь міръ признаетъ нравственной испорченностью—съ тѣмъ, что́ весь міръ признаетъ помѣшательствомъ. Въ наиболѣе типичномъ случаѣ нравственнаго помѣшательства, который мнѣ пришлось наблюдать, больной страдалъ сначала припадками мрачнаго помѣшательства, и вслѣдъ за однимъ изъ такихъ припадковъ обнаружилось нравственное разстройство. Такіе случаи обыкновенно кончаются безуміемъ — психическое разстройство переходитъ въ разрушеніе всѣхъ душевныхъ способностей.

Французскіе писатели дали названіе *Folie à double forme*, и *Folie circulaire* возвратнаго помѣшательства, весьма типичной формѣ помѣшательства, характеризующейся попеременными припадками возбужденія и угнетенія. Симптомы принадлежатъ главнымъ образомъ къ разстройству нравственнаго чувства, и оба состоянія возбужденія и угнетенія бываютъ различны по силѣ и степени. Въ періодъ возбужденія больной весьма походитъ на человѣка полупьянаго: дѣлается хвастливымъ, ищетъ предлога ссориться, никогда не устаетъ говорить о самомъ себѣ и о

чудесныхъ вещахъ, которыя онъ можетъ совершить. И онъ точно дѣлаетъ вещи, о которыхъ не подумалъ бы, кажется, даже во снѣ, будучи въ здравомъ разсудкѣ: пускается въ проекты соціальныхъ и политическихъ реформъ, бросается въ коммерческія предпріятія, совершенно чуждыя его естественному характеру и привычкамъ. Во всемъ его нравственномъ существѣ замѣтно печальное измѣненіе: изъ человѣка скромнаго, правдиваго и цѣломудреннаго онъ становится хвастливымъ, лживымъ и невоздержнымъ; обнаруживаетъ величайшее равнодушіе къ чувствамъ людей близкихъ; посѣщаетъ дурное общество; пренебрегаетъ всѣми общественными и домашними приличіями и относится съ крайнимъ раздраженіемъ къ малѣйшему замѣчанію или вмѣшательству. Между тѣмъ, у него нѣтъ ни бреда, ни дѣйствительной безсвязности мыслей; онъ приводитъ самые вѣскіе доводы въ оправданіе своего поведенія; и его изобрѣтательность въ сочиненіи разсказовъ въ свою пользу, въ преувеличеніи, отрицаніи и извращеніи фактовъ, въ самомъ дѣлѣ поразительна. Словомъ, въ немъ проявляется такое измѣненіе характера, какое только можно себѣ представить.

Въ этомъ возбужденномъ состояніи онъ остается иногда по мѣсяцамъ; затѣмъ, или прямо, или послѣ болѣе или менѣе долгаго свѣтлаго промежутка, переходитъ въ противоположное состояніе мрачнаго угнетенія. Какая въ немъ теперь перемѣна! Онъ молчаливъ и угрюмъ; стыдится поступковъ, совершенныхъ имъ; теряетъ довѣріе къ себѣ; не хочетъ ни за что браться, и чувствуетъ себя неспособнымъ исполнять

самыя простыя обязанности. Его гнететъ неопредѣленная тоска; онъ не хочетъ смотрѣть на свѣтъ Божій; иногда ложится въ постель и помышляетъ о самоубійствѣ, а иногда и дѣлаетъ попытки лишить себя жизни. Между состояніемъ возбужденія и угнетенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ не бываетъ свѣтлаго промежутка, одно прямо переходитъ въ другое; въ другихъ же бываетъ свѣтлый промежутокъ, болѣе или менѣе долгій, совершенно здороваго состоянія. Промежутокъ этотъ обыкновенно приходитъ послѣ возбужденія и передъ періодомъ угнетенія, но въ иныхъ случаяхъ слѣдуетъ за послѣднимъ. Періодическое повтореніе противоположныхъ состояній служитъ признакомъ весьма неблагопріятной формы душевнаго разстройства. Послѣ нѣкотораго времени свѣтлые промежутки становятся менѣе явственными или исчезаютъ; правильная періодичность явленій теряется и замѣчается постепенный упадокъ умственныхъ способностей.

Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одинъ разрядъ случаевъ нравственнаго помѣшательства, именно на случаи, связанные съ падучей болѣзнью. Нѣтъ ничего поразительнѣе тѣхъ внезапныхъ и крайнихъ измѣненій нравственнаго характера, которыя замѣчаются иногда на эпилептикахъ въ домахъ помѣшанныхъ, до или послѣ приступа падучей болѣзни.

Трудолюбивые, внимательные и кроткіе больные иногда внезапно измѣняются; дѣлаются небрежными, лѣнивыми, неподвижными, забываютъ самыя простыя вещи, не хотятъ работать, но проводятъ время въ бездѣйствіи, или же бродятъ безъ всякой цѣли. Кромѣ

того въ нихъ пробуждаются дурныя наклонности; на время они становятся ворами, лживыми, подозрительными, недовольными, раздражительными, и при малѣйшемъ поводѣ, а иногда совершенно безъ всякаго повода, разражаются неожиданными взрывами бѣшенства. Извращеніе характера въ этихъ случаяхъ такъ тѣсно связано съ припадками, что ошибиться въ ихъ природѣ невозможно. Но когда приступы нравственнаго помѣшательства замѣняютъ собой эпилептическіе припадки, какъ это иногда случается,—являются въ формѣ *маскированной* эпилепсіи,—когда такіе приступы повторяются періодически, можетъ быть много мѣсяцевъ сряду, прежде чѣмъ болѣзнь приметъ свой обычный конвульсивный характеръ, тогда легко ошибиться въ діагнозѣ, и тяжело можетъ поплатиться человѣкъ, который совершитъ какой-нибудь противузаконный поступокъ подъ этимъ болѣзненнымъ вліяніемъ. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что эпилептическія судороги могутъ прекратиться у человѣка, страдавшаго ими прежде, и что, вмѣсто нихъ, могутъ обнаружиться приступы душевнаго разстройства, съ бо́льшимъ или меньшимъ неистовымъ возбужденіемъ. Такого рода больные рано или поздно попадаютъ въ тюрьму, и составляютъ, такимъ образомъ, часть преступнаго населенія страны.

Многіе случаи нравственнаго помѣшательства связаны съ большей или меньшей врожденной нравственной тупостью или нравственнымъ слабоуміемъ (moral imbecility — *слабонравностью?*). Въ одной изъ прежнихъ главъ я уже говорилъ, что въ числѣ результатовъ происхожденія отъ помѣшанныхъ или эпи-

лептическихъ родителей является врожденная тупость или отсутствіе нравственнаго чувства, иногда вмѣстѣ съ умственной слабостью, а иногда совершенно независимо отъ послѣдней. Въ настоящее время, никто, конечно, не станетъ отрицать существованія врожденной слабости или недостатка умственныхъ способностей и утверждать, что всѣ люди, не вполнѣ безумные и не идіоты, надѣлены отъ природы одинаково въ умственномъ отношеніи. Но встрѣчается еще немало людей, которые видятъ въ нравственномъ идіотизмѣ, или слабоправности, пустую выдумку врачей. Отсутствіе нравственнаго смысла, говорятъ они, есть характеристическій признакъ порочной природы, противъ которой мы имѣемъ средства въ соотвѣтствующемъ наказаніи. Но когда мы встрѣчаемъ маленькихъ дѣтей, которыя, гораздо раньше, чѣмъ они могутъ понимать, что̀ такое порокъ или преступленіе, обнаруживаютъ весьма дурныя наклонности, или даже совершаютъ большія преступленія съ какой-то инстинктивной легкостью и какъ будто вслѣдствіе врожденной способности къ преступнымъ дѣйствіямъ; когда мы знаемъ, что они жертвы наслѣдственнаго помѣшательства; когда, наконецъ, опытъ показываетъ намъ, что наказаніе не имѣетъ никакого дѣйствія на нихъ, что они положительно неисправимы,—то ясно, что слабоправность есть фактъ и что наказаніе вовсе не самое цѣлесообразное средство противъ него. Мы знаемъ много замѣчательныхъ случаевъ преждевременныхъ пороковъ и преступленій въ маленькихъ дѣтяхъ *). Подъ вліяніемъ психическаго

*) Слѣдующая выдержка изъ письма, адресованнаго ко мнѣ,

переворота, совершающагося въ періодъ возмужалости, слабонравность часто принимаетъ болѣе дѣятельную форму нравственнаго помѣшательства или дѣйствительнаго неистовства. Случаи этого рода приводятъ насъ почти непосредственно къ классу преступниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда человѣкъ изъ низшихъ слоевъ общества страдаетъ такимъ образомъ, онъ обыкновенно совершаетъ какой-нибудь проступокъ, который приводитъ его въ тюрьму, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій о томъ, насколько онъ заслужилъ свою участь.

даетъ печальное, но вѣрное описаніе нравственной тупости ребенка, по поводу котораго обращались ко мнѣ за совѣтомъ: „...я въ первый разъ познакомилась съ Алисой, когда ей было четыре съ половиной года. Она произвела на меня впечатлѣніе очень отсталаго ребенка, но я объясняла это небрежнымъ уходомъ прислуги. Въ этомъ я разубѣдилась теперь, потому что знаю навѣрное, что у нея была прекрасная кормилица, остававшаяся долго при ней, и что въ первые годы ея жизни она находилась подъ самымъ внимательнымъ наблюденіемъ не только отца, но и бабушки. Мнѣ стоило большого труда выучить ее читать и считать: нѣкоторыхъ словъ и чиселъ она никакъ не могла повторить. Въ эту пору у меня составилось убѣжденіе, что она не похожа на другихъ дѣтей. Ласки и наказанія оставались одинаково недѣйствительными. Когда ей минуло пять съ половиной лѣтъ, ее отправили въ хорошую школу, гдѣ она находится и теперь. Умственные успѣхи ея поразили меня, въ особенности въ нѣкоторыхъ вещахъ; но нравственная природа оставалась совершенно прежней. Она, повидимому, никакъ не можетъ понять, что̀ такое правда; никогда не стыдится своихъ шалостей, никогда не чувствуетъ желанія или удовольствія быть добрымъ ребенкомъ, но за то обнаруживаетъ поразительную изобрѣтательность и хитрость, чтобъ сдѣлать то, что̀ ей запрещено. По временамъ въ ней проявляется особенное безстыдство, дурныя привычки, неприличное отношеніе къ людямъ другого пола и какая-то

Еслибъ меня спросили, должны ли люди, страдающіе правственнымъ помѣшательствомъ, быть во всѣхъ случаяхъ изъяты отъ всякой отвѣтственности за свои поступки, я бы не рѣшился отвѣтить утвердительно безъ оговорокъ. Они, конечно, не способны къ правственной отвѣтственности въ полномъ смыслѣ этого слова; все сознаніе отвѣтственности проистекаетъ у нихъ только изъ чувства страха. Но опытъ показываетъ, что этотъ страхъ дѣйствуетъ на многихъ благотворно, и что даже самое наказаніе оказываетъ иногда полезное вліяніе и представляетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ самое полезное лѣкарство. Порокъ ума, какъ и порокъ сердца, можетъ не дѣлать человѣка совершенно неспособнымъ ко всякой дѣятельности вообще, хотя

положительная наклонность къ пороку. Въ ней почти совершенно незамѣтно вспышекъ гнѣва; но она спокойно подходитъ къ брату или сестрѣ и совершенно неожиданно толкаетъ ихъ или сбиваетъ съ ногъ безъ малѣйшаго повода. Въ играхъ ею можетъ руководить маленькій братъ или сестра, наполовину моложе ея, а между тѣмъ она съ своей куклой дѣлаетъ неприличныя вещи, которыя никогда бы не пришли тѣмъ въ голову. Я старалась никогда не оставлять ее съ младшими дѣтьми, потому что, когда это случалось прежде, я замѣтила, что она учитъ ихъ разнымъ отвратительнымъ и грязнымъ вещамъ. Мнѣ кажется, что хотя Алису нельзя назвать ни слабоумной, ни помѣшанной, она въ своихъ поступкахъ обнаруживаетъ поразительный недостатокъ нравственнаго смысла. Теперь ей девять съ половиной лѣтъ. Мнѣ остается только прибавить, что она обнаруживаетъ страсть къ уничтоженію одежды и игрушекъ и совершенное отсутствіе какой бы то ни было привязанности. На нее дѣйствовать можно только какими-нибудь совершенно личными мотивами. Ея дядя съ материнской стороны въ домѣ помѣшанныхъ и, какъ говорятъ, находится въ совершенно такомъ же состояніи".

онъ и дѣлаетъ его неспособнымъ къ нѣкоторымъ функціямъ. Подобно тому, какъ человѣкъ съ болѣзнью сердца можетъ спокойно работать, хотя не можетъ бѣгать въ перегонку, точно такъ же человѣкъ, несовершенно здоровый въ умственномъ отношеніи, способенъ сознавать нѣкоторыя простыя обязанности жизни, хотя не въ состояніи выносить серьёзныхъ нравственныхъ усилій. Во многихъ случаяхъ не можетъ, конечно, быть и рѣчи о какомъ бы то ни было наказаніи, а во всѣхъ случаяхъ вообще было бы, кажется, справедливымъ признать видоизмѣненную отвѣтственность, степень которой тамъ, гдѣ она существуетъ, должна опредѣляться обстоятельствами каждаго случая.

Нѣтъ сомнѣнія, что нравственное помѣшательство есть душевное разстройство, обусловленное болѣзнью мозга. При разборѣ условій его происхожденія, мы уже видѣли, до какой степени ясно оно слѣдуетъ за признанными причинами помѣшательства; какъ иногда предшествуетъ проявленію различныхъ формъ несомнѣннаго общаго умственнаго разстройства; какъ сопровождается умственное разстройство въ большей части его формъ; какъ слѣдуетъ за другими формами общаго помѣшательства; какъ предшествуетъ падучей болѣзни или слѣдуетъ за ней, или, наконецъ, проявляется въ формѣ маскированной эпилепсіи; какъ можетъ обнаружиться въ періодъ возмужалости, при врожденной нравственной тупости, и какъ, наконецъ, можетъ перейти въ безуміе. Все это факты, подтверждаемые наблюденіемъ. Взвѣшивая всѣ эти данныя, и придавая имъ то значеніе, которое они дѣйствительно

имѣютъ, возможно ли сомнѣваться, что нравственное помѣшательство есть болѣзненная форма столь же несомнѣнная, какъ всѣ другія формы душевныхъ болѣзней? Если законъ не можетъ сообразовать мѣры наказанія съ дѣйствительной степенью отвѣтственности и, въ своей заботѣ о благѣ общества, не даетъ себѣ труда думать о благѣ отдѣльныхъ личностей, то это не можетъ служить намъ основаніемъ закрывать глаза передъ фактами. На насъ лежитъ обязанность напомнить объ этихъ фактахъ—въ твердомъ убѣжденіи, что придетъ время, когда люди съумѣютъ воспользоваться ими.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Слѣдующія выдержки изъ письма одной дамы, находившейся въ состояніи глубокаго мрачнаго угнетенія, представляютъ живую картину того, какимъ образомъ идея о самоубійствѣ можетъ овладѣть умомъ, приводить человѣка въ отчаяніе и, по странному противорѣчію, перѣдкому, впрочемъ, въ душевныхъ болѣзняхъ, соединяться съ убѣжденіемъ, что за смертью послѣдуютъ непосредственно вѣчныя муки ада:

„Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы знали, какую роль играетъ состояніе моей души въ мысляхъ о самоубійствѣ и вообще во всѣхъ моихъ страданіяхъ; потому что изъ нашего вчерашняго короткаго разговора вы не могли составить себѣ понятія объ этомъ. Я кончила школьное образованіе на 18-мъ году, а теперь мнѣ тридцать-одинъ. Не помню, чтобы до выхода изъ школы мнѣ когда нибудь приходила въ голову мысль убить себя или кого-нибудь другого; но припоминаю теперь, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ меня время отъ времени тревожила эта мысль. Давно какъ-то я слышала, что двое изъ дядей моей

матери были самоубійцами, и это заставило меня бояться наслѣдственнаго помѣшательства. Но вернемся къ состоянію моей души. Мнѣ кажется, вы думаете, что мой мозгъ причиной всѣхъ моихъ страданій. Никогда не повѣрю. Это что-то такое, противъ чего безсильны всѣ лѣкарства; въ этомъ я убѣждена. Каждый день, съ утра до ночи, передъ моими глазами стоитъ моя прошлая жизнь со всѣми наслажденіями, которыми я пользовалась, и со всѣми моими грѣхами. Я вижу свой характеръ въ мельчайшихъ подробностяхъ. Меня мучатъ отчаянныя угрызенія совѣсти, вслѣдствіе сознанія, что до сихъ поръ я жила безъ Бога въ сердцѣ, хотя съ внѣшней стороны и могла во многихъ отношеніяхъ служить примѣромъ. Мнѣ приходятъ въ голову такія мысли относительно времени и вѣчности, неба и ада, души и тѣла и сравнительной важности вещей матеріальныхъ и духовныхъ, которыя, кажется, недоступны человѣку, не приблизившемуся къ вѣчности. Я нахожусь подъ вліяніемъ невыразимой пытки *сознанія*, что моя жизнь кончена для всякой возможности спасенія. Можете ли вы — нѣтъ, вы не можете — представить себѣ отчаяніе дѣвушки, у которой любящіе родители, братья и сестры — все христіане, идущіе въ рай, — роскошный домъ, вся внѣшняя обстановка, обезпечивающая, повидимому, счастье, и которая при этомъ такъ ясно видитъ, что ей не остается ничего, кромѣ ада, что она едва выноситъ свою жизнь отъ одного дня къ другому. Вы говорите, что моя болѣзнь опасна, но не безнадежна. Я *знаю*, что она безнадежна. Я *знаю*, что червь, который не умираетъ, и огонь, который не гаснетъ, пожираетъ меня. Жгучія воспоминанія терзаютъ меня всякій день; и я спрашиваю васъ, чего можно ожидать для мозга, когда душа находится въ такомъ безнадежномъ состояніи". Въ другомъ письмѣ, написанномъ около шести недѣль спустя въ томъ же духѣ, она говоритъ: „я не могу вѣрить и не вѣрю (о, какъ бы я желала вѣрить!), что въ состояніи *моего тѣла* можно найти достаточное объясненіе для мучительнаго состоянія моего сердца и души. Но мнѣ это кажется совершенно невѣроятнымъ. Меня поражаетъ еще одна вещь: на меня не про-

изводили особеннаго впечатлѣнія разсказы объ убійствахъ или самоубійствахъ; я не испытала никакого внезапнаго потрясенія, я даже чувствовала себя хуже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и между тѣмъ, безъ всякаго повода, эта мысль пришла мнѣ въ голову, повторялась часъ отъ часа въ теченіе какихъ-нибудь трехъ или четырехъ недѣль, и затѣмъ, при моемъ возвращеніи домой въ іюлѣ, она совершенно *овладѣла* мной, такъ что я не могла позабыть ее *ни на одну минуту*, когда я не спала. Гдѣ бы я ни была, чтобы я ни дѣлала, положительно я не могла, какъ я ни старалась, отогнать ее. У меня не было ни малѣйшаго желанія, ни малѣйшаго повода желать смерти. Зачѣмъ мнѣ было убивать себя? Но вскорѣ на меня нашло религіозное отчаяніе и около половины августа я убѣдилась, что погибла окончательно безъ всякой надежды на прощеніе... Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ вы вполнѣ поняли мое состояніе. Сначала я каждую минуту думала о самоубійствѣ, не имѣя никакого повода желать смерти; *теперь*, и уже довольно давно, тотъ адъ, въ которомъ живетъ моя душа, приводитъ меня въ такое отчаяніе, что мнѣ кажется, я не могу больше существовать физически: — *не какой-нибудь особый мотивъ*, а только убѣжденіе въ вѣчной гибели побуждаетъ меня къ этому поступку..... Мою прошлую жизнь и то, чѣмъ должна была она быть во всѣхъ отношеніяхъ, я вижу теперь съ отчаяніемъ человѣка, который знаетъ, что испытаніе кончилось, и что ему не остается ничего, кромѣ смерти и ада. Только у меня не останется даже утѣшенія—физической болѣзни и естественной смерти. Я должна буду сама покончить съ собой, вслѣдствіе этой пытки сердца и души,—умереть не прощенной, погибшей.... Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что все это можетъ происходить отъ слабости нервовъ? Нѣтъ, *это не такъ*. Я твердо убѣждена, что никогда не вернусь больше домой, къ своимъ. Мнѣ не суждено такого счастья. Богъ не захочетъ избавить меня, такимъ образомъ, изъ глубины ада, потому что, въ самомъ дѣлѣ, я могу назвать мое состояніе адомъ. Когда-нибудь вы и мои друзья узнаете, быть можетъ, что я была страшно правдивой пророчицей". Въ нѣ-

которыхъ выраженіяхъ этого письма уже замѣтны признаки лучшаго душевнаго состоянія. Въ слѣдующемъ письмѣ, полученномъ черезъ двѣ недѣли, выздоровленіе еще гораздо яснѣе. „Мнѣ бы хотѣлось первой имѣть удовольствіе сообщить вамъ о положительномъ улучшеніи моего здоровья, но миссисъ предупредила меня. Я боялась даже вѣрить этому сначала, чтобъ воображаемое улучшеніе не оказалось обманомъ. По счастью, этого не случилось. Какая разница во мнѣ сравнительно съ тѣмъ, чтó я была недѣлю тому назадъ... Но все-таки мои мысли склонны принимать привычное направленіе. Мысль о самоубійствѣ все еще не оставляетъ меня, хотя я не имѣю уже никакого желанія привести ее въ исполненіе. Думаете ли вы, что придетъ когда-нибудь такое время, когда я въ теченіе цѣлаго дня буду въ состояніи не думать объ этомъ? Не могу себѣ еще представить такого счастья. Я чувствую теперь блаженство человѣка, вернувшагося съ краевъ могилы къ жизни, къ роднымъ и друзьямъ. Въ самомъ дѣлѣ, я была въ палатѣ ужасовъ! Какое счастье будетъ думать поменьше о себѣ!“ Нѣкоторое время спустя она совершенно выздоровѣла.

ГЛАВА VI.

ЧАСТНОЕ ПОМѢШАТЕЛЬСТВО.

II. Частное умственное (или мыслительное) помѣшательство.

Простое мрачное угнетеніе, предшествующее умственному разстройству; внезапное влеченіе къ убійству или самоубійству: случай сестры Чарльса Ламба. — Мрачное помѣшательство съ ипохондрическими галлюцинаціями и бредомъ: убійство. — Бредъ подозрѣнія или преслѣдованія и влеченіе къ убійству: случай д-ра Паунеля.—Укрывательство ложныхъ идей помѣшанными.— Физическіе симптомы, предшествующіе проявленію помѣшательства съ наклонностью къ убійству; характеристическія черты приступа. — Опасный характеръ помѣшательства, сопровождаемаго идеями бреда о преслѣдованіи. — Можно ли признать отвѣтственнымъ помѣшаннаго, убивающаго изъ мести?—Несостоятельность аргументовъ противъ бреда: ограниченный бредъ указываетъ на болѣе глубокое душевное разстройство; примѣры.— Преднамѣренность въ планѣ и изобрѣтательность въ совершеніи убійства вполнѣ совмѣстимы съ помѣшательствомъ; примѣры. — Опасность повтореній приступовъ помѣшательства съ наклонностью къ убійству; примѣры.—Поведеніе помѣшанныхъ послѣ совершеннаго убійства.—Помѣшательство съ наклонностью къ убійству, при которомъ, во-первыхъ, самое дѣйствіе есть прямое послѣдствіе бреда, и, во-вторыхъ, при которомъ вліяніе бреда не можетъ быть открыто.—Метафизическій критерій от-

вѣтственности Гофбауэра. — Медицинская теорія, по которой частное помѣшательство исключаетъ мысль о преступности, все равно было ли дѣйствіе результатомъ бреда или нѣтъ; основанія этой теоріи. — Разборъ юридической и медицинской точки зрѣнія по отношенію къ вліянію болѣзненнаго представленія на душевныя способности; примѣры, показывающіе невозможность изученія этого процесса. — Патологическое значеніе нелѣпыхъ идей, даже самыхъ ограниченныхъ. — Задача изученія помѣшательства съ наклонностью къ убійству состоитъ въ томъ, чтобъ прослѣдить связь не между бредомъ и поступкомъ, но между болѣзнью и поступкомъ.

Допуская существованіе простого импульсивнаго помѣшательства, необходимо однако признать, что въ большинствѣ случаевъ можно, при внимательномъ изученіи, открыть симптомы разстройства, сопровождающіе болѣзненный импульсъ, появляющіеся до него или одновременно съ нимъ — такіе симптомы, какъ, напримѣръ, угнетенное состояніе духа, болѣзненная подозрительность или ложныя убѣжденія. Оказывается, что многія изъ самоубійствъ и убійствъ совершаются такими помѣшанными, которые страдали начинающимся мрачнымъ помѣшательствомъ, прежде чѣмъ болѣзнь развилась до степени явнаго умственнаго разстройства. Такіе больные часто подавлены страхомъ или тоской, впадаютъ въ уныніе, теряютъ сонъ и тяготятся своей постылой жизнью, но вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣютъ никакихъ ложныхъ идей, — такъ что друзья, а иногда и врачи, не считаютъ ихъ такими больными, за которыми былъ бы нуженъ присмотръ.

Къ этой формѣ, принадлежало, повидимому, помѣшательство Мери Ламбъ, сестры Чарльса Ламба. За

нѣсколько дней передъ приступомъ, нервы ея были сильно разстроены вслѣдствіе усталости отъ шитья днемъ, и ухода за больной матерью по ночамъ. „Она чувствовала себя нездоровой и разстроенной“, говоритъ біографъ ея брата, „за нѣсколько дней до наступленія кризиса 23 сентября“. Въ этотъ день, какъ разъ передъ обѣдомъ, она схватила ножикъ, лежавшій на столѣ, и бросилась на маленькую дѣвочку, свою ученицу, преслѣдуя ее по комнатѣ. Затѣмъ она начала бросать вилки въ окружающихъ, и, наконецъ, въ припадкѣ неудержимаго бѣшенства, заколола свою мать въ сердце. Братъ былъ, къ счастью, недалеко и успѣлъ выхватить изъ ея рукъ ножикъ, прежде чѣмъ она могла надѣлать еще бóльшихъ бѣдъ. Онъ нашелъ мать мертвой и отца въ крови отъ раны, нанесенной одной изъ вилокъ. Ее отправили въ больницу для помѣшанныхъ, гдѣ она вскорѣ пришла въ себя и вернулась жить къ своему брату. Всю свою жизнь она страдала припадками того же помѣшательства, но, чувствуя приближеніе приступа, отправлялась сама, или просила, чтобъ ее отправили въ больницу.

Наступленію помѣшательства съ наклонностью къ убійству или къ самоубійству предшествуетъ обыкновенно мрачное состояніе духа съ бредомъ или безъ бреда. Мать, у которой нервы разстроены вслѣдствіе душевнаго безпокойства или болѣзни, становится унылой и печальной, воображаетъ, что душа ея погибла, или что ея семьѣ грозитъ нищета, и внезапно, въ припадкѣ отчаянія, убиваетъ своихъ дѣтей, чтобъ спасти ихъ отъ страданій въ жизни или просто потому, что

она такъ несчастна, что не знаетъ, что́ дѣлаетъ. Подъ вліяніемъ такого же угнетенія, или такихъ же ложныхъ убѣжденій мужъ иногда убиваетъ жену. Симптомы, проявляющіеся въ немъ передъ наступленіемъ кризиса, можетъ быть, ограничиваются только сильной тоской ипохондрическаго характера, причудами или полнымъ безучастіемъ ко всему, а можетъ быть и болѣзненнымъ чувствомъ отчаянія по поводу состоянія его здоровья или положенія дѣлъ. Окружающіе не замѣчаютъ ничего, кромѣ того, что „онъ хандритъ", а если они принадлежатъ къ простому классу, то вѣроятно скажутъ, что онъ „задумывается". Вдругъ, при какомъ нибудь незначительномъ поводѣ, его нравственныя страданія увеличиваются до такой отчаянной степени, что онъ впадаетъ въ бѣшенство, теряетъ всякую власть надъ собой и становится опаснымъ для самого себя или для другихъ. Онъ совершенно не знаетъ, что́ дѣлаетъ въ это время и приходитъ въ ужасъ, когда впослѣдствіи узнаетъ, что́ онъ надѣлалъ.

Совершенное такимъ образомъ убійство, которое совершенно справедливо описываютъ какъ *raptus melancholicus*, освобождаетъ больного отъ страшнаго и гнетущаго состоянія; онъ приходитъ въ себя и не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ помѣшательства. Въ такомъ случаѣ ложныя идеи не имѣютъ, очевидно, прямаго отношенія къ поступку; но и ложныя идеи и самое дѣйствіе являются прямымъ послѣдствіемъ помѣшательства; быстро протекающее бѣшенство можно назвать конвульсіями душевныхъ отправленій, обусловленными болѣзненнымъ состояніемъ нервныхъ центровъ

душевной дѣятельности, обнаруживавшемся въ формѣ бреда и мрачнаго угнетенія. Въ другихъ случахъ, впрочемъ, при внимательномъ изслѣдованіи, мы находимъ, что иногда внезапно появляются мнимо-и ложно-ощущенія и бредъ, сопровождающіе совершаемое ими дѣйствіе: нѣкоторые больные говорятъ о страшномъ шумѣ въ ушахъ, красномъ свѣтѣ передъ глазами, какъ будто отъ огня или крови, сѣрномъ запахѣ и другихъ подобныхъ признакахъ разстройства чувствующихъ нервныхъ центровъ.

Приведу одинъ примѣръ для образца этого разряда случаевъ. На Дербійскихъ ассизахъ 16-го декабря 1871 года судился Самуилъ Валлисъ, башмачникъ, обвиненный въ намѣренномъ убійствѣ своей жены, съ которой жилъ всегда въ большой дружбѣ. Онъ ударилъ ее ночью по шеѣ башмачнымъ ножемъ, который держалъ въ комнатѣ для работы и затѣмъ вышелъ изъ дома. Когда его схватили, онъ казался сильно возбужденнымъ и сказалъ: „я былъ въ полѣ и затѣмъ спустился въ копь. Я вышелъ оттуда въ сумеркахъ. Въ копи былъ такой страшный громъ, что я былъ радъ выбраться. Брамптонъ казался мнѣ такимъ темнымъ и чернымъ, и поѣзды мчались взадъ и впередъ“. Между тѣмъ въ этой угольной копи уже давно перестали работать, такъ что шума не могло быть; и, кромѣ того, черезъ Брамптонъ не ходили поѣзды. Во время суда, врачъ, который лечилъ осужденнаго нѣсколько времени тому назадъ, засвидѣтельствовалъ, что онъ страдалъ разстройствомъ пищеваренія и печени, былъ въ угнетенномъ настроеніи духа и находился подъ вліяніемъ не-

лѣпой идеи, что онъ уже никогда не поправится. Для перемѣны воздуха его отправили за городъ; но онъ оставался тамъ всего одинъ день и собирался снова въ путь въ самый день убійства. Свидѣтель высказалъ мнѣніе, что это случай маніи убійства, основывая свое заключеніе на совершенномъ отсутствіи мотивовъ, характерѣ поступка, предшествовавшихъ признакахъ умственнаго разстройства и поведеніи послѣ убійства. Тюремный врачъ далъ подобный же отзывъ; изъ разсказовъ заключеннаго онъ узналъ, что поступокъ былъ совершонъ подъ вліяніемъ внезапнаго импульса; что заключенный не зналъ, что́ дѣлаетъ и былъ пораженъ ужасомъ, когда понялъ, что убилъ свою жену. Судья въ своей рѣчи указалъ на то обстоятельство, что въ прежніе періоды жизни обвиненнаго не было никакихъ признаковъ помѣшательства; что онъ не страдалъ бредомъ и что въ его поступкахъ не замѣчалось никакихъ странностей. Тѣмъ не менѣе не существовало ни малѣйшаго повода къ преступленію, и если присяжные найдутъ, что во время совершенія акта осужденный находился въ состояніи изступленія и не сознавалъ свойства своего поступка, то они должны признать его „невиновнымъ". „Допускать такого рода защиту вообще опасно, но несмотря на это, если присяжные убѣдятся въ ненормальномъ состояніи его умственныхъ способностей, то они должны высказаться въ этомъ смыслѣ". Присяжные нашли его виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія вслѣдствіе слабости умственныхъ способностей. Его приговорили къ смерти, но приговоръ не былъ исполненъ. Еслибъ дѣло его по-

пало въ руки другимъ судьямъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ бы казненъ, подобно многимъ другимъ помѣшаннымъ убійцамъ того же рода. Еслибъ, далѣе, существовалъ какой нибудь поводъ неудовольствія между нимъ и женой, то не подлежитъ сомнѣнію, что несмотря, на свидѣтельство врачей, онъ былъ бы казненъ. Съ другой же стороны, еслибы судья и присяжные сколько нибудь понимали дѣйствительную природу душевныхъ болѣзней, то они, очевидно, не признали бы его виновнымъ; онъ былъ бы освобожденъ отъ всякаго наказанія, какъ помѣшанный.

При разборѣ извѣстныхъ случаевъ помѣшательства съ наклонностью къ убійству, мы находимъ, что въ большей части ихъ существовали ложныя идеи преслѣдованія или подозрительности вмѣстѣ съ меланхолическимъ угнетеніемъ. Больные воображали, что всѣ постоянно оскорбляютъ, унижаютъ, преслѣдуютъ ихъ; хотятъ грабить, отравить, нанести ущербъ ихъ здоровью или собственности; и подъ вліяніемъ такихъ нелѣпыхъ убѣжденій совершали убійство.

Слѣдующій случай весьма поучителенъ. Д-ръ Пауналь, практическій врачъ, былъ принятъ въ частную больницу для помѣшанныхъ въ Нортвудсѣ 2-го апрѣля 1859 г. Директоромъ ея былъ тогда д-ръ Дэви. Въ медицинскомъ свидѣтельствѣ, помѣченномъ тѣмъ же днемъ, говорилось, что „онъ бросился на свою тещу, которую всегда любилъ и уважалъ, съ цѣлью убить ее“. „Въ послѣдніе три мѣсяца онъ рѣзко измѣнился“; „постоянно хандрилъ и тосковалъ и пытался лишить себя жизни“. Это былъ уже третій приступъ помѣшательства; пер-

вый случился на двадцать-второмъ году жизни; второй послѣ свободнаго промежутка въ четырнадцать лѣтъ; и наконецъ третій послѣ промежутка въ четыре съ половиной года. Въ свободный періодъ между приступами онъ занимался съ успѣхомъ медицинской практикой и пользовался уваженіемъ города до такой степени, что былъ выбранъ мэромъ. Объ немъ отзывались вообще какъ объ очень кроткомъ, добромъ и почтенномъ человѣкѣ, прибавляя, что подъ вліяніемъ припадка онъ становился опаснымъ для себя и другихъ. Первые признаки его душевнаго разстройства выражались въ недовѣріи къ ближайшимъ роднымъ и подозрѣніи, что они имѣютъ дурные замыслы относительно его. Затѣмъ возникла ложная идея, что къ его пищѣ примѣшиваютъ ядъ и что всѣ стараются вредить ему; наконецъ онъ сталъ дѣлать попытки самоубійства и убійства. При второмъ приступѣ помѣшательства въ 1854 г. онъ застрѣлилъ своего пріятеля, съ которымъ вышелъ на охоту; и хотя судъ призналъ этотъ поступокъ случайностью, однако нашлись люди, которые толковали его совсѣмъ иначе.

При его поступленіи въ Нортвудсъ д-ръ Дэви, имѣвшій съ нимъ свиданіе, нашелъ его нѣсколько взволнованнымъ, но больше ничего. Онъ разговаривалъ спокойно и съ достоинствомъ джентльмена, и при дальнѣйшемъ теченіи разговора не могъ удержаться отъ слезъ, выражая величайшее огорченіе по поводу своего поступка противъ тещи. Когда его попросили отдать всѣ вещи, которыми онъ могъ нанести вредъ себѣ или другимъ, онъ немедленно вручилъ д-ру Дэви два перо-

чинныхъ ножика. Въ больницѣ онъ держалъ себя крайне разумно и покойно; сопровождалъ д-ра Дэви и его семейство на прогулкахъ, и ѣздилъ верхомъ съ нимъ и его сыномъ. Онъ оставался подъ присмотромъ четыре мѣсяца и во все время не обнаружилъ ни малѣйшаго признака душевнаго разстройства, такъ что 10-го августа его выписали изъ больницы, какъ совершенно здороваго. Принимая однако въ разсчетъ прошлое, его отправили домой въ сопровожденіи врача и оставили при немъ человѣка для присмотра. Двадцать дней послѣ выхода изъ Нортвудса, 30-го августа, онъ убилъ горничную, перерѣзавъ ей горло бритвой; за нѣсколько часовъ до этого убійства въ немъ не было еще замѣтно никакихъ признаковъ душевнаго разстройства. Судъ призналъ его невиновнымъ на основаніи помѣшательства, и онъ былъ отправленъ въ Виѳлеемскую больницу какъ помѣшанный преступникъ. Здѣсь онъ находился подъ присмотромъ д-ра Гуда, который послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ наблюденій пришелъ къ выводу: „несмотря на самое внимательное наблюденіе, я до сихъ поръ не могъ открыть въ немъ никакихъ признаковъ помѣшательства. Такъ какъ его считали частнымъ паціентомъ въ больницѣ, то комитетъ спрашивалъ меня, на какомъ основаніи я его держу, и я не имѣлъ возможности привести какую бы то ни было опредѣленную причину“.

Несчастныя явленія этого случая показываютъ, что д-ръ Пауналь принадлежалъ къ одному изъ двухъ разрядовъ больныхъ. Или онъ страдалъ періодическими приступами возвратнаго помѣшательства, или, что вѣроят-

нѣе, умѣлъ искусно скрывать свои ложныя идеи, когда находилъ это необходимымъ и жилъ при условіяхъ, благопріятныхъ для поддержанія спокойнаго настроенія духа. Какъ бы ни объясняли, вѣрно одно: человѣкъ можетъ представлять всѣ внѣшніе признаки умственнаго здоровья и ввести въ обманъ самаго опытнаго наблюдателя въ то самое время, какъ въ немъ готовится роковой порывъ влеченія къ убійству. Невозможно сомнѣваться въ фактѣ, что больные способны скрывать долгое время и вполнѣ свои ложныя убѣжденія о преслѣдованіи. Примѣры столь успѣшнаго укрывательства заставляютъ предполагать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ признаннаго импульсивнаго помѣшательства съ наклонностью къ убійству бредъ существовалъ, но оставался неузнаннымъ. Если, однако, человѣкъ такъ искусно умѣетъ симулировать здоровье, когда это лежитъ въ его интересахъ, то естественно принять, что онъ обладаетъ достаточной ясностью сознанія и силой воли для отвѣтственности за поступокъ, который преступенъ по его собственному сознанію, и отъ котораго у него есть воля удержаться. Допустимъ, что д-ръ Пауналь дѣйствовалъ, — какъ это и должно было быть на самомъ дѣлѣ, — подъ вліяніемъ нелѣпой идеи, и подозрѣвалъ убитую дѣвушку въ какихъ нибудь злыхъ умыслахъ противъ него; предположимъ даже, что это подозрѣніе было справедливо; не ясно ли, что человѣкъ, до такой степени здравомыслящій въ другихъ отношеніяхъ, долженъ былъ сознавать, что лишить ее жизни было преступленіемъ, за которымъ послѣдуетъ смертная казнь. Зная это, могъ ли онъ устоять противъ желанія убить

ее? Въ этомъ случаѣ лежитъ существенный вопросъ точно такъ же, какъ и въ другихъ случаяхъ помѣшательства съ наклонностью къ убійству.

Мы не будемъ въ состояніи составить себѣ вѣрнаго понятія относительно какого бы то ни было случая этой категоріи, если не признаемъ, что импульсъ къ насильственному дѣйствію въ больномъ умѣ можетъ по временамъ становиться непреодолимымъ. Это необходимо признать вообще; что же касается вопроса, былъ ли порывъ дѣйствительно неудержимымъ въ данномъ случаѣ, то отвѣтъ на него опредѣляется обстоятельствами дѣла. Иногда замѣчаются странныя совпаденія между обостреніемъ помѣшательства и разстройствомъ физическаго здоровья. Передъ приступомъ влеченія къ убійству случается иногда наблюдать измѣненія въ физическомъ и умственномъ состояніи больного: языкъ у него бѣлъ, онъ лихорадитъ, чувствуетъ себя слабымъ, нездоровымъ, впадаетъ въ тоску, дѣлается подозрительнымъ, безпокойнымъ и раздражительнымъ: таковы иногда признаки, возвѣщающіе скорый приступъ. Когда, наконецъ, начинается самый приступъ, то умъ человѣка бываетъ до такой степени поглощенъ болѣзненнымъ и давящимъ чувствомъ, ощущеніемъ такой невыразимой тоски и отчаянія, что насильственный поступокъ является какъ бы выходомъ для этого волненія, взрывомъ неудержимыхъ конвульсій, въ которыхъ разрѣшается его мучит льное душевное состояніе. Въ изступленіи онъ убиваетъ перваго попавшагося человѣка, друга, призрачнаго врага, а можетъ быть и совершенно незнакомаго,—не подъ вліяніемъ гнѣва, или мести, или

вражды какого бы то ни было рода, но просто, чтобы найти выходъ дла страшнаго волненія, овладѣвшаго имъ. Волненіе это, въ высшихъ центрахъ мысли, соотвѣтствуетъ галлюцинаціямъ въ центрахъ органовъ чувствъ; и поступокъ, служащій его выраженіемъ, также неволенъ, какъ крикъ или судорожное мышечное сокращеніе, вызванные острой физической болью. Отсюда необходимо замѣтить четыре характеристическія черты помѣшательства съ наклонностью къ убійству. Во-первыхъ, насильственное дѣйствіе имѣетъ характеръ пароксизма, который наступаетъ тогда только, когда волненіе становится нестерпимымъ; въ свободные же промежутки мысль или влеченіе хотя и не покидаютъ человѣка, но остаются почти пассивными. Во-вторыхъ, послѣ совершенія поступка паціентъ чувствуетъ значительное облегченіе; онъ какъ будто освобождается отъ страшнаго безпокойства, которое давило его, и больной можетъ дать себѣ во всемъ отчетъ. Въ-третьихъ, паціенты нападаютъ всего чаще на родныхъ или же на людей знакомыхъ и незнакомыхъ, которые находятся подъ рукой въ минуту пароксизма. Наконецъ, въ-четвертыхъ, поразительно то равнодушіе, съ которымъ они относятся къ своему поступку, совершонному *въ изступленномъ* состояніи,—поступку, который также мало *ихъ* поступокъ, какъ и какое нибудь судорожное движеніе. Трудно, конечно, проникнуть въ глубину больнаго ума и совершенно невозможно для здороваго ума представить себѣ ясно, что̀ тамъ происходитъ; но насколько доступно душевное настроеніе помѣшаннаго убійцы, оно, съ психологической точки зрѣнія, должно быть

таково, какъ мы описали. Совершенно несправедливо, чтобы онъ могъ всегда удержаться отъ поступка, который признаетъ теоретически дурнымъ. Даже страхъ смерти не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на волю во время пароксизма мучительнаго волненія, омрачающаго разсудокъ. И не только боязнь смерти, но и болѣе ужасное представленіе — представленіе объ адѣ и его ужасахъ, не оказываетъ никакого дѣйствія на религіозный умъ и не въ силахъ удержать человѣка отъ самоубійства при такихъ обстоятельствахъ. Страдалецъ есть жертва своей болѣзни и предметъ для медицинскаго ухода, а не преступникъ и предметъ для законнаго возмездія.

Иногда случается, что первымъ проявленіемъ душевнаго разстройства въ человѣкѣ, одержимомъ идеями бреда о преслѣдованіи, есть насильственный поступокъ, который приписываютъ нерѣдко опьянѣнію. Больной иногда долгое время такъ тщательно скрываетъ свои нелѣпыя идеи, что онѣ остаются неузнанными, несмотря на всѣ усилія доискаться ихъ, если онъ видитъ какую нибудь опасность для себя въ откровенномъ признаніи. Одинъ изъ моихъ больныхъ, который втеченіе довольно долгаго времени воображалъ, что люди на улицахъ, въ гостинницахъ и вездѣ говорятъ о немъ дурно, обвиняютъ его въ преступленіяхъ, которыхъ онъ никогда не совершалъ, и вообще преслѣдуютъ его, былъ отправленъ въ домъ помѣшанныхъ послѣ припадка бѣшенства, сдѣлавшагося съ нимъ ночью, причемъ онъ выбилъ стекла въ окнахъ и бросился на свою мать. Еще до этой сцены онъ тщательно избѣгалъ вся-

каго разговора о своихъ ложныхъ идеяхъ; когда же онъ увидѣлъ, до какой бѣды онѣ его довели, то отъ него уже невозможно было выманить ни малѣйшаго признанія. Пробывъ нѣсколько времени въ домѣ помѣшенныхъ, онъ былъ выпущенъ. Два года спустя, онъ пришелъ ко мнѣ совѣтоваться по поводу преслѣдованій и мученій, которымъ его подвергали днемъ и ночью его враги; они, по его мнѣнію, пускали въ ходъ электическія силы и месмерическіе фокусы, вслѣдствіе чего онъ чувствовалъ подергиваніе во всей мышечной системѣ. При этомъ-то случаѣ онъ и сознался мнѣ, что скрывалъ свои убѣжденія въ больницѣ и отказывался отъ нихъ, хотя они не переставали его тревожить; онъ полагалъ, что больничное начальство не выпуститъ его, если онъ сознается.

Давать совѣты въ этихъ случаяхъ крайне затруднительно. Съ одной стороны, человѣкъ, страдающій такого рода представленіями, можетъ жить долгіе годы, не дѣлая никому вреда, и потому лишать его свободы кажется жестокимъ и излишнимъ; съ другой же стороны, онъ всякую минуту можетъ впасть въ изступленіе. Больные этого разряда всегда опасны; но всего опаснѣе тѣ, у которыхъ ложныя убѣжденія о преслѣдованіи сопровождаются ипохондрическимъ настроеніемъ духа, и угнетеніемъ съ ненормальными ощущеніями въ желудкѣ, печени или другихъ органахъ;—въ особенности когда они,—что́ иногда случается—слышатъ странные голоса въ желудкѣ или груди. Подъ вліяніемъ мысли, что виной ихъ физическихъ страданій—люди, которые желаютъ ихъ извести, и повинуясь воображаемымъ голо-

самъ, больные эти склонны мстить своимъ мнимымъ мучителямъ. Иногда они обращаются къ полицейскимъ властямъ или къ высокопоставленнымъ лицамъ и, не получая удовлетворенія, воображаютъ, что и эти личности замѣшаны въ заговорѣ противъ нихъ или во всякомъ случаѣ подкуплены не вмѣшиваться въ дѣло; тогда они убѣждаются, что справедливости найти нельзя нигдѣ, приходятъ въ отчаяніе и видятъ единственное средство къ спасенію въ неотъемлемомъ и присущемъ всякому человѣку правѣ защищать свою жизнь во что бы то ни стало. Случается также, что они совершаютъ какое нибудь насильственное дѣйствіе, съ цѣлью обратить вниманіе властей на свое дѣло; имѣть случай заявить публично передъ судомъ о всемъ, что́ имъ пришлось терпѣть; раскрыть истину и посрамить своихъ враговъ.

Когда помѣшанный убиваетъ другаго, который, по его мнѣнію, нанесъ ущербъ его здоровью, собственности или доброму имени его, и когда поступокъ этотъ внушенъ очевидно местью, то что́ сказать объ его отвѣтственности? Англійскіе законы, какъ мы уже знаемъ, признаютъ его подлежащимъ тому же самому наказанію, которому онъ бы подвергся, будучи умственно здоровымъ. Болѣзнь, по ихъ мнѣнію, не дѣлаетъ разницы въ его виновности; поступокъ остается *его* поступкомъ, несмотря на *душевное разстройство*. Далѣе, ходячее мнѣніе, что дѣйствительный помѣшанный поступаетъ безъ всякихъ мотивовъ или, во всякомъ случаѣ, не на основаніи тѣхъ же побужденій, какъ здоровый, приводитъ къ ложному заключенію, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ поступкомъ ру-

ководитъ мщеніе, преступникъ не можетъ быть дѣйствительнымъ помѣшаннымъ, или же не поступаетъ такъ, какъ помѣшанный. Въ дѣйствительности же человѣкъ, который сходитъ съ ума, не слагаетъ съ себя человѣческихъ страстей и не перестаетъ руководиться обыкновенными побужденіями; и съ другой стороны, когда онъ поступаетъ на основаніи какого нибудь изъ этихъ побужденій, онъ чрезъ то самое тоже не слагаетъ съ себя сумасшествія. Когда онъ убиваетъ кого-либо изъ мести за воображаемыя обиды, онъ все же помѣшанный, хотя и мститъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что обитатели домовъ для помѣшанныхъ совершаютъ насильственные поступки всѣхъ родовъ и степеней, подъ вліяніемъ обыкновенныхъ дурныхъ страстей человѣческой природы. Вопросъ, стало быть, сводится къ тому, справедливо ли считать помѣшаннаго, убивающаго изъ мести, отвѣтственнымъ наравнѣ съ здоровымъ человѣкомъ, который совершаетъ подобное же преступленіе на основаніи подобнаго же мотива.

Отвѣчать утвердительно, безъ всякихъ оговорокъ, было бы слишкомъ смѣлымъ и даже не совсѣмъ обдуманнымъ; вспомнимъ, что помѣшательство есть признакъ и доказательство потери силы воли вслѣдствіе болѣзни; и что конечный результатъ развитія этой болѣзни есть совершенное уничтоженіе воли. Страстный порывъ, который можетъ быть сдержанъ здоровымъ умомъ, превращается въ умѣ разстроенномъ во всепоглощающую нелѣпую идею. У помѣшаннаго является, напр., нелѣпая идея, что его сосѣдъ постоянно преслѣдуетъ его какимъ нибудь совершенно невозможнымъ

образомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ знаетъ, что убійство противно законамъ божескимъ и человѣческимъ; и вотъ онъ долгое время сдерживаетъ гнѣвное влеченіе отмстить. Можетъ быть, онъ, сначала пробуетъ еще обратиться къ властямъ съ жалобой на своихъ гонителей и ищетъ у нихъ правосудія; но наконецъ, вслѣдствіе ли дальнѣйшаго физическаго разстройства, обусловливающаго бо́льшую живость бреда и ослабленную дѣятельность воли, или вслѣдствіе какого нибудь особеннаго и случайнаго повода, имъ овладѣваетъ отчаяніе, страсть затемняетъ разсудокъ, ломаетъ преграды слабой воли,—онъ мститъ. Сказать про такого человѣка, что онъ вовсе лишенъ власти надъ собой, или сказать, что онъ можетъ владѣть собой наравнѣ съ здоровымъ человѣкомъ, было бы одинаково невѣрно. Для полной справедливости мы должны допустить извѣстную мѣру отвѣтственности въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хотя и не полную мѣру здоровой отвѣтственности для всѣхъ случаевъ вообще. Необходимо по крайней мѣрѣ признать особую отвѣтственность для помѣшанныхъ, какая признается въ больницахъ; здѣсь на нихъ стараются дѣйствовать обыкновенными мотивами, но не наказываютъ ихъ, какъ вполнѣ отвѣтственныхъ людей, когда мотивы эти оказываются безуспѣшными для предупрежденія ихъ насильственныхъ дѣйствій. Очевидно, нѣтъ возможности измѣрить, даже съ приблизительною точностью, силу болѣзненнаго импульса и степень сопротивленія, которое способна оказать воля; легко можетъ быть, что нѣкоторые поддались искушенію, несмотря на убѣжденіе, что должны были не поддаваться ему,

и потому до нѣкоторой степени виновны; но болѣзнь, отъ которой они страдаютъ, уже сама по себѣ такое громадное несчастье, что казнить ихъ смертью было бы, конечно, «крайне безчеловѣчнымъ отношеніемъ къ слабостямъ человѣческой природы». Никакая сила воли не въ состояніи удержать развитіе болѣзни; и нужно въ самомъ дѣлѣ назвать странной ироніей это требованіе власти надъ собой въ болѣзни, характеристическая черта которой состоитъ именно въ уменьшеніи силы воли и въ увеличеніи силы страстей — въ ослабленіи способности контроля надъ тѣмъ, чѣмъ всего труднѣе управлять. Кажется вполнѣ достаточно обезпечить общество противъ повторенія такихъ преступленій, осудивъ преступника на пожизненное заключеніе.

Не забудемъ, кромѣ того, что мщеніе помѣшаннаго за воображаемую обиду, есть порывъ страсти, вытекающей изъ самой болѣзни; что это прямой, тогда какъ самый поступокъ есть косвенный, продуктъ нелѣпаго убѣжденія, и что отъ больного требуютъ власти надъ порывомъ, порожденнымъ болѣзненными представленіями, надъ которыми онъ совершенно не властенъ. Невозможно дѣлить, такимъ образомъ личность, на двѣ отдѣльныя части, изъ которыхъ одна подчинена болѣзненной идеѣ и не отвѣтственна, тогда какъ другая сохраняетъ власть надъ собой и остается отвѣтственной. Теорія подобнаго дробленія всего страннѣе, когда она прилагается къ волѣ и нравственной свободѣ — къ тому, что составляетъ нераздѣльную сущность человѣческой личности. Пусть всякій, кто не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, попробуетъ разсуждать съ помѣшаннымъ, одержимымъ

бредомъ преслѣдованія, т.-е. съ больнымъ, который воображаетъ, что за нимъ слѣдятъ, оскорбляютъ его на улицахъ, гоняются за нимъ съ злыми намѣреніями, доносятъ на него, и который, за исключеніемъ этого бреда, кажется столь же разумнымъ, какъ и всѣ прочіе люди. Пусть онъ попробуетъ обстоятельно разсуждать съ такимъ больнымъ и убѣдить его въ несправедливости его фантазій; потребуетъ, напр., отъ него доказательствъ этихъ преслѣдованій, выслушаетъ ихъ серьёзно и затѣмъ докажетъ несостоятельность; станетъ говорить ему, до какой степени странно предполагать, чтобы люди, безъ всякаго повода, стали преслѣдовать его такъ настойчиво, неимѣя никакихъ шансовъ что либо отъ этого выиграть; наконецъ пусть увѣряетъ его, что никто, кромѣ его самого, не видитъ признаковъ такой злонамѣренности и считаетъ ее невозможной; словомъ, пусть онъ исчерпаетъ всѣ возможные доводы для того, чтобы разрушить нелѣпыя идеи больного; — онъ, конечно, уйдетъ отъ него съ печалью въ сердцѣ, но съ болѣе вѣрнымъ пониманіемъ степени умственнаго разстройства, проявляющагося въ ограниченномъ бредѣ.

Не такъ давно я испробовалъ всѣ эти средства надъ однимъ чрезвычайно умнымъ и крайне образованнымъ джентльменомъ, который воображалъ, что противъ него составленъ заговоръ, и что куда бы онъ ни отправился во время своихъ путешествій по Европѣ, за нимъ слѣдили тайные агенты его враговъ. Онъ признавалъ справедливость моихъ доводовъ, допускалъ, что все замѣченное имъ въ поступкахъ подозрѣваемыхъ личностей могло быть ложно истолковано; находилъ,

что поступки эти одинаково совмѣстимы съ двумя теоріями: — теоріей ихъ невиновности и теоріей ихъ виновности. Соглашался, что первая была разумной и вѣроятной, вторая неразумной и невѣроятной до крайности; сознавался даже, что ему иногда самому приходило въ голову, что онъ сошелъ съ ума и что онъ счелъ бы сумасшедшимъ всякаго, который бы думалъ такъ, какъ онъ; и, — едва ли нужно прибавлять, — продолжалъ идти своей дорогой, не измѣняя ни на волосъ убѣжденію въ своихъ нелѣпыхъ идеяхъ. Белларже приводитъ одинъ случай, тоже крайне поучительный. Когда Трела былъ сдѣланъ временнымъ директоромъ Бисcетра, на его попеченіи находился больной, который воображалъ, что рѣшилъ задачу непрерывнаго движенія. Истощивъ по напрасну всѣ доводы, которые онъ могъ придумать, чтобы разрушить эти нелѣпыя фантазіи, ему пришло въ голову, что, быть можетъ, авторитетъ Араго будетъ имѣть благотворное вліяніе для убѣжденія паціента. Араго, потребовавъ сначала увѣренія, что помѣшательство не прилипчиво, согласился. Больнаго привезли въ его кабинетъ, гдѣ случайно находился и Александръ Гумбольдтъ. Когда бѣдный сумасшедшій услышалъ отъ Араго положительное опроверженіе своей идеи, онъ сначала впалъ въ какое то оцѣпененіе, потомъ залился слезами и началъ жалѣть о потерѣ любимой мечты. Казалось, цѣль была достигнута. Но не успѣлъ Трела и его паціентъ сдѣлать двадцати шаговъ отъ дому, какъ послѣдній повернулся къ нему и сказалъ: «нѣтъ, Араго ошибается; я все таки правъ». Представленіе о вѣчномъ проклятіи не рѣдко присое-

диняется къ меланхолическому угнетенію; въ этихъ случаяхъ друзья человѣка, одержимаго такой мучительной мыслью, напрасно обращаются иногда къ убѣжденіямъ и авторитету священника; разъ для одного изъ моихъ паціентовъ призывали даже на помощь всѣми уважаемаго епископа;—напрасно, никакіе доводы не въ силахъ разубѣдить больнаго:

You may as well
Forbid the sea for to obey the moon,
As or by oath remove or counsel shake
The fabric of his folly *).

Уже тотъ фактъ, что нелѣпое убѣжденіе упорно держится въ умѣ, доказываетъ достаточно ясно, что человѣкъ неспособенъ разсуждать здраво. Онъ разсуждаетъ безумно, чувствуетъ безумно и, рано или поздно, будетъ поступать безумно. Основы его идей не въ разумѣ, но въ болѣзни; и онѣ держатся упорно, какъ ракъ или другая болѣзненная опухоль держится въ тѣлѣ, усвоивая себѣ его соки и питаясь на счетъ пищи, которая могла бы идти на поддержку здоровой дѣятельности и сдѣлала бы существованіе патологическаго образованія невозможнымъ. Ракъ не логиченъ съ физіологической точки зрѣнія; тѣмъ не менѣе онъ существуетъ и убиваетъ наконецъ больнаго, будучи вполнѣ логичнымъ, какъ патологическое явленіе. Точно также и бредъ больнаго, непонятный психологически, находитъ себѣ объясненіе въ неумолимой логикѣ патологіи и

*) Такъ же мало можно запретить морю повиноваться лунѣ, какъ разрушить клятвами или потрясти доводами зданіе его безумія.

продолжаетъ существовать, обращая въ свою пользу разсуждающій матеріалъ, который бы сдѣлалъ существованіе бреда невозможнымъ. Въ случаѣ бреда, какъ и въ случаѣ рака, мы должны изучать патологическія явленія и отъискивать ихъ законы; физіологія немного поможетъ намъ въ одномъ случаѣ, а психологія въ другомъ; — мы должны идти путемъ индуктивнаго изслѣдованія. Считать помѣшаннаго отвѣтственнымъ за его чувства и поступки столь же несправедливо, какъ и считать его отвѣтственнымъ за упорное убѣжденіе въ своихъ ложныхъ идеяхъ, на перекоръ всѣмъ доводамъ, приводимымъ противъ нихъ.

Прежде чѣмъ мы оставимъ эти случаи помѣшательства съ наклонностью къ убійству, сопровожаемые идеями бреда, подозрѣнія и преслѣдованія, замѣтимъ, что иногда существуетъ явное доказательство преднамѣренности въ составленіи плана и изобрѣтательности въ выполненіи его. Вполнѣ совмѣстимо съ помѣшательствомъ, что человѣкъ, понимающій разницу между добромъ и зломъ въ отвлеченномъ смыслѣ, сознающій даже, что онъ поступаетъ дурно въ отдѣльномъ случаѣ, несмотря на это, изобрѣтаетъ средства къ убійству, совершаетъ его обдуманно и, наконецъ, старается избѣжать послѣдствій своего поступка. Это фактъ, который не легко допустятъ люди, измѣряющіе процессы больнаго ума процессами здороваго; люди, по мнѣнію которыхъ тотъ, кто обнаруживаетъ такъ много разсудка и самообладанія при совершеніи преступленія, можетъ обратить этотъ разсудокъ и самообладаніе для того, чтобы противостоять искушенію. Несмотря на

это, это фактъ, несомнѣнно подтверждаемый опытомъ; фактъ, который ни одинъ человѣкъ, практически знакомый съ душевными болѣзнями, не станетъ отрицать; и который ни одинъ человѣкъ, изучавшій научнымъ образомъ патологію души, не найдетъ не логичнымъ. Поразительный примѣръ холодной и смѣлой хитрости вмѣстѣ съ сознаніемъ отвѣтственности, у помѣшаннаго приведенъ американскими писателями Уортеномъ и Стиллэ, — писателями, которые весьма далеки отъ излишней снисходительности при опредѣленіи отвѣтственности помѣшанныхъ:

„Человѣкъ, по имени Джонъ Бильманъ, отправленный въ восточный смирительный домъ въ Пенсильваніи за конокрадство, убилъ сторожа съ ужаснымъ звѣрствомъ и притомъ такъ хитро, что умѣлъ отклонить всякое подозрѣніе и почти скрыть свое бѣгство. Онъ новѣсилъ петлю съ наружной стороны окошечка, находящагося въ дверяхъ келій заключенныхъ, для надзора за ними, и уговорилъ сторожа просунуть чрезъ него голову, для того, чтобы посмотрѣть на какую-то вещь, лежавшую у самаго порога; затѣмъ онъ затянулъ петлю и безъ какой либо случайности удушилъ бы сторожа. Не смотря на это покушеніе, того же сторожа, нѣсколько дней спустя, назначили ночевать въ кельѣ Бильмана, который притворился больнымъ. Ночью Бильманъ убилъ его ударомъ по головѣ кускомъ фальшъборта, затѣмъ раздѣлъ его, перемѣнился съ нимъ одеждою, положилъ его на свою постель такимъ образомъ, что всякій могъ ошибиться, прошелъ въ одеждѣ сторожа по корридору съ совершенно спокойнымъ видомъ,

сдѣлалъ мимоходомъ нѣсколько вопросовъ привратнику и вышелъ безъ всякаго шуму на улицу, на которую открывались ворота. Онъ былъ однако вскорѣ пойманъ; но помѣшательство его было до такой степени явно, что судъ, послѣ внимательнаго медицинскаго свидѣтельствованія, убѣдился въ его невмѣняемости и единогласно произнесъ оправдательный приговоръ, на основаніи умственнаго разстройства. Онъ былъ снова отправленъ въ Пенсильванію и нѣсколько времени спустя, въ минуту откровенности, разсказалъ, что много лѣтъ тому назадъ убилъ своего отца, и сообщилъ всѣ мельчайшія подробности преступленія. Были наведены справки и оказалось, что онъ говорилъ совершенную правду. Отца его нашли тогда задушеннымъ въ кровати и сына арестовали по подозрѣнію въ убійствѣ. Но преступленіе было совершено съ такой хитростью, что онъ былъ оправданъ, благодаря *alibi*, подготовленнаго тѣмъ, что ночью же онъ проскакалъ большое разстояніе для мнимаго ночлега въ комнатѣ, въ которую онъ влѣзъ черезъ окно. Въ этомъ случаѣ мы не только видимъ сознаніе вины, но и ясное пониманіе послѣдствій открытія и цѣлую массу доказательствъ преднамѣренности и обдуманности въ исполненіи".

Случай этотъ служитъ далѣе подтвержденіемъ печальной истины, въ которой приходится такъ часто убѣждаться при помѣшательствѣ съ наклонностью къ убійству; именно онъ доказываетъ крайнюю опасность повторенія приступовъ. Едва ли можно сказать про человѣка, страдавшаго однажды этого рода помѣшательствомъ, что онъ выздоровѣлъ вполнѣ, до того внезапны

и неожиданны или конвульсивны бываютъ повторенія пароксизма. Пинель приводитъ случай одного больнаго въ Бисетрѣ, который, 16 лѣтъ послѣ убійства своихъ дѣтей, умертвилъ двухъ товарищей по больницѣ. Эскироль разсказываетъ про одного адвоката, мрачнаго и молчаливаго характера, который былъ отданъ подъ его попеченіе вслѣдствіе приступа помѣшательства, съ попытками выброситься изъ окна. Во время болѣзни онъ обвинялъ жену въ невѣрности, считалъ себя погибшимъ, пытался лишить себя жизни и одно время отказывался отъ пищи, боясь отравы. Послѣ трехъ мѣсяцевъ онъ казался выздоравливающимъ, и жена пожелала взять его домой. По дорогѣ онъ былъ очень ласковъ съ ней и разговаривалъ разумно, но затѣялъ ссору съ пассажиромъ, сидѣвшимъ противъ нея, котораго онъ вздумалъ ревновать. На другой день послѣ пріѣзда онъ схватилъ за волосы, какъ будто играя, мальчика лѣтъ 12-ти, брата своей жены, подвелъ его къ столу и затѣмъ выпустилъ, сказавъ: „не стоитъ". На третій день онъ вмѣстѣ съ женой пошелъ въ погребъ посмотрѣть все ли въ порядкѣ; нѣсколько минутъ спустя пошла за ними его невѣстка, 20 лѣтъ. Такъ какъ никто не возвращался, то одна изъ служанокъ спустилась внизъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается, и нашла обѣихъ женщинъ мертвыми и плавающими въ крови, а его самого притаившагося за бочкою въ углу. Возлѣ него лежала бритва. Его отправили въ Шарантонъ. Одинъ разъ онъ сказалъ на вопросы, что погребъ былъ ярко освѣщенъ и что обѣ женщины были дьяволами, пришедшими за его душой; въ другой разъ объявилъ,

что самъ не зналъ, что дѣлалъ. Весьма сомнительно, впрочемъ, чтобы убійство было связано съ галлюцинаціей, потому что онъ, очевидно, имѣлъ намѣреніе убить мальчика за день передъ тѣмъ, и взялъ съ собою въ погребъ бритву, съ намѣреніемъ умертвить жену. Пробывъ нѣсколько времени въ больницѣ, онъ, казалось, выздоровѣлъ, хотя обнаруживалъ поразительную нечувствительность къ своему поступку. Онъ писалъ многочисленныя письма къ властямъ, гдѣ говорилъ, что прежде страдалъ умственнымъ разстройствомъ, но теперь здоровъ и долженъ быть возвращенъ къ своимъ дѣламъ и дѣтямъ. Онъ повторялъ эту просьбу въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и наконецъ былъ отданъ на испытаніе Марку, который не могъ открыть въ немъ никакихъ слѣдовъ помѣшательства: — „Я оставался“ говоритъ онъ, „по крайней мѣрѣ полтора часа наединѣ съ нимъ и въ теченіи длиннаго разговора, который мы имѣли, не могъ замѣтить никакихъ слѣдовъ умственнаго разстройства. Меня поразило только его равнодушіе при воспоминаніи о двойномъ убійствѣ, совершенномъ имъ“. Не смотря на то, что Маркъ нашелъ опаснымъ выпустить его на свободу, больной постоянными просьбами такъ надоѣлъ начальству, что былъ выпущенъ. Онъ поселился вмѣстѣ съ одной женщиной въ Парижѣ и открылъ здѣсь контору. Два года послѣ своего освобожденія и десять лѣтъ послѣ перваго приступа, съ нимъ сдѣлался опять припадокъ бѣшенства, и если бы не отчаянное сопротивленіе сильной женщины, съ которой онъ жилъ, онъ бы выбросилъ ее изъ окна. Его отправили въ больницу, гдѣ

онъ умеръ черезъ нѣсколько дней страшнаго бреда, во время котораго покушался убить самого себя и всѣхъ окружающихъ.

Въ образѣ дѣйствій больныхъ этого разряда послѣ совершеннаго убійства, или покушенія на убійство, очень мало сходнаго. У нѣкоторыхъ память затемнена и спутана; они едва понимаютъ то, что произошло, и не дѣлаютъ никакихъ попытокъ къ бѣгству. Другіе ясно сознаютъ совершенный ими поступокъ, какъ только овладѣвшее ими волненіе найдетъ себѣ выходъ въ насильственномъ поступкѣ, и повинуясь пробудившемуся инстинкту самосохраненія, пытаются сначала бѣжать, хотя обыкновенно вскорѣ сами себя предаютъ въ руки правосудія. Многіе обнаруживаютъ полнѣйшую нравственную притупленность, кажутся совершенно равнодушными къ своему поступку и совершенно неспособными представить себѣ его преступность; тогда какъ иные, пришедя въ себя послѣ припадка, терзаются страшными угрызеніями совѣсти и сожалѣніями. Попытки самоубійства до припадка и послѣ него далеко не рѣдки.

Перехожу теперь къ разбору другого класса случаевъ маніи убійства — такихъ случаевъ, гдѣ существуетъ опредѣленная нелѣпая идея и преступленіе является прямымъ или косвеннымъ послѣдствіемъ бреда. Когда отецъ воображаетъ, что получилъ свыше приказаніе убить своего сына и исполняетъ это, то очевидно нельзя сомнѣваться въ его помѣшательствѣ. и никто, конечно, не подумаетъ вмѣнять ему это убійство въ вину. Оно является слишкомъ явнымъ продуктомъ бреда. Даже юристы охотно допускаютъ, что

этотъ родъ помѣшательства исключаетъ всякую отвѣтственность за поступки, относительно которыхъ можно доказать прямую связь съ бредомъ у такъ называемаго мономаніака; для нихъ важно только знать, насколько ложная идея вліяла на умъ преступника во время преступленія. Никакое человѣческое наказаніе, думаютъ они, не могло бы удержать его отъ поступка, который, не смотря на его противозаконность, онъ считаетъ справедливымъ; его понятіе о добрѣ и злѣ въ этомъ случаѣ разрушено болѣзнью. Но если нельзя доказать прямую зависимость между нелѣпымъ убѣжденіемъ и поступкомъ, если человѣкъ одержимъ самымъ нелѣпымъ бредомъ, какой только можетъ породить помѣшательство, и совершитъ убійство, которое не стоитъ съ нимъ въ связи,—въ такомъ случаѣ говорятъ, что онъ не долженъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности и что на него слѣдуетъ смотрѣть какъ на преступника. Гофбауэръ предложилъ руководствоваться въ вопросахъ объ отвѣтственности помѣшанныхъ за свои поступки слѣдующимъ правиломъ. „Слѣдуетъ смотрѣть на преобладающее впечатлѣніе ихъ бреда, не какъ на заблужденіе, но какъ на истину; другими словами, на ихъ поступки слѣдуетъ смотрѣть какъ будто бы они были совершены при тѣхъ самыхъ обстоятельствахъ, которыя создало воображеніе больнаго“. Если воображаемыя обстоятельства не измѣняютъ характера вины, въ такомъ случаѣ они не могутъ быть приняты въ расчетъ; если же они уменьшаютъ или уничтожаютъ отвѣтственность, то ихъ слѣдуетъ имѣть въ виду при разбираемомъ случаѣ.

Въ человѣкѣ принимаютъ двойственное существо — здоровую и больную личность; и смотря по тому, дѣйствуетъ ли онъ, какъ первая или какъ вторая, его судятъ, какъ преступника, или оправдываютъ, какъ помѣшаннаго. Таковъ критерій отвѣтственности, основанный на метафизикѣ помѣшательства и встрѣчающій сочувствіе людей, которые, подобно великому философу Канту, полагаютъ, что рѣшеніе вопроса во всѣхъ случаяхъ должно принадлежать философамъ, избравшимъ душу человѣка предметомъ изученія, а не врачамъ, знакомымъ только съ болѣзнями. Большое счастіе для этого дѣла, какъ и для многихъ другихъ, что врачи посвятили себя терпѣливому наблюденію фактовъ, вмѣсто того, чтобы обращаться къ собственному уму, какъ нѣкоему оракулу, или выслушивать съ благоговѣніемъ гаданія другихъ умовъ. Они бы знали весьма мало о природѣ любой болѣзни и о цѣлебномъ дѣйствіи любаго лекарства, если бы опирались только на мнѣнія людей, изучавшихъ физіологію тѣла; и далѣе, они бы знали весьма мало о природѣ душевныхъ болѣзней и о способѣ ихъ леченія, если бы руководствовались только свѣдѣніями, сообщенными имъ людьми, которые изучали одну психологію.

Я говорилъ уже раньше, что юристы, ссылаясь на бредъ, какъ на признакъ помѣшательства, крайне преувеличиваютъ его значеніе. Опытъ показываетъ, что менѣе половины безумныхъ дѣйствій одержимыхъ общимъ помѣшательствомъ обусловливается дѣйствительно ихъ нелѣпыми идеями. Поступки эти просто выходъ для избытка болѣзненныхъ силъ, большею частью не имѣ-

ютъ ни мотивовъ, ни цѣли, насколько мы можемъ судить — представляютъ просто конвульсивное выраженіе разстроенныхъ нервныхъ центровъ. Даже поступки, проистекающіе изъ бреда, не могутъ быть названы логическими продуктами послѣдняго, и не могутъ служить для достиженія мнимой цѣли. Они результатъ нелѣпыхъ разсужденій, на основаніи нелѣпыхъ посылокъ или импульсовъ, возникающихъ въ больномъ умѣ безъ всякаго отношенія къ существующему бреду.

Возьмемъ примѣръ для того, чтобы лучше уяснить себѣ ученіе, проповѣдуемое юристами, и показать его слабыя стороны. Человѣкъ воображаетъ положимъ, что онъ Іисусъ Христосъ, но разсуждаетъ здраво обо всѣхъ предметахъ, не связанныхъ съ его бредомъ, и ведетъ свои дѣла какъ нельзя лучше. Тѣмъ не менѣе, въ одинъ прекрасный день, онъ внезапно убиваетъ кого нибудь и попадаетъ подъ судъ за убійство. Невозможно доказать, что поступокъ совершенъ подъ вліяніемъ ложнаго убѣжденія; кромѣ того, будь воображаемыя обстоятельства дѣйствительными, они едва ли освободили бы отъ отвѣтственности, потому что совершенно несовмѣстимо съ характеромъ Христа убивать другого, а вѣдь по теоріи юристовъ помѣшанный долженъ быть послѣдовательнымъ въ своихъ поступкахъ: очевидно, что по закону онъ долженъ быть казненъ какъ преступникъ. Всякій согласится, что теоретическій принципъ въ этомъ случаѣ плохо выдерживаетъ критику практическаго примѣненія; въ самомъ дѣлѣ, не смотря на основы, лежащія въ метафизической философіи, ни въ одной цивилизованной странѣ не рѣшились бы каз-

нить такого человѣка, какъ убійцу. На практикѣ, слѣд., приходится не рѣдко переступать это правило, котораго такъ упорно держатся въ теоріи. Нѣтъ сомнѣнія, что ученіе это можетъ быть источникомъ большихъ несчастій и ему нельзя найти лучшаго приговора, чѣмъ изреченіе Гофбауэра, относящееся, впрочемъ, къ другому предмету: «всякое законодательство должно быть основано на познаніи предмета, къ которому оно прилагается. Если познаніе это недостаточно, то закону лучше вовсе не опредѣлять предмета, нежели дѣлать опредѣленіе ошибочное и служить такимъ образомъ источникомъ заблужденій, которыя, будучи противны его цѣли, поддерживаются тѣмъ не менѣе его авторитетомъ».

Обыкновенная медицинская теорія, выведенная путемъ индукціи изъ практическихъ наблюденій надъ помѣшательствомъ, заключается въ томъ, что это такъ называемое однопредметное помѣшательство (мономанія), которое англійскіе юристы называютъ частнымъ помѣшательствомъ или частнымъ бредомъ, исключаетъ мысль о преступности и снимаетъ съ человѣка всякую отвѣтственность за его поступки, все равно, составляютъ ли они или нѣтъ продуктъ его бреда. Взвѣсимъ возраженія противниковъ этой теоріи. Во первыхъ, юридическій догматъ не выдерживаетъ критики въ самомъ своемъ основаніи. Нельзя согласиться, чтобы человѣкъ, одержимый нелѣпыми идеями и дѣйствующій подъ ихъ вліяніемъ, долженъ былъ непремѣнно утратить понятіе о добрѣ и злѣ въ отдѣльномъ случаѣ или способность владѣть собой по отношенію къ своему бреду. Онъ

можетъ вполнѣ сознавать, что поступаетъ незаконно и рискуетъ быть наказаннымъ; кромѣ того, сознаніе, что другіе люди сочтутъ его поступокъ дурнымъ и будутъ относиться къ нему, какъ къ преступнику, можетъ настолько вліять на него, что онъ не поддастся своему влеченію. Извѣстно положительно, что мономаніакъ иногда искусно скрываетъ или отрицаетъ свои нелѣпыя убѣжденія, не выказываетъ своихъ чувствъ и, сообразно съ этимъ, управляетъ своими дѣйствіями, если у него есть для этого какой нибудь важный мотивъ— страхъ наказанія или надежда выгоды; онъ не лишенъ ни сознанія, ни власти надъ собой. Въ самомъ дѣлѣ, можно иногда сказать съ полной справедливостью про человѣка, поступающаго подъ вліяніемъ бреда, что онъ, не смотря на болѣе глубокое умственное разстройство, обладаетъ бо́льшею властью надъ собой, нежели человѣкъ, поступающій подъ вліяніемъ отчаяннаго душевноболѣзненнаго импульса; и что, насколько можно говорить объ отвѣтственности при помѣшательствѣ, онъ наиболѣе отвѣтственный изъ двухъ. Юридическая доктрина оказывается, такимъ образомъ, несостоятельной въ приложеніи къ случаямъ, для которыхъ, повидимому, спеціально предназначена. Если бы англійскіе судьи были логичны, они бы настаивали на необходимости вѣшать помѣшаннаго, совершившаго убійство подъ вліяніемъ бреда, если нельзя ясно доказать, что преступникъ не сознавалъ характера своего поступка; причемъ трудъ доказывать степень помѣшательства, дѣлающаго его неотвѣтственнымъ въ этомъ случаѣ, какъ

и во всѣхъ прочихъ, долженъ лежать на самомъ помѣшанномъ.

Медицинская теорія, въ силу которой однопредметное помѣшательство исключаетъ всякую отвѣтственность, основана главнымъ образомъ на слѣдующихъ трехъ соображеніяхъ. Во-первыхъ, нелѣпая идея можетъ быть скрыта и, вслѣдствіе этого, ускользнуть отъ наблюденій, несмотря на то, что она вліяла на поступки человѣка. Во-вторыхъ, невозможно прослѣдить за движеніями больнаго ума и строго отличить здоровое или болѣзненное проявленіе его дѣятельности; притомъ не подлежитъ сомнѣнію, что поступокъ, который для поверхностнаго наблюдателя неимѣетъ никакой связи съ бредомъ можетъ все-таки быть болѣзненно-логическимъ продуктомъ его. И, въ третьихъ, невозможно изолировать нелѣпую идею и такимъ образомъ предупредить заразительное вліяніе ея распространенія; не подлежитъ сомнѣнію, что разстройство при однопредметномъ помѣшательствѣ не ограничивается одной нелѣпой идеей: все духовное существо человѣка находится въ болѣе или менѣе сильномъ состояніи нравственнаго или чувственнаго разстройства,—въ такомъ состояніи, при которомъ всегда могутъ появиться душевноболѣзненные порывы къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Резюмируя сказанное, мы видимъ, что при психическомъ состояніи, называемомъ однопредметнымъ помѣшательствомъ (мономаніей), разстройство обыкновенно гораздо глубже и распространеннѣе, чѣмъ полагаютъ. Далѣе, мы видимъ невозможность, при оцѣнкѣ причинъ извѣстныхъ поступковъ, настолько изолировать процессы односторонняго помѣшательства,

чтобы съ увѣренностью отрицать связь преступленія съ бредомъ. Скажу нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ пунктовъ въ отдѣльности.

а) Легко было бы наполнить множество страницъ разсказами объ искусствѣ, съ которымъ помѣшанные скрываютъ иногда свои идеи бреда, но я ограничусь двумя или тремя примѣрами. Врачъ, посланный въ Бисетръ для освобожденія больныхъ, которыхъ сочтетъ выздоровѣвшими, изслѣдовалъ, между прочимъ, психическое состояніе стараго виноторговца, и нашелъ, что тотъ въ своихъ отвѣтахъ на вопросы не обнаруживалъ никакихъ признаковъ помѣшательства или спутанности мыслей. На этомъ основаніи было сдѣлано распоряженіе объ его выпускѣ; когда же ему, по принятому порядку, представили бумагу для подписи, онъ взялъ перо и написалъ: „Христосъ“. Эскироль имѣлъ больнаго, который нѣсколько разъ пробовалъ лишить себя жизни. Онъ постоянно просилъ пистолетъ, чтобы застрѣлиться, повторяя: „мнѣ надоѣло жить“. Онъ не обнаруживалъ никакихъ нелѣпыхъ идей и вообще казался веселымъ. Только по прошествіи двухъ лѣтъ, онъ сознался, что его постоянно мучили галлюцинаціи зрѣнія и слуха. Ему казалось, что его преслѣдуютъ агенты полиціи; онъ видѣлъ и слышалъ ихъ, какъ ему казалось, сквозь щели своей комнаты, стѣны которой, по его мнѣнію, были такъ устроены, что можно было видѣть и слышать все, что́ дѣлается внутри. Д-ръ Гудъ лечилъ одного больнаго, помѣщеннаго въ Виѳлеемскую больницу вслѣдствіе того, что однажды обезпокоилъ королеву въ Роттенъ-Роу, подавъ ей прошеніе о мѣстѣ. Онъ про-

былъ въ больницѣ двадцать лѣтъ; въ послѣднія пятнадцать лѣтъ онъ не обнаруживалъ никакихъ признаковъ своей мономаніи, а въ послѣднія восемь лѣтъ никакихъ признаковъ помѣшательства вообще. Д-ру Гуду стóило большого труда выхлопотать для него право выхода изъ больницы; но не прошло и пяти мѣсяцевъ, какъ онъ снова былъ возвращенъ туда, потому что написалъ королевѣ три или четыре письма, въ которыхъ просилъ руки принцессы Алисы. Извѣстно, что нѣкоторые больные въ мрачномъ помѣшательствѣ крайне молчаливы; врачъ нерѣдко узнаетъ только послѣ ихъ выздоровленія, что они страдали ложными идеями, иногда весьма мучительными, имѣвшими большое вліяніе на странность ихъ поступковъ и причинявшими имъ жестокія страданія. Есть ли въ такихъ случаяхъ какая-нибудь возможность утверждать, что тѣ или другіе поступки стоятъ или не стоятъ въ связи съ бредомъ? Не разъ больничный врачъ ломаетъ себѣ голову, желая угадать, какого рода нелѣпыя идеи овладѣли умомъ больного и руководятъ его поступками. Если бы онъ могъ всегда знать ихъ, то обязанность его была бы гораздо легче теперешней; но при дѣйствительномъ ходѣ вещей онъ могъ бы въ иныхъ случаяхъ собрать самыхъ проницательныхъ юристовъ, представить имъ больнаго, дѣйствующаго подъ вліяніемъ извѣстной идеи, и поручиться, что они всѣми своими прямыми и перекрестными допросами не добьются, въ чемъ именно состоитъ бредъ. Если врачу удается иной разъ догадаться, то потому только, что онъ въ своихъ соображеніяхъ руководствуется преж-

нимъ опытомъ. Врачи избавились бы отъ многихъ презрительныхъ усмѣшекъ и неумѣстныхъ шутокъ со стороны юристовъ, если бы этихъ остроумныхъ господъ отправили на нѣсколько мѣсяцевъ въ больницу для помѣшанныхъ, такъ чтобы они на основанiи личнаго опыта могли убѣдиться въ необыкновенной непослѣдовательности и поразительной странности въ мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ обитателей этихъ заведенiй.

б) Немногiе изъ людей, слышавшихъ разсказы помѣшанныхъ о причинахъ, побудившихъ ихъ къ какому нибудь поступку, рѣшатся сказать съ увѣренностью, что поступокъ не стоялъ въ связи съ ихъ ложными убѣжденiями, не смотря на видимое отсутствiе этой связи. Несправедливо, чтобы помѣшанные разсуждали и поступали логично на основанiи ложныхъ посылокъ ихъ бреда; даже въ теорiи чудовищно предполагать, что убѣжденiе, которое существуетъ только вслѣдствiе умственнаго разстройства, можетъ при своихъ проявленiяхъ согласоваться съ законами, управляющими поступками здоровыхъ людей, и потому доступными только имъ. Будь это такъ, не трудно было бы предсказыватъ съ точностью, на основанiи характера бреда, поступки помѣшаннаго, и такимъ образомъ принимать заблаговременно мѣры безопасности. Но вся трудность ухода за ними и главная причина безпокойства заключается именно въ томъ, что, зная ихъ мысли, мы никакъ не можемъ указать напередъ ихъ поступки. Мы можемъ вполнѣ знать ихъ нелѣпыя идеи, но не можемъ слѣдить за влiянiемъ послѣднихъ на больной мозгъ и предсказать поступки, къ которымъ они по-

ведутъ. Подобно тому, какъ существуетъ несообразность въ ихъ мысляхъ, существуетъ и несообразность между ихъ мыслями и поступками. Извѣстное изреченіе Локка, что „помѣшанные разсуждаютъ логически, но на основаніи *ложныхъ* посылокъ", вѣрно далеко не во всѣхъ случаяхъ: они очень часто нелогически заключаютъ, исходя отъ нелѣпыхъ посылокъ; они не дѣлаютъ того, что̀ должны были бы дѣлать, будь ихъ ложныя идеи истинными, но дѣлаютъ вещи, которыя, по логикѣ, не должны были бы дѣлать; для нихъ совершенно невозможна здоровая умственная дѣятельность. Кто же, кромѣ метафизика, преклоняющагося предъ своими теоріями, и не знающаго фактовъ, рѣшится сказать, насколько нелѣпая идея повліяла на поступокъ.

Я приведу одинъ случай, весьма извѣстный и упоминаемый нерѣдко писателями по медицинской юриспруденціи. Молодой человѣкъ, нѣсколько слабоумный, отличался дѣтскими вкусами и имѣлъ страсть къ вѣтрянымъ мельницамъ. Онъ былъ способенъ пройдти огромное разстояніе для того, чтобы посмотрѣть на мельницу и могъ по цѣлымъ днямъ сидѣть и слѣдить за ея движеніями. Близкіе его, въ надеждѣ, что перемѣна обстановки будетъ ему полезна, отправили его въ такое мѣсто, гдѣ не было мельницъ. Но тутъ онъ поджогъ домъ, въ которомъ жилъ, и, нѣкоторое время спустя, заманилъ ребенка въ лѣсъ съ намѣреніемъ убить его и страшно изувѣчилъ его перочиннымъ ножомъ. До того онъ никогда не обнаруживалъ опасныхъ наклонностей. Если бы всѣ профессора логики и

нравственной философіи въ странѣ ломали себѣ голову надъ придумываніемъ побужденій къ этому преступленію, то, вѣроятно, не напали бы на настоящій слѣдъ. Между тѣмъ причина была крайне проста. Онъ совершилъ эти преступленія для того, чтобы его перевели въ такое мѣсто, гдѣ бы онъ могъ любоваться вѣтреными мельницами.

Время отъ времени я вижу одного джентльмена, который пробылъ нѣсколько лѣтъ въ больницѣ для помѣшанныхъ въ качествѣ помѣшаннаго преступника. За нѣсколько дней до его отправленія въ больницу, онъ былъ причиной большой тревоги для своихъ близкихъ, потому что выстрѣлилъ изъ заряженнаго револьвера на улицѣ, и, кромѣ того, ударилъ по головѣ топоромъ извощичью лошадь. Онъ былъ оправданъ на судѣ, какъ помѣшанный. Время отъ времени, у него являлась нелѣпая идея, что онъ Христосъ; но вскорѣ послѣ поступленія въ больницу онъ сдѣлался спокойнымъ и привѣтливымъ, разсудительнымъ въ разговорѣ и съ виду до такой степени здравомыслящимъ, что жена его стала дѣятельно хлопотать объ его выпускѣ. По ея настоянію, онъ былъ отданъ на испытаніе двумъ извѣстнымъ врачамъ, которые не могли открыть въ немъ никакихъ признаковъ помѣшательства и объявили, что онъ долженъ быть выпущенъ. Впослѣдствіи оказалось, однако, что онъ все время не переставалъ думать, что онъ Христосъ; онъ ударилъ извощичью лошадь съ цѣлью обратить на себя вниманіе и открыть, такимъ образомъ, свое высокое назначеніе. Будучи на столько помѣшаннымъ, чтобы совершить такой посту-

покъ подъ вліяніемъ такой нелѣпой мысли, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сохранялъ настолько разсудка, что могъ обмануть двухъ врачей, знавшихъ, въ чемъ состояли его нелѣпыя идеи и каковы были его поступки. Еслибы пришлось разбирать этотъ поступокъ, то могъ ли кто-нибудь при всей проницательности въ анализѣ побужденій, отгадать его настоящую причину? Если бы, съ другой стороны, стали разбирать только одинъ бредъ, то могъ ли бы кто-нибудь, при самомъ обширномъ опытѣ въ душевныхъ болѣзняхъ, предсказать характеръ поступка? Наконецъ, если бы были даны вмѣстѣ и нелѣпая идея и поступокъ, то какой здоровый умъ, безъ помощи самого больного, который цѣлые годы скрывалъ свою мысль, могъ бы угадать связь, существовавшую между ними. Однажды я провелъ съ этимъ больнымъ цѣлый часъ, стараясь выпытать отъ него что-нибудь касательно его бреда, въ существованіи котораго я былъ увѣренъ, и относительно мотива его поступка, — мотива, я тоже былъ увѣренъ, болѣзненнаго. Онъ былъ крайне приличенъ и привѣтливъ впродолженіе нашего свиданія, но, несмотря на мое убѣжденіе въ его душевномъ разстройствѣ, на основаніи его неспособности или нежеланія дать мнѣ разумное объясненіе своего поступка, и нѣкоторыхъ признаковъ какой-то слабости ума, мнѣ все-таки не удалось узнать ничего такого, что́ могло дать мнѣ право удостовѣрить его помѣшательство. Въ извиненіе своей неудачи я долженъ однако сказать, что онъ уже нѣсколько лѣтъ жилъ спокойной и правильной жизнью больницы, не имѣлъ никакихъ заботъ и причинъ раздраженія и

что, кромѣ того, были поводы подозрѣвать, что люди, желавшіе его освобожденія, научили его скрывать эти нелѣпыя идеи. Тѣмъ болѣе замѣчательно, что больной, способный до такой степени владѣть собой, могъ когда-либо совершить столь безумный поступокъ вслѣдствіе мотива, который тоже слѣдуетъ признать безумнымъ, даже въ томъ случаѣ, если бы его бредъ оказался дѣйствительностью.

Примѣръ этотъ показываетъ несостоятельность попытокъ здороваго ума проникнуть въ мутныя глубины разстроеннаго духа; найти логическую связь въ безумныхъ проявленіяхъ разстроенныхъ мыслей и чувствъ, и прослѣдить связь между психическими явленіями, существенный характеръ которыхъ состоитъ именно въ томъ, что они безсвязны, не вытекаютъ логически одинъ изъ другого, не имѣютъ никакого опредѣленнаго порядка, но отличаются разстройствомъ ассоціацій, характеризующихъ здоровый умъ. Человѣкъ съ здоровымъ умомъ можетъ слѣдить за процессами больного ума только при одномъ условіи — именно, онъ долженъ сдѣлаться столь же помѣшаннымъ, какъ и паціентъ, котораго онъ хочетъ изучать; только въ этомъ случаѣ онъ будетъ въ состояніи понять ходъ его больныхъ мыслей. Бредъ не составляетъ самъ по себѣ болѣзни; онъ только одинъ изъ ея рѣзкихъ припадковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что преступное дѣйствіе можетъ быть проявленіемъ болѣзни, симптомомъ которой служитъ бредъ и что для поверхностнаго наблюдателя можетъ не существовать ни малѣйшей связи между

ними, несмотря на существованіе дѣйствительной паталогической связи.

c) Когда въ умѣ существуетъ нелѣпая идея, то, несмотря на какую бы то ни было ограниченность въ проявленіяхъ ея, остальное психическое существо человѣка не можетъ быть здоровымъ. Напротивъ, умственныя способности находятся въ этихъ случаяхъ въ такомъ состояніи, при которомъ не только импульсы, стоящіе въ связи съ бредомъ, пріобрѣтаютъ непреодолимую силу; но при которомъ, кромѣ того, появляются необъяснимые импульсы, не имѣющіе никакой связи съ бредомъ. Независимо отъ признаннаго круга болѣзненныхъ идей, можно будетъ найти при внимательномъ изслѣдованіи компетентнаго лица, знающаго больного или самую болѣзнь, доказательства общаго психическаго разстройства, — доказательства потери или извращенія естественныхъ чувствъ и измѣненія характера и привычекъ, раздражительность, потерю власти надъ собой и ослабленіе умственныхъ способностей, — словомъ, цѣлый рядъ признаковъ общаго разстройства, рядомъ съ одностороннимъ бредомъ. Больной сосредоточенъ въ себѣ и углубленъ въ свою больную личность; всѣ общественныя чувства ослаблены или уничтожены въ немъ; умъ его настолько пострадалъ, что онъ въ самомъ себѣ не можетъ видѣть нелѣпости тѣхъ самыхъ убѣжденій, которые въ другомъ кажутся ему явнымъ сумашествіемъ. Когда его помѣщаютъ въ больницу, то въ самомъ дѣлѣ поразительно, до какой степени онъ не въ состояніи уяснить себѣ, почему онъ здѣсь, и до какой степени онъ мало понимаетъ состоя-

ніе другихъ больныхъ. Его нелѣпыя идеи, продукты болѣзненно усиленнаго себялюбія поглощаютъ всю энергію или жизненность всей его психической дѣятельности; умъ его не боленъ въ какомъ-нибудь одномъ отношеніи,—но общая болѣзнь его душевныхъ способностей находитъ себѣ выраженіе въ какомъ нибудь одномъ болѣзненномъ явленіи. Бредъ не можетъ выроcти и развиваться далѣе на несоотвѣтственной почвѣ; почва, соотвѣтствующая ему, есть помѣшательство. Пусть почва превратится въ здоровую, другими словами, пусть умъ независимо отъ бреда будетъ нормальнымъ, и нелѣпая идея, мало-по-малу, начнетъ блѣднѣть и исчезнетъ окончательно. Когда такъ-называемый мономаніакъ воображаетъ, что жена, которую онъ до тѣхъ поръ любилъ и въ которую вѣрилъ безусловно, измѣняетъ ему и находится противъ него въ заговорѣ, — то самое существованіе идеи, до такой степени чуждой нормальному складу его мыслей и чувствъ, доказываетъ глубокое и общее душевное разстройство, и потому невозможно предвидѣть, какое вліяніе его бредъ можетъ имѣть на его поступки.

На съѣздѣ медико-психологическаго общества въ Парижѣ, въ 1872 г., д-ръ Фовиль сообщилъ весьма интересныя подробности о вліяніи войны на нѣкоторыхъ паціентовъ, страдавшихъ частнымъ помѣшательствомъ съ бредомъ преслѣдованія, такъ-называемыхъ мономаніаковъ. Одинъ больной, который постоянно читалъ газеты, и, казалось, съ большимъ интересомъ слѣдилъ за событіями, увѣрялъ, что онъ еще не настолько сошелъ съ ума, чтобы считать дѣйствитель-

ными извѣстія, которыя онъ читалъ, или постоянную пушечную пальбу, которую онъ слышалъ. Виной всего этого шума, по его мнѣнію, нѣсколько безумцевъ, которые стрѣляютъ ради потѣхи, съ цѣлью вывести его совершенно изъ терпѣнія и имѣть предлогъ уморить его съ голоду, заставляя постепенно уменьшать его порцію. Другой больной ежедневно твердилъ, что пресловутая война эта была только комедіей, всѣ сцены которой были напередъ условлены между французами и пруссаками; что пушки и ружья заряжены холостыми зарядами и что всѣ свѣдѣнія объ убитыхъ и раненныхъ были выдумкой. Можетъ быть, нѣкоторыхъ удается обмануть этимъ, но онъ не изъ такихъ. Еще замѣчательнѣе случай одного капитана императорской гвардіи, который былъ отправленъ въ Шарантонъ, за нѣсколько недѣль до объявленія войны, и страдалъ бредомъ преслѣдованія. Въ виду его профессіи, большого числа родственниковъ и знакомыхъ въ арміи, и совершенной ясности его разсудка во многихъ отношеніяхъ, можно было ожидать, что военныя событія будутъ чрезвычайно интересовать его и что онъ будетъ внимательно слѣдить за газетными извѣстіями. Но случилось совсѣмъ противное. Всѣ пораженія и осады, паденіе имперіи, осада Парижа, стычки передъ его стѣнами, различныя событія, которыя онъ видѣлъ своими глазами, непрерывная бомбандировка фортовъ; наконецъ капитуляція Парижа съ ея плачевными послѣдствіями — всего этого точно не бывало для него. Про каждое событіе ему разсказывали нѣсколько лицъ, но онъ не хотѣлъ вѣрить ни одному слову. Были испро-

бованы всѣ средства для его убѣжденія, но совершенно понапрасну. Онъ не сдавался ни на какіе доводы, или принималъ ихъ съ разными оговорками или прямо отрицалъ. Онъ не переставалъ утверждать, что во Франціи миръ, что императоръ въ Тюильери, что всѣ пути сообщенія открыты, и что начальство больницы сговорилось съ его врагами не посылать его писемъ роднымъ и не передавать ему извѣстій отъ нихъ; что гулъ пушекъ былъ дѣломъ нѣсколькихъ офицеровъ его полка, его отъявленныхъ враговъ, которые дали себѣ слово мучить его и которыхъ онъ называлъ по именамъ. Разъ ему показали пять или шесть различныхъ газетъ, отъ одного и того же числа, и указали на одни и тѣ же извѣстія. Онъ прочелъ ихъ съ прежнимъ недовѣріемъ, урѣряя, что это не настоящія газеты, что они напечатаны только для него его преслѣдователями, которые рѣшились не отступать, во что бы то ни стало.

Факты эти, замѣчаетъ Фовиль, конечно такого рода, что могутъ значительно подкопать теорію, на основаніи которой многіе, ссылаясь на взаимную зависимость способностей, видятъ въ однопредметномъ помѣшательствѣ лишь частное разстройство безъ общаго нарушенія психической гармоніи. Не убѣдившись на опытѣ, никто не могъ бы повѣрить, до какой степени обширной и общей можетъ быть потеря пониманія, ослабленіе умственныхъ способностей и разстройство сужденія у помѣшанныхъ, повидимому разумныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ одного или двухъ пунктовъ. Ни въ одномъ случаѣ мы не въ состояніи пред-

сказать глубину помѣшательства, которое раскроется при внимательномъ изслѣдованіи, но можемъ только сказать вообще, что психическое разстройство гораздо глубже, чѣмъ кажется при первомъ взглядѣ. За доказательствами не будетъ, впрочемъ, недостатка и со стороны его поступковъ. Въ больницѣ, гдѣ жизнь однообразна и правильна, мономаніакъ можетъ существовать спокойно изо-дня-въ-день, исполняя легкія обязанности, возложенныя на него. Но если предоставить его самому себѣ, и въ особенности если поставить его въ условія, требующія бо́льшого умственнаго напряженія, то въ немъ могутъ возникнуть внезапныя влеченія, необъяснимыя ни для него самого, ни для другихъ, и эти влеченія могутъ перейти въ дѣйствіе.

Чтобы составить себѣ понятіе о природѣ этихъ безумныхъ импульсовъ, намъ слѣдуетъ сравнить ихъ съ судорожными движеніями, которыя служатъ выраженіемъ болѣзненнаго состоянія двигательныхъ центровъ, совершенно аналогичнаго этому разстройству психическихъ центровъ. Въ физіологическихъ, какъ и въ патологическихъ состояніяхъ мы видимъ примѣры движеній, состоящихъ въ такъ-называемомъ сочувствіи съ другими, хотя между ними нельзя открыть прямой связи; таковы, напр., безполезныя сокращенія личныхъ мышцъ, которыя замѣчаются у иныхъ людей при мышечныхъ усиліяхъ. Нѣкоторыя судорожныя движенія, сопровождающія другія, вызванныя непосредственно, мы называемъ симпатическими. Они являются вмѣстѣ, хотя мы не можемъ объяснить почему, совершенно также какъ ощущенія, вызванныя въ одной части тѣла,

сопровождаются ощущеніями въ другихъ частяхъ, безъ того, чтобы мы могли указать на причину этой связи. Назвавъ эти явленія симпатическими, мы ихъ, конечно, ни мало не объясняемъ. Мы только пользуемся общимъ терминомъ для того, чтобы соединить и опредѣлить рядъ совмѣстныхъ явленій, зависимость которыхъ остается пока загадочной. Тѣмъ не менѣе аналогія съ этими явленіями можетъ принести намъ большую пользу при истолкованіи функцій высшихъ нервныхъ центровъ, обусловливающихъ психическую дѣятельность. Для насъ становится понятнымъ, что одна болѣзненная идея можетъ вызвать къ дѣятельности другую, не имѣющую видимой связи съ нею въ сознаніи, а послѣдняя, въ свою очередь, можетъ выразиться въ какомъ-нибудь поступкѣ, тоже совершенно непонятномъ, если имѣть въ виду только первую идею. Существуетъ въ дѣйствительности синергія идей, какъ существуетъ синергія движеній или симпатія ощущеній. Бѣдная женщина, мать двухъ дѣтей, впала въ тоску съ бредомъ преслѣдованія; она чувствовала также влеченіе къ самоубійству, но, не смотря на это продолжала аккуратно исполнять свои обязанности. Однажды, безъ всякаго видимаго измѣненія въ обычномъ настроеніи духа, она схватила одного изъ дѣтей и начала бить его головой объ полъ, пока онъ не умеръ, тоже самое сдѣлала бы она и съ другимъ ребенкомъ, еслибъ ее не удержали. Ее отправили въ больницу, гдѣ она вскорѣ выздоровѣла; но для нея осталось совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ она могла убить ребенка, котораго такъ нѣжно любила.

Случай этотъ принадлежитъ къ той категоріи, гдѣ

разрушительные импульсы возникаютъ внезапно въ больномъ умѣ и приводятъ человѣка къ насильственнымъ поступкамъ. Импульсы эти также мало подчинены волѣ, какъ и эпилептическія судороги; и источникъ ихъ также теменъ для сознанія, какъ и источникъ порыва, заставившаго несчастное стадо свиней броситься съ крутого утеса въ море и утонуть. Задача, которую судьи могутъ разумно предлагать на разрѣшеніе научному эксперту, должна состоять въ томъ, чтобы прослѣдить не связь между бредомъ и поступкомъ—ее бываетъ часто невозможно открыть и она въ большинствѣ случаевъ не могла бы служить къ оправданію поступка, будь ложное представленіе дѣйствительнымъ — но связь между болѣзнью и поступкомъ. Странно въ самомъ дѣлѣ требовать, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣются два симптома болѣзни, бредъ и преступное дѣйствіе, одинъ изъ симптомовъ былъ причиной другого, требовать, чтобы эфефекты одной общей причины являлись и какъ причина и какъ дѣйствіе. Изъ глубины разстроеннаго чувства, въ которомъ укоренилось ложное убѣжденіе, могутъ во всякое время возникнуть душевно-болѣзненные импульсы, которые совершенно независимы отъ бреда, но наравнѣ съ нимъ порождены болѣзнью.

Мы заканчиваемъ этимъ обзоръ случаевъ помѣшательства съ наклонностью къ убійству, съ ложными идеями, съ которыми убійство стоитъ или не стоитъ въ явной зависимости. Въ слѣдующей главѣ я буду говорить подробно о помѣшательствѣ съ наклонностью къ убійству въ связи съ падучей болѣзнью.

ГЛАВА VII.

ЭПИЛЕПТИЧЕСКОЕ ПОМѢШАТЕЛЬСТВО.

Неистовство слѣдующее за падучей болѣзнью: его буйный характеръ. — Маскированная эпилепсія. — Душевное разстройство, предшествующее приступу. — Эпилептообразный неврозъ, проявляющійся въ періодическихъ приступахъ душевнаго разстройства: примѣры. — Описаніе симптомовъ эпилептическаго помѣшательства: симптомы предшествующіе приступу и предвѣщающіе его; симптомы, свойственные болѣе легкимъ и болѣе тяжелымъ формамъ болѣзни; симптомы, характеризующіе застарѣлую падучую болѣзнь. — Особое состояніе эпилептическаго сознанія. — Эпилептическія видѣнія. — Временное помѣшательство эпилептическаго происхожденія: примѣры. — Характеристическія черты убійцъ эпилептиковъ. — Временное помѣшательство безъ эпилептическаго анамнеза. — Сомнамбулизмъ. — Продолженіе галлюцинацій послѣ пробужденія отъ сна.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ убійство совершено безъ всякихъ видимыхъ мотивовъ или гдѣ причины его кажутся непонятными для нормальнаго человѣка, слѣдствію удается иногда раскрыть, что преступникъ подверженъ падучей болѣзни. Въ такихъ случаяхъ чрезвычайно важно рѣшить, насколько эта болѣзнь видоизмѣняетъ его отвѣтственность. Мы должны съ самаго начала заявить, что эпилептикъ бываетъ иногда такъ же

здоровъ, какъ и нормальный человѣкъ, и столько же отвѣтственепъ за совершенное имъ преступленіе; несмотря на то, что его страсти усилены, въ промежуткахъ между приступами въ немъ можетъ не быть никакихъ симптомовъ, дающихъ право заключать о душевномъ разстройствѣ. Но, съ другой стороны, опытъ по каждой больницѣ учитъ насъ, что въ большинствѣ случаевъ несомнѣннымъ слѣдствіемъ падучей болѣзни является помѣшательство неистоваго характера; и что чѣмъ ближе, больной къ эпилептическому припадку, тѣмъ больше причинъ подозрѣвать, что умственныя способности его находятся въ ненормальномъ состояніи. На этомъ основаніи одинъ изъ прежнихъ писателей, Цаккіасъ, высказалъ мнѣніе, что каждаго эпилептика слѣдуетъ освобождать отъ всякой отвѣтственности за поступки, совершенные за три дня до или послѣ эпилептическаго припадка. Не соглашаясь съ такимъ произвольнымъ опредѣленіемъ времени, мы тѣмъ не менѣе должны внимательно изслѣдовать тѣ формы душевнаго разстройства, которыя, своимъ появленіемъ непосредственно передъ или вслѣдъ за припадкомъ, могли дать поводъ къ этому заключенію.

Вотъ явленія, которыя обыкновенно приходится наблюдать на эпилептикахъ въ больницахъ. Послѣ одного или нѣсколькихъ приступовъ конвульсій, является припадокъ неистоваго помѣшательства, извѣстнаго подъ названіемъ эпилептическаго неистовства (маніи). По своему внезапному и разрушительному характеру это крайне опасная форма помѣшательства, потому что изступленный больной, потерявъ всякое сознаніе того,

что̀ онъ дѣлаетъ, и мучимый вѣроятно страшными галлюцинаціями, разражается въ самыхъ разрушительныхъ порывахъ противъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ. Возбужденное состояніе продолжается нѣсколько дней, иногда не болѣе нѣсколькихъ часовъ или даже нѣсколькихъ минутъ, затѣмъ наступаетъ покой и человѣкъ приходитъ въ себя. Если ему случилось убить кого-нибудь или вообще надѣлать вреда другимъ въ припадкѣ бѣшенства, онъ тутъ въ первый разъ узнаетъ свой поступокъ. Въ промежуткахъ между этими приступами эпилепсіи и помѣшательства,—промежуткахъ, которые могутъ длиться цѣлые недѣли или мѣсяцы, онъ спокоенъ и разсудителенъ; въ началѣ болѣзни въ немъ иногда нельзя замѣтить никакихъ слѣдовъ, умственнаго упадка, хотя послѣ извѣстнаго времени является обыкновенно потеря памяти и умственная слабость, доходящая въ худшихъ случаяхъ до совершеннаго безумія. Одно изъ самыхъ печальныхъ зрѣлищъ, которыя можно видѣть въ больницѣ для помѣшанныхъ, представляютъ эти больные, не утратившіе еще сознанія своего положенія. Кроткіе, тихіе, трудолюбивые въ теченіе свѣтлыхъ промежутковъ, они постоянно надѣются, что каждый приступъ будетъ послѣднимъ; жадно принимаютъ всякія лекарства въ надеждѣ вылечиться; видятъ, какъ другіе покидаютъ больницу выздоровѣвшими и ждутъ, что и ихъ очередь скоро придетъ. Но на ежда ослабѣваетъ при повтореніи припадка, умъ постепенно слабѣетъ подъ вліяніемъ потрясающихъ неистовыхъ порывовъ и больные мало-по-малу впадаютъ въ равноду-

шіе безумнаго, — состояніе чистаго забвенія, въ которомъ исчезаютъ и надежды и заботы.

Это одна изъ тѣхъ формъ эпилептическаго помѣшательства, при которой иногда совершаются убійства. Когда болѣзнь настолько опредѣлилась, что находятъ необходимымъ отправить одержимаго ею въ больницу, то характеръ преступленія, конечно, ясенъ; но когда помѣшательство является вслѣдъ за первымъ эпилептическимъ припадкомъ, и въ особенности когда оно продолжается не болѣе нѣсколькихъ часовъ, то ошибиться весьма легко. Если несчастный страдалецъ убьетъ кого-нибудь при такихъ обстоятельствахъ и не попадетъ въ руки искуснаго наблюдателя, то ему придется вѣроятно весьма плохо въ случаѣ судебнаго преслѣдованія за убійство. Характеръ поступка имѣетъ въ этихъ случаяхъ громадное значеніе: если убійство было совершено съ большой жестокостью, безъ всякихъ признаковъ преднамѣренности, безъ всякихъ понятныхъ мотивовъ, или мѣръ предосторожности, и если кромѣ того, обвиненный страдаетъ падучей болѣзнью, то весьма вѣроятно, что онъ совершилъ убійство въ приступѣ помѣшательства, слѣдовавшемъ за эпилептическимъ припадкомъ.

Вторая форма эпилептическаго помѣшательства, при которой совершаются иногда убійства, есть настоящая *маскированная* эпилепсія, временное помѣшательство, заступающее мѣсто обычныхъ конвульсій. Здѣсь болѣзнь, вмѣсто того, чтобы сосредоточиться на двигательныхъ центрахъ и выразиться приступомъ судорогъ, падаетъ на психическіе центры и производитъ

приступъ неистовства, которой можно назвать психической эпилепсіей. Многіе случаи такъ называемаго временнаго помѣшательства (*mania transitoria*) въ дѣйствительности принадлежатъ къ этой категоріи, — представляютъ случаи психической эпилепсіи. Обѣ формы болѣзни могутъ встрѣчаться у одного и того же больного въ разное время: за припадками падучей болѣзни можетъ слѣдовать неистовство, какъ это случается всего чаще, или же, время отъ времени, приступъ неистовства можетъ замѣнять собой эпилептическій припадокъ. Такъ, въ одномъ случаѣ эпилепсіи, осложненной помѣшательствомъ, можно было наблюдать въ разное время три рода симптомовъ. Во-первыхъ, чистые или простые припадки падучей болѣзни; во-вторыхъ, припадки падучей болѣзни, за которой слѣдовалъ острый бредъ, по преимуществу выражавшійся въ дѣйствіяхъ, причемъ больной катался по землѣ самымъ страннымъ образомъ съ необыкновенной быстротой, не говоря ни слова, и былъ совершенно безсознателенъ и нечувствителенъ около десяти минутъ; въ-третьихъ, приступъ неистовства безъ припадковъ падучей болѣзни, гдѣ больной послѣ возбужденія впадалъ въ состояніе экстаза, изъ котораго малу по малу приходилъ въ себя. Въ промежуткахъ между этими приступами онъ былъ совершенно разуменъ. Практическій урокъ, который мы можемъ извлечь изъ этихъ примѣровъ, состоитъ въ томъ, что въ случаѣ убійства не слѣдуетъ непремѣнно искать доказательствъ судорожныхъ припадковъ, такъ какъ случай можетъ принадлежать къ маскированной эпилепсіи.

Третья форма психическаго разстройства, встрѣчающаяся вмѣстѣ съ падучей болѣзнью и сопряженная иногда съ влеченіемъ къ убійству, обнаруживается время отъ времени *передъ* приступомъ. Въ характерѣ больничныхъ эпилептиковъ вообще замѣчается рѣзкая перемѣна передъ наступленіемъ припадка. Больной самый кроткій и смирный становится подозрительнымъ, угрюмымъ и раздражительнымъ; веселый и болтливый въ обыкновенное время, онъ не отвѣчаетъ ни слова на вопросы, или же отвѣчаетъ неохотно и отрывисто или, наконецъ, отвѣчаетъ нанесеніемъ ударовъ; разражается неудержимыми порывами гнѣва при малѣйшемъ поводѣ. или даже безъ всякаго повода, и впадаетъ въ страшное бѣшенство; самый безразличный вопросъ или замѣчаніе, самое легкое и случайное прикосновеніе могутъ привести его въ ярость. Такіе больные чрезвычайно опасны. Къ этому нравственному перевороту могутъ присоединяться нелѣпыя идеи о преслѣдованіи, или сильныя галлюцинаціи. Когда такой больной поджигаетъ домъ, или убиваетъ кого, или совершаетъ какой бы то ни было другой насильственный поступокъ, то это происходитъ или вслѣдствіе неопредѣленнаго, гнетущаго и мучительнаго чувства страха и безпокойства, для котораго онъ ищетъ выхода въ какомъ-нибудь конвульсивномъ дѣйствіи, или потому, что онъ находится подъ вліяніемъ какой-нибудь галлюцинаціи или ложной идеи; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ можетъ быть сочетаніе обѣихъ этихъ причинъ. Припадокъ кончается; туманъ разстроенныхъ чувствъ спадаетъ съ души; подозрѣнія и нелѣпыя идеи исчеза-

ютъ; и послѣ короткаго промежутка умственнаго оцѣпененія и спутанности больной принимаетъ снова свой прежній добрый и кроткій характеръ и сохраняетъ его, пока совершенно сходная нравственная перемѣна не возвѣститъ о приближеніи новаго припадка.

До какой степени этотъ родъ помѣшательства можетъ быть опасенъ видно изъ слѣдующаго примѣра: больной тридцати лѣтъ отъ роду, находившійся во французской больницѣ въ Авиньонѣ, страдалъ время отъ времени жестокими эпилептическими припадками. Однажды послѣ такого приступа онъ бросился изъ окна; въ другой разъ впалъ, казалось, въ совершенное изнеможеніе и хотѣлъ обнять своего отца, но вдругъ сталъ душить его и задушилъ бы, еслибъ не подоспѣла помощь; случалось также, что онъ впадалъ въ бѣшенство и хотѣлъ убить всякаго, кто подходилъ къ нему. Въ промежуткахъ между приступами онъ былъ вполнѣ разсудительнымъ, добрымъ и пріятнымъ въ обращеніи, хотя и былъ немножко тщеславенъ, подобно всѣмъ больнымъ этого рода, и считалъ себя выше прочихъ обитателей больницы. Онъ очень любилъ главнаго смотрителя, оказывавшаго ему много снисхожденія, и охотно работалъ для него. Въ концѣ марта больной, въ теченіе трехъ дней сряду, страдалъ эпилептическими припадками; вслѣдъ затѣмъ обнаружились спутанность мыслей, галлюцинаціи и сильное возбужденіе. Въ началѣ апрѣля съ нимъ былъ всего одинъ припадокъ; 21-го того же мѣсяца онъ при встрѣчѣ со смотрителемъ протянулъ руку и сказалъ ему „общеніе“, но не обнаружилъ никакихъ другихъ странностей. На слѣ-

дующій день былъ спокоенъ, хотя и угрюмъ. 23-го онъ стоялъ въ корридорѣ, въ то время какъ проходилъ смотритель, онъ пожаловался на боль въ ногѣ; когда же тотъ нагнулся, чтобы осмотрѣть его ногу, онъ съ страшной силой воткнулъ ему въ сердце ножницы, такъ, что смотритель умеръ часъ или полтора спустя. Въ слѣдующую ночь съ нимъ былъ эпилептическій припадокъ. Когда его стали распрашивать о совершенномъ имъ поступкѣ, онъ сказалъ, что уже нѣсколько ночей кряду слышалъ голоса членовъ какого-то тайнаго общества, говорившіе ему, что если онъ не убьетъ смотрителя, то будетъ несчастливъ на всю жизнь. Онъ сказалъ ему слово „общеніе", чтобъ убѣдиться, имѣлъ ли смотритель какое-нибудь отношеніе къ этимъ голосамъ и принадлежалъ ли къ тайному обществу. Послѣ этого ужаснаго происшествія эпилептическіе приступы сдѣлались чаще, умственное разстройство стало замѣтнѣе, свѣтлые промежутки сдѣлались рѣже и короче, но втеченіе ихъ онъ не переставалъ сожалѣть о своемъ поступкѣ.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что эпилептическое помѣшательство, проявляющееся преимущественно въ раздражительности, подозрительности, угрюмомъ настроеніи духа и измѣненіи характера съ періодическими приступами возбужденія, втеченіе которыхъ могутъ быть совершены порочныя или преступныя дѣйствія, что это помѣшательство, отличающееся, какъ мы видимъ, всѣми признаками дѣйствительнаго и глубокаго нравственнаго извращенія, можетъ повторяться время отъ времени цѣлые мѣсяцы и даже годы, прежде чѣмъ

обнаружатся настоящія эпилептическія судороги. Только появленіе конвульсивныхъ припадковъ даетъ наконецъ ключъ къ темнымъ явленіямъ предъидущаго періодическаго разстройства. Морель доказалъ, что нѣкоторые случаи помѣшательства съ наклонностью къ убійству и самоубійству дѣйствительно принадлежали къ случаямъ этого рода, гдѣ эпилептообразный неврозъ существовалъ долгое время въ неразвитой или замаскированной формѣ. Подобно тому, какъ эти приступы могутъ повторяться періодически передъ наступленіемъ настоящей падучей болѣзни, они могутъ также появляться періодически и послѣ прекращенія судорожныхъ припадковъ. Фальрэ упоминаетъ объ одномъ случаѣ, гдѣ припадки падучей болѣзни не повторялись двадцать одинъ годъ, и затѣмъ въ больномъ обнаружилось сильное влеченіе къ убійству, такъ что его пришлось помѣстить въ домъ помѣшанныхъ. Не стану, однако, приводить большого числа примѣровъ, а ограничусь только слѣдующими. Мужчина, 62 лѣтъ, страдалъ въ молодости падучей болѣзнью и былъ вслѣдствіе этого освобожденъ отъ военной службы. Послѣ этого приступы стали все рѣже и наконецъ прекратились, такъ что цѣлые сорокъ лѣтъ не было ни одного припадка. Въ больномъ нельзя было замѣтить никакихъ странностей, кромѣ любви къ роскоши и возбужденнаго состоянія весной. Однажды онъ совершенно неожиданно убилъ свою престарѣлую мать нѣсколькими ударами ножемъ въ шею, и когда она упала, сѣлъ на ея тѣло и продолжалъ колоть ее. Когда его схватили онъ кричалъ: «это негодная женщина; она надѣлала мнѣ бездну

зла; я долженъ былъ уже давно убить ее». Нельзя было найти никакихъ поводовъ къ этому преступленію; оказалось только, что уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ, въ періодъ весенняго возбужденія, обращался дурно съ матерью и грозилъ убить ее; совершеніе убійства совпадало съ періодомъ возбужденія.

Эскироль разсказываетъ одинъ еще болѣе поразительный случай. Крестьянинъ Швабъ, 27 лѣтъ, родители котораго не пользовались хорошимъ здоровьемъ, страдалъ эпилептическими припадками съ 8-го до 25-го года. Въ эту пору въ характерѣ его болѣзни обнаружилась перемѣна, и вмѣсто эпилептическихъ судорогъ имъ овладѣвало неудержимое влеченіе къ убійству. Онъ предчувствовалъ наступленіе пароксизма за нѣсколько часовъ, а иногда за цѣлый день, и убѣдительно просилъ, чтобъ его связали и не допустили до преступленія. „Когда это найдетъ на меня“ говорилъ онъ, „я долженъ убить кого-нибудь, хотя бы ребенка“. Отецъ и мать, къ которымъ онъ былъ очень привязанъ, были первыми жертвами этихъ припадковъ. „Матушка“, кричалъ онъ громкимъ голосомъ, „спасайтесь, или я васъ убью“. Передъ приступомъ онъ чувствовалъ обыкновенно большую слабость, подергиваніе членовъ и непреодолимую сонливость вмѣстѣ съ невозможностью заснуть. Въ теченіе приступа, который продолжался день или два, онъ былъ въ памяти и вполнѣ сознавалъ, что если убьетъ кого-нибудь, то совершитъ преступленіе. Когда его вязали, онъ отбивался и дѣлалъ страшныя гримасы, иногда пѣлъ, а иногда говорилъ рифмами. Лишь только онъ чувство-

валъ, что припадокъ прошелъ, онъ говорилъ обыкновенно: „развяжите меня. Ахъ, какъ мнѣ было тяжело; но я радъ, что все такъ кончилось и что я никого не убилъ“ *).

Представивъ такимъ образомъ вкратцѣ послѣдовательность явленій при падучей болѣзни, осложненной душевнымъ разстройствомъ, я перейду къ подробному разбору характера психическихъ припадковъ. Ихъ можно раздѣлить на четыре группы. Къ первой принадлежатъ явленія, предшествующія эпилептическому припадку и извѣстныя подъ названіемъ предвѣстниковъ; ко второй—тѣ явленія, которыя соотвѣтствуютъ въ психической сферѣ болѣе легкимъ формамъ падучей болѣзни, извѣстнымъ подъ названіемъ эпилептическаго головокруженія или *petit mal*; Фальрэ и описываетъ ихъ по этому случаю, какъ особый родъ *petit mal*; къ третьей группѣ принадлежатъ болѣе тяжелые припадки, соотвѣтствующіе настоящимъ эпилептическимъ конвульсіямъ, или такъ называемый *grand mal*; наконецъ, четвертая группа обнимаетъ собой симптомы психическаго разрушенія, являющіеся какъ слѣдствіе продолжительной падучей болѣзни и принадлежащіе къ такъ называемому эпилептическому безумію.

1. Разсмотримъ сначала психическіе предвѣстники припадка падучей болѣзни. Нѣкоторые больные, какъ

---

*) Другіе подобные случаи, гдѣ за прекращеніемъ эпилептичекихъ судорогъ слѣдовали припадки психической эпилепсіи, приведены Д-ромъ Эчеверріа въ недавно напечатанной статьѣ „Объ эпилептическомъ помѣшательствѣ“. (*Amer. Journal of Insanity*, 1873, іюль).

я уже говорилъ, становятся угрюмыми, мрачными и раздражительными; другіе обнаруживаютъ тупость пониманія, ослабленіе памяти, спутанность мыслей—настоящее физическое и нравственное оцѣпененіе. Иные, напротивъ, становятся необыкновенно веселы, говорливы, самоувѣренны и въ этомъ представляютъ рѣзкую противоположность своему обычному, молчаливому и апатическому настроенію. Фальрэ замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ припадку предшествуютъ одни и тѣ же воспоминанія, идеи или галлюцинаціи; что у иныхъ больныхъ повторяются тѣ же психическія явленія или галлюцинаціи зрительныя, обонятельныя или слуховыя; весьма любопытно, что повторяющіяся мысли или образы воспроизводятъ иногда какое-нибудь прошлое событіе, предшествовавшее первому припадку или, быть можетъ, вызвавшее его. Мы можемъ сравнить это явленіе съ страннымъ ощущеніемъ, которое овладѣваетъ больнымъ непосредственно передъ потерей сознанія и конвульсіями, и которое извѣстно подъ именемъ *aura epileptica*. Не подлежитъ, стало быть, сомнѣнію, что во многихъ случаяхъ падучей болѣзни существуютъ психическія разстройства, которыя мы, правда, называемъ предвѣстниками, но которыя, на самомъ дѣлѣ, составляютъ существенную часть припадка; въ виду же этого и другихъ подобныхъ фактовъ, кажется весьма страннымъ, что нѣкоторые врачи объясняли падучую болѣзнь пораженіемъ центральныхъ или низшихъ мозговыхъ узловъ. Обыкновенный эпилептикъ теряетъ сознаніе прежде, чѣмъ впадаетъ въ судороги; поэтому кажется, что и высшіе мозговые центры его

приходятъ въ разстройство прежде, чѣмъ поднимется буря въ низшихъ центрахъ.

2. Извѣстно, что существуютъ припадки падучей болѣзни, которые можно назвать абортивными или неполными. Человѣкъ не впадаетъ въ судороги и, повидимому, не совершенно теряетъ сознаніе; онъ произноситъ нѣсколько безсвязныхъ словъ, или издаетъ какіе-то неопредѣленные звуки, или обнаруживаетъ признаки глубокаго, но мимолетнаго ужаса, съ подергиваніями лица или безъ нихъ, или съ другими какими-нибудь мышечными спазмами; затѣмъ онъ приходитъ въ себя и не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что съ нимъ было. Въ связи съ этими несовершенными припадками наблюдали иногда очень замѣчательное явленіе; именно, что послѣ того, какъ больной придетъ въ себя, говоритъ и дѣйствуетъ, повидимому, какъ нормальный, припадокъ повторяется снова; когда же этотъ второй приступъ кончится, и человѣкъ дѣйствительно станетъ самимъ собою, онъ не помнитъ ничего изъ того, что дѣлалъ и говорилъ въ этотъ мнимый свѣтлый промежутокъ. А между тѣмъ, это нормальное, или кажущееся нормальнымъ, состояніе ума, при которомъ онъ отвѣчаетъ на вопросы, дѣлаетъ замѣчанія и дѣйствуетъ какъ здоровый человѣкъ, можетъ длиться цѣлые часы и даже дни. Такого больного можно сравнить съ человѣкомъ, который въ просонкахъ говоритъ и отвѣчаетъ на вопросы, затѣмъ засыпаетъ вновь, продолжаетъ свое прерванное сновидѣніе и, пробуждаясь окончательно, теряетъ всякое

воспоминаніе о томъ промежуткѣ, когда онъ разговаривалъ.

Я говорилъ о свѣтломъ промежуткѣ между припадками, какъ о состояніи нормальномъ или кажущемся нормальнымъ. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно принять его за нормальное, до такой степени больной становится похожимъ на самого себя; въ другихъ же случаяхъ ясно, что хотя онъ и говоритъ и дѣйствуетъ, какъ будто бы въ полномъ сознаніи и совершенно свободно, онъ тѣмъ не менѣе не въ нормальномъ состояніи: въ немъ проявляется неясность пониманія, большая или меньшая спутанность мыслей, или безсвязность рѣчи; иногда остаются ложныя идеи; наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ дѣлаетъ странныя или нелѣпыя вещи, указывающія на нѣкоторую степень психическаго разстройства. Подобно лунатику, онъ видитъ только предметы, дѣйствующіе на его чувства, въ силу своей связи съ мыслями и чувствами, поглощающими его умъ; или же видитъ ихъ въ той формѣ и окраскѣ, которую придаютъ имъ его мысли и чувства. Эти странныя состоянія эпилептическаго сознанія имѣютъ не только большой психологическій интересъ, но и большое практическое значеніе— по отношенію къ вопросу объ отвѣтственности. Понятно, что человѣкъ въ этомъ ненормальномъ состояніи сознанія можетъ совершить поступокъ, о которомъ не сохранитъ ни малѣйшаго воспоминанія, когда прійдетъ въ себя, и за который онъ, слѣдовательно, не можетъ быть вполнѣ отвѣтственнымъ *).

*) Д-ръ Эчеверріа говоритъ объ этихъ состояніяхъ въ статьѣ

Для здороваго ума весьма трудно представить себѣ подобное патологическое состояніе сознанія; чтобы ясно представить себѣ его, или скорѣе—потому что это невозможно для ума не больнаго — составить себѣ приблизительное понятіе о немъ, необходимо выводить заключенія не на основаніи опытовъ самосознанія, но на основаніи наблюденій надъ нѣкоторыми ненормальными состояніями сознанія. Такія явленія мы видимъ, напр., въ помѣшательствѣ, сонамбулизмѣ, гипнотическомъ или такъ называемомъ месмерическомъ состояніи, и при нѣкоторыхъ сновидѣніяхъ, когда человѣкъ понимаетъ до нѣкоторой степени происходящее вокругъ него и поступаетъ, повидимому, сознательно, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ живетъ въ какомъ-то особенномъ внутреннемъ мірѣ и лишенъ всякой возможности понимать надлежащимъ образомъ свои отношенія къ окружающимъ. Нѣкоторые писатели называютъ эти ненормальныя формы сознанія безсознательнымъ состояніемъ, руководствуясь при этомъ, вѣроятно, метафизическимъ понятіемъ о сознаніи, какъ объ опредѣленной неизмѣнной сущности, которая должна или быть или не быть. Но это очевидно злоупотребленіе словами; и мы должны научиться изъ этихъ примѣровъ, что сознаніе не есть постоянная величина, но психическое состояніе, подверженное разнообразнымъ измѣненіямъ по роду и степени.

„О насильственныхъ дѣйствіяхъ и безсознательномъ состояніи эпилептиковъ по отношенію къ судебно-медицинскимъ вопросамъ". Amer. Journ. of Insanity, 1873, апрѣль).

Форма психическаго разстройства, соотвѣтствующая *petit mal*, или эпилептическому головокруженію, состоитъ въ большой спутанности мыслей, сопровождаемой нерѣдко внезапными порывами бѣшенства. Страдающіе этой болѣзнью становятся печальными и угрюмыми безъ всякихъ внѣшнихъ причинъ; страшно тоскуютъ и относятся съ большимъ раздраженіемъ къ окружающимъ; жалуются на потерю памяти и тяжесть головы; не могутъ собрать и остановить своихъ мыслей; сознаютъ съ глубокимъ горемъ, что они не прежніе, что они побуждаются къ страннымъ или насильственнымъ поступкамъ какою-то силой, которой они не въ состояніи сопротивляться. Подъ вліяніемъ неопредѣленной тоски или боязни они покидаютъ свои дѣла и бродятъ по улицамъ или окрестностямъ; всѣ тяжелыя мысли, тревожившія ихъ въ разное время жизни, воскресаютъ въ памяти и преслѣдуютъ ихъ; все существо ихъ поглощено какимъ-то смутнымъ чувствомъ безпокойства или ужаса. Въ этомъ мрачномъ настроеніи они начинаютъ обвинять друзей во враждебныхъ чувствахъ и воображаютъ себя жертвами преслѣдованій, существующихъ только въ ихъ больной фантазіи; нерѣдко совершаютъ они въ это время разныя преступленія, кражи, поджоги, самоубійства или убійства; одни находятъ облегченіе въ уничтоженіи неодушевленныхъ предметовъ; другіе лишаютъ себя жизни, чтобы избавиться отъ этого невыносимаго состоянія; нѣкоторые въ слѣпой ярости нападаютъ на людей, встрѣтившихся имъ случайно въ такое время, когда тоска и тревога сдѣлали ихъ неистовые порывы неудержимыми. Когда

совершено насильственное дѣйствіе, является иногда внезапное облегченіе; неопредѣленное безпокойство и спутанность мыслей исчезаютъ, больные приходятъ въ себя, иногда же они продолжаютъ оставаться въ возбужденномъ состояніи, не сознавая вовсе, или сознавая смутно значеніе своего поступка. Когда они приходятъ въ себя, память ихъ невѣрна и отуманена, какъ у человѣка, просыпающагося подъ вліяніемъ тяжелаго кошмара; они отрывочно припоминаютъ факты, которые другіе стараются пробудить въ ихъ памяти, или же совершенно отрицаютъ ихъ. Пусть тотъ, кто захочетъ представить себѣ, насколько это возможно для здороваго ума, душевное состояніе этихъ страдальцевъ, постарается воскресить въ своей памяти самый ужасный сонъ, какой онъ когда-либо видѣлъ; пусть онъ припомнитъ его несообразности, невыразимое облегченіе, которое онъ почувствовалъ, когда, проснувшись, убѣдился, что это былъ только сонъ; тревожное впечатлѣніе, которое у него осталось, и свое нежеланіе даже мысленно переживать эти мучительныя подробности; и пусть затѣмъ вообразитъ, что это не сонъ, что страшный кошмаръ гнететъ его на яву, изо дня въ день, и что нѣтъ — какъ и не будетъ—надежды на избавленіе. Какой крикъ выразитъ его душевную муку, кромѣ вопля безмѣрнаго отчаянія: «Боже мой, Боже мой, зачѣмъ ты меня оставилъ»? Какой поступокъ выразитъ это, кромѣ самоубійства?

3. Другая форма эпилептическаго неистовства отличается буйнымъ характеромъ во все время своего теченія и въ психической формѣ можетъ быть

уподоблена такъ-называемому, *grand mal*, или настоящимъ эпилептическимъ судорогамъ. Она отличается отъ другихъ формъ помѣшательства своей внезапностью: предвѣстниковъ или вовсе не бываетъ или же они появляются лишь за нѣсколько часовъ до приступа. Обыкновенно они состоятъ въ головной боли, краснотѣ и блескѣ глазъ, измѣненіи голоса, легкихъ подергиваніяхъ лица или членовъ, тоскѣ, раздражительности и легкомъ возбужденіи. Второй признакъ, общій другимъ формамъ періодическаго помѣшательства, есть близкое сходство между приступами въ предварительныхъ симптомахъ, теченіи и исходѣ; тѣ же мысли, тѣ же слова, тѣ же поступки повторяются каждый разъ; приступы почти также похожи одинъ на другой, какъ и припадки эпилептическихъ судорогъ. Третій признакъ заключается въ неистовомъ характерѣ помѣшательства, дѣлающемъ одержимыхъ имъ предметомъ ужаса и опасности для больницы. Галлюцинаціи органовъ чувствъ весьма часты; напр., угрожающіе голоса въ ушахъ, сильное ощущеніе запаха въ носу, пламя или кровавый цвѣтъ передъ глазами. Ужасающія идеи овладѣваютъ ихъ умомъ; они видятъ вездѣ убійцъ, покушающихся на ихъ жизнь и впадаютъ въ неудержимую ярость. Замѣчательно однако, что, несмотря на изступленное состояніе, рѣчь у нихъ обыкновенно гораздо осмысленнѣе, чѣмъ у другихъ помѣшанныхъ, находящихся въ одинаковомъ возбужденіи. Они быстро понимаютъ вопросы и правильнѣе отвѣчаютъ на нихъ, и вѣрнѣе сознаютъ то, что̀ происходитъ вокругъ; а между тѣмъ, по странному противорѣчію, обнаруживаютъ почти

совершаемую потерю памяти относительно приступа, лишь только онъ прошелъ. Помѣшательство это обыкновенно не продолжительно, исчезаетъ послѣ нѣсколькихъ дней, или даже часовъ, и прекращается столь же внезапно, какъ и началось; иногда за нимъ слѣдуетъ короткій періодъ оцѣпенѣнія и затѣмъ человѣкъ становится снова самимъ собою, не сохраняя яснаго, или даже никакого воспоминанія о случившемся. Между этой общей формой помѣшательства и описываемой формой частнаго помѣшательства существуютъ, конечно, всевозможныя посредствующія ступени въ различныхъ случаяхъ.

4. Наконецъ, слѣдствіемъ продолжительнаго страданія падучей болѣзнью является ослабленіе умственныхъ способностей, начинающееся потерей памяти и кончающееся состояніемъ безумія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ страдаютъ главнымъ образомъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, нравственныя способности; больные впадаютъ въ состояніе нравственной тупости или нравственнаго помѣшательства; но подъ конецъ гибнутъ какъ нравственныя, такъ и умственныя способности. Время отъ времени повторяются въ этихъ случаяхъ порывы сильнаго неистоваго возбужденія.

Разряды симптомовъ, которые я изобразилъ въ общихъ чертахъ, обнимаютъ собою явленія, наблюдаемыя всего чаще въ связи съ падучей болѣзнью. Не слѣдуетъ однако предполагать, чтобы другія формы психическаго разстройства не находились иногда въ зависимости отъ нея; едва ли есть какая-либо форма душевныхъ болѣзней, которая не встрѣчалась бы иной

разъ вмѣстѣ съ эпилепсіей. Черта, весьма рѣзкая у эпилептиковъ, это болѣзненное развитіе религіознаго чувства; имъ нерѣдко являются видѣнія и въ нѣкоторыхъ случаяхъ признаютъ себя орудіями особыхъ откровеній свыше *). Подобно Сведенборгу они иногда возносятся на небо во плоти, совѣщаются съ ангелами, пророками и даже съ самимъ Всевышнимъ; или же ихъ, какъ Магомета, посѣщаютъ ангелы и они получаютъ пророческую миссію. Видѣнія ихъ дѣйствительно весьма походятъ на видѣнія, которыя, по разсказамъ, являлись нѣкоторымъ религіознымъ энтузіастамъ и послужили основаніемъ для нѣкоторыхъ религіозныхъ сектъ **). Будущей индуктивной психологіи предстоитъ интересная задача разобрать и разъяснить, какое число такъ называемыхъ откровеній свыше и религіозныхъ вѣрованій, основанныхъ на такихъ откровеніяхъ, было результатомъ разстроенной нервной дѣятельности — разстроеннаго психизма (mentalism), если намъ позволятъ ввести это слово — эпилептическаго или другого сроднаго характера.

---

*) Существуетъ интересная статья „о религіозномъ чувствѣ у эпилептиковъ" Джемса Гоудена (*Jour. of Mental Science, Jan.* 1873).

**) Можно было бы написать интересную главу о психической характеристикѣ эпилептическаго невроза. Иногда замѣчается громадная энергія, какъ напр., у Магомета, Наполеона и др.; иногда крайняя живость воображенія, способнаго останавливаться на тягостныхъ или отвратительныхъ предметахъ. Можно думать, что изобрѣтеніе современнаго сенсаціоннаго романа съ убійствами, двоеженствами и другими преступленіями есть плодъ эпилептическаго воображенія.

Весьма важно сохранять въ памяти, что существованіе падучей болѣзни можетъ нѣкоторое время ускользнуть отъ вниманія даже врача. Это можетъ случиться всего скорѣе, когда рядомъ съ ней существуетъ психическое разстройство, поглощающее все вниманіе. Приступы эпилептическаго головокруженія иногда такъ слабы, что ихъ принимаютъ за случайный обморокъ или дурноту; замѣчательно, кромѣ того, что такіе больные обращаются нерѣдко за совѣтомъ по поводу какого нибудь страданія, которое они относятъ на счетъ желудка или печени, и что настоящій характеръ ихъ болѣзни раскрывается только случайно или при разспросахъ, предложенныхъ для провѣрки возникшихъ подозрѣній. Другая причина, почему падучая болѣзнь остается неузнанной, зависитъ оттого, что припадки часто случаются только по ночамъ и что самъ больной можетъ не знать о нихъ. Въ виду всего этого становится крайне вѣроятнымъ, что во многихъ случаяхъ такъ называемаго временнаго помѣшательства можно, при внимательномъ разборѣ, найти связь съ падучей болѣзнью той или другой формы. Делазіовъ, который настаивалъ на частотѣ случаевъ неузнанной падучей болѣзни, приводитъ слѣдующій случай: „Г., выпущенный изъ Бисетра, былъ принятъ вновь послѣ убійства своей матери. На судѣ онъ былъ оправданъ на основаніи помѣшательства. Никто не подозрѣвалъ падучей болѣзни въ этомъ случаѣ; въ больницѣ Г. былъ все время въ здравомъ умѣ, за исключеніемъ рѣдкихъ и короткихъ приступовъ возбужденнаго состоянія до самой смерти, наступившей довольно скоро послѣ возвращенія въ

больницу. Нѣкоторыя обстоятельства заставили однако Делазіова подозрѣвать существованіе падучей болѣзни и при внимательномъ изслѣдованіи онъ открылъ, что временное помѣшательство больнаго и его открытые поступки стояли въ связи съ ночными припадками эпилепсіи.

Тотъ же психіатръ разсказываетъ про одного молодаго человѣка, хорошо воспитаннаго, образованнаго и принадлежащаго къ почтенному семейству, который былъ отправленъ въ тюрьму за воровство. Изъ тюрьмы его перевели въ Бисетръ, вслѣдствіе повторявшихся припадковъ падучей болѣзни. Тогда только выяснилось, что онъ уже нѣсколько лѣтъ страдалъ эпилепсіей, и что кража была результатомъ психическаго разстройства, стоявшаго въ связи съ его болѣзнью. Въ немъ были двѣ совершенно разныя природы. Одна обнаруживалась приблизительно за недѣлю до и послѣ припадка: онъ становился угрюмымъ и раздражительнымъ, невоздержнымъ, склоннымъ къ бѣшенымъ порывамъ и способнымъ на всякое зло. Въ этотъ періодъ онъ, сохраняя достаточно смысла для сознательнаго выполненія какого нибудь поступка, не имѣлъ необходимой ясности сужденія для оцѣнки нравственнаго свойства этого поступка и необходимой власти надъ собой для того, чтобы удержаться отъ зла. Во все же остальное время, когда больной былъ въ нормальномъ состояніи, онъ отличался совершенно противоположнымъ характеромъ: былъ человѣкомъ вполнѣ владѣющимъ своими чувствами и свободенъ отъ всякихъ странныхъ выходокъ. Иногда, вмѣсто этого нравственнаго

помѣшательства, съ нимъ дѣлался приступъ неистовства съ бѣшенствомъ. Что̀ сказать про философію, которая видитъ въ чисто умственномъ помѣшательствѣ результатъ болѣзни, а нравственное помѣшательство признаетъ просто развращенностью?

Нельзя сказать, чтобы въ убійствѣ, совершенномъ эпилептикомъ, были особыя характеристическія черты, которыя допускали бы распознаваніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Тѣмъ не менѣе приходится наблюдать всего чаще слѣдующіе признаки: отсутствіе понятнаго мотива и преднамѣренности, большую смѣлость и жестокость при совершеніи, излишнюю трату силъ, отсутствіе тайны, какъ при совершеніи убійства, такъ и послѣ него, поразительное равнодушіе и отсутствіе упрековъ совѣсти, неполное и отрывочное воспоминаніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла, если не совершенное забвеніе ихъ *). Когда убійца ложится спокойно спать возлѣ человѣка, котораго только-что лишилъ жизни, мы, очевидно, можемъ предполагать нѣчто ненормальное въ его психическомъ состояніи; а такъ какъ, съ другой стороны, намъ извѣстно, что глубокій сонъ слѣдуетъ обыкновенно за припадкомъ падучей болѣзни, то

*) „Всякій разъ, когда мы встрѣчаемся съ отдѣльными насильственными дѣйствіями, нападеніями на людей, убійствомъ, самоубійствомъ, поджогомъ, для которыхъ нельзя открыть побудительныхъ причинъ, и при внимательномъ изслѣдованіи находимъ потерю памяти послѣ совершенія преступленія вмѣстѣ съ періодическимъ повтореніемъ тѣхъ же самыхъ поступковъ и кратковременной продолжительностью припадка, мы можемъ признать существованіе маскированной эпилепсіи“. *I. Falret, Ann. Med. Psyc.* p. 162. Jan. 1873.

является вѣроятность, что преступленіе было плодомъ эпилептическаго невроза. Не слѣдуетъ предполагать, чтобы отсутствіе мотива и преднамѣренности, которое я представилъ какъ характеристическую черту эпилептическаго помѣшательства съ убійствомъ, встрѣчалось во всѣхъ случаяхъ; это явленіе частое, но не постоянное. Помѣшанный эпилептикъ можетъ приступать къ убійству обдуманно, подъ вліяніемъ чувства мести или ревности. Его двойная болѣзнь не освобождаетъ его отъ обыкновенныхъ дурныхъ страстей: зависти, ненависти, злобы, ревности; но, признавая его отвѣтственность, было бы несправедливо отдавать все наше вниманіе дурнымъ страстямъ; забывать, что человѣкъ, находящійся подъ ихъ вліяніемъ, помѣшанъ, и что они могутъ быть болѣзненно-извращенными чувствами, если и не дѣйствительными причинами или продуктами ложныхъ убѣжденій. Мы весьма нуждаемся въ терминѣ для обозначенія душевно-болѣзненныхъ чувствъ; терминѣ, который сохранялъ бы въ нравственной сферѣ столь же опредѣленное значеніе и давалъ бы столь же положительное понятіе о психическомъ (душевномъ) разстройствѣ, какъ слово бредъ въ приложеніи къ нелѣпымъ идеямъ. Бредъ—терминъ понятный для юристовъ, какъ признакъ помѣшательства; кто просвѣтитъ ихъ пониманіе изобрѣтеніемъ термина, который, будучи приложенъ къ основнымъ состояніямъ разстроенныхъ чувствъ и разстроенной воли, дастъ имъ возможность представить себѣ ясно такія состоянія и разсуждать о нихъ здраво? Настоящее слово есть всегда сила; оно даетъ опредѣленность представленію и выясняетъ факты; если-

бы настоящее слово для обозначенія разстроенныхъ чувствъ было найдено и вошло въ употребленіе, мы бы сейчасъ же замѣтили большую разницу въ понятіяхъ.

Хотя падучая болѣзнь, скрытая или явная, лежитъ, по моему мнѣнію, въ основѣ бо́льшей части случаевъ временнаго помѣшательства, необходимо признать существованіе и такихъ случаевъ, гдѣ положительно нѣтъ ни малѣйшихъ намековъ на падучую болѣзнь въ той или другой формѣ. Можно однако не безъ основанія подозрѣвать въ этихъ случаяхъ присутствіе опредѣленнаго душевно-болѣзненнаго невроза. При такомъ органическомъ предрасположеніи, настоящій приступъ остраго помѣшательства, продолжающійся не болѣе нѣсколькихъ часовъ или нѣсколькихъ дней, можетъ обнаружиться при какомъ нибудь внѣшнемъ возбужденіи; и втеченіе этого періода можетъ быть совершено убійство или другое преступленіе. Иногда случается, что женщиной послѣ родовъ овладѣваетъ приступъ остраго помѣшательства, всегда кратковременнаго, но втеченіе котораго она совершенно безсознательно можетъ убить своего ребенка. Результатомъ излишества въ употребленіи спиртныхъ напитковъ у человѣка, съ наслѣдственнымъ расположеніемъ къ помѣшательству, или у человѣка, въ которомъ первый приступъ оставилъ предрасположеніе ко второму, бываетъ иногда кратковременное острое помѣшательство неистоваго характера съ живыми галлюцинаціями и разрушительными наклонностями; подобное же слѣдствіе могутъ имѣть сильныя нравственныя потрясенія, половое возбужденіе и другія признанныя причины помѣшательства. Однажды меня

поздно ночью позвали къ молодой женщинѣ, которая находилась въ состояніи остраго, неистоваго помѣшательства, приводившаго въ отчаяніе весь домъ. Она легла съ вечера, жалуясь только на потерю аппетита и чувство общаго нездоровья и съ ней, совершенно внезапно, сдѣлался припадокъ психическаго разстройства. Я принялъ надлежащія мѣры и къ утру возбужденіе улеглось, оставивъ послѣ себя лишь нѣкоторую безсвязность мыслей: она крѣпко спала весь день и вскорѣ совершенно пришла въ себя. Подобные припадки были наблюдаемы даже на маленькихъ дѣтяхъ. Морель разсказываетъ два случая, гдѣ дѣти, изъ которыхъ одному было десять съ половиною лѣтъ, а другому только пять, впали въ судороги и потеряли способность рѣчи вслѣдствіе сильнаго испуга; вскорѣ потомъ у нихъ обнаружилось неистовое бѣшенство съ разрушительными наклонностями и постояннымъ безпокойствомъ; съ однимъ, кромѣ того, сдѣлалась падучая болѣзнь. Тотъ же авторъ приводитъ случай дѣвочки одинадцати лѣтъ, которая была подвержена припадкамъ неистоваго бѣшенства; во время одного изъ такихъ приступовъ она пыталась убить свою мать и бросалась на сестеръ. Она впослѣдствіи выздоровѣла.

Можно было бы привести много примѣровъ того же рода; но, мнѣ кажется, и эти достаточно убѣждаютъ, что временное помѣшательство, съ влеченіемъ къ убійству или другими разрушительными импульсами, можетъ быть вызвано какой нибудь сильной возбуждающей причиной у человѣка, страдающаго душевно-болѣзненнымъ неврозомъ, подобно тому, какъ эпилепти-

ческія судороги могутъ быть вызваны тамъ, гдѣ существуетъ эпилептическій неврозъ. Это настоящіе случаи остраго общаго помѣшательства, только продолжительность ихъ гораздо короче, чѣмъ въ обыкновенной формѣ этого помѣшательства. Не можетъ быть разногласія въ мнѣніяхъ относительно состоянія невмѣняемости лица, совершившаго преступленіе при такихъ обстоятельствахъ, если только можно привести удовлетворительныя доказательства въ пользу существованія приступа. Затрудненія возникаютъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда пароксизмъ длился очень короткое время и когда не было свидѣтелей для удостовѣренія въ его характерѣ: если припадокъ появился внезапно и внезапно прошелъ, то онъ могъ легко ускользнуть отъ вниманія. Всего легче это можетъ случиться, когда преступленіе не дошло до убійства и судьи не чувствуютъ того же сострадательнаго расположенія найти извиненіе и войти во всѣ подробности прошлой исторіи преступника.

Допуская съ полнымъ убѣжденіемъ существованіе приступа временнаго помѣшательства послѣ какого нибудь сильнаго внѣшняго возбужденія тамъ, гдѣ можно доказать эпилептическій или душевно-болѣзненный неврозъ, или поврежденіе головы, отъ котораго въ то самое время или позднѣе пострадали умственныя способности; или наконецъ тамъ, гдѣ отъ прежняго приступа помѣшательства осталась наклонность къ повторенію болѣзни,—я, конечно, отношусь съ крайнимъ недовѣріемъ къ тѣмъ случаямъ, когда временное помѣшательство приводится въ извиненіе преступленія тамъ, гдѣ нѣтъ

ни одного изъ перечисленныхъ условій. Возможно, что внезапный приступъ помѣшательства дѣйствительно овладѣлъ преступникомъ и прошелъ также внезапно, но пока единственнымъ доказательствомъ этого факта остается одно только преступленіе; благоразуміе заставляетъ отвергать такія заявленія.

Въ заключеніе этой главы будетъ, мнѣ кажется, умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ состояніи сознанія, имѣющемъ нѣкоторое сходство съ тѣми, которыя наблюдаются иногда въ падучей болѣзни; я говорю о сомнамбулизмѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые люди встаютъ во снѣ съ постели, совершаютъ цѣлый рядъ сложныхъ дѣйствій и снова ложатся въ постель, не просыпаясь; утромъ они чувствуютъ усталость, тоску, дурное расположеніе духа, но не помнятъ ничего изъ того, что̀ было съ ними ночью, или же припоминаютъ это только въ видѣ сна. Еслибы человѣкъ совершилъ преступленіе въ этомъ состояніи, то, конечно, не могло бы быть и рѣчи объ отвѣтственности. Не слѣдуетъ однако забывать, что сомнамбулизмъ можетъ быть притворнымъ и потому заявленіе о немъ въ первый разъ послѣ совершенія преступленія должно быть признано крайне подозрительнымъ. Состояніе это, если оно само по себѣ и не представляетъ особой формы нервнаго разстройства, во всякомъ случаѣ стоитъ въ тѣсномъ родствѣ съ такими нервными страданіями, какъ падучая болѣзнь, каталепсія или истерика; оно указываетъ на существованіе положительнаго невроза. Отсюда, у настоящаго лунатика можно во всѣхъ случаяхъ найти доказательства

предшествовавшихъ приступовъ этого, или какого нибудь другаго нервнаго разстройства *). Большинству врачей втеченіе ихъ практики приходилось наблюдать случаи несомнѣннаго сомнамбулизма; но, я полагаю, немногіе въ состояніи припомнить случай убійства или поджога, совершеннаго лунатикомъ. Подобные случаи были, правда, приведены много разъ различными писателями; но значеніе ихъ опредѣляется пока только авторитетомъ послѣднихъ и далеко нелегко прослѣдить и провѣрить эти явленія. Принимая однако въ разсчетъ сложныя дѣйствія, которыя лунатики совершаютъ въ снѣ, нѣтъ по самой природѣ вещей никакихъ основаній утверждать, что они въ такомъ состояніи не могутъ поджечь домъ, или совершить самоубійство или убійства **).

Всѣмъ извѣстно состояніе между сномъ и полнымъ пробужденіемъ, когда, прежде чѣмъ человѣкъ окончательно придетъ въ себя, видѣнія и представленія сна остаются еще нѣкоторое время въ сознаніи; такъ что

---

*) Я не зналъ, когда писалъ эти строки, что старинные медицинскіе писатели указывали уже на родство между падучей болѣзнью и сомнамбулизмомъ. Но въ недавно вышедшей книгѣ „*О мигрени и головныхъ боляхъ*“ д-ра Ливинга, я прочелъ, что д-ръ Дарвинъ, талантливый авторъ „*Зоономіи*“, обратилъ на это вниманіе, какъ равно и д-ръ Причардъ.

**) Американскія газеты передали недавно случай, гдѣ одинъ мальчикъ убилъ другаго во снѣ, вставъ съ постели въ припадкѣ сомнамбулизма и забравшись въ комнату своей жертвы съ помощью лѣстницы. Въ тюрьмѣ онъ всталъ однажды съ постели въ такомъ же состояніи, схватилъ бритву и покушался убить другаго заключеннаго.

человѣкъ, проснувшись, продолжаетъ, повидимому, еще видѣть образы и слышать голоса своего сновидѣнія. „Проснувшись однажды, послѣ мучительнаго сна, на самомъ разсвѣтѣ“, говоритъ Спиноза въ одномъ изъ своихъ писемъ, „я увидалъ передъ собой образы моего сна такъ же ясно, какъ будто это были настоящіе предметы. Одинъ образъ въ особенности, прокаженнаго негра, котораго я никогда въ жизни не видалъ, представлялся мнѣ съ поразительной ясностью; онъ однако блѣднѣлъ и даже исчезалъ до извѣстной степени, когда я, стараясь дать моимъ мыслямъ другое направленіе, останавливалъ глаза на книгѣ; но лишь только я позволялъ своимъ глазамъ блуждать по сторонамъ, какъ видѣніе вставало передо мной съ прежней живостью. Мало-по-малу оно стало блѣднѣть и наконецъ исчезло окончательно“.—Кэзобонъ говоритъ по тому же поводу:—„Аристотель, въ своемъ трактатѣ „*О сновидѣніяхъ*“, приводитъ случаи дѣтей и юношей, которые, проснувшись послѣ какого нибудь страшнаго сна, несмотря на открытые глаза и свѣтъ, внесенный въ комнату, продолжали нѣкоторое время думать, что видятъ собственными глазами то, что́ имъ снилось. А Витусъ Амербахіусъ, весьма ученый человѣкъ, въ своей книгѣ *De Animâ* (кн. 4) утверждаетъ, что то же самое случалось съ нимъ даже въ зрѣломъ возрастѣ,—если я вѣрно понялъ его слова. Какова бы ни была причина этого явленія, самое явленіе не подлежитъ сомнѣнію“. Большая часть людей, обращавшихъ вниманіе на свое психическое состояніе, могутъ привести подобные же случаи изъ личнаго опыта.

Для насъ важно имѣть въ виду, по поводу этихъ упорныхъ сонныхъ видѣній, что при временномъ помраченіи разсудка, которыми они сопровождаются, они могутъ повести къ какому нибудь противозаконному поступку. Извѣстны случаи, неподлежащіе ни малѣйшему сомнѣнію, гдѣ люди, пробуждаясь отъ страшнаго сна, во время котораго считали свою жизнь въ опасности, бросались на человѣка, будившаго ихъ, видя въ немъ врага, угрожавшаго имъ во снѣ. Маркъ приводитъ слѣдующій замѣчательный случай Бернара Шедмайцига, который внезапно проснулся ночью и увидалъ передъ собой страшное привидѣніе. Онъ два раза крикнулъ: „кто тутъ?" и, не получая отвѣта, вообразилъ, что привидѣніе приближается къ нему, схватилъ топоръ, лежавшій возлѣ, бросился на привидѣніе и убилъ свою жену. Извѣстенъ еще другой подобный же случай: — Констабль услышалъ ночью отчаянный крикъ: „спасите дѣтей!", раздававшійся изъ одного дома. Побѣжавъ туда, онъ увидалъ женщину въ ночномъ платьѣ, крайне взволнованную и смущенную. Все въ комнатѣ было разбросано; дѣти сидѣли прижавшись въ углу. Мать повторяла, „гдѣ мое дитя? Удержали ли вы его? Я, должно быть, выбросила его изъ окна". И дѣйствительно, она выбросила ребенка изъ окна, не отворяя рамъ. Ей приснилось, что дѣти кричатъ, что въ домѣ пожаръ и, вскочивъ впросонкахъ, оно схватила младшаго ребенка и, думая спасти его, выбросила на улицу *).

---

*) *Bucknill* and *Tuke's* Manual of Psychological Medicine.

Я не сомнѣваюсь, что въ этомъ состояніи кратковременнаго и проходящаго бреда, психическое состояніе весьма сходно съ тѣмъ, которое наблюдается у эпилептиковъ немедленно послѣ припадка, когда они, придя въ себя, начинаютъ бредить; только здѣсь оно гораздо мимолетнѣе. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ невольно является вопросъ, не предшествовалъ ли психическому помраченію и бреду просонковъ приступъ падучей болѣзни въ формѣ головокруженія или судорогъ? Какова бы ни была однако причина этого состоянія, оно, очевидно, должно освобождать отъ отвѣтственности всякаго человѣка, который имѣлъ несчастіе совершить какое нибудь преступленіе въ то время, когда былъ лишенъ сознанія того, что̀ онъ дѣлаетъ.

ГЛАВА VIII.

СТАРЧЕСКОЕ СЛАБОУМІЕ.

Симптомы старческаго слабоумія въ порядкѣ ихъ появленія: потеря памяти и воспріимчивости; безсвязность рѣчи; неспособность пониманія; полное психическое разрушеніе. — Сравненіе этихъ признаковъ съ симптомами, характеризующими естественное ослабленіе умственныхъ способностей въ преклонныхъ лѣтахъ. — Характеръ психическаго состоянія въ старческомъ возрастѣ. — Потеря душевныхъ способностей въ горячечныхъ и другихъ болѣзняхъ. — Потеря сознанія своей личности. — Афазія.

Въ этой главѣ я намѣренъ вкратцѣ описать явленія, характеризующія старческое слабоуміе, потому что нерѣдко возникаютъ серьёзные вопросы о дѣйствительности завѣщаній, когда человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, котораго умственныя способности пострадали, своимъ послѣднимъ распоряженіемъ разрушаетъ ожиданія людей, считавшихъ себя его наслѣдниками. Явленія эти интересны еще потому, что показываютъ поразительную прогрессивность умственнаго упадка, сопровождающаго разрушеніе мозга; упадка, который доходитъ иногда до полнаго психическаго уничтоженія раньше разрушенія тѣла. Необходимо съ самаго начала отдѣлить естественный упадокъ умственныхъ способностей,

который обыкновенно, въ бо́льшей или ме́ньшей степени, сопровождаетъ физическое разрушеніе старости, отъ ненормальнаго угасанія ума, извѣстнаго подъ названіемъ старческаго слабоумія; хотя между слабѣйшими степенями перваго и худшими фазами послѣдняго можно отыскать всѣ переходныя ступени. Легко видѣть отсюда, что весьма затруднительные судебно-медицинскіе вопросы должны иногда возникать въ такихъ случаяхъ, и что иногда рѣшеніе ихъ, каково бы оно ни было, открыто для критики.

Первый рѣзкій признакъ психическаго разрушенія при старческомъ слабоуміи есть ослабленіе памяти, въ особенности относительно близкихъ событій. Прошлое вспоминается иногда съ большой ясностью; но свѣжія впечатлѣнія не оставляютъ слѣдовъ, быстро сглаживаются и забываются. Это не значитъ, чтобы эти впечатлѣнія, во время ихъ воздѣйствія, не воспринимались нормальнымъ образомъ; въ этотъ ранній періодъ способность воспринимать остается еще непораженной, теряется только способность удерживать впечатлѣнія въ памяти. Такимъ образомъ случается, что посѣщеніе друга, или какое нибудь событіе, сильно интересовавшее въ данную минуту, совершенно изглаживается изъ памяти послѣ нѣсколькихъ дней; тогда какъ сходное событіе, случившееся много лѣтъ тому назадъ, помнится во всѣхъ подробностяхъ. Вслѣдствіе того, что впечатлѣнія настоящаго ускользаютъ отъ ума, а понятія и впечатлѣнія прошлаго сохраняются, происходитъ нарушеніе связи между обстоятельствами повседневной жизни и привычными мыслями, и человѣкъ можетъ по-

ступать и говорить совершенно несоообразно съ дѣйствительными фактами. Предположимъ, что такой человѣкъ узналъ о какомъ либо доставшемся ему имуществѣ, или о смерти кого нибудь, о которомъ онъ онъ хотѣлъ позаботиться въ своемъ завѣщаніи; вполнѣ возможно, что онъ забудетъ про эти факты, сохраняя вполнѣ или приблизительно прежнюю способность разсуждать въ сферѣ, не исчезнувшей изъ его памяти, и такимъ образомъ будетъ въ состояніи сдѣлать справедливое и разумное распоряженіе относительно того имущества, про которое онъ не забылъ, и тѣхъ людей, которыхъ онъ помнитъ. Съ другой стороны, можетъ случиться, что, сдѣлавъ свое завѣщаніе, онъ забудетъ про это и вскорѣ начнетъ снова писать другое завѣщаніе. Такимъ образомъ въ этихъ случаяхъ, кажущееся умственное разстройство бываетъ нерѣдко гораздо серьёзнѣе, чѣмъ дѣйствительное, если вникнуть какъ слѣдуетъ во всѣ обстоятельства дѣла. Пусть вниманіе такого старика будетъ сильно возбуждено какимъ нибудь внѣшнимъ событіемъ и факты представлены ему ясно,—онъ пойметъ ихъ надлежащимъ образомъ и обсудитъ ихъ здраво, хотя черезъ нѣсколько часовъ или дней можетъ при разспросахъ не дать отчета въ своихъ поступкахъ и словахъ: онъ способенъ еще сдѣлать разумное завѣщаніе, но, вслѣдствіе потери памяти, утратилъ способность заботиться о себѣ самомъ и управлять своими дѣлами.

Вслѣдъ за ослабленіемъ памяти, а иногда и одновременно, является ослабленіе воспринимающей способности; человѣкъ не въ состояніи усвоить всѣхъ

признаковъ предмета и ошибается относительно тожественности лицъ и мѣстъ. Вся дѣятельность его ума ограничивается прошлымъ, оцѣнка промежутковъ временно утрачена и воспріимчивость настоящихъ явленій ослаблена, самое теченіе идей принимается за дѣйствительность; онъ говоритъ такъ, какъ будто бы находился въ мѣстѣ, гдѣ былъ нѣкогда, или видитъ въ человѣкѣ, съ которымъ встрѣчается въ первый разъ, кого нибудь изъ своихъ старыхъ знакомыхъ. Тѣмъ не менѣе, если обратить его вниманіе на эту ошибку, онъ сознаетъ ее и иногда удивляется, что могъ до такой степени ошибиться; но на слѣдующій день дѣлаетъ снова тоже. Онъ продаетъ свое имѣніе и затѣмъ говоритъ о немъ, какъ о своей собственности; повторяетъ одинъ и тотъ-же вопросъ много разъ сряду, забывая, что онъ уже предложилъ его и получилъ отвѣтъ; не узнаетъ стараго пріятеля; освѣдомляется о здоровьи давно умершаго или разспрашиваетъ про человѣка, съ которымъ говоритъ, какъ про третье лицо. И, несмотря на все это, можно доказать документами, что онъ правильно пишетъ чеки, аккуратно ведетъ счетъ и не дѣлаетъ промаховъ въ управленіи дѣлами.

Не слѣдуетъ забывать того важнаго факта, что въ психическомъ состояніи человѣка могутъ происходить значительныя колебанія въ разное время, смотря по состоянію его общаго здоровья или другимъ причинамъ, въ которыхъ мы не всегда можетъ дать отчетъ. Случается, что онъ сегодня помнитъ событіе, о которомъ теряетъ всякое воспоминаніе завтра, и что одинъ день онъ ошибается въ личности, которую какъ нельзя

лучше узнаетъ нѣкоторое время спустя. Эти колебанія въ степени памяти и ясности воспріятій составляютъ дѣйствительно рѣзкія черты этого состоянія. Я былъ однажды приглашенъ изслѣдовать пожилую даму, и въ первый разъ не нашелъ въ ея психическомъ состояніи ничего ненормальнаго, кромѣ потери памяти относительно времени; но, пріѣхавъ къ ней во второй разъ, нѣкоторое время спустя, вмѣстѣ съ ея племянникомъ, я замѣтилъ, что когда онъ вышелъ изъ комнаты, она стала смѣшивать его съ его дѣдомъ, противъ котораго имѣла какое-то давнишнее неудовольствіе, и отзывалась о немъ сообразно съ этимъ, хотя, повидимому, при встрѣчѣ узнала его и говорила съ нимъ весьма ласково.

Когда, по мѣрѣ развитія процесса разрушенія, состояніе ухудшается, память и воспріимчивость постепенно падаютъ. Человѣкъ перестаетъ узнавать своихъ близкихъ, которыхъ видитъ постоянно и забываетъ тотчасъ-же все случившееся. Даже прошлое не вспоминается уже съ прежней ясностью; событія и лица смѣшиваются и разговоръ становится совершенно отрывочнымъ и безсвязнымъ. Онъ не узнаетъ, гдѣ онъ; не имѣетъ понятія о днѣ недѣли или времени дня; встаетъ иногда ночью, увѣряя, что теперь день, или ложится въ постель среди бѣлаго дня; думаетъ, что постоянно занятъ дѣлами, которыхъ не касался цѣлые годы, или удивляется, почему онъ ими не занятъ и бранитъ тѣхъ, которые, по его мнѣнію, мѣшаютъ ему. За разговоромъ онъ слѣдить не можетъ и понимаетъ самый простой вопросъ только тогда, когда его произносятъ

медленно и внятно; случается также, что, понявъ значеніе вопроса и намѣреваясь отвѣтить, онъ не имѣетъ возможности удержать мысль; въ его головѣ все путается и смѣшивается, прежде чѣмъ онъ доведетъ фразу до половины, и выраженія его, вслѣдствіе этого, становятся безсмысленными и безсвязными. Чувство страдаетъ наравнѣ съ умомъ въ этомъ общемъ разрушеніи; человѣкъ приходитъ къ идеальной для философа свободѣ отъ страстей, хотя иногда случается, что сохранившійся въ памяти отрывокъ прежней вражды придаетъ нѣкоторую оживленность его безсмысленной рѣчи. Подъ конецъ онъ не въ состояніи усвоить себѣ простѣйшаго вопроса, совершенно перестаетъ понимать, и отвѣты его, если онъ и отвѣчаетъ, безсмысленны и безсвязны до крайности. Онъ нерѣдко становится нечистоплотнымъ; теряетъ даже животные инстинкты и наклонности и въ такомъ состояніи продолжаетъ оставаться лишнимъ актеромъ на жизненной сценѣ, пока его не унесетъ изнуреніе или ударъ. Прежде, однако, чѣмъ настанетъ этотъ послѣдній стадіумъ разрушенія, является иногда бредъ съ періодами возбужденнаго состоянія: онъ боится злонамѣренности окружающихъ; ему кажется, что его хотятъ ограбить, разорить, убить; онъ теряетъ сонъ, жалуется, иногда кричитъ, и даже по временамъ впадаетъ въ бѣшенство. Приступы шумнаго возбужденія съ бредомъ и представленіями описаннаго выше характера составляютъ довольно обыкновенныя черты старческаго слабоумія въ той или другой ступени развитія.

Таково теченіе старческаго слабоумія — постепенно

усиливающагося упадка психической жизни до совершеннаго разрушенія того, что́ собственно называется душою. Бросимъ бѣглый взглядъ на начало этого состоянія и сравнимъ его симптомы съ первыми признаками естественнаго ослабленія умственныхъ способностей, свойственнаго преклонному возрасту. Существуетъ въ дѣйствительности особый складъ ума, свойственный старости. Старикъ проницателенъ, остороженъ, осмотрителенъ, скупъ на предположенія, зрѣлъ въ сужденіяхъ, разсчитанъ въ рѣчахъ и движеніяхъ; онъ думаетъ и поступаетъ медленно и осторожно, потому что утратилъ значительную долю энергіи и подвижности души и тѣла; его воображеніе менѣе богато и плодовито, замѣчается какая-то неподвижность ума, хотя подъ вліяніемъ сильнаго возбужденія онъ иногда можетъ вдругъ вспыхнуть съ прежней силой. Старикъ перестаетъ интересоваться настоящимъ и понимать его надлежащимъ образомъ; не можетъ усвоить себѣ новыхъ понятій, удаляется отъ участія въ современномъ движеніи, къ которому не чувствуетъ никакой симпатіи, а напротивъ, скорѣе антипатію; теряетъ способность инициативы, боится новыхъ предпріятій, вѣритъ только урокамъ прошлаго, восхищается только стариной, и какъ *laudator temporis acti* часто клеймитъ именемъ революціи то, что долженъ былъ бы привѣтствовать, какъ признакъ развитія. Ослабленіе способности усвоенія мозгомъ,—первый признакъ начинающагося разрушенія,—дѣлаетъ его неспособнымъ воспринимать и оцѣнивать должнымъ образомъ уроки настоящаго, и отнимаетъ у него самое необходимое условіе для вѣр-

наго пониманія и обсужденія. Поэтому, хотя старикъ можетъ быть полезнымъ совѣтникомъ, благодаря своему обширному опыту, его ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ выбирать руководителемъ дѣйствія. И такъ, это ослабленіе способности воспринимать или понимать характеръ и значеніе событій, составляетъ начало того упадка, который естественными ступенями переходитъ, наконецъ, въ совершенную потерю пониманія, столь характеристическую черту старческаго слабоумія. Далѣе, въ старикѣ проявляется не только нежеланіе или нерасположеніе получать новыя впечатлѣнія, но и прямая неспособность усвоивать или удерживать ихъ; мозгъ теряетъ какъ воспріимчивость къ новымъ впечатлѣніямъ, такъ и способность запоминать ихъ, вслѣдствіе чего они проходятъ, не оставляя прочныхъ слѣдовъ. Здѣсь мы снова видимъ начало того упадка, который естественными ступенями переходитъ въ рѣзкую потерю памяти относительно близкихъ событій въ старческомъ слабоуміи. Кромѣ того, умъ старика теряетъ способность воспроизведенія или воспоминанія, такъ что идеи не могутъ быть вновь вызваны по привычнымъ путямъ ассоціаціи. Наконецъ, изъ соединенія этихъ трехъ причинъ—слабости пониманія, памяти и воспроизведенія, необходимо возникаетъ неспособность комбинировать старыя и новыя впечатлѣнія въ новый продуктъ умственной дѣятельности,—другими словами, недостатокъ творческаго мышленія. Это начало того упадка, который въ окончательномъ развитіи превращается въ неспособность сравнивать между собою понятія и въ спутанность мыслей, характеризующія стар-

ческое слабоуміе. Къ этимъ явленіямъ умственнаго упадка мы можемъ прибавить упадокъ нравственныхъ способностей, встрѣчающійся обыкновенно въ преклонныхъ лѣтахъ, упадокъ, который при старческомъ слабоуміи доходитъ до совершеннаго уничтоженія.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, повидимому, что характеристическіе признаки старческаго слабоумія представляютъ лишь дальнѣйшій фазисъ развитія того же самаго рода перерожденія, которое проявляется въ первыхъ признакахъ умственнаго упадка старости. Не слѣдуетъ, однако, предполагать, что переходъ отъ последняго состоянія къ первому совершается во всѣхъ случаяхъ, или что когда онъ совершается, то представляетъ всегда картину постепеннаго и спокойнаго угасанія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ началомъ старческаго слабоумія служитъ періодъ возбужденія, которое придаетъ человѣку мнимую энергію и вводитъ въ заблужденіе его самого и всѣхъ близкихъ. Въ человѣкѣ обнаруживается иной разъ внезапная дѣятельность въ дѣлахъ или спекуляціяхъ, онъ совершаетъ самыя смѣлыя продажи и сдѣлки; начинаетъ пить, впадаетъ въ половыя и другія излишества; принимаетъ съ раздраженіемъ всякое вмѣшательство или ограниченіе со стороны другихъ и своимъ поведеніемъ причиняетъ тогда немало безпокойства своей семьѣ. Возбужденное состояніе представляетъ въ самомъ дѣлѣ родъ послѣдней вспышки угасающей энергіи и за нимъ слѣдуетъ старческое слабоуміе, иногда такъ, что переходъ отъ одного состоянія къ другому совершенно внезапенъ.

Важно замѣтить, что психическіе симптомы, весьма

сходные съ обусловленными атрофiей мозга въ старческомъ возрастѣ, могутъ происходить и отъ другихъ причинъ, нарушающихъ временно или постоянно цѣлость мозга. Мы наблюдаемъ тѣ же ступени потери памяти въ горячкахъ, послѣ ушибовъ головы, иногда послѣ удара и у людей, разстроившихъ свое здоровье излишествами. Весьма замѣчательно на первыхъ ступеняхъ развитія горячекъ и при разслабленіи, слѣдующемъ за острыми болѣзнями, то состояніе потери памяти, когда вниманіе не можетъ быть обращено въ длинный рядъ мыслей или на что либо, требующее продолжительнаго умственнаго напряженія. При дальнѣйшемъ развитіи горячечнаго состоянія становится очевиднымъ, что впечатлѣнія не оставляютъ никакаго слѣда, хотя въ данную минуту пониманіе было полное; мы видимъ пониманіе, за которымъ слѣдуетъ полное забвеніе. Еще позднѣе внѣшнія впечатлѣнія перестаютъ дѣйствовать на больного или воспринимаются имъ такъ, что онъ не можетъ составить себѣ яснаго представленія объ ихъ отношеніяхъ и смѣшиваетъ свои мысли съ дѣйствительными событіями. Рядомъ съ этой неспособностью къ воспринятію новыхъ впечатлѣній, можно видѣть, какъ и при старческомъ слабоуміи, поразительную живость прошлыхъ мыслей и отдаленныхъ воспоминаній, повидимому, совершенно изгладившихся; такъ, человѣкъ въ бреду говоритъ иногда на языкѣ, совершенно непонятномъ для него въ здоровомъ состояніи. Наконецъ, наступаетъ періодъ оцѣпененія, втеченіе котораго умъ какъ бы отрѣзанъ отъ внѣшняго міра и внутренняя дѣятельность прекращается совершенно.

или проявляется только въ мимолетныхъ вспышкахъ угасающей мысли. При умираніи, когда смерть не наступаетъ внезапно, человѣкъ нерѣдко проходитъ черезъ тѣ же ступени угасанія памяти и психической дѣятельности. И тотъ, кто хотѣлъ бы представить себѣ вѣроятное состояніе своей души въ этой послѣдней сценѣ, гдѣ онъ будетъ единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ и предметомъ общаго интереса зрителей, какъ бы плохо ни съигралъ свою роль, можетъ достигнуть цѣли, изучая послѣдовательныя ступени психическаго разрушенія. Не удивительно, что въ это время воскресаютъ въ умѣ воспоминанія дѣтства, и что умирающій лепечетъ слова, которыхъ никогда не повторялъ въ зрѣломъ возрастѣ; люди, которые склонны придавать большое значеніе этимъ выраженіямъ, не должны забывать, что имѣютъ передъ собой патологическое явленіе и, вслѣдствіе этого, должны остерегаться выводить утѣшительныя заключенія изъ явленій психическаго разрушенія.

При этихъ состояніяхъ психическаго разрушенія человѣкъ теряетъ иногда сознаніе своей личности. Было бы весьма желательно, чтобы метафизики, придающіе такое громадное значеніе единству Я и ссылающіеся на него столь часто въ своихъ философскихъ теоріяхъ, объяснили съ своей точки зрѣнія это разрушеніе сознанія собственной личности. Нѣтъ сомнѣнія, что духъ. даже если онъ выражается отрывочными вспышками въ поврежденномъ мозгу, не долженъ терять сознанія своей личности, — не долженъ забывать, кому онъ принадлежитъ. Для физіолога, который видитъ въ единствѣ Я

лишь всестороннюю и гармоническую дѣятельность различныхъ частей психической организаціи, не покажется удивительнымъ, что, когда роковымъ дѣйствіемъ разрушенія уничтожены мыслительные центры и привычные пути ассоціаціи, является нарушеніе гармоніи психической дѣятельности и разъединеніе въ сознаніи. Только противное могло бы удивить его. Совершенно естественно, что какъ душевная дѣятельность вспыхиваетъ безпорядочно и наконецъ угасаетъ прежде, чѣмъ прекратится органическая жизнь, такъ и потеря сознанія тождественности должна явиться прежде, чѣмъ, вслѣдствіе смерти тѣла, индивидуальность исчезнетъ окончательно и тотъ, кто былъ личностью, не сольется съ внѣшней природой.

Я остановился исключительно на симптомахъ старческаго слабоумія, но существуютъ и другія состоянія психическаго разрушенія, обусловленныя болѣзнью, которыя было бы слишкомъ долго разбирать здѣсь; такъ, напр., за апоплексіей слѣдуютъ иногда всѣ степени потери памяти съ слабостью умственныхъ способностей, и изученіе этихъ явленій можетъ въ значительной мѣрѣ бросить свѣтъ на темныя отношенія тѣла и души. Скажу, однако, нѣсколько словъ объ одномъ состояніи, слѣдующемъ иной разъ за апоплектическимъ ударомъ, именно о потерѣ способности рѣчи. При этомъ состояніи, называемомъ афазіей, не утрачена власть надъ мышцами рѣчи, нѣтъ паралича этихъ мышцъ; но существуетъ полное забвеніе словъ, служащихъ для выраженія мыслей. Человѣкъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ понимаетъ все, что̀ ему говорятъ, но не можетъ отвѣ-

тить ни единаго слова: какъ Захарія, послѣ видѣнія во храмѣ, онъ безмолвенъ; при попыткахъ говорить, онъ или дѣлаетъ напрасныя движенія губами, или издаетъ непонятные звуки. Въ другихъ случаяхъ человѣкъ не забываетъ совершенно словъ, но употребляетъ одни слова, вмѣсто другихъ; напр., желая спросить хлѣба, спрашиваетъ сапоги, и сердится, когда принесутъ сапоги. Если назвать ему настоящее слово, онъ иногда поправляетъ свою ошибку, или выраженіемъ лица показываетъ, что понялъ сказанное. Состояніе это сопровождается обыкновенно параличемъ правой стороны тѣла и его относили прежде къ перерожденію или разрушенію одной извилины лѣвой половины мозга — именно третьей лѣвой лобной извилины, которую, согласно съ этимъ, и провозгласили центромъ способности членораздѣльной рѣчи.

Понятно, что иногда должны возникать весьма трудные вопросы относительно степени умственныхъ способностей при этомъ афатическомъ состояніи. Такъ какъ потеряны обычные пути для проявленія умственной дѣятельности, то естественно возникаетъ затрудненіе при оцѣнкѣ ея состоянія. Нерѣдко возникали споры о дѣйствительности завѣщаній людей, страдавшихъ афазіей. Нѣкоторые наблюдатели, и во главѣ ихъ знаменитый французскій врачъ Труссо, придерживаются того мнѣнія, что умственныя способности всегда болѣе или менѣе поражены при афазіи; и что, далѣе, тѣ люди, которыя по выздоровленіи отъ этой болѣзни, утверждаютъ, будто во все время обладали полнымъ разсудкомъ, заблуждаются на свой счетъ. Они до извѣстной степени по-

ходятъ на людей спящихъ, которые воображаютъ во снѣ, что разсуждаютъ здраво и говорятъ краснорѣчиво, хотя мысли ихъ все время остаются безсвязными и рѣчи безсмысленными. Всѣ согласны въ томъ, что человѣкъ, владѣющій полнымъ разсудкомъ, долженъ найти средство показать это, несмотря на потерю членораздѣльной рѣчи; потому что членораздѣльная рѣчь есть только одна изъ разновидностей языка выраженія. Онъ не въ состояніи писать, потому что его правая рука парализована; но если бы вся бѣда ограничивалась этимъ, онъ вскорѣ выучился бы не хитрому искусству писать лѣвой рукой, или составлялъ бы изъ отдѣльныхъ буквъ слова, которыя ему нужны. Такъ и поступаютъ нѣкоторые больные. Въ отчетѣ больницы св. Георгія за 1867 г. д-ръ У. Огль приводитъ, между прочимъ, случай афазіи: больной этотъ свободно писалъ лѣвой рукой слова, которыя, несмотря на всѣ усилія, не могъ выговорить. Умъ его казался совершенно яснымъ; онъ принималъ живое участіе во всемъ, что̀ происходило вокругъ, понималъ все, что̀ говорили, слушалъ, смѣялся и выражалъ свои чувства и мысли цѣлесообразными движеніями. Бываетъ, однако, къ сожалѣнію, много случаевъ, гдѣ вмѣстѣ съ способностью говорить теряется способность выражать свои мысли письменно,— гдѣ состояніе аграфіи присоединяется къ состоянію афазіи: больной вполнѣ понимаетъ слова, сказанныя и написанныя, но самъ не можетъ выражать своихъ мыслей ни тѣмъ, ни другимъ способомъ.

Здѣсь не мѣсто входить въ общій разборъ вопроса о природѣ афазіи, столь же интереснаго съ психологиче-

ской точки зрѣнія, какъ и труднаго. Насъ касается только практическая сторона этого вопроса, именно способенъ ли человѣкъ, страдающій афазіей, составить завѣщаніе. Весьма возможно, что онъ не въ состояніи долго думать объ одномъ предметѣ, что мысли, чувства и воля его пострадали, и что въ немъ, несмотря на это, уцѣлѣло ясное представленіе о размѣрахъ его имущества и способность разумно распорядиться имъ. Факты ни въ какомъ случаѣ не позволяютъ намъ утверждать съ положительной увѣренностью, что человѣкъ, страдающій афазіей, лишенъ завѣщательной способности. Въ одномъ процессѣ, Пикокъ и Лоу, который разбирался въ англійскомъ опекунскомъ судѣ (Probate Court) и былъ проигранъ па основаніи положительныхъ данныхъ въ пользу завѣщанія, всѣ знавшіе завѣщателя приводили несомнѣнныя доказательства ясности его умственныхъ способностей. Онъ, правда, не могъ говорить, но держалъ при себѣ постоянно лексиконъ, указывалъ въ немъ слова, которыя были ему нужны и успѣвалъ передавать такимъ образомъ свои мысли вполнѣ понятно. Съ другой стороны, несомнѣнны и такіе случаи афазіи, гдѣ умственныя способности сильно страдаютъ и гдѣ больной совершенно неспособенъ сдѣлать завѣщаніе. Рѣшеніе вопроса зависитъ отъ всѣхъ особенностей каждаго отдѣльнаго случая, отъ проявленій умственнаго состоянія больнаго, въ общемъ характерѣ его поступковъ и способѣ, который онъ выбираетъ для выраженія своихъ желаній.

ГЛАВА IX.

ПРЕДОТВРАЩЕНІЕ ПОМѢШАТЕЛЬСТВА.

Способность человѣка предотвращать въ себѣ помѣшательство. — Смягченныя проявленія душевно-болѣзненнаго темперамента.— Упражненіе силы самообладанія при помѣшательствѣ. — Постепенное развитіе характера. — Развитіе воли: ея власть надъ мыслями и чувствами.—Переходъ помѣшательства изъ рода въ родъ.—Неблагоразумные браки. — Тиранія любви. — Вырожденіе и возрожденіе рода. — Усиленіе невротическаго типа.—Наслѣдственное предрасположеніе, невоздержаніе и душевное безпокойство, какъ причины помѣшательства.—Объясненіе дурныхъ послѣдствій невоздержанія. — Предотвращеніе помѣшательства воспитаніемъ.—Цѣль разумнаго воспитанія. — Самообразованіе, какъ одна изъ цѣлей жизни. — Непослѣдовательность мысли, чувства и поступковъ; вредное вліяніе ея на характеръ. — Умственная дѣятельность, требуемая дѣловыми занятіями; почему она не удовлетворяетъ требованіямъ правильнаго умственнаго развитія. — Ошибочный взглядъ на религіозныя обязанности. — Контроль надъ чувствами.—Напряженность умственной работы не бываетъ причиной помѣшательства. — Полное развитіе умственныхъ способностей предохраняетъ отъ помѣшательства. — Неразвитыя умственныя силы. — Изученіе естественныхъ наукъ, какъ средство умственнаго и нравственнаго воспитанія. — Гос-

подство закона въ ходѣ развитія человѣка.—Нравственныя обязанности, вытекающія изъ сознанія этого факта.

Большинство людей, страдавшихъ душевною болѣзнью, чувствовали, должно быть, въ томъ или другомъ періодѣ жизни, что имъ очень легко сойти съ ума; что для сохраненія здраваго разсудка требуется съ ихъ стороны нѣкоторое усиліе. У лицъ съ наслѣдственною наклонностью къ помѣшательству это усиліе, очевидно, должно быть постояннымъ и тяжелымъ, потому что въ иныхъ случаяхъ имъ приходится постоянно бороться съ напряженнымъ стремленіемъ ихъ организма. Спрашивается, въ какой же степени человѣкъ отвѣтственъ въ томъ, что сходитъ съ ума? До сихъ поръ вопросомъ этимъ немного занимались, хотя онъ вполнѣ достоинъ самаго внимательнаго изученія, такъ какъ несомнѣнно, что человѣкъ имѣетъ, или могъ бы имѣть нѣкоторую способность къ предотвращенію въ себѣ помѣшательства *). Какимъ бы путемъ оно ни возникло, во всякомъ случаѣ замѣчается упадокъ господства воли, утрата способности къ правильному сочетанію

---

*) Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ была издана небольшая книга подъ заглавіемъ „Способность человѣка предотвращать и контролировать въ себѣ помѣшательство" (Man's Power over Himself to prevent or control Insanity). Она принадлежала къ собранію Маленькихъ Книжекъ о Великихъ Вещахъ и содержитъ сущность двухъ лекцій, читанныхъ покойнымъ преподобнымъ Джономъ Барлоу въ Королевскомъ Институтѣ. Въ своемъ родѣ, книжка эта превосходна; но авторъ смотритъ на предметъ исключительно съ нравственной точки зрѣнія и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, несомнѣнно преувеличиваетъ значеніе власти человѣка надъ собой.

идей и чувствъ; а между тѣмъ благоразумное развитіе контроля воли надъ мыслями и чувствами есть сила, въ значительной степени ограждающая умственное здоровье. Мы видимъ иногда, что два человѣка, одержимые тою же наслѣдственною ненормальностью и, насколько мы можемъ судить, почти въ одинаковой степени предрасположенные къ помѣшательству, очень далеко расходятся на жизненномъ пути: одинъ достигаетъ извѣстности и успѣха; другой приходитъ къ самоубійству или сумасшествію. Великая цѣль, упорно преслѣдуемая впродолженіе всей жизни, цѣль давшая стремленіямъ личности опредѣленное направленіе и, слѣдовательно, требовавшая большаго самоотверженія и власти надъ собой, была, можетъ быть, спасительнымъ искусомъ для одного изъ нихъ. И, напротивъ, отсутствіе такой жизненной цѣли, важной само по себѣ или по содѣйствію къ развитію самообладанія, достиженіе котораго требовалось отъ личности, оставило другаго безъ достаточно сильныхъ побужденій къ господству надъ собою, и такимъ образомъ открыло доступъ безпорядочному потоку мыслей и чувствъ, подготовляющему помѣшательство.

Любопытно и поучительно наблюдать въ этомъ отношеніи странныя и спасительныя проявленія дѣятельности, служащія иногда отводомъ органической наклонности къ помѣшательству. Такую роль играетъ, можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ крайняя скупость, или фанатическая приверженность къ крайнимъ религіознымъ мнѣніямъ или обрядамъ; въ наше время нерѣдко имѣютъ тотъ же смыслъ нелѣпости воображаемыхъ сношеній съ міромъ духа или иногда болѣзненная наклонность

къ поэтической восторженности и страстное проповѣдываніе соціальныхъ или политическихъ теорій. Этихъ общихъ примѣровъ достаточно для поясненія моей мысли; но само собою разумѣется, что есть множество частныхъ эксцентричностей, которыя здѣсь поименованы быть не могутъ и имѣютъ совершенно такое же значеніе. Какъ ни печальны, глупы или опасны нѣкоторыя проявленія подобнаго сумасбродства, на нихъ все-таки слѣдуетъ смотрѣть снисходительно, какъ на счастливый исходъ наклонности къ помѣшательству. Я считаю себя вправѣ назвать такой исходъ счастливымъ, потому что иначе дѣло могло бы кончиться настоящимъ помѣшательствомъ. Эти эксцентричности — смягченныя формы болѣзни, родъ скрытнаго помѣшательства.

Когда приступаешь къ обсужденію вопроса, какіе дать совѣты человѣку, который хочетъ знать, что ему дѣлать для огражденія себя отъ приступа помѣшательства, обширность и трудность задачи кажутся почти подавляющими. Нѣтъ сомнѣнія, что въ способности къ саморазвитію, болѣе или менѣе присущей каждому человѣку, заключается сила, которая можетъ предупредить помѣшательство. Можетъ быть, немногіе сходили бы съ ума,—по крайней мѣрѣ отъ нравственныхъ причинъ — если бы люди умѣли понимать свои природныя свойства и систематически ихъ развивать. Практическое знакомство съ помѣшанными убѣждаетъ насъ въ страшномъ самообладаніи, на которое способны даже они подъ вліяніемъ соотвѣтственныхъ побужденій. Боязнь пострадать за уступку болѣзненнымъ наклонностямъ во

многихъ случаяхъ достаточна для ихъ обузданія. Временная утайка существующихъ нелѣпыхъ идей и положительное отрицаніе ихъ, когда откровенность кажется опасной, а скрытность обѣщаетъ извѣстныя выгоды, свидѣтельствуютъ о такой власти надъ собою, которой могли бы позавидовать люди въ здравомъ умѣ. Приведенные въ предыдущихъ главахъ примѣры помѣшательства съ наклонностью къ самоубійству и убійству доказываютъ, что даже отчаяннѣйшимъ душевноболѣзненнымъ импульсамъ человѣкъ можетъ иногда сопротивляться съ успѣхомъ впродолженіе извѣстнаго времени; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ преодолѣваетъ ихъ навсегда. Въ способности помѣшанныхъ къ самообладанію и въ умѣніи приставленныхъ къ нимъ лицъ возбуждать эту способность заключается истинная причина того, что больницы для помѣшанныхъ, бывшія прежде притономъ безпорядка, бѣшенства и насилія, сдѣлались теперь, большею частью, мѣстомъ спокойствія и порядка. Начало выздоровленія отъ умственнаго разстройства всегда состоитъ въ возобновленіи дѣятельности воли, которое возможно потому, что многія формы болѣзни не сопряжены съ болѣзненными матеріальными измѣненіями и представляютъ *функціональное,* а *не органическое* страданіе. Но если и въ пораженномъ умѣ контролирующая сила еще настолько значительна, что можетъ обуздывать проявленія помѣшательства и затѣмъ, даже при переходѣ его въ дѣятельную фазу, полагать начало выздоровленію; то не даетъ ли это намъ права думать, что, при соотвѣтственномъ первоначальномъ воспитаніи и упражненіи этой контролирующей

силы, самое возникновеніе помѣшательства могло бы быть предупреждено? Къ сожалѣнію, часто случается, что эта сила всего менѣе развита именно тамъ, гдѣ она всего болѣе нужна.

Было бы совершенно безполезно внушать правила саморазвитія человѣку, котораго характеръ уже принялъ извѣстную форму. Характеръ слагается медленно и постепенно, подъ вліяніемъ дѣйствій, находящихся въ извѣстномъ соотношеніи къ условіямъ жизни. Онъ не можетъ образоваться вдругъ, посредствомъ одного размышленія. Безъ привычки, человѣку также невозможно хотѣть, какъ и говорить. Научиться тому и другому онъ можетъ однимъ только путемъ—упражненіемъ. Очень многозначительно выраженіе, что характеръ человѣка есть его исторія; а въ дополненіе можно сказать, что кто хочетъ передѣлать характеръ, долженъ уничтожить исторію цѣлой жизни. Постоянные и неизмѣнные законы, управляющіе событіями, господствуютъ въ области мысли точно такъ же, какъ и во всякой другой области природы.

Поразительный примѣръ трудности ясно понять это господство закона въ развитіи характера и въ событіяхъ человѣческой жизни, представляетъ намъ осужденіе, которому, со стороны извѣстныхъ критиковъ, подвергся Гёте за то, что привелъ своего Вертера къ самоубійству, вмѣсто того, чтобы просвѣтить взглядъ его на вещи, успокоить чувства и дать ему, послѣ его страданій, тихую и мирную жизнь. Обдумавъ вопросъ глубже, эти критики поняли бы, что самоубійство—естественная и неизбѣжная развязка болѣзненныхъ страданій такого

рода натуры. Оно было окончательнымъ взрывомъ мины, давно подготовлявшейся событіемъ, неизбѣжнымъ, какъ смерть цвѣтка, пораженнаго червемъ. Самоубійство или помѣшательство—естественный конецъ болѣзненно чувствительной природы съ слабою волею, неспособною бороться съ тяжелымъ опытомъ жизни. Философствовать съ человѣкомъ, приведеннымъ жизнью къ рубежу безумія,—тоже, что предписывать умѣренность урагану.

Не могу не придти къ заключенію, что моралисты иногда сильно преувеличиваютъ прямую подчиненность мыслей и чувствъ волѣ, какъ абстрактному цѣлому, и въ то же время недостаточно принимаютъ въ соображеніе медленный и постепенный ходъ развитія конкретной воли. Высшее усиліе умственнаго прогресса, вѣнецъ строя человѣческой природы, подчиняется физіологическому развитію столь же дѣйствительно, хотя и менѣе видимо, какъ и то, чѣмъ первная система человѣка отличается отъ нервной системы низшихъ животныхъ. Время и систематическое упражненіе необходимы для постепеннаго устройства снаряда, въ которомъ должна проявиться ея дѣятельность. Никто не можетъ, простымъ усиліемъ воли, заставить себя думать извѣстнымъ образомъ или извѣстнымъ образомъ чувствовать или даже, хотя это и легче, постоянно дѣйствовать по извѣстнымъ правиламъ. Но вліяніемъ своимъ на обстоятельства, которыя, въ свою очередь, воздѣйствуютъ на него, человѣкъ можетъ незамѣтно измѣнять свой характеръ. Призывая къ себѣ на помощь внѣшнія обстоятельства, онъ можетъ пріучить себя отвлекать свой умъ отъ извѣстнаго порядка мыслей и

чувствъ, которыя вслѣдствіе этого ослабѣваютъ, и направить его къ другому ряду чувствъ и мыслей, которыя вслѣдствіе этого становятся дѣятельнѣе. Такимъ постояннымъ наблюденіемъ за собою и продолжительнымъ упражненіемъ воли въ надлежащемъ направленіи, человѣкъ нечувствительно создаетъ привычку къ тому складу мыслей, чувствъ и поступковъ, котораго онъ желалъ бы достигнуть. Постепенно онъ можетъ довести свой характеръ до идеала, который взялъ за образецъ.

Развитіе способности согласовать въ сложномъ движеніи дѣйствіе различныхъ отдѣльныхъ мышцъ, для достиженія извѣстной спеціальной цѣли, составляетъ настоящее развитіе силы воли въ такого рода произвольныхъ движеніяхъ. Такимъ же образомъ, развитіе способности согласовать идеи и чувства есть въ сущности развитіе волевой дѣятельности, требующейся для достиженія спеціальной жизненной цѣли. Есть множество конкретныхъ желаній, но не существуетъ абстрактной воли, обособленной отъ частныхъ желаній. Путемъ упражненія, человѣкъ можетъ достигнуть замѣчательной власти надъ мышцами своего тѣла и согласовать ихъ дѣйствія для выполненія сложныхъ движеній, которыя, безъ предварительной подготовки, такъ же ему недоступны, какъ летаніе. Мышцы привыкаютъ повиноваться въ извѣстномъ направленіи велѣніямъ его воли. Такимъ же точно образомъ, можетъ онъ пріобрѣсть, путемъ упражненія, замѣчательную власть надъ мыслями и чувствами своего ума, согласуя ихъ дѣйствіе для опредѣленной жизненной цѣли и пріучая ихъ въ этомъ направленіи къ постоянному повино-

венію велѣніямъ его воли, стремящейся къ своему идеалу. Наши пріюты для идіотовъ представляютъ поразительные примѣры постепеннаго развитія господства воли надъ движеніями и идеями, даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Отчеты этихъ заведеній доказываютъ, что, какъ бы идіотъ ни былъ тупъ, его все-таки можно довести терпѣливыми и настойчивыми воспитательными мѣрами до нѣкотораго самообладанія, тѣлеснаго и умственнаго. Но хотя нѣтъ сомнѣнія, что при правильномъ развитіи сила воли можетъ быть очень велика, не слѣдуетъ, однакоже, упускать изъ виду фактъ, что достигнуть подобнаго развитія можно только постепеннымъ воспитаніемъ и долгимъ упражненіемъ въ соотношеніи къ даннымъ жизненнымъ условіямъ.

Послѣ этого уже понятно, почему, при внимательномъ обсужденіи вопроса, какой дать совѣтъ человѣку, который боится впасть въ помѣшательство, мы слишкомъ часто видимъ, что дѣйствительно и серіозно полезнаго совѣта дать невозможно. Его характеръ, развившійся извѣстнымъ образомъ, отвергнетъ совѣты, идущіе въ разрѣзъ съ его наклонностями. Мы не можемъ уничтожить работу многихъ лѣтъ, ни разрушить его умственную организацію, и приходимъ къ заключенію, что совѣтъ нашъ тогда только можетъ принести какую нибудь пользу, если онъ будетъ относиться къ направленію воспитанія. Врачи скоро убѣждаются въ томъ, какъ мало самые лучшіе совѣты дѣйствуютъ на тѣхъ, которые, сознавая наклонность свою къ помѣшательству, обращаются къ нимъ съ вопросомъ, что́ имъ дѣлать для спасенія себя отъ угрожающей опасности:

они слушаютъ внимательно, соглашаются, пожалуй, даже съ благодарностью, уходятъ и—продолжаютъ вести себя точь въ точь какъ прежде.

При серьозномъ намѣреніи остановить развитіе или уменьшить число случаевъ возникновенія помѣшательства, пришлось бы, однакоже, возвратиться назадъ еще дальше и составить правила для предотвращенія передачи болѣзни, принадлежащей къ числу наслѣдственныхъ въ самой высокой степени. Она не переходитъ отъ одного къ другому, какъ оспа или тифъ, и этимъ путемъ не можетъ распространиться въ данной общинѣ; такъ какъ помѣшанный, къ счастію, всегда является въ меньшинствѣ одного противъ всѣхъ, и обыкновенно не заражаетъ другихъ своими болѣзненными убѣжденіями. Но, къ несчастію, помѣшательство такая болѣзнь, что присутствіе ея въ одномъ изъ родителей можетъ сообщить ребенку болѣе или менѣе сильное предрасположеніе къ подобной же болѣзни. Врачъ практикъ, съ достаточно обширнымъ полемъ наблюденій, ни въ чемъ не убѣждается такъ несомнѣнно, какъ въ томъ, что наслѣдственное предрасположеніе, въ той или другой формѣ, играетъ важнѣйшую роль въ возникновеніи помѣшательства. Едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что, помимо случаевъ, вызванныхъ осязательными физическими причинами, сходятъ съ ума почти сплошь такія лица, на чьей походкѣ, манерахъ, движеніяхъ, складѣ мыслей, чувствъ и поступковъ, лежитъ какъ бы печать предопредѣленія къ помѣшательству. Унаслѣдованная наклонность можетъ быть сильная или слабая: слабая до того, что разсудокъ человѣка почти не под-

вергается опасности среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ; сильная—до такой степени, что приводитъ къ взрыву помѣшательства при самой счастливой внѣшней обстановкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы мы занимались разведеніемъ какой нибудь породы животныхъ, то не стали бы выводить ее отъ особи, лишенной свойствъ, составляющихъ высшую характерную особенность вида: не захотѣли бы взять на племя гончую безъ чутья, или борзую съ плохимъ бѣгомъ, или скаковую лошадь, которая плохо держится на ногахъ и плохо скачетъ. Можно ли, стало быть, одобрять размноженіе нашего племени лицами, лишенными высшей принадлежности человѣка—здороваго и устойчиваго душевнаго устройства? Предлагаю этотъ вопросъ, какъ одинъ изъ тѣхъ, которые требуютъ серьёзнаго разсмотрѣнія и искренняго отвѣта, хотя не надѣюсь, чтобы человѣчество, на настоящей ступени своего развитія, серьёзно отнеслось къ нему или искренно на него отвѣтило.

Размышляя о безпечности, съ которою многія лица вступаютъ въ бракъ, несмотря ни на какіе свои умственные и физическіе недостатки, безъ всякаго сознанія отвѣтственности за страданія тѣхъ, кому они передадутъ свое увѣчье, вообще безъ всякой мысли о чемъ бы то ни было, кромѣ настоящаго своего удовлетворенія,—невольно приходишь къ заключенію, что человѣкъ не то по преимуществу мыслящее и нравственное существо, какимъ онъ себя провозглашаетъ; или что онъ одаренъ инстинктомъ болѣе глубокимъ, нежели наше знаніе. Справедливо или нѣтъ, но онъ себя увѣ-

рилъ, что, насколько дѣло касается его лично, въ чувствѣ половой любви есть нѣчто крайне таинственное и священное, оправдывающее пренебреженіе послѣдствіями супружества. Стóитъ взглянуть на мѣсто, отводимое любви въ романахъ, стихахъ и живописи и взвѣсить массу сумасбродствъ, оправдываемыхъ ею, чтобы съ совершенною ясностью понять, какую власть она имѣетъ надъ человѣкомъ на настоящей ступени его развитія и съ какимъ отвращеніемъ отнесу́тся къ попыткѣ погасить лучи ея холодными словами разсудка. Въ сущности, однако же, нѣтъ въ ней ничего особенно священнаго. Напротивъ, это страсть общая у человѣка и прочихъ животныхъ; и ничто лучше изученія существенныхъ ея свойствъ и отправленій не доказываетъ тожественности природы человѣка и животныхъ.

Въ этой тожественности мы и находимъ объясненіе возбужденности, ликованій, нарядовъ и пировъ, которыми до сихъ поръ обыкновенно сопровождаются браки, несмотря на то, что разсудокъ совѣтовалъ бы, пожалуй, побольше спокойствія и сдержанности. И въ самомъ дѣлѣ, мудрено бы было назвать очень нелѣпымъ если бы разсудительный человѣкъ, который, обсудивъ съ живымъ участіемъ торжественное значеніе брака и тяжелую отвѣтственность, съ нимъ сопряженную, сталъ бы утверждать, что мужчины и женщины должны вступать въ бракъ въ трезвомъ настроеніи духа и нѣкоторомъ раздумьи, съ глубокимъ сознаніемъ своей отвѣтственности, какъ если бы они пускались въ опасное путешествіе. Всякое ликованье должно бы откладывать до окончанія пути, до минуты, когда хорошимъ испол-

неніемъ своихъ задачъ они бы дѣйствительно заслужили свое nunc plaudite. Но это было бы противно порядку природы, гдѣ, при наступленіи брачнаго времени, всюду проявляется подобная же возбужденность. Растительнымъ и животнымъ царствомъ овладѣваетъ тогда настоящій восторгъ, который выражается во всей прелести красокъ, во всей гармоніи звуковъ. Цвѣты—облаченіе любви; весеннія мелодіи птицъ—любовные гимны. Температура растенія возвышается и оно сіяетъ такою красотою, что „и Соломонъ во всей своей славѣ не наряжался такъ, какъ каждое изъ нихъ“. Птицы покрыты болѣе яркими перьями и выражаютъ восторгъ свой множествомъ страстныхъ мелодій. Всюду жизненная дѣятельность становится восторгомъ или экстатическимъ трепетомъ любви. Гармонія человѣка съ остальной природой выражается въ подобномъ же восторженномъ состояніи.

Въ виду такого инстинкта можетъ показаться жестокимъ предписывать, для предупрежденія и регулированія браковъ, правила, согласныя съ требованіями трезваго разсудка, даже и въ томъ случаѣ, если бы наука уже достигла степени развитія, необходимой для точности и авторитетности подобныхъ правилъ. Кромѣ того, мы еще слишкомъ мало знаемъ, какъ велики могутъ быть возмещающія преимущества браковъ, повидимому неблагоразумныхъ. Легче и пріятнѣе допустить, что покуда людямъ слѣдуетъ вступать въ браки и соединять бракомъ другихъ безъ особенныхъ раздумываній, „въ надеждѣ, что міровой планъ всѣхъ выручитъ“.

Тѣмъ не менѣе, есть извѣстный итогъ положительнаго знанія, который мы обязаны признать, какъ бы затѣмъ имъ ни распорядились. Не подлежитъ сомнѣнію, что патологическое развитіе — или, точнѣе, патологическій регрессъ—ума совершается въ послѣдовательномъ рядѣ поколѣній. Ходъ процесса приблизительно слѣдующій: въ первомъ поколѣніи замѣчается иногда только преобладаніе нервнаго темперамента, раздражительность, наклонность къ приливамъ крови къ головѣ съ страстными или бѣшеными взрывами. Во второмъ поколѣніи болѣзненныя наклонности усиливаются, выражаясь въ кровоизліяніяхъ въ мозгу и въ появленіи такихъ неврозовъ, какъ падучая болѣзнь, истерика и ипохондрія. Въ третьемъ поколѣніи, если регрессивному процессу не было противопоставлено никакихъ преградъ, мы уже встрѣчаемъ инстинктивныя наклонности дурнаго свойства, которыя проявляются въ эксцентрическихъ, безпорядочныхъ и опасныхъ поступкахъ съ припадками извѣстныхъ формъ помѣшательства. Наконецъ въ четвертомъ поколѣніи положеніе дѣлъ еще ухудшается, и мы видимъ глухо-нѣмоту, слабоуміе, идіотизмъ и безплодіе, которымъ и заканчивается патологическій процессъ. Таковъ ходъ вырожденія, если оно совершается безпрепятствено.

Но возможно и противоположное явленіе возрожденія семейства, путемъ счастливыхъ супружествъ, правильнаго воспитанія и благоразумнаго рода жизни. Регрессивная наклонность можетъ быть такимъ образомъ ослаблена. Возможно допустить, что со временемъ она и вовсе уничтожится. При настоящемъ порядкѣ вещей

подобное возрожденіе всегда случайно и никогда не совершается намѣренно, по обдуманному плану. Вопросъ, какъ достигнуть его намѣренно, систематически, безъ сомнѣнія, до крайности сложенъ и труденъ; но онъ все-таки принадлежитъ къ сферѣ, доступной способностямъ человѣка. Первое условіе успѣшнаго изслѣдованія заключается въ томъ, чтобы люди пришли къ убѣжденію, что событія, повидимому въ такой степени прихотливыя, какъ слабоуміе одного ребенка и геніальность другаго, составляютъ результатъ естественныхъ законовъ въ той самой мѣрѣ, какъ сложныя химическія соединенія и разложенія. Было время, когда и о нихъ ничего не знали. Они также казались неправильными, невѣрными и случайными; а теперь извѣстно, что, при одинаковыхъ условіяхъ, они совершаются съ неизмѣннымъ однообразіемъ. Пусть та же сумма терпѣливаго наблюденія и настойчиваго изслѣдованія, которая была употреблена послѣдовательнымъ рядомъ замѣчательныхъ людей на разоблаченіе тайнъ химическихъ соединеній, приложится къ наблюденію и изслѣдованію болѣе сложныхъ тайнъ вырожденія и возрожденія рода, и нѣтъ сомнѣнія, что явленіе это перестанетъ быть загадочнымъ.

Въ ожиданіи этого, людямъ не слѣдуетъ, подъ предлогомъ недостаточности наблюденій, пренебрегать осторожностью и намѣренно подвергаться ненужному риску. Они не перестанутъ влюбляться, а, влюбившись, вступать въ бракъ и затѣмъ производить дѣтей; но нѣтъ причины, чтобы человѣкъ, наслѣдственно предрасположенный къ помѣшательству, влюблялся въ особу съ

подобнымъ же предрасположеніемъ. Любовь очень много зависитъ отъ близости; значитъ, есть возможность избѣжать опасной приманки, держась отъ нея подальше. Влюбившись, также можно пріостановиться и пораздумать, не лучше ли обречь себя на временное страданіе рѣзкаго самоотреченія, чѣмъ рѣшиться на почти вѣрный рискъ и навлечь неисчислимыя бѣдствія на свое потомство, на одного или нѣсколькихъ членовъ семьи, возникшей вслѣдствіе неблагоразумнаго супружества *).

Къ несчастію, наклонность къ возрастающей прогрессіи часто замѣчается въ невротическомъ типѣ. Во первыхъ, лица этого типа склонны, по какому то избирательному сродству и наклонности, къ супружеству съ особами, отличающимися подобными же умственными качествами, и съ которыми, вслѣдствіе этого, они могутъ симпатизировать во вкусахъ, чувствахъ и образѣ мыслей. Впечатлительность, живость воображенія и вздорныя идеалистическія стремленія, которыми они отличаются сами, возбуждаютъ ихъ восхищеніе и сочувствіе. И, напротивъ, здравый смыслъ, самообладаніе, трезвое размышленіе и спокойная и правильная дѣя-

---

*) „Помѣшательство до такой степени преобладаетъ въ нѣкоторыхъ семействахъ, что намъ случалось видѣть эту болѣзнь въ двухъ, трехъ или четырехъ дѣтяхъ, родившихся отъ однихъ и тѣхъ же родителей. Въ родѣ, который пошелъ отъ брата и двухъ сестеръ, было десять случаевъ помѣшательства: пять въ одной семьѣ, два въ другой и три въ третьей. Всѣхъ же членовъ этого семейства было только двадцать человѣкъ". Partial Derangement of the Mind, by John Cheyne, M. D.

тельность противны ихъ природы. Во вторыхъ, вслѣдствіе подобнаго же естественнаго сродства, они ищутъ для себя такихъ внѣшнихъ условій, которыя могутъ скорѣе развить, нежели сдерживать спеціальныя наклонности ихъ природы. У нихъ нѣтъ той силы характера и возвышенности въ мысляхъ, которыя дѣлаютъ человѣка способнымъ выносить гнетъ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, брать надъ ними верхъ и пользоваться ими для своего саморазвитія, какъ бы ни были они тяжелы. Напротивъ, они ищутъ условій, которыя льстятъ ихъ чувствамъ, и такимъ образомъ усиливаютъ свои естественныя наклонности, пока не доведутъ ихъ до патологическаго развитія. Въ третьихъ, они распоряжаются дѣтьми своими такъ же дурно, какъ и собою. На дѣтяхъ такихъ людей тяготѣетъ двойное проклятіе: проклятіе въ унаслѣдованіи дурнаго организма и проклятіе въ дурномъ воспитаніи или, точнѣе, отсутствіи воспитанія, чему они подвергаются вслѣдствіе особенностей и недостатковъ своихъ родителей. Вотъ, стало быть, три крайне важныя причины усложненія невротическаго типа, которыя, въ значительной степени, могутъ быть устранены благоразуміемъ и властью человѣка *).

---

*) На свѣдѣнія, сообщаемыя статистиками, относительно роли наслѣдственныхъ предрасположеній, какъ причины помѣшательства, нельзя полагаться ни малѣйшимъ образомъ. Добиться правды въ этомъ вопросѣ такъ трудно, что подобныя свѣдѣнія не могутъ быть надежны. Заключеніе, выведенное изъ существующихъ статистическихъ таблицъ, даетъ намъ лишь чрезвычайно слабое представленіе о значеніи наслѣдственности, какъ причины. Между тѣмъ

Если мы обратимся для повѣрки исчисленныхъ причинъ помѣшательства къ любой книгѣ, трактующей объ этомъ предметѣ, или заглянемъ въ первый встрѣч-

---

мнѣ кажется, что едва ли возможно преувеличить ея дѣйствительную важность. Приводить примѣры, почерпнутые изъ собственнаго опыта, я, по слишкомъ понятнымъ причинамъ, не желаю; но чтобы дать понятіе о характерѣ и размѣрахъ ея вѣроятнаго дѣйствія, я приведу три случая, недавно опубликованные въ одномъ періодическомъ изданіи. Они показываютъ также естественный предѣлъ процесса вырожденія послѣдовательныхъ поколѣній.

У А. Б., человѣка съ врожденной слабостью ума, шестеро дѣтей; трое умерли въ младенчествѣ; трое остальныхъ—сынъ и двѣ дочери—оказались слабоумными и были отправлены въ больницу, по достиженіи сорока, сорока двухъ и сорока четырехъ лѣтъ. Сынъ передъ тѣмъ женился, но не имѣлъ дѣтей. У дочерей также не осталось потомства, и семейство, къ счастію, прекратилось въ настоящемъ поколѣніи.

У С. Д., человѣка, одержимаго безуміемъ (*dementia*) осталось отъ первой жены, умершей помѣшанною, большое семейство. Четверо изъ его дѣтей—два сына и двѣ дочери — унаслѣдовали душевную болѣзнь родителей. Дочери не оставили потомства; одинъ изъ сыновей не женатъ; другой женился и имѣлъ четверо дѣтей, которыя всѣ умерли въ младенчествѣ. Но С. Д. имѣлъ отъ второй жены, также помѣшанной, еще шесть человѣкъ дѣтей. Изъ нихъ пятеро умерли въ дѣтствѣ, а оставшійся въ живыхъ слабоуменъ.

Е. Ф. въ припадкѣ помѣшательства совершилъ самоубійство. Его мать была помѣшана и сестра ея умерла въ домѣ помѣшанныхъ. Бабушка его также была помѣшана, а дѣдъ пьяница. Его отца называютъ „эксцентрикомъ"; но дядя былъ человѣкъ крайне болѣзненный и имѣлъ сына пьяницу, кончившаго самоубійствомъ. Остальные члены этого семейства, сколько извѣстно, не женаты и не имѣютъ потомства. „О средствахъ къ пресѣченію распространенія помѣшательства въ народѣ". Статья доктора Г. Д. Гардена. British Medical Journal, July 19, 1873.

ный больничный отчетъ, то увидимъ, что наслѣдственное предрасположеніе, невоздержность, душевная тревога и разнаго рода огорченія занимаютъ почти все поле причинности разсматриваемаго нами явленія. Человѣчество должно было бы устранить эти причины или, во всякомъ случаѣ, значительно ослабить: наслѣдственное предрасположеніе—воздержаніемъ отъ супружества или благоразумными браками; невоздержность — строгимъ родомъ жизни; гнетъ безпокойства и тоски—правильнымъ воспитаніемъ ума и развитіемъ привычки къ самообладанію. Избѣгая пьянства и прочихъ излишествъ, мы пресѣкаемъ не только то помѣшательство, которое они непосредственно производятъ, но предупреждаемъ и тѣ случаи, которые вызываются ими посредственно. Этимъ устраняется чрезвычайно важная причина наслѣдственнаго предрасположенія къ физическому и умственному вырожденію ближайшаго поколѣнія. Устраненіемъ же такого природнаго уродства головнаго мозга и ума мы предупредимъ тревожность чувствованій и внезапные страстные порывы, которые являются послѣдствіемъ подобныхъ уродствъ и служатъ такъ называемыми нравственными причинами болѣзни.

И такъ, мы признаемъ наслѣдственность самымъ могучимъ изъ факторовъ, подготовляющихъ помѣшательство. Нѣтъ сомнѣнія, что слѣдующее за тѣмъ мѣсто въ спискѣ активныхъ причинъ принадлежитъ невоздержанію. Оно не только весьма часто служитъ возбуждающей силой тамъ, гдѣ уже есть наслѣдственное предрасположеніе; но является и первоначальной причиной мозговаго и умственнаго регресса, произво-

дитъ болѣзнь de novo. Если бы всѣ наслѣдственныя причины помѣшательства были устранены и болѣзнь такимъ образомъ на извѣстное время прекращена, то нѣтъ сомнѣнія, что вскорѣ она бы снова возникла, вслѣдствіе пьянства и прочихъ излишествъ. Поразительный примѣръ вліянія пьянства представляютъ намъ факты, недавно замѣченные въ лечебницѣ Гламоргенширскаго графства. Во второй половинѣ 1871 года принято больныхъ мужчинъ только 24; между тѣмъ какъ въ предшествовавшемъ и послѣдующемъ полугодіи ихъ было принято 47 и 73. Въ первой четверти 1873 года поступило въ лечебницу 10 мужчинъ; а въ предшествовавшую и послѣдующую четверть года принято было 21 и 18. Соотвѣтствующаго различія въ числѣ поступающихъ женщинъ не было замѣчено; но совершенно подобное явленіе повторилось въ тюрьмѣ графства: число преступленій вдругъ также поразительно уменьшилось, какъ число помѣшательствъ. Важность и поучительность этихъ фактовъ заключается въ томъ, что оба исключительные періода строго соотвѣтствуютъ двумъ послѣднимъ „стачкамъ“ въ каменно-угольномъ и желѣзномъ производствѣ, сильно распространеннымъ въ Гламоргенширѣ. Уменьшеніе, безъ всякаго сомнѣнія, произошло вслѣдствіе того, что у рабочихъ не было денегъ на пьянство и развратъ. Они были принуждены къ трезвости и воздержанію; и прямымъ результатомъ этого явилось рѣзкое уменьшеніе проявленій помѣшательства и преступленія *).

*) „Insanity and Intemperance“. By D. Yellowlees, M. D. British Medical Journal, October 4-th. 1873.

Если бы люди заботливо обдумывали какъ бы имъ всего лучше воспользоваться своей физической организаціей, то они, по всей вѣроятности, навсегда отказались бы отъ употребленія алкоголя иначе, чѣмъ въ лекарственной дозѣ для извѣстной спеціальной цѣли. Ни малѣйшей дѣйствительной надобности въ какихъ бы то ни было спиртныхъ напиткахъ здоровый человѣкъ не имѣетъ. Въ лучшемъ случаѣ употребленіе ихъ безполезно. Въ худшемъ—оно составляетъ порокъ, который влечетъ за собою неисчислимыя бѣдствія, преступленіе, помѣшательство и болѣзнь. Помимо очевидныхъ и неопровержимыхъ золъ, причиною которыхъ оно признается всѣми, оно лежитъ въ основаніи разнообразнѣйшаго зла, въ которомъ никто не думаетъ его обвинять. Сколько дурныхъ дѣлъ никогда бы не совершилось, безъ его пагубнаго вліянія; сколько добрыхъ дѣлъ было бы сдѣлано лучше! Каждое преступленіе, каждое самоубійство, каждый припадокъ помѣшательства или болѣзни, имъ вызванные, выражаютъ собой неисчислимую массу страданія, пережитаго и нанесеннаго другимъ, раньше, чѣмъ дѣло дошло до кризиса.

Можно, конечно, сказать, что умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ не можетъ быть вредно и, напротивъ, должно быть полезно, когда утомленный организмъ требуетъ возбужденія. Не берусь утверждать, что въ подобныхъ случаяхъ вредъ можетъ быть доказанъ; но, конечно, не благоразумно прибѣгать къ алкоголическому возбужденію, когда слѣдовало бы прибѣгнуть къ пищѣ или отдыху, а для ума, конечно, очень вредно искать—какъ это иногда дѣлается—въ искусственномъ

возбужденіи ту энергію, которая должна быть результатомъ спокойной рѣшимости развитой воли. Въ жизни слишкомъ нерѣдко приходится видѣть, что люди безпокойнаго и раздражительнаго темперамента охотно подкрѣпляютъ себя возбуждающими средствами, когда имъ нужно усиленно работать или выдержать какое нибудь испытаніе. Вмѣсто того, чтобы заранѣе упражнять свою волю и, цѣною этого усилія, достигнуть преимущества, которымъ могли бы воспользоваться и во всякомъ другомъ случаѣ, они прибѣгаютъ къ искусственной помощи. За эту временную помощь имъ впослѣдствіи неизбѣжно приходится поплатиться. Какъ у ростовщика, помощь покупается тутъ за страшные проценты. Если же пользованіе ею обратится въ привычку, то дѣло должно кончиться банкротствомъ здоровья. Нельзя избѣгнуть наказанія за ослабленіе воли. Рано или поздно, такъ или иначе, все взыщется до послѣдней полушки. И, напротивъ, нельзя преувеличить преимуществъ укрѣпленія воли упражненіемъ. Результатъ этихъ усилій надъ собою—всегда готовая помощь въ минуту нужды.

Существуетъ, по крайней мѣрѣ, пять различныхъ видовъ умственнаго растройства, которые прямо происходятъ отъ неумѣреннаго употребленія алкоголя. Прочіе виды невоздержанія также играютъ значительную роль въ подготовленіи душевныхъ болѣзней. Если бы люди согласились отказаться отъ спирта и прочихъ излишествъ, еслибы они стали вести жизнь воздержную, трезвую и цѣломудренную или—что́, въ сущности, все равно — праведную, т. е. здоровую, нѣтъ сом-

нѣнія, что процентъ помѣшательства въ мірѣ скоро уменьшился бы въ весьма значительной степени. Онъ уменьшился бы въ настоящемъ поколѣніи; но еще болѣе въ слѣдующемъ, часть котораго, при настоящемъ порядкѣ вещей, будетъ зачата и воспитана подъ гибельнымъ вліяніемъ родительскихъ излишествъ и производимыхъ ими уродствъ и болѣзней. Можно однакоже поручиться, что въ настоящее время, или въ настоящемъ поколѣніи, люди отъ своихъ пороковъ не откажутся; не примутъ никакихъ правилъ, основанныхъ на самоотреченіи; не станутъ трудиться надъ усовершенствованіемъ своего тѣла съ тѣмъ, чтобы довести свои способности до полнаго разцвѣта и сдѣлать ихъ послушными слугами просвѣщенной и правильно развитой воли. Они будутъ жить попрежнему, плодя помѣшательство, какъ результатъ недостатка въ самоотреченіи. А если имъ напомнить о крутомъ и трудномъ пути, по которому имъ бы слѣдовало идти, они отойдутъ, какъ нѣкогда отошелъ евангельскій юноша, опечаленные, потому что у нихъ много страстей.

Человѣчество можетъ достигнуть усовершенствованія единственно путемъ правильной системы воспитанія. Оно одно можетъ развить въ немъ знаніе и силу самообладанія, благодаря которымъ онъ не только получитъ возможность избавить настоящее поколѣніе отъ значительной массы помѣшательства, но и пресѣчь наслѣдственную его передачу. Неправдоподобно, чтобы одному поколѣнію удалось достигнуть значительныхъ успѣховъ; потому что въ великомъ процессѣ человѣ-

ческаго развитія вѣка мелькаютъ, какъ секунды. При всемъ томъ мы обязаны всѣми силами стараться идти впередъ, въ твердой надеждѣ, что со временемъ наступитъ день, хотя теперь вездѣ глухая и темная ночь. Къ сожалѣнію, мы не успѣли еще согласиться относительно того, въ чемъ должна заключаться истинная цѣль и направленіе воспитанія. Съ научной точки зрѣнія казалось бы, что лучшимъ воспитаніемъ слѣдуетъ признать то, которое учитъ человѣка познавать самого себя и понимать окружающую его природу. Этой природы онъ составляетъ часть и продуктъ. Какъ сознательный ея агентъ и истолкователь, онъ долженъ привести мысли и поступки свои въ соотвѣтствіе съ нею и такимъ образомъ содѣйствовать прогрессивному развитію природы, при посредствѣ своего сознательнаго *я*. Цѣль воспитанія, основаннаго на истинно научной психологіи, состоитъ въ высшемъ развитіи, физическомъ, нравственномъ и умственномъ, къ какому только способно существо человѣка. Путь къ достиженію этой цѣли—познаніе тѣхъ естественныхъ законовъ, которые управляютъ не только физическимъ міромъ, но столь же несомнѣнно и каждой мыслью, каждымъ чувствомъ, постигаемымъ умомъ человѣка. Учась познавать эти законы, человѣкъ долженъ учиться и повиноваться имъ. Но если такова дѣйствительно истинная цѣль воспитанія, то какой громадный переворотъ предстоитъ совершить! До сихъ поръ еще люди учатся многому, чему учиться не слѣдуетъ, и не учатся многому, чему ихъ необходимо слѣдуетъ обучать! Составить, на научномъ основаніи, правила нравственной гигіены, зна-

чить оскорбить многія излюбленныя вѣрованія и идти въ разрѣзъ съ убѣжденіями всего человѣчества, за исключеніемъ ничтожнаго меньшинства. При всемъ томъ я убѣжденъ, что искреннее признаніе и настойчивое стремленіе къ цѣлямъ правильнаго воспитанія принесло бы больше пользы пресѣченію помѣшательства, чѣмъ всѣ совѣты философіи и все искусство докторовъ.

Никто не станетъ оспаривать, что относительно законовъ своей собственной природы и ихъ отношеній къ законамъ природы внѣшней, человѣкъ до сихъ поръ пребываетъ въ состояніи невѣжества, весьма сходнаго съ невѣжествомъ прежнихъ и настоящихъ дикарей, относительно законовъ физическаго міра. Подобно дикарямъ, онъ ощущаетъ ихъ дѣйствіе, не понимая сущности. Онъ точно также привязывается къ суевѣріямъ, вмѣсто того, чтобы систематически взяться за дѣло просвѣщенія своего разума, и точно также страдаетъ отъ суроваго и неумолимаго господства законовъ, которыхъ его не научили понимать, и которыхъ онъ даже не сознаетъ, когда страдаетъ отъ нихъ. Сознательно или безсознательно, каждый, конечно, подтверждаетъ дѣятельность естественныхъ законовъ въ существѣ своемъ. Прослѣдить ихъ онъ не можетъ, но доказываетъ ихъ существованіе своими мыслями, чувствами и поступками, и такимъ образомъ неизбѣжно приходитъ къ извѣстнымъ грубымъ эмпирическимъ правиламъ, которыми и руководствуется. Въ чемъ существенная разница между дикимъ, который гибнетъ вслѣдствіе незнанія закона тяготѣнія, и цивилизованнымъ европейцемъ, который сходитъ съ ума, по-

тому что не знаетъ законовъ собственной своей природы и природы вещей и людей, его окружающихъ? Помѣшательство—просто диссонансъ во вселенной, результатъ и доказательство недостатка гармоніи между личною природою человѣка и природою его окружающею, которой онъ составляетъ часть. Если поразмыслить о томъ, какъ слѣпо приходится людямъ жить среди очень сложныхъ отношеній, какъ много они зависятъ отъ грубыхъ эмпирическихъ инстинктовъ, какъ мало до сихъ поръ систематически сдѣлано ими для познанія природы въ самихъ себѣ и себя въ природѣ,—то, пожалуй, удивишься, что число помѣшанныхъ не гораздо больше, чѣмъ теперь.

Не станемъ обольщать себя пустыми фантазіями. Согласимся, что въ нашемъ цивилизованномъ вѣкѣ человѣкъ живетъ не такъ, какъ бы слѣдовало, чтобы извлечь наибольшую пользу изъ своихъ тѣлесныхъ, нравственныхъ и мыслительныхъ силъ. Разыскивая причины болѣзней, увидимъ, какъ многіе изъ нихъ могутъ быть, прямо или косвенно, отнесены къ нарушенію законовъ, управляющихъ развитіемъ и здоровьемъ тѣла! Я уже настоятельно говорилъ о гибельныхъ послѣдствіяхъ невоздержанія, и сказанное мною можетъ служить теперь вразумительнымъ примѣромъ болѣзней, вызванныхъ незнаніемъ или пренебреженіемъ законовъ здоровья. Переходя отъ разсмотрѣнія способа людей распоряжаться своимъ тѣломъ къ обращенію ихъ съ своимъ умомъ, мы увидимъ также мало признаковъ искренняго желанія и рѣшимости привести мысли и чувства въ соотвѣтствіе съ природой и развить до

возможной степени умственныя силы. Едва ли можно найти хотя одного человѣка, который видѣлъ бы въ самообразованіи серьёзную жизненную цѣль. Господствующія по преимуществу цѣли — богатство, общественное положеніе, власть, рукоплесканія толпы. Всѣ онѣ, при дѣятельномъ соперничествѣ къ ихъ достиженію, неизбѣжно возбуждаютъ и развиваютъ многія дурныя страсти. Въ нихъ лежитъ начало обманутаго честолюбія, ревности, скорби о потерѣ состоянія, всѣхъ терзаній оскорбленнаго самолюбія и множество другихъ душевныхъ страданій. А это—обыкновенныя нравственныя причины помѣшательства. Всѣ эти огорченія такого рода, что правильно развитой человѣкъ не долженъ бы становиться ихъ жертвою. Обманутаго честолюбія не можетъ быть у человѣка, который вѣрно выбралъ жизненную цѣль и правильно трудится для ея достиженія. Ни зависти, ни ревности, не ощутитъ тотъ, кто понимаетъ, что все равно, кѣмъ сдѣлано великое дѣло, имъ или другимъ кѣмъ либо, такъ какъ природѣ нужно только, чтобы оно было сдѣлано. Не станетъ горевать о потерѣ состоянія человѣкъ, который вѣрно цѣнитъ то, чтó богатство могло ему дать и то, чего оно дать не можетъ. Не узнаетъ терзаній оскорбленнаго самолюбія тотъ, кто проникся вѣчною проповѣдью жизни—самоотреченіемъ.

Люди въ поразительнѣйшей степени способны сами себя обманывать. Увѣряя, что они считаютъ свѣтскія цѣли маловажными, безконечно ничтожными, въ сравненіи съ страшными вопросами будущей жизни, они все таки сосредоточиваютъ всѣ свои настоящія

надежды, всѣ стремленія и всю энергію на достиженіи именно этихъ цѣлей. Все ихъ существо непослѣдовательно; оно—домъ, раздѣлившійся самъ въ себѣ, который не можетъ устоять противъ бури. Возможно ли быть сильнымъ существу, которое враждуетъ само съ собою, чьи вѣрованія въ разладѣ съ дѣлами? Вполнѣ вѣроятно, что сумма помѣшательства на землѣ значительно бы уменьшилась, черезъ одно или два поколѣнія, если бы люди перестали обманывать самихъ себя и сдѣлали себя сильными внесеніемъ въ существо свое истинной гармоніи; если бы они пріучили себя быть искренними съ самими собой въ строгомъ анализѣ основъ своихъ вѣрованій, въ оцѣнкѣ достоинства цѣлей, которыхъ они дѣйствительно стараются достигнуть и средствъ, къ которымъ прибѣгаютъ для ихъ достиженія.

Существуетъ въ Англіи всѣми очень уважаемый обычай, въ силу котораго тщательно оберегаютъ жизнь извѣстныхъ животныхъ, называемыхъ лисицами, съ тою собственно цѣлью, чтобы потомъ травить ихъ на смерть для забавы мужчинъ и женщинъ, которые съ необыкновеннымъ увлеченіемъ и энтузіазмомъ слѣдятъ за травлей. Считаютъ за честь присутствовать при финалѣ, при смерти звѣря, выбившагося изъ силъ, котораго рвутъ собаки. Тотъ или та, кто прежде другихъ займетъ этотъ завидный постъ, принимается въ долю съ собаками въ дѣлежѣ клочьевъ тѣла и получаетъ, въ видѣ трофея, хвостъ. Художники до такой степени восхищаются различными сценами травли, что посвящаютъ свои таланты на изображеніе ихъ; и написанныя

ими картины покупаются любителями спорта для украшенія стѣнъ въ своихъ домахъ. Возвышающее вліяніе искусства употребляется, такимъ образомъ, для прославленія, такъ называемой, мужественной забавы, которая, какъ она ни кажется дика, не возбуждаетъ отвращенія въ самыхъ нѣжныхъ сердцахъ. Между тѣмъ въ той же Англіи есть дѣятельное общество для предупрежденія жестокаго обращенія съ животными, которое не принимаетъ никакихъ мѣръ для устраненія этого систематическаго обереганія животныхъ съ цѣлью систематически подвергнуть ихъ страданіямъ и смерти. Сами охотники искреннѣйшимъ образомъ поддерживаютъ это общество. Замѣтимъ еще, что люди, которые съ энтузіазмомъ слѣдятъ за жестокой травлей, называются также послѣдователями кроткаго и смиреннаго Назарянина. И они не подозрѣваютъ въ себѣ никакой непослѣдовательности! Не будь способность человѣка къ самообольщенію такъ безгранична, казалось бы непостижимымъ, что онъ рѣшается предстать на судъ, котораго ждетъ за могилой, послѣ того какъ при жизни находилъ удовольствіе въ обдуманномъ и систематическомъ терзаніи живаго существа. Конечно, это не было его цѣлью; но это было средствомъ къ недостойной цѣли. Считая себя несравненно выше погибающаго звѣря, онъ, вѣроятно, единственное животное, которое наноситъ другимъ страданіе и смерть ради одной своей забавы.

Я привелъ этотъ примѣръ не за тѣмъ, чтобы разсуждать о возможномъ вліяніи участія въ жестокой забавѣ на характеръ, а просто—какъ одну изъ мно-

гихъ непослѣдовательностей, которыя могли бы быть приведены въ доказательство невозможности настоящей искренности мысли въ людяхъ, способныхъ предаваться такому вопіющему самообольщенію. Въ этомъ и заключается корень зла. Быть можетъ, это самообольщеніе безсознательное; но оно тѣмъ не менѣе пагубно. Возможно даже, что безсознательность — признакъ болѣе опаснаго поврежденія характера. Непослѣдовательность въ мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ не можетъ не вредить искренности и цѣлости натуры, ясности и силѣ ума. Невозможно, чтобы человѣкъ, который не въ состояніи видѣть въ настоящемъ свѣтѣ жестокій обычай забавляться пыткой и умерщвленіемъ животнаго, имѣлъ правильный взглядъ на все остальное. Лучшее ручательство ясности впечатлѣній, вѣрнаго чувства, сильной мысли и разумной воли въ отношеніи къ данному обстоятельству, заключается въ развитіи привычки къ трезвому воспріятію, вѣрному чувству, сильной мысли и разумной воли во всѣхъ предшествовавшихъ обстоятельствахъ жизни— другими словами, въ искренномъ и возможно полномъ развитіи умственной и нравственной природы. Чѣмъ сильнѣе и совершеннѣе это развитіе, тѣхъ болѣе личность обезпечена отъ вторженій всякаго рода умственнаго упадка.

Будь это здѣсь умѣстно, можно бы привести много примѣровъ подобной непослѣдовательности мысли и характера въ доказательство того, что люди слишкомъ еще далеки отъ правильнаго отношенія къ своимъ умственнымъ способностямъ, насколько оно вы-

ражается въ послѣдовательномъ и возможно полномъ ихъ развитіи. Для успѣшнаго разрѣшенія этой задачи, необходимо выбрать достойную цѣль жизни и соотвѣтственнымъ образомъ трудиться для ея достиженія. Приступая къ дѣлу, нужно прежде всего рѣшить вопросъ, выбирать ли цѣль внутреннюю или внѣшнюю, т. е. стремиться ли главнымъ образомъ къ возможно совершенному развитію своей личности, а о другихъ преимуществахъ, какъ то: о богатствѣ, извѣстности, власти, заботиться лишь мимоходомъ; или же поставить успѣхъ въ свѣтѣ на первый планъ, а развитіе характера считать предметомъ второстепеннымъ и случайнымъ? Это вопросъ капитальный, и практическое разрѣшеніе его должно существеннѣйшемъ образомъ вліять на воспитаніе ума. Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что на практикѣ само развитіе ни для кого не составляетъ существенной цѣли. У огромнаго большинства людей характеръ образуется, такъ сказать, случайно, не преднамѣренно, въ видѣ эпизодическаго результата подготовки, которой они подчиняютъ себя изъ за другихъ цѣлей. Можно ли послѣ этого удивляться, что теоретическое признаніе высшей жизненной цѣли, совершаемое въ видѣ условной обязанности, не имѣетъ никакого фактическаго вліянія на образованіе ихъ характера? Теорія признается, но при содѣйствіи нехитраго самообольщенія и на томъ условіи, чтобы она оставалась въ роли компаніона, не принимающаго активнаго участія въ управленіи дѣлами. Нѣтъ надобности доказывать, что это вредно и для ума, и для нравственности.

Не подлежитъ сомнѣнію, что практическія цѣли жизни, трудъ и самоотреченіе, необходимые для ихъ достиженія, требуютъ значительной суммы болѣе или менѣе полезнаго самовоспитанія. Но столь же несомнѣнно, что полнаго развитія умственныхъ силъ можно достигнуть исключительно путемъ обдуманнаго воспитанія и постоянной дѣятельности ума, который самъ себѣ служитъ цѣлью. Разъ хорошо ознакомившись съ дѣломъ, можно вести обширное предпріятіе или заниматься профессіей почти механически, безъ большой затраты настоящей умственной дѣятельности. Пріучивъ себя сосредоточиваться на извѣстной категоріи мыслей, человѣкъ можетъ быть къ нимъ внимателенъ безъ всякаго усилія, сравнивать ихъ почти безсознательно, и исполнять такъ сказать инстинктивно то, что̀ онѣ требуютъ. Его знанія и поступки становятся какъ бы пріобрѣтеннымъ инстинктомъ, автоматическою работою нервныхъ центровъ, пріученныхъ къ этому точно такъ же, какъ пріучаются они выполнять безъ труда тяжело доставшуюся функцію хожденія. Дѣловой человѣкъ наблюдаетъ, обдумываетъ и дѣйствуетъ съ столь же ничтожнымъ, сознательнымъ напряженіемъ вниманія, какое употребляетъ при разговорѣ или ходьбѣ, или какое нужно хорошему счетчику для сложенія столбца цифръ. Правда, что первоначальная работа ознакомленія съ дѣломъ сто́ила ему значительной затраты умственныхъ силъ; но затѣмъ отъ него уже требуется мало вниманія и, при умѣренныхъ занятіяхъ, онъ мало утомляется.

И такъ ясно, что и большими дѣлами можно руко-

водить, не пуская въ ходъ высшихъ способностей ума, посредствомъ которыхъ знаніе дѣла первоначально было усвоено. Безъ преувеличенія можно сказать, что огромное множество людей, разъ усвоивъ себѣ спеціальность, затѣмъ никогда не предаются настоящей умственной дѣятельности, не достигаютъ никакого дѣйствительнаго развитія. Ихъ мысли бѣгутъ по колеѣ до такой степени наѣзженной, что имъ трудно и сбиться съ нея. Высшія способности отъ бездѣйствія ослабѣваютъ и даже вырождаются. Настоящее вниманіе становится сначала затруднительнымъ, а потомъ невозможнымъ. Случись бѣдствіе — и эти люди остаются безъ внутреннихъ рессурсовъ, которые могли бы имъ помочь перенести грозу. Лишенные своихъ рутинныхъ занятій, они уже ко всему безучастны, не могутъ взяться ни за какую умственную работу. Они подвергаются печальному процессу упадка умственныхъ силъ, впродолженіе котораго мучатъ и себя и другихъ. Еще хуже, когда дѣловые успѣхи составляли исключительную, жизненную цѣль человѣка, когда, вслѣдствіе долгаго сосредоточенія желаній и энергіи на подобной цѣли, онъ до того сжился съ ней, что она сдѣлалась главною частью его внутренней жизни; такъ что къ ней обращены всѣ его мысли, чувства и поступки. Тогда, если какая нибудь личная ошибка или независящее отъ него несчастіе разобьютъ его надежды, унизятъ гордость, возбужденную прежними успѣхами, разрушатъ зданіе, строившееся со всею дѣятельностію и энергіей напряженнаго эгоизма, — человѣкъ этотъ остается нагъ и беззащитенъ передъ постигшими его

огорченіями, впадаетъ въ тоску, а потомъ въ помѣшательство. Пренебрегать постояннымъ образованіемъ и упражненіемъ умственныхъ и нравственныхъ способностей, значитъ подвергать умъ произволу внѣшнихъ обстоятельствъ. Для ума, такъ же какъ и для тѣла, конецъ стремленій—начало смерти.

Если предшествовавшія замѣчанія справедливы, то очевидно, что помѣшательство человѣка, руководившаго большимъ предпріятіемъ, не составляетъ еще доказательства безсилія умственной дѣятельности въ дѣлѣ предотвращенія помѣшательства. Вѣрно только то, что занятія этого человѣка совершенно не удовлетворили требованіямъ правильнаго умственнаго развитія. Тоже относится и къ другой важной жизненной цѣли, которая должна бы имѣть громаднѣйшее вліяніе на развитіе умственной природы. Я говорю о религіи. Большинство людей исполняетъ религіозныя обязанности автоматически, признаетъ ея теоріи лишь формально, чтитъ ихъ только устами, никогда не отдавая себѣ въ нихъ яснаго отчета. Нѣтъ надобности доказывать, что подобная распущенность въ мысляхъ не только не способствуетъ умственному развитію, а, напротивъ, очень ему вредна. Замѣтимъ еще, что, безъ сомнѣнія, иногда бываетъ вредно поощрять людей впечатлительныхъ къ размышленіямъ объ ихъ чувствахъ, и гораздо было бы полезнѣе направить энергію этихъ чувствъ къ правильной умственной дѣятельности. Противъ страданія одно только вѣрное средство — дѣятельность. Подобно здоровому тѣлу, здоровый умъ долженъ терять самосознаніе въ энергіи дѣйствія. По-

вѣрка самого себя и внутренній анализъ, въ особенности когда они вмѣняются въ обязанность людямъ, склоннымъ къ крайней впечатлительности, производятъ болѣзненный эгоизмъ, который иногда ошибочно считаютъ проявленіемъ проснувшейся совѣсти Такого рода чуткая совѣсть, преувеличивая свое значеніе, легко можетъ перейти въ помѣшательство, если не найдетъ противовѣса въ отрезвляющемъ вліяніи дѣятельныхъ внѣшнихъ занятій и интересовъ. На плохой дорогѣ стоитъ человѣкъ, сдѣлавшійся постояннымъ центромъ собственныхъ своихъ мыслей, чувствъ и поступковъ. Развивать, при воспитаніи ума, чувство на счетъ мышленія и воли, безъ сомнѣнія, большая ошибка.

Спиноза говоритъ: „неспособность человѣка умѣрять и контролировать свои страсти или чувства я называю рабствомъ, потому что человѣкъ, подчинившійся страстямъ, уже не принадлежитъ себѣ. Надъ нимъ, такъ сказать, властвуетъ рокъ; потому что, видя и даже одобряя лучшій путь, онъ все таки принужденъ идти по дурному.“ Нѣтъ сомнѣнія, что если бы человѣкъ могъ достигать свободы, умѣряя и контролируя въ своемъ существѣ элементы, чувства или страсти, онъ бы значительно уменьшилъ сумму помѣшательства на землѣ, потому что сразу отдѣлался бы отъ такъ называемыхъ нравственныхъ причинъ болѣзни. Люди никогда не сходятъ съ ума отъ усиленной умственной дѣятельности, если она не сопровождается душевными волненіями. Устойчивость ума тогда подвергается наибольшей опасности, когда сильно возбуждены чувства. Нерѣдко прихо-

дится слышать о помѣшательствахъ или самоубійствахъ, вызванныхъ чрезмѣрнымъ умственнымъ напряженіемъ. Въ девяти случаяхъ изъ десяти, — а можетъ быть, и во всѣхъ случаяхъ, — правда въ томъ, что тревога и опасеніе, обманутое честолюбіе, зависть, ревность, оскорбленіе чрезмѣрнаго самолюбія и тому подобныя сердечныя страданія были настоящими причинами катастрофы. Корень всѣхъ этихъ причинъ лежитъ въ излишне развитомъ личномъ чувствѣ. Угнетающія страсти и родственныя мысли, которыя онѣ вызываютъ и поддерживаютъ въ умѣ, требуютъ огромной затраты нервной силы. Если уму не сообщено воспитаніемъ достаточной внутренней энергіи, чтобы отвлекать отъ нихъ вниманіе и направлять его на болѣе здоровыя мысли; или, если не противодѣйствуютъ имъ благопріятныя внѣшнія обстоятельства, помогающія человѣку дѣлать то, чего онъ самъ не въ состояніи исполнить, то дѣло неизбѣжно должно кончиться банкротствомъ. Въ жизненныхъ, такъ же, какъ и въ финансовыхъ дѣлахъ, небольшой перевѣсъ расхода надъ доходомъ долженъ быть покрытъ затратой капитала. Сама по себѣ каждая такая затрата можетъ быть ничтожна; но онѣ накопляются и, въ концѣ концовъ, неизбѣжно даютъ себя знать.

Образованіе характера, въ которомъ мысли, чувства и поступки постоянно контролируются правильно развитой волей, составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ въ мірѣ. Разрѣшеніе ея — высочайшій подвигъ саморазвитія. Человѣкъ достигаетъ тогда, путемъ сознательнаго метода, внутренней гармоніи своей личной

природы и полнѣйшей гармоніи между собою и природой. Онъ сообщаетъ возможную степень совершенства себѣ, человѣческой природѣ, съ которою имѣетъ дѣло и всему міру, въ которомъ движется и живетъ. Конечно, стремленіе къ подобному саморазвитію впродолженіе всей жизни можетъ быть предложено человѣчеству какъ цѣль, достиженіе которой поставитъ его выше обстоятельствъ и, стало быть, защититъ его отъ вреднаго вліянія тѣхъ мучительныхъ чувствъ, которыя часто губятъ умственное здоровье. Итакъ, есть путь, хотя трудный, медленный и утомительный, которымъ можно противодѣйствовать третьей изъ могучихъ причинъ, играющихъ, какъ уже сказано выше, первенствующую роль въ дѣлѣ распространенія помѣшательства.

Мнѣ бы не хотѣлось закончить этихъ отрывочныхъ замѣчаній и этой главы, въ которой больше намековъ, чѣмъ яснаго изложенія, не высказавъ того. что обыкновенное теперешнее воспитаніе систематически оставляетъ въ неразвитомъ состояніи огромную массу мыслительныхъ силъ нашего племени. Казалось бы, что для правильнаго развитія ума каждаго ребенка, необходимо ознакомить его съ природою того міра, гдѣ онъ будетъ жить и часть котораго онъ составляетъ. Отношенія земли къ планетной системѣ, вѣковыя измѣненія ея поверхности, вещества ее составляющія, законы ихъ соединенія и разложенія, характеръ и отправленія растительной и животной жизни на поверхности земли, строеніе человѣческаго тѣла и ума, отношенія тѣла и ума ко всему ихъ окружающему—вотъ предметы, отно-

сительно которыхъ огромный итогъ знанія уже формулированъ различными естественными науками. Не странно ли, что воспитаніе, оставляющее человѣка въ невѣжествѣ относительно этихъ вещей, все еще считаютъ воспитаніемъ; и не поразительно ли, что разсудительные люди соглашаются жить всю жизнь, зная о всемъ этомъ немногимъ больше дикарей.

Но и независимо отъ положительной обязанности стремиться къ возможно ясному пониманію всего насъ окружающаго, съ тѣмъ, чтобы возможно лучше воспользоваться этимъ для нашего развитія, изученіе естественныхъ наукъ и занятіе ими имѣетъ для нашихъ умственныхъ способностей чрезвычайно важное воспитательное значеніе, проводя ихъ черезъ послѣдовательныя ступени наблюденія, обобщенія, абстракціи, индуктивнаго и дедуктивнаго мышленія. Ничто такъ не пріучаетъ наблюдать съ точностію и разсуждать правильно. Науки стремятся къ истинѣ ради ея самой, не обращая вниманія на ея кажущуюся полезность или безполезность, на предвзятыя мнѣнія, на претензіи всякаго рода авторитетовъ. Въ наукѣ выводъ признается вѣрнымъ тогда только, если онъ выдержалъ всевозможныя повѣрки. И что́ такое истина—если не соотвѣтственное законамъ человѣческой мысли выраженіе дѣйствительныхъ отношеній между человѣкомъ и природой,—выраженіе, которое постепенно измѣняется и усложняется, по мѣрѣ того, какъ при постепенномъ развитіи различныхъ наукъ, самыя отношенія день ото дня становятся истиннѣе, спеціальнѣе и сложнѣе? Въ этомъ прогрессѣ наукъ и въ искусствахъ,

на немъ основанныхъ, выражается послѣдняя фаза развитія природы, совершающаяся чрезъ посредство человѣка, ея послѣдняго и высшаго произведенія. Какимъ же образомъ человѣкъ можетъ быть соотвѣтственно подготовленъ къ наилучшему употребленію своихъ способностей, къ приличному исполненію своей міровой функціи, какъ можетъ онъ быть воспитанъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, если онъ не знакомъ съ естественными науками?

Никто не станетъ оспаривать, что есть множество людей, совершенно неспособныхъ къ продолжительному вниманію, точному наблюденію и правильному разсужденію. Они не могутъ явственно понять вопросъ, ни сосредоточить на немъ свое вниманіе; употребляютъ слова, не придавая имъ точнаго значенія; держатся убѣжденій, не понимая истинной сущности того, что́ утверждаютъ; пытаясь разсуждать, безсвязно переходятъ отъ одного предмета къ другому; вѣрятъ тому, что́ имъ нашептываетъ страхъ, личная привязанность или выгода; считаютъ свои предразсудки или смутныя чувства основательными убѣжденіями. Все это такіе умственные недостатки, въ которые не можетъ впасть человѣкъ, достигшій извѣстнаго знакомства съ естественными науками. Занимаясь ими, онъ долженъ сосредоточивать свое вниманіе, ясно понимать настоящій смыслъ словъ, смиренно и настойчиво преклоняться мыслью передъ фактами, терпѣливо проходить по ступенямъ, которыя привели къ данному результату. Знать онъ можетъ лишь настолько, насколько является смиреннымъ орудіемъ и честнымъ истолкователемъ при-

роды, или насколько можетъ идти по слѣдамъ тѣхъ, которые раньше его съ успѣхомъ толковали и осуществляли идею природы въ развитіи различныхъ наукъ. Насколько, при изученіи данной науки, онъ уклонится отъ этого правильнаго метода, настолько и знаніе его будетъ неполно и ошибочно; а если это справедливо, то невозможно придумать лучшихъ занятій для укрѣпленія и развитія умственныхъ способностей. Тутъ пріобрѣтается не только знаніе данной частной науки, но полезная умственная привычка,—привычка къ точному наблюденію и строгому разсужденію, которая будетъ ему полезна при всякомъ другомъ изслѣдованіи. Возрастаетъ не только знаніе человѣка, но и его способность къ пріобрѣтенію знанія. Его умственное развитіе идетъ рука объ руку съ пониманіемъ развитія природы. Чѣмъ вѣрнѣе природа хотя одною своей стороною отразится въ его мысли, тѣмъ легче будутъ отражаться въ ней и прочія стороны; потому что въ одной наукѣ, вполнѣ усвоенной человѣкомъ, содержатся въ возможности всѣ прочія, въ силу умственныхъ процессовъ, пережитыхъ для того, чтобы понять одну изъ нихъ. Подготовленный и развитой умъ дастъ человѣку возможность овладѣть всѣми прочими науками.

Нравственная природа также испытываетъ благотворное вліяніе научныхъ занятій. Въ этомъ дѣлѣ можно достигнуть успѣха лишь однимъ путемъ — путемъ повиновенія. Чтобы проникнуть въ тайны природы и овладѣть ея законами, нужно прежде всего имѣть терпѣніе, смиреніе и правдивость. Подъ словомъ правдивость тутъ разумѣется не одно только правди-

вое выраженіе мнѣній, разъ составленныхъ; но и полная искренность въ стремленіи къ истинѣ, совершенное отсутствіе всякой предвзятости, совершенная искренность всего существа при составленіи и сравненіи мнѣній, также какъ и при выраженіи ихъ. Можно, конечно, сказать, что образованіе характера не исчерпывается увеличеніемъ знаній посредствомъ индукціи, ни развитіемъ умственныхъ способностей, обусловливаемымъ болѣе обширнымъ знаніемъ. Но это вопросъ, подлежащій разсмотрѣнію не здѣсь. Для настоящей нашей цѣли достаточно доказать, что воспитаніе по научному методу предполагаетъ, а, слѣдовательно и развиваетъ, извѣстныя качества нашей нравственной природы. Позволительно думать, что каковъ бы ни былъ лучшій путь къ достиженію нравственнаго развитія, для человѣка все таки полезно пріобрѣсть то знакомство съ дѣятельностью нравственнаго закона въ области человѣческаго развитія, которое доставитъ его уму индуктивный методъ изученія.

Пусть люди такъ же ясно поймутъ дѣйствіе природы въ нравственныхъ законахъ, какъ они понимаютъ ея дѣйствіе въ законахъ, физическихъ и они проникнутся столь же живымъ сознаніемъ безумія не повиноваться первымъ, какъ они теперь сознаютъ нелѣпость идти противъ послѣднихъ. Въ результатѣ окажется, что нравственность найдетъ въ индуктивномъ научномъ методѣ столь же сильную опору, какъ теперь находитъ—и, къ счастью, долго находила — въ авторитетѣ; и что, съ возрастаніемъ знанія, возрастетъ въ людяхъ сознаніе долга и способность къ его исполненію.

Но трудно ясно представить себѣ господство закона въ нашихъ отношеніяхъ къ природѣ человѣка. Мы пока не можемъ относиться къ этому предмету спокойно и объективно, какъ къ изслѣдованію физической природы. При изученіи существъ намъ вполнѣ однородныхъ, необходимо возбуждаются наши симпатіи и антипатіи; въ наши предположенія и представленія неизбѣжно вмѣшивается чувство. Рядомъ съ умственнымъ признаніемъ нравственнаго закона, въ насъ всегда является чувство одобренія хорошаго и порицанія дурнаго поступка, чувство, которое мы не испытываемъ, когда дѣло идетъ объ исполненіи или нарушеніи физическихъ законовъ. Такимъ образомъ, къ утилитарному основанію присоединяется могучій этическій элементъ.

Утилитаризмъ—несчастное слово, которое, несмотря на самыя старательныя объясненія, продолжаетъ, безъ всякой вины своей, сообщать нравственной теоріи, на немъ основанной, оттѣнокъ неблаговидности. Защищать злополучное слово мы, однакоже, вправѣ, такъ какъ нравственность, несомнѣнно, представляетъ необходимое условіе прогрессивнаго развитія въ области человѣческой природы и, стало быть, это условіе утилитарно въ высшемъ смыслѣ этого слова подготовляя, хотя и медленно, благосостояніе человѣчества и личностей, составляющихъ человѣчество. Противники утилитаризма, конечно, никогда не захотятъ понять, что это слово не значитъ эгоизмъ, что эта теорія не считаетъ счастіе личности конечною цѣлью. Между тѣмъ истинная цѣль утилитарной те-

оріи—счастіе цѣлаго племени, процвѣтаніе человѣческаго рода, въ содѣйствіи которому правильно мыслящій человѣкъ долженъ находить и внутреннее удовлетвореніе, даже если бы пришлось обречь себя на самоотреченіе и страданіе. Если это эгоизмъ, то лишь настолько, насколько эгоистично со стороны человѣчества желать прогрессивнаго развитія и стремиться къ нему. Полезные результаты соблюденія нравственныхъ законовъ и дурныя послѣдствія ихъ нарушенія часто весьма отдалены. Правда, что всякій грѣхъ взыскивается на землѣ; но неправда, чтобы человѣкъ не могъ избѣжать послѣдствій дурныхъ своихъ дѣлъ. Вѣрнѣе было бы сказать, что человѣчество не можетъ избѣжать послѣдствій дурныхъ дѣлъ каждаго человѣка. Далѣе, непосредственнымъ результатомъ повиновенія нравственному закону, или справедливости, часто является жертва долгу—самопожертвованіе; такъ, родители жертвуютъ собою для дѣтей и находятъ въ этомъ отраду. Вліяніе подобной жертвы на будущее счастіе человѣчества, а тѣмъ болѣе личности, можетъ не быть замѣтно. Но болѣе или менѣе сознательное обобщеніе опыта накопляется и въ результатѣ своемъ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ видѣ нравственнаго чувства или инстинкта. Тутъ, какъ и въ прочихъ отдѣлахъ органическаго развитія, пріобрѣтеніе становится наслѣдственнымъ достояніемъ. Вслѣдствіе этого благорожденная личность повинуется нравственному чувству, не раздумывая о всѣхъ его послѣдствіяхъ, и даже часто пренебрегаетъ непосредственными непріят-

ными послѣдствіями такого повиновенія *). Нравственное чувство образуется точно такъ же, какъ инстинкты животныхъ, и люди повинуются ему такъ же, какъ инстинктамъ, т. е. почти слѣпо. Повиновеніе это доставляетъ внутреннюю отраду, несмотря на то, что можетъ подвергнуть человѣка внѣшнимъ лишеніямъ и страданіямъ. Такъ какъ развитіе умственнаго организма—частное явленіе въ общемъ строѣ природы и совершается согласно законамъ природы, которая его окружаетъ, какъ свою часть и продуктъ, то нравственный законъ

---

*) Des impressions particulières, mais constantes et toujours les mêmes, sont donc capables de modifier les dispositions organiques et de rendre leurs modifications fixes dans les races.... Et si les causes déterminantes de l'habitude première ne discontinuent point d'agir pendant la durée de plusieurs générations successives, il se forme une nouvelle nature acquise, laquelle ne peut, à son tour, être changée, qu'autant que ces mêmes causes cessent d'agir pendant longtemps, et surtout que des causes différentes viennent d'imprimer á l'économie animale une autre suite de déterminations. — „*Rapports du Physique et du Moral de l'Homme*". — P. J. G. Cabanis.

Фактъ, что тамъ, гдѣ сильно преслѣдуютъ лисицъ, молодыя лисицы съ самаго начала гораздо хитрѣе и недовѣрчивѣе, чѣмъ старыя лисицы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ не преслѣдуютъ, былъ признанъ однимъ ученымъ авторомъ, за абсолютное доказательство существованія языка у животныхъ. Но Ф. Кювье объяснилъ этотъ фактъ наслѣдственной передачей пріобрѣтенныхъ инстинктовъ. Другіе примѣры передачи пріобрѣтенныхъ способностей можно найти въ тщательно составленномъ Traité Philosophique et Physiologique de l'Hérédite Naturellé доктора Проспера Люка, 1847. Но теперь эти разсѣянныя наблюденія пристроены къ настоящему мѣсту и дополнены многими другими Дарвиномъ, при изложеніи открытаго имъ великаго закона развитія.

является въ человѣкѣ сознательнымъ отраженіемъ нравственнаго закона во вселенной. Это одинъ изъ результатовъ самосознанія, котораго природа достигла въ человѣкѣ. Построеніе этики, путемъ примѣненія индуктивнаго метода къ изученію нравственныхъ явленій, не только не ослабитъ авторитета совѣсти; но непремѣнно усилитъ сознаніе обязанности дѣлать добро и избѣгать зла; потому что тогда ясно будетъ видно, что, вслѣдствіе роковой дѣятельности естественныхъ законовъ, первое неизбѣжно приноситъ человѣчеству пользу, а послѣднее также неизбѣжно вредитъ ему.

Необходимость пускаться въ разсужденія для доказательства той истины, что нравственная природа человѣка можетъ быть предметомъ научнаго изученія и выставлять благотворныя послѣдствія такого изученія для ума и нравственной природы, вѣроятно покажется со временемъ столь же удивительной, какъ теперь для насъ удивительно, что людямъ приходилось когда то прибѣгать къ многосложнымъ разсужденіямъ для опроверженія возможности колдовства. Пока очевидно, что, пренебрегая многообѣщающимъ средствомъ умственнаго воспитанія и, не успѣвая, вслѣдствіе этого, развить до предѣловъ возможнаго всѣ силы своей умственной природы, люди дѣлаютъ не все, что́ могли бы сдѣлать для огражденія себя отъ вторженій умственнаго разстройства. Можно даже сказать, что именно на развитіи громадной массы неразвитыхъ умственныхъ силъ, несомнѣнно скрытыхъ въ человѣчествѣ, основана твердая наша надежда на уменьшеніе въ будущемъ суммы помѣшательства на землѣ.

ИЗДАНІЕ

РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

ЗНАНІЕ